

18+

Ирина Июльская

Леночка, или Анна Каренина
наших дней

Ирина Июльская Леночка, или Анна Каренина наших дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56513369

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга – собеседник, помогающая раскрыть и понять происходящее в душе главной героини романа Лены Крылевской, начитанной девушки из интеллигентной семьи, искренней, трепетной, жаждущей большой любви... и уставшей от ее долгого ожидания. Боль от первого проблеска зарождающегося чувства, внезапная потеря отца, неудачи, преследующие Леночку и, казалось, счастливый и стабильный брак с любящим ее Алексеем. Уколы совести от предательства, чувство вины перед мужем и сыном. Не будем строго судить героиню этого романа, она очень хотела любить и быть любимой, несмотря ни на что... И не ее это вина, что она буквально «упала в любовь» к женатому человеку и много лет вела двойную жизнь. Постараемся понять ее и принять в своем сердце. Основная идея романа – поиски и обретение себя в любви и творчестве.

ГЛАВА 1 Принцы здесь не ходят

«Что за выверт человеческого сердца – презирать человека за то, что он тебя любит.

С. Моэм «Узорный покров»

Это уже пятая свадьба, на которой она «гуляет» и с каждым разом ей все грустнее и грустнее... Петля одиночества стягивается вокруг нее тугой удавкой. Ей двадцать один год, она заканчивает институт, а Принца на Белом коне все нет и на Алых Парусах тоже.

Свадьба собрала много родни из деревни с их застольными песнями и озорными частушками. Нет ни одного приличного парня, с которым можно было бы составить пару хоть на этот вечер. Жених Серега говорил о каком-то друге, но тот неожиданно уехал и не пришел на свадьбу.

И вдруг появился он – «Принц на белом коне», чей-то родственник, то ли Наташкин, то ли Сережкин. Уже хорошо подвыпивший дядька в выцветшем старомодном пиджаке,

– Наверное, в папином выходном, как из послевоенной хроники – с усмешкой подумалось Леночке. Дядька занимал за свадебным столом ответственный пост главного разливателя «огненной воды». Рядом с ним стояла огромная бутылка с мутно-белым самогоном, из которой он постоянно подливал гостям. Дядька отлично справлялся со своей обязанностью главного разливателя и строго следил, чтобы у всех

стопки не были пустыми.

«Принц», зацепив пьяным взглядом Леночку, тоненькую и бледную, одиноко сидящую в углу комнаты, встал с твердым намерением пробраться к ней через ряд гостей, плотно сидящих за столом. Он раза два чуть не опрокинул свадебный стол, пока добирался до Леночки, чем вызвал недовольные окрики родни. Кто-то даже захотел увести его спать в соседнюю комнату, на что дядька так гаркнул, что все сразу замолчали.

На столе много угощений: квашенная капуста, соленья, посреди стола – огромное блюдо с деревенской жареной птицей и тазик с салатом, горка румяных пирогов, испеченных мамой невесты, тетей Машей.

Дядька или «Принц», но, правда, без коня все же добрался до Леночки и растолкав рядом сидящих, подсел вплотную к ней.

– Ты че грустная такая? Не пьешь совсем? – спросил дядька, вперив в лицо Леночки свои хмельные, налитые кровью глаза. От него несло самогонкой так, что казалось, если поднести горящую спичку, то выдыхаемые им пары вспыхнут, подобно пламени из пасти огнедышащего Дракона.

– За молодых! – он повернул голову в сторону гигантской бутылки, около которой только что сидел, тут только до него дошло, что он оставил свой драгоценный пост и в глазах появился тревожный огонек.

– Подать сюда! – жестом руки он указал на бутылку с само-

гонкой, затем внимательно приглядевшись к Леночке, смекнул, что подобные барышни самогон не употребляют и потребовал подать для нее вина. Бутылка через множество рук гостей перекочевала к дядьке, которого, как оказалось, зовут дядя Миша или просто Миша. Миша налил Леночке в рюмку из желтого стекла вина из бутылки, на этикетке которой была изображена молдавская пара с гроздьями винограда в большой корзине.

Лена послушно выпила с Мишей на пару. Он – самогон, она – вино. От непривычки быстро захмелела и стала воспринимать происходящее вокруг весело, будто участвовала в КВН или карнавале, а точнее, в балагане. Грусть как-то сразу ушла и Леночке стало смешно, она впервые была на такой свадьбе.

Дядька, совсем захмелевший, стал упорно звать Леночку на танец, но она не могла, просто не умела танцевать на деревенских свадьбах. Но дядька не сдавался, он резко встал и чуть было не упал на сидящих за столом. Тут деревенские зашикали на него, а он, развернувшись к ним, на всю комнату отвесил:

– Не видите, девушке скучно, я хочу ее на танец звать. —

И Лена решилась: – «Эх, была, не была!» —

Они вышли на середину комнаты, где происходили танцы. Все внимание гостей перешло на Мишу с Леной, кое-кто стал прихлопывать в такт. Но тут Миша внезапно поте-

рял свою молодецкую удаль и уткнувшись в плечо Леночки с грустью произнес: – Моя-то померла недавно, один я остался... —

Затем, глядя в лицо Леночки, с робкой надеждой в голосе: – Пойдешь за меня? —

Лена не знала смеяться ей или плакать...

Тут ее осенило и она спросила:

– А у вас конь есть?–

– Чего? – не понял Миша. – Конь? —

– Как дела у вас с конем? Если есть, то пойду. —

Миша напряг весь свой остаток незатуманенного самогонкой ума, почесал затылок и сказал:

– Конь у меня железный... —

Теперь Леночка была в замешательстве, чтобы это значило...

– Да тракторист я! Конь – это трактор, понятно! —

– Понятно! – улыбнулась Леночка. – Я белого хочу, в яблоках, не надо мне трактора. —

На что, почти протрезвевший Миша ответил: – Купим, вот за посевную деньги дадут и куплю тебе белого в яблоках! —

Глава 2 Книжная девочка

Утро следующего дня разбудило ее солнечным лучом, который заставил открыть глаза. Она села в кровати, увидела

свое отражение в висевшем на стене большом зеркале и задалась вопросом:

– И что же со мной не так? Нет, я понимаю, что я вовсе не такая, как Алла Макеева – первая красавица нашего района, а может и всего города, но, по-моему, ничуть не хуже остальных девчонок: Наташки, Светки, Марины. Хотя, нет! Марина, она особенная... Но у всех моих подруг есть ухажеры и они давно встречаются с парнями, а некоторые уже и замужем. А мне двадцать один год, а я все одна. —

Зеркало равнодушно молчало, из него смотрела вполне привлекательная молодая особа; тонкие, почти акварельные черты, длинные, как у русалки пепельно-золотистые волосы, большие серо-голубые глаза.

Леночка встала и на мысочках приблизилась к зеркалу. Утреннее солнце насквозь просвечивало ее ночную сорочку, через его лучи угадывался тонкий девичий силуэт. Вспомнилось, как она однажды спросила у Сереги – одноклассника и Наташкиного воздыхателя еще с первого класса, а теперь и мужа:

– Скажи, что во мне не так? – Помолчав немного и оценивающе окинув взглядом Леночку, он серьезно произнес:

– Ты какая-то неземная... —

Лена всегда чувствовала свою обособленность от окружающих, как будто вокруг нее существует некая стена или преграда. Она ловила на себе взгляды ребят, но они реально боялись к ней приближаться и тем более заговаривать с ней.

Говорят, что у каждого есть своя половинка, надо только распознать ее и вовремя заметить.

Что касается Сереги с Наташкой, это тот самый классический случай, про «двоих из одной песочницы». Общий двор, общий детсад, затем общий класс. Они приросли друг к другу сызмальства, а у Наташки все лицо в рыжих конопушках, да и она сама рыжая, но Серега смотрел всегда на нее и только на нее. Может из-за ее заливистого смеха и острого языка...

А еще Наташка была самой веселой девчонкой в классе, капитаном КВН и заводилой всех отчаянных выходов. Леночка искренне любила Наташку, ведь когда она, Леночка училась в 5 классе и лежала в больнице, именно она, Наташка привела весь класс под окна ее больничной палаты, чтобы поздравить с Днем рождения. Ребята держали большой разрисованный плакат, на котором большими буквами было:

– Лена Крылевская с Днем рождения! Мы все тебя любим и ждем! —

Сколько лет прошло, а она до сих пор помнит это. В классе Леночка тоже была как-то особняком, нет не сказать, что ее не любили, но она всегда чувствовала себя отдельно от других ребят. И еще, Леночка была отличницей по всем предметам с самого первого класса. Закончила школу с золотой медалью, могла уехать учиться в Москву или тогдашний Ленинград, но осталась в родном городе Вологжанске, поступила в местный педвуз, а там одни девчонки.

Леночка окинула взглядом свою комнату. В этой привычной для нее обстановке, все без изменений, только книг с каждым годом все больше. – Наверное, во всем виноваты книги, они заменили мне реальных людей, научили мечтать и ждать... И еще родители.., вернее мама. Она все боялась, что мне в руки попадет не та книга и зорко следила, чтобы ее дочка не увлеклась слишком рано Мопассаном, Золя, Бальзаком или упаси Боже, Набоковым! Эх, мама, если бы ты знала, как сильно продвинулась наука и техника, а с ними и молодежь, что давно грянула с этими новомодными новинками сексуальная революция и по рукам ходят кассеты с фильмами такого содержания, от которых ты, мамочка, схлопотала бы инфаркт, если бы только глянула. Мои «правильные» родители, мама и папа, вам удалось прожить эту жизнь в стерильных, установленных вами правилах и условиях, и меня, вашу единственную дочь, вы тоже хотите видеть такой же. Мне зимой двадцать два года, а я еще ни с кем не целовалась по-настоящему. Позор! Какой позор, мне и самой стыдно. Наташка с Серегой с 7-го класса целовались всю, Светка, так та влюблялась чуть ли не каждый месяц, да и сейчас такая же. —

Леночка улыбнулась, вспомнив, как Светка делала свой «фирменный» взгляд и как-то по театральному вздыхала и воздевала взгляд к потолку, кладя обе руки на сердце, – это был верный признак того, что у нее новый роман или он уже на подходе.

Марина, та другая... Как рано в ней начала проглядываться будущая женщина. Всегда стильно одетая, с модными стрижками, подчеркнуто независимая. Она – стопроцентная женщина по своей природе и не важно сколько ей лет... Марина тоже была особняком в классе, она никогда не смеялась весело и громко, подобно Наташке, не была наивно-простодушна, подобно Светке, но была в ней сила природного женского магнетизма, она притягивала к себе взоры мальчишек, парней, мужчин. Скрытная, с не по-детски взрослыми глазами, Марина гипнотизировала собой всех. К девчонкам можно всегда было запросто забежать поболтать, у Марины никто никогда не бывал. За все годы лишь несколько раз она приглашала Леночку к себе домой. Большая квартира в элитном доме, где с самого порога повсюду картины, много картин, среди которых встречались портреты красивой женщины, как оказалось, матери Марины. Картины были написаны известным художником Виктором Раковским, отцом Марины. Воспитывали ее бабушка с дедушкой, родители большей частью жили в Москве, часто бывали за границей. Может поэтому Марина была такой отстраненной и замкнутой, что считала себя покинутой собственными родителями и отправленной из столицы в ссылку в Вологжанск, который она не любила и считала его холодным и чужим. Родители из заграникомандировок привозили ей модную одежду, у нее одной из первых появился видеомаягнитофон, кассеты и много современных дисков западных исполнителей.

Их квартира показалась Леночке огромной: высокие потолки, большие окна с эркерами, просторная ванная и кухня. Антикварная обстановка квартиры – все указывало на то, что хозяева этого жилья люди, принадлежащие к элите города. Бабушка Марины была сдержано-приветлива, приглашая Леночку попить вместе чаю, а дедушку Леночка почти не видела, он где-то тихо обитал в недрах их огромной квартиры и редко выходил из своей комнаты. Лишь однажды Леночке удалось увидеть маму Марины. Она появилась всего на минуту в конце длинного коридора и, окинув взглядом Леночку, проплыла и растворилась, подобно видению. Лена была ошеломлена ее красотой, было в ней что-то величественно-царское или королевское. Достаточно было увидеть эту женщину один раз, чтобы запомнить ее на всю жизнь.

Это только в детстве время тянется бесконечно долго. Год кажется вечностью, с его унылой осенью, долгой, темной зимой, а короткое лето, стремительно пролетает мимо, как экспресс, не успеешь оглянуться, как зарядят осенние холодные дожди и за окном все безнадежно уныло и серо. Леночка не любила осень и зиму, несмотря на то, что ее день рождения приходился на зиму и выпадал на начало студенческих каникул. Училась Леночка легко и была первой по успеваемости на курсе, в прочем, она и в школе была отличницей по всем предметам, но общественницей была никакой. Напрасно ее классный руководитель Ольга Григорьевна Осипова или «ОГО», как все ее называли за глаза, а также ди-

ректриса школы Александра Эдуардовна Стрельникова или «АЭС» долго и безуспешно пытались сделать из Леночки образцово-показательную личность, назначить ее председателем школьного совета учеников и с младых Леночкиных ногтей начать выстраивать ей карьеру на общественной стезе, ведь золотая медаль была Леночке обеспечена. Но, к разочарованию и плохо скрытому неудовольствию АЭС и ОГО, Леночка не проявила к карьере никакого интереса и всячески отказывалась от всевозможных выдвиганий ее на общественные посты и должности, ссылаясь на выдуманные причины и отговорки. По своей природе и складу характера Леночка – интроверт, вещь в себе, несмотря на покладистость и даже кажущуюся мягкость, внутри у нее был стальной стержень. Дома мама, держащая их малочисленную семью под жестким контролем, выдвигала Леночке ряд своих требований, установленных раз и навсегда: отличные оценки, безукоризненный порядок в комнате, опрятный внешний вид и отбой в девять вечера. После восьмого класса Леночка вытребовала себе отход ко сну на полчаса позже под предлогом необходимости просмотра программы «Время», чтобы быть политически подкованной и знать, что происходит в мире. Под таким железным аргументом мама была вынуждена сделать изменение в распорядок дня дочери. Засыпала Леночка почти мгновенно, вставала по будильнику легко. Все было по годам заведенному распорядку: утренний туалет, завтрак и собранный заранее с вечера портфель. По Леночке можно

было сверять часы, из подъезда она выходила ровно в 8 часов 10 минут и никогда не опаздывала в школу, благо она была недалеко от ее дома.

Вот в таком, почти армейском распорядке и жила Леночка вплоть до самого окончания школы. После получения аттестата с вручением вполне заслуженной золотой медали и выпускного бала, состоялся семейный совет, где председательствовала мама Надежда Борисовна, а папа Николай Константинович был единственным совещательным голосом. Было решено, что Леночка должна выбрать себе ВУЗ. Если она захочет поехать учиться в Москву или Ленинград, тогда летние каникулы ей придется проводить дома, а если она останется дома и поступит в городской ВУЗ, то родители обещали отправлять ее на отдых в Крым или на Кавказ, а может и за границу. Лена решила не уезжать и остаться с родителями в ее родном и таком уютном городе, пусть и вдали от столиц. Она любила Вологжанск с его тихой провинциальной жизнью, где все было привычно и с детства знакомо. Вот только выбора у нее большого не было, поэтому она и решила поступать в местный педвуз к восторгу АЭС и ОГО, мечтавших заполучить Леночку себе в штат школы, как только она закончит институт.

Время конца 80-х годов прошлого века, – это время надежд на перемены в стране под воздействием свежего ветра «Перестройки» и «Гласности». Как многого ждали тогда люди от этих громких заявлений, как жадно читали они га-

зеты и журналы того времени. Сдвинулись льды застывшей реки жизни всей огромной страны, образуя паводки и торосы. В их небольшом, удаленном от столицы городе, поначалу мало что менялось и люди привычно ждали указаний из центра, но все же жизнь провинции начала потихоньку меняться и втягиваться во всеобщий водоворот событий.

Когда Леночка успешно закончила первый курс института, родители, как и обещали, купили ей путевку в Крым. Море, солнце, ароматы цветов, все было прекрасно, но и здесь все повторилось, Лена вновь была одна... Контингент отдыхающих пансионата был таков; в основном семейные пары среднего возраста с детьми, а также пожилые люди, молодежи не было. Молодежь отдыхала не в дорогом для студентов пансионате, а в палатках на отдаленных диких пляжах, где все были в основном по парам, поэтому и на танцы иногда забредали в пансионат тоже парами.

Проходя мимо танцплощадки и отсканировав взглядом присутствующих, Леночка поняла, что здесь, среди танцующих семейных пар и тех, кому за тридцать, прекрасного Принца ей не найти. Она тихо вздохнула и пошла с книгой в удаленный уголок парка, где уютно расположилась на лавочке и погрузилась в свою любимую «Сагу о Форсайтах», которую решила перечитать.

Надо сказать, что читала Леночка с упоением, мысленно переносясь в мир английских леди и джентльменов с хитро-сплетениями их отношений. Эта книга, к сожалению, почти

забытая сейчас, переворачивала сознание и души многих поколений людей всего мира. Книга о любви, преданности, чести и верности. Заслуженная Нобелевская премия за этот поистине великий роман.

Как-то за чтением, Леночка подняла от книги глаза и увидела, что по направлению к ней по аллее парка идет мужчина. Подойдя поближе, мужчина, улыбнувшись представился :– Воронцов Олег Геннадьевич, или просто Олег. – На вид мужчине было лет тридцать, у него были голубые глаза, светло русые волосы, правильные черты лица. Роста он был выше среднего, стройный, со спортивной фигурой. Мужчина поинтересовался как отдыхается Леночке и не скучно ли ей, на что Леночка ответила:

– Нет, не скучно. – И снова уткнулась в книгу с таким заинтересованным видом, что мужчине ничего не оставалось, как вежливо распрощаться и оставить ее одну наедине с ее «Сагой». И так проходил день за днем: пляж, море, парк и когда до отъезда Леночки оставалось несколько дней, произошло происшествие, нарушившее спокойную жизнь в пансионате.

Глава 3 Первое свидание

Солнце с утра лениво поднималось над морем, Леночка любила ловить эти первые ласковые лучи, которые нежно согревали ее тонкую кожу, чуть позолоченную южным зага-

ром. Весь год Леночке не хватало солнца, редкого в ее северных краях, но и жару Лена переносила плохо. Ближе к полудню становилось жарко и Леночка покидала свой любимый уголок на пляже и уходила с книгой в тень парка, где просиживала до обеда. В один из таких дней, когда Леночка собралась перебраться с жаркого пляжа в тенистые аллеи парка, она заметила, что вокруг что-то происходит. Поднялась какая-то суматоха и до нее стали долетать обрывки тревожных фраз: – Человек утонул. Нужен врач. – Лена побежала туда, где столпились люди, на берег моря. На песке лежал мальчик, лет семи-восьми, без сознания, лицо его было бледным с синюшным оттенком. Сквозь толпу пляжных зевак, быстро пробираясь мужчина, Леночка сразу узнала его. Да, тот самый, что «помешал» ей читать ее любимую «Сагу». Он опустился перед лежащим мальчиком на колени, пощупал пульс и ловкими, уверенными движениями стал оказывать ему первую помощь. Присутствующие на пляже смолкли и смотрели на это затаив дыхание. Тут подбежал спасатель пляжа, он уже вызвал врача, но Олег Геннадьевич сделал настоящее чудо, изо рта мальчика вытекла розоватая пена, он стал самостоятельно дышать и лицо у него порозовело. Прибыл врач санатория, но его помощь была уже не нужна. Все стали дружно благодарить спасителя, подбежали родители мальчика, они самыми последними узнали о несчастье с их сыном, стоило им ненадолго отлучиться и вот... Отец мальчика долго благодарил спасителя его сына, а мать выти-

рала слезы на побелевшем от ужаса лице.

Стоявшая в сторонке Леночка, как замороженная смотрела на Олега, на ее глазах вернувшего жизнь ребенку. Из оцепенения ее вывел сам Олег, когда поднял на нее свои ясные глаза и широко улыбнулся белозубой улыбкой. Он подошел поздороваться с Леночкой, как будто они были давно знакомы. Оказалось, что уже завтра он уезжает домой, в Москву. Настала зыбкая пауза, Лена все еще не могла отойти от увиденного. Олег Геннадьевич первым прервал молчание:

– А знаете что... у меня предложение отпраздновать сегодня чудесное спасение мальчика, которого зовут Антон, а заодно и мой отъезд, поэтому приглашаю Вас, Леночка посидеть со мной где-нибудь в уютном ресторанчике с видом на море. Как вам такое предложение? – с легкой улыбкой спросил Олег. Лена замешкалась, растерялась, но решила не отказывать герою-спасителю. Она никогда раньше не была на свидании и ни с кем не ходила в ресторан. И еще... ей нравился этот человек, нравилось, как он говорит, как улыбается. Поэтому в тот же день, ровно в 18 часов, как они и договорились, Леночка появилась в условленном месте, у грота в парке, в своем лучшем платье из тонкого сиреневого шифона, которое трепетало под легким ветерком, как и душа Леночки. Ветер играл ее длинными русыми волосами, доходящими ей до пояса. А он шел к ней навстречу, сильный, стройный, выглядевший гораздо моложе своих лет. На нем были ладно сидящие джинсы и белоснежная рубашка с ко-

роткими рукавами, открывавшими сильные, загорелые руки, покрытые золотистыми волосками.

Первый раз в жизни Леночка почувствовала волнение в груди при виде мужчины, такого взрослого, уверенного в себе. Весь этот вечер она чувствовала себя настоящей леди, окруженной заботой и вниманием своего рыцаря. Олег был безупречен, открывал перед Леночкой двери, пропуская ее вперед, внимательно изучив меню, поинтересовался какое вино ей заказать. Леночка, совершенно ничего не смыслившая в винах, разрешила сделать заказ на его усмотрение. Весь вечер она пила коктейль, сделанный на основе Мартини, как посоветовал ей Олег. Оркестр играл мелодии в стиле блюз, как нельзя лучше соответствующие настроению Леночки. Ей льстило внимание Олега, она ловила на себе взгляды присутствующих и ей это было приятно.

Легкий вечерний ветерок приносил приятную свежесть с моря. На небе зажглись крупные южные звезды, лунная дорожка на морской зеркальной поверхности делала этот вечер поистине волшебным. Они танцевали с Олегом медленный танец и Леночка впервые была так близко к мужчине. Он одной рукой держал ее за талию, а она почти уткнулась лицом в его плечо, от которого исходил приятный аромат дорогого парфюма.

Оказалось, что Олег родом из ее краев, тоже вологжанин, путевку купил в той же турфирме, что и Леночка, поэтому они и встретились здесь. После окончания московского

медицинского института остался жить и работать в Москве. Женат, есть дочь одиннадцати лет. С женой, тоже врачом, поженились еще учась в институте.

– Повезло мальчику, даже страшно представить, что могло бы случиться, не окажись Вы рядом. – Леночка робко заглянула в глаза Олега. Они были так близко, что Леночка разглядела отчетливо : голубые глаза с темно-синей обводкой зрачка и густые ресницы под роскошными соболиными бровями. Волосы волнистые, светлая прядка падала на красивый, высокий лоб. Леночка невольно залюбовалась им. А он смотрел на нее со спокойной улыбкой человека, знающего и хранящего какую-то тайну.

– Парень тоже молодец, проживет теперь сто лет. Конечно, родителям будет наукой, нельзя оставлять одного ребенка около воды. —

На часах было половина десятого, а в десять вечера Олег должен уехать в аэропорт. Пора было покидать этот небольшой уютный ресторанчик на набережной. Олег с Леночкой сели в такси, которое доставило их к воротам пансионата. Они вышли из машины, Олег попрощался с Леночкой и на прощание поцеловал ей руку и щеку.

– Какое интересное сочетание, – подумала Леночка – поцеловал руку, как даме и в щеку, как ребенка. Так вот, они оказываются какие, мои первые поцелуи. —

Олег оставил Леночке свой номер телефона и адрес, на случай если она будет в Москве, пусть звонит и приезжа-

ет в гости. Он собственноручно записал свои координаты в ее записную книжку. Почерк у него был размашистый и четкий, что выдавало в нем натуру широкую, волевою.

Глава 4 Встреча

Пролетели последние оставшиеся три дня в пансионате и Леночка вернулась в свой родной старый город по которому успела соскучиться. Вернулась загоревшая, отдохнувшая и похорошевшая. Маме не терпелось узнать познакомилась ли дочка с кем-нибудь на отдыхе, но напрямую спросить ее не решалась. Леночка, по маминым косвенным вопросам поняла, что ее интересует, поэтому честно и не без горькой иронии, ответила, что ни с кем не познакомилась, да и, вообще, не за этим она ездила. И чего, собственно, ждать от девушки, которая до восемнадцати лет ложилась спать сразу после программы «Время».

Мама как-то грустно и чуть виновато улыбнулась, а наутро подарила Леночке набор импортной косметики со словами: – Пора начинать. – Что она имела ввиду, Леночка уточнять не стала, но шестым чувством поняла, что мама, наконец, смирилась с ее взрослением.

Все годы учебы были похожи один на другой. Как-то незаметно они пролетели, подружки постепенно стали выходить замуж. Лена ходила на эти свадьбы, после которых ей становилось грустно и она чувствовала себя залежавшимся това-

ром на полке. Некоторые из успешно вышедших замуж приятельниц, стремясь как-то помочь Леночке устроить личную жизнь, старались познакомить ее со своими родственниками и друзьями.

И вот в следующее воскресенье она идет на День рождения Тани, недавно вышедшей замуж однокурсницы, которая решила познакомить Леночку со своим двоюродным братом.

Роберт, так звали парня, с виду тихий и робкий, после двух фужеров с шампанским и медленного танца с Леночкой, взял ее за руку и повел в маленькую изолированную комнату. В комнате была большая кровать, Роберт подтолкнул Леночку и она упала прямо на кровать, а он стал лапать ее своими жаркими и влажными руками. Лена с отвращением оттолкнула «ухажера» и стремглав вылетела из комнаты напрямиком в коридор, где начала спешно надевать свою шубку, разыскивая сапоги и сумку среди чужих вещей. Из большой комнаты раздавался смех именинницы Тани, было шумно, играла музыка. Леночка решила уйти по-английски, ни с кем не попрощавшись. Одевшись, она выскользнула из квартиры, тихонько прикрыв за собой дверь. Сбежала вниз по лестнице и вышла из подъезда на улицу.

На улице был прекрасный предновогодний вечер, с черного неба медленно падали крупные снежинки. Леночка вспомнила, как в детстве она любила кружиться, высоко поднимая лицо к небу, ей казалось, что она летит среди этого хоро-

вода снежинок. Лена некоторое время так и стояла, подставив лицо навстречу снежинкам, которые даже не таяли на ее бледном лице.

Вдруг вдалеке она заметила приближающуюся фигуру мужчины, а через минуту к ней подбежал огромный ротвейлер. Мужчина окликнул пса:

– Рекс, назад! – Собака остановилась и среди темного декабрьского вечера, Леночка увидела два оранжево-золотистых огонька глаз пса. В голосе мужчины было что-то отдаленно знакомое, Леночке показалось, что она слышала когда-то этот голос. Мужчина быстро приблизился к ней и отсвет фонаря упал на его лицо.

– Не может быть... Олег? Олег Геннадьевич, с которым она познакомилась три с половиной года назад в Крыму! – Я надеюсь Рекс не испугал Вас? – поинтересовался мужчина. – он с виду грозный, а так милейший пес. —

– Нет, что Вы, совсем не испугал. Я люблю собак. – ответила Леночка. Мужчина, взглянув ей в лицо, широко улыбнулся – Вы Лена? Лена Крылевская?-

– Да. – ответила Леночка. – Я Лена, Лена Крылевская. А вы – Олег? Олег Геннадьевич? —

Они встретились так, как будто и не прошло этих трех с половиной лет, а простились совсем недавно и хотя на улице был зимний предновогодний вечер, на душе у Леночки вдруг стало по-летнему тепло и солнечно. Немного смутившись, она взглянула в лицо Олегу:

– Олег Геннадьевич, а Вы разве не в Москве? -

– Я приехал в город своего детства и юности, по которому соскучился в Москве. И еще, я сейчас нужен своему пациенту, в Вологжанске. Он, к сожалению, серьезно болен, последствия тяжелого инфаркта.

Возникла пауза, тут подбежал Рекс и запросился домой. Короткошерстный, он, видимо, замерз и явно нуждался в домашнем тепле.

– А не зайдете ко мне на чашку чая или кофе? – спросил Олег Леночку, – я живу здесь неподалеку.– Леночка после минутного колебания все же решила, что такой неудавшийся вечер лучше продолжить в компании Олега Геннадьевича, чем прийти домой и выдерживать расспросы мамы почему так рано вернулась с Дня рождения. Но еще хуже понимающе-сочувственные взгляды папы, от которых Леночке становилось еще тягостнее.

Олег жил действительно неподалеку, вернее, последние несколько лет не жил, а бывал наездами в своей огромной квартире, доставшейся ему от отца, известного в городе врача и страстного коллекционера-антиквара. Квартира была обставлена старинной мебелью, полы покрывали тяжелые ковры, много фарфора и бронзовых скульптур, она была похожа скорее на музей, в ней не было следов постоянного человеческого присутствия, все было разложено по местам, каждая вещь была на своем месте. Но главное, что бросилось в глаза Леночке, это множество книг на столах, на полках

книжных шкафов, многие были от букинистов, чего не могла не заметить Леночка, корешки и обложки книг указывали ей, что это первые издания.

Олег движением руки предложил Леночке присесть на диван, обитый темно-синим бархатом, который оказался мягким и уютным. На диване было множество синих с золотым теснением атласных и бархатных подушек, рядом располагался низкий марокканский столик, на котором в красивой синей фарфоровой вазе лежали фрукты. Олег спросил голодна ли Леночка, она ответила, что нет, хотя с обеда ничего не ела, но от чашки кофе не отказалась. Олег ненадолго удалился и вернулся с подносом, на котором стоял кофейник с горячим кофе и тарелочки с бутербродами. От бокала красного вина Леночка тоже не отказалась. Олег разлил вино в тонкие фужеры на длинных ножках, затем принес маслины и сыр, любимый Леночкой Камамбер.

Леночка после бокала красного вина и всего этого великолепия согрелась и почувствовала себя в состоянии расслабленности, сказался стресс, который она пережила на неудавшемся Дне рождения Тани. Только сейчас она начала приходить в себя, все глубже и глубже погружаясь в умиротворение и негу. Щечки у нее разругались, глаза стали томно-влажными. В комнате был мягкий, обволакивающий полумрак, тихо звучала музыка... Леночка полужакрыла глаза и откинувшись на диванные подушки, почувствовала, что проваливается в сладкий сон. Олег заметил это ее состоя-

ние и с полуулыбкой наблюдал за Леночкой, затем тихонько встал, накрыл Леночку пледом и ушел в смежную комнату, где располагался его кабинет с большим письменным столом, поверхность которого была обита зеленым сукном. От большой настольной лампы с абажуром из зеленого стекла шел мягкий свет.

Леночка проснулась минут через двадцать-тридцать, но и за это непродолжительное время она выспалась, согрелась и окончательно отошла от пережитого. Ей стало неловко, что она заснула в гостях. Она тихонько встала с дивана, ноги ее утонули в густом ворсе синего ковра. Дверь в смежный с гостиной кабинет была открыта и Леночка, тихо ступая по мягкому ковру, подошла к двери. Олег сидел за письменным столом, склонившись над бумагами. Мягкий свет лампы освещал его красивое лицо с упавшей на лоб волнистой прядью волос. Он что-то внимательно читал и не сразу увидел, стоящую в дверях Леночку. Заметив ее, он улыбнулся и встав из-за стола, пошел к ней:

– Ну, спящая Красавица, отдохнула? Сейчас будем пить кофе. —

Леночке нужно было в туалет... Олег каким-то чутьем догадался и показал где это находится. Леночка миновала еще комнату, пока, в конце коридора не увидела двери в ванную и туалет, выполненные в лучших традициях итальянского дизайна, что тогда было редкостью. Леночка невольно залюбовалась большой ванной, стоящей на бронзовых нож-

ках, краны и большие зеркала тоже с бронзовой фурнитурой. Мягкие полотенца, душистое мыло и отсутствие женской косметики на многочисленных полочках. Все предназначалось для мужского пользования.

Леночка обрадованно это про себя отметила и тут же внутренне укорила:

– А почему, собственно это меня так радует? – Лена пристально всмотрелась в свое отражение в зеркале. Из зеркала на нее смотрела девушка, которой нельзя было дать больше восемнадцати лет, хотя совсем скоро Леночке будет двадцать два года, через месяц в январе.

Она вымыла руки над шикарной итальянской раковиной и осушила их мягким полотенцем светло-бежевого цвета, затем расчесала, раскинув по плечам свои дивные русые волосы и вышла из ванной.

Олег в гостиной разливал по чашечкам из тончайшего фарфора горячий кофе, аромат которого заполнял собой всю гостиную. Леночка присела в кресло рядом со столиком, не в силах оторвать взгляд от красивых рук Олега с чуткими пальцами врача. Она подняла глаза и увидела совсем близко его лицо, он улыбнулся своей чуть загадочной улыбкой... вне всякого сомнения, он красив и ему идет этот голубой джемпер, чуть подвернутые рукава открывали его сильные руки со следами бронзового загара, на запястье которых поблескивал золотой браслет часов. Олег протянул Леночке чашечку с кофе, сел рядом настолько близко, что она ощу-

тила идущее от него тепло и слабый аромат его парфюма. Отпив кофе, вкус которого показался Леночке просто божественным (кофе она обожала), Лена заметила портрет, висящий в глубине комнаты. На портрете был изображен мужчина, одетый по моде 18 века, в парике времен Екатерины Второй. Как оказалось, это был предок Олега по отцовской линии, граф Семен Петрович Воронцов-Хрусталеv. Фамилия Воронцов была указана в анкете переписи населения Российской империи в 1897 году. С тех пор двойная фамилия Воронцов-Хрусталеv была утрачена, что в какой-то степени спасло от репрессий, последовавших после Октябрьского переворота 1917 года.

Олег подвел Леночку к овальному семейному портрету Дарьи и Петра Воронцовых, написанному сразу после их венчания. Леночка уловила поразительное сходство хозяина дома с его далекими предками: тот же взгляд голубых глаз и рисунок губ. Лицо крепостной Дарьи ничем не выдавало в ней простую крестьянку: грациозная посадка головы, нежные руки, спокойный взгляд умных светлых глаз. Олег и особенно его покойный отец, занимались изучением истории рода графов Воронцовых-Хрусталеvых и из тех архивных документов, которые им попали в руки, удалось прояснить историю любви молодого графа Петра Петровича и крепостной девушки Дарьи Кольцовой, обладавшей необыкновенным голосом и певческим даром. Старый граф Семен Петрович самолично распорядился отдать девочку на обучение

музыке и пению лучшим учителям, она даже училась в Италии, где повидавшие на своем веку много талантов маэстро, были поражены голосом и красотой русской девушки. Когда семнадцатилетняя Дарья вернулась из Италии, они встретились с молодым графом Петром и полюбили друг друга. Старый граф Семен Петрович к тому времени умер, а отец Петра – Петр Семенович своего благословения на этот брак не дал, поэтому молодые обвенчались тайно и от этого союза родился в 1854 году сын Дмитрий Петрович, от которого и пошла ветвь Олега Геннадьевича. Отец Олега был известным на весь северо-западный регион России коллекционером, серьезно изучал историю русского севера, но главное, он был выдающимся, известным на весь край потомственным врачом. Олег пошел по их стопам и тоже выбрал профессию врача, как его дед и отец.

После кофе Леночка украдкой посмотрела на часы, шел десятый час вечера и она засобиралась домой. Неожиданно разговор зашел об истории старейшей школы в городе, которую в 1895 году построил прапрапрадед Олега – Петр Петрович совместно со своим кузеном Даниилом Николаевичем. Жена Петра Петровича, Дарья рано умерла и кроме единственного сына Дмитрия, наследников у Петра Петровича больше не было, да и не женился он больше после смерти любимой Дарьюшки.

– В 1995 году у школы столетний юбилей. Я уже успею институт закончить. – отметила про себя Леночка. – Я учи-

лась в вашей школе, то есть – потупилась Леночка, смутившись, – в школе, построенной вашими предками, и папа мой учился. – добавила она.

– Я тоже в ней учился, ведь я же вологжанин, – не без гордости сказал Олег.

– Как все переплелось... Я ведь собираюсь после окончания института прийти работать в эту школу, более того, дала слово и директору, и своему бывшему классному руководителю, что приду. Надо будет обязательно отметить столетие школы, думаю, что руководство будет только «За». – У вас есть какой-нибудь материал, связанный с предстоящим столетием школы? – Лена явно зажглась этой идеей.

– Да, есть фотографии и документы, если хотите, приходите в любое удобное для Вас время, мой покойный отец занимался историей рода и усадьбы Воронцовых-Хрустальных.

Лена засобиралась домой, Олег помог ей надеть шубку, они спустились на лифте и пошли к припаркованной во дворе дома машине Олега. Серебристый Мерседес поблескивал при свете уличного фонаря на фоне черного бархата декабрьского вечера. Олег открыл перед Леночкой дверцу машины, сел рядом за руль и они плавно и медленно тронулись с места стоянки, оставляя за собой следы колес на заснеженном асфальте. Лена сидела рядом с Олегом и невольно залюбовалась его точеным профилем и мужественным подбородком. Ворот куртки был не застегнут и Леночку обдало

ароматной волной его парфюма с приятной горькой ноткой, она вспомнила... да, тот самый, что исходил от него тогда, в Крыму. У Леночки была отличная память на запахи, она долго хранила воспоминания об этом аромате, но постеснялась спросить название этого парфюма.

Они ехали медленно по пустынным улочкам города. Из окон этой великолепной машины все вокруг выглядело по-провинциальному скучным: дома 60—70 годов типовой застройки, тускло освещенные улицы навевали тоску.

Подъехав к дому Леночки, Олег припарковался около ее подъезда, вышел из машины, открыл дверцу перед Леночкой и подал ей руку, помогая выйти. С минуту они стояли молча глядя друг на друга, возникла небольшая пауза, которую прервал Олег. Он поблагодарил Леночку за чудесный вечер и поинтересовался где она планирует встречать Новый год. Чуть потупившись, Леночка ответила, что будет дома с родителями, на что Олег сказал, что был бы очень рад пригласить ее на Новый год к себе в гости. На прощание он дал Леночке свою визитку и нежно пожал ее руку, обеими своими теплыми руками.

Глава 5 Ожидание счастья

Придя домой и рассеяно отвечая на расспросы мамы, как прошел вечер у Тани, Леночка с облегчением закрыла дверь своей комнаты, ей захотелось побыть одной и погру-

зиться в свои мысли и раздумья о неожиданной встрече с Олегом. Впервые в жизни у нее возникла перспектива провести новогодние праздники вне дома, с женщиной, которого она едва знает, но почему-то прониклась к нему доверием и симпатией. В голове Леночки одна мысль сменялась другой, лишь на один вопрос она не могла найти ответ. Почему Олег будет встречать Новый год один, ведь у него есть семья – жена и дочь, которой сейчас лет четырнадцать-пятнадцать. На его руке нет обручального кольца, может он развелся и находится в активном поиске? И чем она может заинтересовать такого импозантного и взрослого мужчину, как Олег... Ему лет тридцать пять, для мужчины возраст зрелости, до старости ему еще далеко. Спортивная фигура с абсолютно плоским животом, походка легкая, слегка пружинистая. Волосы чуть поседели на висках, но глаза ярко голубые, удивительно молодые глаза. Олег несомненно может понравиться любой девушке.

Леночка окинула взглядом свою комнату, в которой ничего не меняется уже много лет. Кругом книги, книги. Вот они стоят на полках, смотрят на нее корешками переплетов. Сколько слез было пролито над Русалочкой Андерсена, Чернушкой Погорельского. Далее идут рядами книги ее юности, ее робких надежд и мечтаний. Собрания сочинений Дюма, Гюго, Стендаля, Грина... Продолжать можно долго. Наверное, в ее одиночестве не последнюю роль сыграли книги, они

стали ее лучшими друзьями, с ними ей было интереснее, чем с реальными людьми, хотя есть, конечно, исключения.

Лена поймала себя на мысли, что впервые она задумывается об Олеге, как о мужчине, который разбудил в ней интерес, она решительно хочет видеть его снова, но что у них общего и чем она может заинтересовать такого человека, как Олег? Взрослого, умного, состоявшегося. Интересно... да, например, история создания городской гимназии. Это действительно может их сблизить, помочь лучше узнать друг друга.

Леночка встала с кушетки, взяла со стола свою сумочку, поискала в ней визитку Олега, но не нашла. Она вытряхнула содержимое сумочки на кушетку, пересмотрела все внутренние кармашки. Визитки не было.

– Все правильно, – горько усмехнулась Леночка, – так и должно было случиться с такой росомарой, как ты, Лена Крылевская! Телефон потерян, ему ты свой так и не дала, значит Олег снова «уплыл» в небытие. Появился, как комета, мелькнул яркой вспышкой на черном небе и едва коснувшись, снова улетел в безбрежный космос. А ты сиди одна, Лена, сиди в своей комнате и Новый год встречай с родителями. —

Леночка разделась, погасила свет и легла на свою кушетку, которую ей купили в 6 классе. Кушетка удлинялась по мере роста Лены, она имела специальный выдвижной механизм на колесиках. Лена лежала и смотрела на отсветы уличного фонаря на потолке и ей стало так грустно и одиноко... Она представила огромный глобус, который, вращаясь несетя в космосе и если хорошенько всмотреться, то это вовсе и не глобус, а наша планета Земля с ее океанами, морями, континентами... А в маленьком городе огромной страны, ночью посреди зимы с ее метелями, в старой типовой многоэтажке, в небольшой квартире, в маленькой комнате, на кушетке, которая росла вместе с ней, лежит она, одинокая Лена Крылевская... А где-то шумят большие города, бушуют океаны, цветут диковинные цветы, поют невиданные птицы... —

Сердце сжалось в маленький пульсирующий комочек и стало Леночке так грустно, что слезы невольно полились из ее глаз. Так, вся в слезах она и уснула.

Наступило серое зимнее утро, снег прекратился и все было вокруг покрыто белым пушистым покрывалом. Леночка встала, подошла к окну и не увидела ничего нового. Знакомый пейзаж неизменен на протяжении всей ее жизни, те же скамейки, качели в ее старом дворе... Ничего не меняется, лишь по весне дворник красит все те же качели, лавочки,

детскую песочницу. Даже краска была только двух цветов: зеленая или голубая. Ну хоть бы раз покрасили желтой или розовой. Смотреть на это год за годом все грустнее и грустнее.

Летом двор преобразается, в нем появляются посаженные цветы, да и солнышко по утрам заглядывает в ее комнату. Ох, хоть бы быстрее наступило лето! Весна принесет с собой тревоги и заботы, начнутся госэкзамены, защита диплома, хотя Леночке нечего волноваться, ее диплом уже готов, папа одобрил его, а для Леночки это наивысшая оценка ее труда. В августе-сентябре начнется ее работа в школе...

Леночка побрела в ванную, затем наспех съела завтрак, заботливо оставленный мамой на столе. Надевая шубку, Лена вынула из кармана засунутые накануне перчатки и вдруг на пол что-то упало, Леночка подняла, это была визитка Олега, та самая, которую она считала потерянной, и которая стала причиной ее ночных слез. Леночка скинула сапожки, быстрыми шагами вошла в свою комнату, положила визитку в ящик стола и плотно закрыла его. Все... здесь она будет лежать и дожидаться ее возвращения, здесь она в надежном месте.

Нахлынула какая-то веселость... Леночка быстро надела сапожки, схватила сумку и закрыв за собой входную

дверь, с легкостью перышка пробежала вниз по ступенькам все семь этажей, распахнула дверь старого парадного и оказалась на заснеженной улице. Свежий морозный воздух ударил в лицо Леночки, ей показалось, что даже солнышко на секунду протянуло ей свой золотистый лучик и сразу спрятало его за молочной пеленой неба, но лучик был, это Леночка знала точно.

В таком прекрасном, приподнятом настроении Леночка впорхнула в вестибюль института и, взбежав вверх по лестнице, увидела около доски объявлений стайку студенток, обсуждавших главную новость – у них новый ректор. Старого, много лет бессменного ректора, отправили на «отдых», что является по сути дела отставкой в красивой обертке. Василий Игнатьевич Шаповалов проработал в их ВУЗе без малого полвека. Начинал с лаборанта в годы войны, когда его комиссовали после тяжелого фронтового ранения. Николай Константинович, Леночкин отец очень ценил и уважал Василия Игнатьевича, несмотря на большую разницу в возрасте, они были настоящими друзьями. Но вот подули ветры перемен, на их сквозняке многие слетели со своих мест, потеряли должности и не всегда это было справедливо и для пользы дела. В коллективе института появилась новая, «соответствующая времени» группа людей, целью которой являлось перестановка кадров под благовидным предлогом обновления учебного процесса и подведения его под западные об-

разовательные шаблоны. Была обнародована программа по развитию преподавания в институте с учетом современных требований, которая, если отбросить громкие заявления и красивые фразы, сводилась, в основном, к созданию коммерческих отделений с целью пополнить тощий бюджет ВУЗа, а заодно и свои карманы. Снятие ректора в самой середине учебного года – нонсенс сам по себе, а у Леночки это была последняя зимняя сессия, последний этап ее обучения перед уходом на преддипломную практику, далее защита диплома. И все! Конец ее студенческой жизни. Диплом у Леночки был практически готов, на кафедре ее упорно уговаривают продолжить обучение в аспирантуре, но сейчас Леночке не хотелось думать об этом, все ее мысли были заняты Олегом и волшебным ожиданием Нового года в его обществе. Первый раз в жизни Леночка встретит Новый год вне своего дома. Сердце укоризненно защемило, жаль оставлять родителей одних, как грустно, что у них совсем нет родственников, есть только троюродная папина сестра с дочкой Ниной, которая старше Леночки на пять лет, а сама тетя Настя часто болеет и общается с родителями, в основном, по телефону. Хорошим решением для всех будет проводить старый год вместе с папой и мамой. Пригласить Олега, заодно и познакомить его с родителями, а затем уехать к нему встречать Новый 1993 год. Это успокоило Леночку и она решила, что лучшего выхода ей и не найти.

– Размечталась я... еще ничего не решено, Олег только поинтересовался с кем я буду встречать Новый год, а я уже целый роман с продолжением пишу. А почему бы и впрямь не роман? Мне уже давно пора завести его, буквально через месяц стукнет двадцать два, я заканчиваю институт, может даже поступлю в аспирантуру и что я имею на сегодня? Поцелуй руки и в щеку от Олега... – А от пьяных и грязных поцелуев Роберта у нее свело под солнечным сплетением. Нет, такие поцелуи кроме омерзения и рвотного рефлекса ничего не вызывают, одно только воспоминание вызвало желание хорошенько вымыть лицо и руки. Леночку всю передернуло от этих мыслей.

Но Олег..., Олег впервые вызвал в ней чувство трепетного желания, ожидания чего-то нового и неизведанного. Она решила и будь, что будет!

Открывая входную дверь в квартиру, Леночка услышала, как зазвонил телефон в глубине коридора. В голове одна догадка сменяла другую:

– Кто звонит? Мама, папа? Но они знают, что я в институте, ведь из-за болезни преподавателя нас отпустили на два часа раньше. – Замок, как нарочно, никак не хотел открываться, а телефон все звонил и звонил. Вот, наконец, он все же поддался, ключ повернулся в нем и Леночка влетела

в прихожую, где на тумбочке продолжал звонить телефон. Леночка схватила трубку, словно от этого зависела чья-то жизнь.

Она сразу узнала голос Олега, в голове мелькнула мысль, откуда у него номер их телефона, но трепетная волна от приятного тембра его голоса заглушила все прочее.

– Да, здравствуйте, Олег Геннадьевич! Я только что вошла, извините, что долго не брала трубку... И почему я извиняюсь? – подумала Леночка – В самом деле нужно постараться говорить, как можно спокойнее. —

На другом конце провода Олег поинтересовался, как она себя чувствует, как настроение и какие у нее планы на празднование Нового года. Леночка ответила, как можно спокойнее, что планов никаких, но провожать старый год она будет с родителями. Услышав Леночкин ответ, Олег Геннадьевич поинтересовался, можно ли ему присоединиться к их компании и как отнесется Леночка и ее родители, если он заедет к ним часов 8—9 вечера, они вместе проводят старый год, а затем он похитит их дочку к себе в гости, предварительно заехав по дороге за его друзьями, которые тоже приглашены. Леночка ответила, что это очень хорошая идея и она согласна.

Положив трубку, Лена подошла к календарю, было 28 декабря, завтра будет 29-е, совсем немного времени осталось, все навалилось как-то сразу, надо еще подготовить маму с папой, сообщить, что у них будет гость. Хорошо, что Леночка помогла маме сделать генеральную уборку. В квартире все сияло чистотой, в гостиной уже стояла убранная елка, продукты для праздничного стола закуплены. Кулинар из Леночки был никакой, но это всегда была прерогатива мамы, а она с папой были на подхвате. Папа ходил на рынок и по магазинам за продуктами, нужно еще было суметь достать что-то, полки в магазинах были пусты, кругом очереди, а что творилось с ценами! В магазинах ценники переписывались не менее двух раз в день, цены росли с каждым днем на все товары. Кто жил в 90-е, тот никогда не забудет! Но папе удалось все же купить и деревенского огромного гуся, и другие продукты для праздника. Лена занималась нарезкой салатов и сервировкой стола. У мамы задачи были поважнее: – холодец, гусь запеченный с яблоками и, конечно, пироги – с мясом, капустой и яблоками с их дачного участка. Леночка даже сглотнула от одной мысли обо всем этом. И тут только вспомнила как она голодна и с утра ничего не ела. Настроение заискрилось и Леночка, включив свою любимую музыку довольно громко, чтобы было слышно на кухне, пошла разогревать себе обед. Вчерашние ночные слезы были забыты напроочь, как будто это было и не с ней. Молодость быстро умеет переключаться со слез на смех и наоборот... Еще необре-

мененная заботами о семье, детях, молодость эгоистична по сути своей, все зациклено на себе любимой, на своих чувствах, эмоциях. И хотя Леночка не считала себя эгоисткой, она была молода и тоже не была исключением из правил.

Быстренько отобедав и помыв посуду, Леночка вспомнила, что ей нечего надеть на Новый год. Она пошла в свою комнату, открыла шкаф и, проведя рукой по вешалкам с одеждой, поняла, что нет ничего такого, чтобы ей хотелось одеть в гости к Олегу. Себя она видела в серебристом, струящемся платье.

– Аккурат под его Мерседес, – внутренне улыбнулась Леночка – ты становишься мещанкой, Лена Крылевская, тебе скоро двадцать два и все эти годы тебя содержат родители. В стране тяжелые времена, у папы стали задерживать зарплату, хорошо, что еще выдали талоны на продовольственный заказ к празднику. А ты размечталась о новом платье, да еще о серебристом под цвет машины Олега. Нет, на новое платье рассчитывать не придется. Спасибо, что родители все эти годы покупали ей путевки на курорты. —

Лена одевалась скромно, не сравнить с дочками местных бизнесменов или простых челноков, ее наряды несколько строгие, а попросту, старомодные. Но Леночка никогда не попросит у мамы с папой денег на новый наряд. По магази-

нам она не ходила и лишь однажды зашла в недавно открывшийся коммерческий магазин, в который появившиеся к тому времени «челноки», сдавали вещи, привезенные с рынков Китая, Турции и Польши. Взглянув на ценники, Леночке реально стало плохо и она быстро вышла из магазина и больше в коммерческие отделы не заходила.

Мысли об Олеге не покидали Леночку. В основном о том, как он придет к ним в гости, а потом увезет ее к себе... Интересно, кто еще придет к нему на Новый год? Наверняка остались старые друзья детства и юности, ведь он родился и провел свои детские и школьные годы в их городе.

Вечером, когда они втроем собрались за ужином в их уютной кухне, под старинным шелковым абажуром, доставшимся им от бабушки, папиной мамы, Леночка сообщила, что у них будет гость на Новый год. На вопрос мамы: – Что за гость? – Лена ответила, что придет ее знакомый, с которым она познакомилась еще несколько лет назад в Крыму. Он – врач, учился и работает в Москве, а в их город приехал понаблюдать за своим пациентом, оказать ему врачебную помощь если понадобится. А заодно навестить друзей и знакомых в городе, в котором родился и рос.

Замолчав, Лена посмотрела на родителей, освещенных светом оранжевого старинного абажура:

– Все же какие они разные... Папа слушал спокойно и внимательно. Мама слушала сосредоточенно, сдвинув брови. – Как только Леночка замолчала, она непререкаемым тоном произнесла:

– Так... мы должны завтра с утра поехать и купить тебе подходящий наряд, туфли и все остальное. – Что она имела ввиду под остальным Леночка уточнять не стала.

– Мама, это не жених, Олег Геннадьевич старше меня лет на четырнадцать-пятнадцать, поэтому мне ничего не нужно, я одену свое шифоновое сиреневое платье или юбку с блузкой, этого вполне достаточно для такого случая. – На что мама покачала головой и сказала, что Леночке давно пора купить праздничную обновку, тем более, что через несколько месяцев будет их выпуск с вручением дипломов, так что все равно нужно что-то купить. А ее сиреневое платье у нее с первого курса института...

– И еще, – сказала мама – тебе обязательно нужно сделать прическу в салоне... только сейчас туда не попасть, праздники на носу, поэтому придется позвонить Ольге Семеновне, чтобы она пришла к нам на дом и сделала нам прически. -

От услуг Ольги Семеновны Леночка категорически отка-

залась, она недолюбливала ее почему-то, может из-за того, что всякий раз, когда она приходила, чтобы сделать маме химию и прическу, на все уговоры мамы подстричься и сделать химию с укладкой, Леночка всегда говорила «нет» и быстро исчезала из дома или закрывалась в своей комнате. А грузная, тяжелоступающая и давно уже пенсионного возраста Ольга Семеновна, со вздохом шла стричь маму в кухню. После их «процедур» мама приобретала стандартно-ухоженный вид, а кухню долго приходилось проветривать от неприятного запаха химсостава для завивки волос. Леночка раз и навсегда решила, что стричься, краситься и делать химию, она не будет никогда, тем более у Ольги Семеновны. Поэтому и в будни, и в праздники была с одной и той же прической, а именно, с чистыми и пушистыми волосами, распущенными по плечам или собранными в пучок на затылке. Волосы у Леночки были от природы замечательными, золотисто-пепельного цвета, которые делали ее похожей на русалку. Так, что ничего кардинально менять в своем облике Леночка не желала, но на уговоры мамы купить ей новый наряд, она все же поддалась и на следующий день, благо это была суббота, они запланировали поход по магазинам с надеждой купить что-нибудь подходящее для нее.

Глава 6 Наряд для Золушки

С утра мама разбудила спящую Леночку со словами:

– Вставай, а то все проспичь, и так времени у нас мало осталось, а дел еще полно. —

Леночка наскоро позавтракала и они с мамой решили поехать по магазинам, находящимся в центре города.

В отделе готового платья на вешалках висели модели сшитые по устаревшим советским лекалам и ГОСТам. Скользя по ним взглядом, Леночка с грустью посмотрела на маму, пытающуюся разыскать среди этого «мышинного братства» хоть один чудом попавший сюда экземпляр, который можно было бы назвать платьем для коктейля. Одно на бретелях с огромным бантом на боку, неопределенного ядовито-зеленого цвета, мама пыталась уговорить Леночку примерить. Цена неприятно удивила, что совсем не соответствовало ни качеству материала, ни фасону. Лена категорически воспротивилась его примерить и решительно сказала, что такой «наряд» она не наденет ни за что, даже если ей предложат его бесплатно. Продавщица, слышавшая их разговор, подошла и окинув Леночку взглядом профессионала, сказала, что она купила для своей дочки платье на Новый год, но оно, к сожалению, оказалось ей маловато и если они хотят, она может им его показать.

Мама сразу согласилась. Продавщица попросила их не выходить из примерочной кабинки и тихонько просунула в нее сверток. Мама развернула его и осторожно достала из полиэтиленового пакета что-то серебристое, которое в ее руках развернулось и превратилось в настоящее коктейльное

платье, нежно поблескивающее тысячами искорок. У Леночки дух захватило, именно о таком она и мечтала. Несомненно, это было платье ее мечты! Быстро сняв с себя свои старые брючки и свитер, Леночка подняла обе руки и мама ловким и уверенным движением облачила ее в это сверкающее серебро. Платье заструилось легким шелковистым трикотажем по Леночкиной фигурке и когда мама застегнула сзади молнию на спине, они обе застыли в немом восторге, глядя на отражение в зеркале примерочной. Из зеркала в полный рост на них смотрела Принцесса, Золушка, собравшаяся на бал... Она искрилась и сияла, а наряд лишь подчеркивал ее красоту и молодость. Лена смотрела и не узнавала себя, разве что волосы были точно ее, а лицо, глаза, губы сияли светом преображения. Лена даже невольно закрыла глаза, потом снова открыла, чтобы убедиться, что отражение в зеркале не пропало и это в самом деле она, Лена Крылевская.

Первой из оцепенения вышла мама, она сказала:

– Берем! – даже не поинтересовавшись ценой. У продавщицы в глазах блеснула хищная искорка, наверное, в этот момент она мысленно прикинула сколько можно взять по максимуму с этих, оторопевших от великолепия наряда, женщин. Она назвала цену, от которой Леночке стало не по себе, а мама сразу погрузилась, но только на мгновение, потом опять произнесла:

– Берем! – на что Леночка решительно возразила: – Нет, мама, это слишком дорого...

Продавщица, смекнув, что рыбка срывается с крючка, достала свой "козырь":

– Платье сидит, как влитое. Импортное, привозное и вряд ли можно сейчас перед праздником что-то купить даже по этим деньгам. – Это был железобетонный аргумент. Мама отсчитала требуемую сумму и вручила ее продавщице, не дав Леночке опомниться. Затем платье было быстро снято с оторопевшей Леночки, упаковано и продавщица, осторожно озираясь, проводила покупательниц из отдела готового платья, минуя кассу.

Уже вне отдела Леночка, сделав мученическое лицо, прошептала маме:

– Что ты наделала! Это целая зарплата папы за месяц, а ведь мы еще хотели купить туфли. – На что мама ответила, серьезно глядя Леночке в глаза, что в жизни иногда бывают случаи, когда нужно потратиться и иногда от платья зависит и сама судьба.

– Как у Золушки. – подумала Леночка. – Хотя там судьба зависела от туфельки. —

Тут Лена вспомнила, что у нее только одни выходные туфли и то черные, которые не подойдут к такому воздушному великолепию, а только убьют его. Сердце Леночки сжалось, когда в отделе женской обуви, они увидели поредевшие ряды туфель и то для женщин за сорок. Были и какие-то завалявшиеся босоножки цвета асфальта. Мама взяла их в руки, рассмотрела и со вздохом поставила обратно на полку.

На этот раз к ним никто не подошел и ничего не предложил. Наверное, у продавцов из отдела женской обуви был профессиональный нюх на деньги, которых в кошельке мамы почти не осталось.

Выходя из магазина, Леночка бросила взгляд на как-то сразу постаревшую и ссутулившуюся маму, сердце защемило от нахлынувшей жалости к ней. Вдруг Леночку осенило, она даже остановилась на дороге... Наташка! Наташка была на свадьбе в чудесных серебристых туфельках, а сейчас она – Наташка ходит глубоко беременная и туфли в простое. И еще... Леночка вспомнила, что еще в школе они с Наташкой обменивались нарядами и Леночка частенько выручала Наташку, когда ей нужно было идти на свидание и, главное, у них с Наташкой одинаковый размер обуви 37 или 24! И чтобы успокоить маму Леночка выпалила:

– Мама, мне в голову пришла счастливая мысль! Не надо покупать мне туфли. Я позвоню Наташе и попрошу у нее на вечер ее свадебные серебристые туфли. Они очень подойдут к моему платью. Сейчас придем домой, я позвоню ей и спасибо тебе, мамуля! – Она редко называла ее так, в их семье не принято было сюсюкаться с Леночкой, разве что папа... Папа, тот любил «щенячьи нежности», так называла их мама. Папа приходил и целовал Леночку на ночь, часто уже спящую, но она сквозь сон чувствовала его поцелуи и крепче засыпала, успокоенная, что папа был и поцеловал ее.

Наташка с радостью согласилась дать на прокат свои

туфли, вспомнив, что есть еще и сумочка, купленная в комплекте с этим шедевром обуви, маленькая, легкая на цепочке из серебристого металла. Через полчаса Леночка выпорхнула из подъезда Наташки с коробкой в которой лежали эти драгоценности. Внезапные снежинки, вдруг полетевшие с серого низкого неба, серый, затапанный бесчисленными подошвами снег на тротуаре, все приобрело серебристый оттенок, мир преобразился. Леночке захотелось закружиться вместе со снежинками здесь, прямо посередине мостовой, подняв лицо к небу и раскинув от счастья руки. Но в руках была коробочка с ее драгоценной ношей и потом..., если бы она была одна, но вокруг люди, она же не девочка. Да, уже взрослая, пора стать взрослой.

Вечером, лежа в постели, Лена погрузилась в грезы... давно, очень давно она не мечтала под музыку любимой Эниа, от звуков которой шли волшебные волны, на которых в своих сладких мечтаниях покачивалась Леночка. В конце концов, она заканчивает институт, она взрослая и ей давно пора прекратить этот затянувшийся период ожидания. Она решилась, она сделала свой выбор. Олег! Да, Олег, несомненно он! Ну и пусть, что старше и намного старше. Он красив, он в тысячу раз привлекательней многих молодых ребят, которых она иногда замечала.

– Постой, притормози, Лена. – Встрепенулся Разум – У Олега семья, жена, дочь, ей сейчас лет пятнадцать? Может она тоже студентка? Он женатый человек, опомнись, Ле-

на! Это табу, это тоннель, ведущий в тупик. Лучше и не иди по этому пути. —

Лена даже встала с кушетки, на которой лежала и подошла к окну. За окном все тот же, знакомый с детства пейзаж, только в зимнем варианте. Комната, в которой она росла, кушетка роста, из которой она выросла. Леночка, окинув взглядом свою комнату, впервые ощутила себя узницей в тюремной камере. Ее вдруг затошнило от этого острого и давящего чувства. Пора, пора выбираться из этой клетки, из этого проклятого кокона. Пора прогрызть в нем дырку, вылезти из него, расправить свои крылья и полететь к свету, к любви.

— Любовь ли это? Люблю ли я Олега? — задалась вопросом Леночка. — Не знаю... Но он первый, кто заставил меня мечтать, волноваться, хотеть, наконец. И не желаю я ничего знать о его семье, жене. Я хочу быть просто счастливой и с тем, с кем я хочу. — и, поставив на этом жирную точку в своем сознании, Леночка выключила свет, упала на кушетку и сразу уснула.

Утро следующего дня было таким же серым для всех, но только не для Леночки. Для нее оно было, по-настоящему, радужно-серебристым. Сегодня Новый год! Сегодня к ним придет Олег, а потом... потом они поедут к нему и пусть все сложится, как сложится. Лежа в постели, Леночка слышала тихие разговоры мамы с папой, они боялись ее разбудить и говорили тихо, почти шепотом.

Леночка сладко потянулась и улыбнувшись, окинула

взглядом свою комнату, которая теперь не казалась ей тюремной камерой, пригрезившейся накануне, ведь кругом ее вещи, ее книги, ее игрушки, как можно это не любить, это ее навсегда. Просто с сегодняшнего утра, все это в прошлом, просто детство прошло, сразу так раз... и закончилось, ушло навсегда. Давно пора. Сегодня она другая, нежели вчера.

Леночка скинула с себя одеяло, легко поднялась, не забыв улыбнуться себе в зеркале напротив, подошла к нему на цыпочках, заглянула, и увидев себя в нем в полный рост, осторожно спустила с плеч бретельки ночной рубашки, обнажив маленькую, почти детскую грудь с розовыми сосками. Откинув назад свои длинные русалочьи волосы, невольно залюбовалась собой. Она прелестна в своей девственной красоте. Она подобна утреннему цветку, раскрывшему на расвете свои нежные лепестки. Леночка слегка погладила себя по нежной коже груди и сорочка соскользнула на пол. Теперь Леночка видела себя всю... через тонкую белую кожу просвечивали голубые жилки.

– Даже и не подумаешь, что у меня кровь красная. – сама на себя удивилась Леночка. Всматриваясь в зеркало, она искала в себе хоть какие-то недостатки, придирчиво рассматривая свое отражение, но не находила. Разве у русалок из сказки могут быть недостатки? Тем более, что у нее нет русалочьего хвоста, а есть пара стройных ножек с небольшими ступнями и розовыми пяточками.

Лена еще раз окинула себя взглядом: – Нет с ней все в по-

рядке, такая не может не понравится. – Волосы подмышками Леночка аккуратно сбривала лет с тринадцати. Лобковые волосы... золотистые, чуть кудрявые и не очень густые. Лена провела по ним ладонью... нет, с этим она ничего делать не станет. А вот ногти на пальцах ступней надо обязательно покрыть серебристым перламутровым лаком. Раньше она это делала только летом.

– Сейчас в душ, а потом займусь ногтями. – Леночка накинула на тело халатик и направилась в ванную, не встретив на своем пути маму с папой, чему была очень рада. Ей захотелось быстрее под живительные струи воды, которые смывают с нее «греховные» мысли, как будто, разглядывая свое тело в зеркале, она занималась действительно чем-то греховным. Леночка встала под сильные струи воды, нанося на себя душистый гель, настоящее немецкое чудо, она обожала этот аромат, он заменял ей дорогие импортные духи, о которых она мечтала, но которых у нее не было. Запах был нежный, но стойкий, держался не менее суток, Леночка использовала этот гель только по особым случаям, экономя его. На этот раз она щедро распорядилась им, покрыв всю себя с головы до самых розовых пяточек и пальчиков, а также потаенных местечек на своем теле.

Глава 7 Зимняя сирень

За завтраком родители сидели притихшие, за столом ца-

рила атмосфера какого-то напряженного ожидания. Как же! Сегодня дочь впервые покинет их и уедет праздновать Новый год в компании мужчины.

Быстро позавтракав, Леночка спросила маму чем она может быть полезна на кухне и дома? Но тут раздался звонок в дверь, это пришла парикмахерша Ольга Семеновна. Услышав ее голос, Леночка ускользнула в свою комнату, чтобы еще раз не подвергнуться уговорам мамы сделать себе прическу с химией. Леночка не хотела видеть тяжело переступавшую порог их кухни, грузную Ольгу Семеновну, которая как бы не слышала уговоров мамы и давно махнула рукой на свою несостоявшуюся клиентку Леночку.

Весь день прошел в ожидании чуда. Ногти были покрашены серебристым лаком, волосы высушены и заплетены в тугую косу, чтобы потом перед самым приходом Олега заструиться шелковым волнистым водопадом по спине и плечам Леночки.

После 17 часов Леночка начала прислушиваться к телефонным звонкам, но трубку сама не брала, к телефону подходила мама, реже – папа. Звонили все, даже те, о которых уже как-то и подзабыли; знакомые по Коктебелю, сотрудники и бывшие соседи. Позвонили две Леночкины приятельницы, не звонившие сто лет, но Олег почему-то не звонил.

Лена решительно не знала, что делать и чтобы как-то успокоиться подошла к полке с книгами, рука почему-то потянулась к «Незнайке», она вспомнила с каким восторгом

читала ей эту книгу мама, когда Леночке было лет пять. Лена открыла книгу и из нее выпал рисунок, который она нарисовала примерно тогда же, в пятилетнем возрасте. На листе бумаги детской Леночкиной рукой был изображен городок, где малыши-коротышки занимались своими делами, Винтик и Шпунтик чинили машину, доктор Пилюлькин шел больницу, а Незнайка в своей огромной шляпе стрелял из рогатки. Лена улыбнувшись, положила рисунок обратно в книгу, закрыла ее и поставила на место, затем посмотрела на часы, на них было без пяти минут девять вечера. Телефон в коридоре предательски молчал.

В большой комнате уже накрыт накрахмаленной скатертью стол, разложены столовые приборы, придвинуты к столу стулья. Елка мигает разноцветными огоньками замысловатой импортной гирлянды. Мама с папой, притихшие смотрят «Новогодний Огонек» по телевизору, но лица у них почему-то грустные.

Вдруг тишину квартиры разрезал резкий, даже какой-то незнакомый звонок их телефона. Мама по привычке дернулась с дивана, готовясь схватить трубку, но Леночка сделала ей знак, чтобы та оставалась на месте и в одно мгновение оказалась у телефона. Она сняла трубку и услышала в ней шум улицы, мобильных еще не было и люди звонили из помещений или телефонных будок, сейчас такое сложно представить. Среди уличных шумов Лена услышала мужской голос, голос Олега. Он говорил спокойно и кратко, что он непо-

далеку и где-то через 15—20 минут подъедет к ним, затем раздался треск в трубке и гудки.

Леночка вошла в комнату, где на диване сидели притихшие мама с папой, которые всем своим видом ждали от нее команды или распоряжения. Впервые она, их дочь Лена, говорит, что нужно делать, да еще вечером перед Новым годом.

Мама с химией и прической от Ольги Семеновны в своем лучшем платье и папа в брюках от парадного костюма и тщательно выглаженной руками мамы рубашке. Они смотрят на нее и ждут.

Лена, стараясь не волноваться, каким-то чужим, не своим голосом сообщила, что Олег Геннадьевич будет через двадцать минут. Мама с папой встали с дивана, как по команде и начали суетиться, хотя все давно было готово: и гусь с яблоками в духовке, и заливное в холодильнике, и салаты, заботливо приготовленные самой Леночкой. Нужно всего лишь несколько минут, чтобы все это оказалось на столе. Особенно немного смешно было смотреть на папу, он решительно не знал, что ему делать. Наконец, взял, лежавшую на столе газету и стал ее читать, сидя на диване. Тупо смотреть телевизор ему не хотелось. Улыбнувшись ему, Леночка скрылась в своей комнате, чтобы облачиться в наряд Золушки, едущей на бал. Платье не подвело, оно струилось по Леночкиной фигуре, облекая и подчеркивая девичий стан. Волосы растекались по плечам золотыми струями, лег-

кий акварельный макияж подчеркивал прозрачные серо-голубые глаза и нежный рот. Ножки в серебристых туфельках были великолепны. И вдруг острое чувство голода внезапно дало о себе знать. Лена вспомнила, что весь день ничего не ела с самого утра, кроме ложки салата «Оливье», когда пробовала достаточно ли соли она положила в этот любимый всеми новогодний салат. Но тут ей вспомнилась Мамушка из «Унесенных ветром», которая заставляла Скарлетт плотно позавтракать, чтобы потом не набрасываться на еду перед гостями.

– О, как права была Мамушка! – подумала Леночка и стремглав побежала на кухню к холодильнику, открыв который, она застыла в раздумьях, что собственно, она может прямо сейчас отправить себе в рот, чтобы заглушить чувство голода.

– Оливье? Времени нет. Сыр? Рыбу? Нет, от нее тогда будет пахнуть рыбой и, пришедший с улицы Олег, заметит это.

Схватив большое красное яблоко, Леночка вонзилась в него зубами, подавшись вперед, чтобы не испачкаться брызнувшим соком. Откусив пару раз, она услышала звонок в дверь. Бросив яблоко, она побежала отворять. На пороге с цветами и внушительным пакетом в руках стоял Олег, снег не успел растаять и поблескивал на его шапке и дубленке. Лена пригласила гостя войти в квартиру, он вошел, протянув ей цветы. Такого букета среди зимы Леночка еще не видела. Из красивой упаковки на нее смотрели: тюльпа-

ны, нарциссы и даже ландыши!!! Но поразила ветка белой сирени, издававшая тонкий аромат. Леночка ахнула, пораженная этим чудо-букетом и даже немного забыла про Олега, а он стоял рядом и с улыбкой любовался на нее, на ее восторженную молодость, на золотистые волосы, спадавшие до пояса, на ее улыбку... Это тот самый случай, когда хочется воскликнуть: – «Остановись мгновение, ты – прекрасно!»

Лена вдыхала теплые, живые ароматы, исходившие от цветов и подняв на Олега свои восхищенные глаза, прошептала:

– Спасибо... – Затем она указала Олегу где он может повесить дубленку, а после повела его в большую комнату, где на диване близко друг к другу сидели папа с мамой. Родители, как по команде встали. Олег протянул свою руку папе:

– Добрый вечер, Николай Константинович! Мы с Вами встречались, я приезжал к Вам в музей лет восемь назад, я тогда собирал сведения о потомках графа Воронцова-Хрусталева. Я Олег Воронцов.

Папа напряг свои близорукие глаза за толстыми стеклами очков и его губы растянулись в улыбке:

– Как же! Олег Геннадьевич, отлично помню! Очень рад Вас видеть у нас. Очень приятная неожиданность. —

Мама протянула свою руку, на пальцах которой были старинные, еще бабушкины кольца, одно с небольшим рубином, другое с изумрудом. Маникюр от Ольги Семеновны поблескивал в приглушенном свете лампы. Олег бережно поднес ее руку к своим губам. Мама была тронута этим красивым

жестом.

– Да, он не изменяет себе, – подумала Леночка, – интересно, как он целуется в губы? – И она улыбнулась про себя какой-то скрытой внутренней улыбкой, которая на миг засветилась у нее на лице. После нескольких фраз о здоровье, женщины пошли на кухню, а папа включил люстру и комната озарилась светом всех двенадцати ламп-свечей. Быстро был накрыт стол и гость был посажен на почетное место слева от папы, а Леночка села рядом с Олегом.

Только сейчас при ярком освещении люстры ей удалось хорошенько рассмотреть его вблизи. До этого она видела его в темноте при свете уличного фонаря, в полумраке салона его автомобиля, в квартире Олега тоже был приглушенный свет от торшера и настольной лампы. Лена увидела, что виски у него уже почти поседели, но волосы были прекрасны, густая, волнистая шевелюра очень украшала его. Небольшой прямой нос, красивые губы, мужественный подбородок с ямочкой, именно такие подбородки и именно с такими ямочками обожала Леночка у мужчин.

Глаза... Олег разговаривал с родителями, его лицо было повернуто к ним, Леночке очень захотелось заглянуть ему в глаза, но все не удавалось. Но вот он повернулся к ней и она увидела его глаза, – большие серо-голубые, как и у нее. Олег что-то спросил и улыбнулся ей, обнажив ряд великолепных белых зубов.

– Да, он несомненно красив, с этим нельзя не согласиться.

Ну и пусть ему под тридцать пять, пусть! Он – джентльмен, он – личность, а это главное! Кого из немногочисленных знакомых ребят можно сравнить с ним? Да никого! Олег – лучший! Он – самый лучший! – И Леночка слегка улыбнулась своей внутренней улыбкой, которую никто не заметил у нее, никто, кроме Олега. Он заметил и улыбнулся ей в ответ и они почувствовали себя, как люди, связанные общей тайной.

Олег вспомнил, что в коридоре на столике он оставил пакет, вышел из комнаты, а затем вернулся, чтобы вручить свои новогодние подарки родителям Лены. В пакете был популярный французский коньяк «Наполеон», огромная коробка конфет для Надежды Борисовны. Вручив подарки и поздравив всех с наступающим Новым годом, Олег тихо сказал Леночке, что подарок для нее будет несколько позднее, он у него дома и он вручит ей его сразу после прихода Нового года. Так как Олег был за рулем, то кроме сока ничего не пил. Часы в гостиной пробили десять вечера. Олег поднялся из-за стола и поблагодарив хозяев, спросил у них разрешения похитить их дочь на празднование Нового года. Папа тоже встал и сказал еще раз:

– Очень рад, мы спокойно вручаем вам свою дочь. Спасибо, что посетили нас, Олег Геннадьевич, приходите еще. – Рука мамы была еще раз поцелована Олегом на прощание, затем он помог одеться Леночке, оделся сам и они, окончательно распрощавшись с родителями Лены, вышли из квартиры.

Когда Леночка ехала вместе с Олегом в лифте, она чувствовала себя такой счастливой, как никогда в жизни. Она ощущала себя настоящей леди, которая едет на бал со своим джентльменом. Олег ухаживал за ней, подавал пальто, открывал перед ней двери, все эти самые обыденные вещи трогали ее до глубины души, ей нравились его манеры, его уверенность, его негромкий голос, нравилось, как он одет, как он пахнет.

Олег открыл перед Леночкой дверцу своего серебристого Мерседеса и она скользнула в салон машины. Через минуту он сел рядом с ней, завел мотор и включив тихую музыку, положил свои руки на руль. Лена смотрела и не могла оторвать взгляда от его рук. Это были чуткие руки врача с красивыми длинными пальцами, на верхних фалангах которых, Леночка заметила небольшие волоски. На правой руке блестел золотой браслет, но обручального кольца не было.

– Почему он не носит кольцо? Тогда в Крыму носил... А ведь я и забыла, что он женат. Размечталась, но и он тоже ведет себя свободно... хотя что у меня с ним? Он просто пригласил меня на Новый год. Да и что у меня может быть с таким взрослым и женатым мужчиной... – спрашивала сама себя Леночка. А глаза никак не хотели отрываться от его рук. Полы дубленки на Олеге распахнулись и она увидела его ноги, вернее бедра в облегающих серых брюках. Затаив дыхание Леночка воспользовалась тем, что Олег выруливал

из ряда припаркованных машин и отвернулся. Нескромным взглядом Леночка скользнула по бедрам Олега в плотно облегающих брюках, блеснула серебристая пряжка черного кожаного ремня. Леночка вдруг почувствовала, что ей сейчас очень хочется сесть к Олегу на колени и гладить его лицо и шею своими ладонями. И еще, она безумно хочет запустить свои руки в вырез его рубашки, чтобы погладить волоски на его груди. Леночка даже слегка закусила губу и застонала про себя от этого нового и доселе неведомого ей чувства. Хорошо, что Олег не заметил того, что происходило с рядом сидевшей с ним Леночкой. Он удачно сманеврировал и вот его серебристый Мерседес уже выехал на проезжую часть.

Повернувшись к Леночке, Олег сообщил ей, что они сейчас заедут забрать его друзей, семейную пару, это здесь неподалеку. На часах была половина одиннадцатого вечера. Они поехали на улицу Маяковского, что в центре города. Подъехав к дому, Олег попросил Леночку подождать несколько минут в машине, а сам вышел и направился к подъезду, где живут его друзья. Его не было около десяти минут, вернулся он один, как оказалось у друзей заболела бабушка, на которую они надеялись оставить своих детей и они остались дома.

– Делать нечего – сказал Олег, – Поедем справлять Новый год вдвоем. Ты не возражаешь? – обратился он к Леночке.

– Нет, не возражаю – ответила она серьезно.

Когда они вошли в квартиру Олега, было одиннадцать

вечера. Оставался всего лишь час до прихода Нового года. Олег помог Леночке снять шубку и загадочно улыбнувшись произнес:

– Леночка, проходите в гостиную и ждите меня там. —

Через несколько минут Олег в смешной новогодней шапочке Деда Мороза вкатил в комнату сервировочный столик, на котором стояла бутылка шампанского, напитки, закуски, фрукты. Все было красиво разложено на тарелочках и приготовлено заранее умелыми и заботливыми руками. Стол в гостиной был сервирован на четыре лица. На белоснежной, накрахмаленной скатерти стояли тонкие фужеры, столовые приборы поблескивали старинным серебром. На столе был обязательный новогодний салат, всеми любимый «Оливье», семга с лимоном, маслины, которые Леночка обожала, заливная рыба, ветчина и масса другой снеди, обильно украшенной свежей зеленью и овощами. Но это было еще не все...

Олег вышел из комнаты, чтобы вернуться с большим серебряным блюдом, на котором лежали, образуя круг, вареные красные раки с таралетками между клешнями. Таралетки были наполнены красной и черной икрой, это был настоящий шедевр кулинарного искусства, Леночка ахнула от всего этого великолепия, на что Олег ответил, что аплодисменты не ему, а его домохозяйке Лидии Сергеевне, которая и приготовила все новогоднее угощение, Олег даже пошутил, что Лидия Сергеевна угадала, сделав дары моря ос-

новным угощением новогоднего стола, так как гуся с яблоками они отведали у Леночки в гостях.

Столовые приборы непришедших друзей, были убраны со стола и Леночка с Олегом оказались вдвоем за этим большим дубовым раритетом. Лена поинтересовалась, где Рекс, оказалось, что Рекс принадлежит все тем же друзьям Олега, которые остались дома.

Огромная антикварная люстра ярко освещала гостиную, Лена осмотрелась по сторонам, она здесь уже второй раз, но тогда освещение было приглушенным и она плохо разглядела обстановку комнаты.

А время шло, часы пробили половину двенадцатого, совсем скоро наступит Новый 1993 год! Чего ждать от него? На сердце у Лены было не совсем спокойно, не давала покоя мысль где семья Олега и почему он встречает Новый год не со своей семьей, а с ней, Леной Крылевской, в общем-то, чужим для него человеком, с которым они случайно встретились всего несколько дней назад.

– Спросить о семье? – Леночка даже слегка поежилась... – Нет, не буду, пусть все идет, как идет. Может он в разводе? Да, скорее всего, это так... – Чтобы не углубляться в эти размышления, Леночка перевела глаза на Олега, который с легкой улыбкой смотрел на нее своими светлыми, лучистыми глазами.

И вот настал кульминационный момент. На экране телевизора Куранты московского Кремля, стрелки стремятся

к двенадцати часам. Удар, еще удар! И вот заиграл гимн России и настал, наконец, новый 1993 год! Олег успел откупорить шампанское с последним ударом Курантов и подавая Леночке фужер с искрящимся золотистым напитком, поздравил ее с наступившим Новым годом и пожелал ей успешно закончить институт, определиться с работой и стать классным специалистом.

А Леночка слушала и не слышала всего этого. Она смотрела на Олега взглядом вопрошающего ребенка, который ждет обещанного сладкого.

Олег подошел к шкафчику, открыл его и достал коробку с французскими культовыми духами «Клима». Леночка сразу узнала эту голубую квадратную коробочку, похожую на кубик детской игры. Она любила «Клима» и всегда старалась незаметно для окружающих втянуть в себя их многослойный сладковатый аромат, исходивший от богатых студенток. У самой Леночки «Клима» никогда не были и потому, что дорого, и потому, что не достать. Поблагодарив Олега, Леночка окончательно растерялась, у нее самой не было подарка для него, о чем она смущенно сообщила Олегу. Он, улыбнувшись сказал, что очень благодарен ей, что она пришла к нему в гости, разделить с ним его одиночество.

Лена внимательно посмотрела на Олега и вымолвила:

– Одиночество? Вы одиноки Олег Геннадьевич? —

– Да! – ответил Олег, – Я уже два года один встречал этом замечательный праздник и вот теперь Вы разделили его

со мной. Спасибо, Леночка. Моя жена и дочь погибли в авткатастрофе три года назад, через пять месяцев после нашей с Вами встречи в Крыму, перед самым Новым годом. Вот с тех пор я и одинок. Да, я очень одинокий человек. —

Оба замолчали, опустив глаза. Олег встал из-за стола и подошел к окну, повернувшись спиной к сидящей за столом Леночке. Она оцепенела. Она была готова услышать и про развод, и про уход жены к другому, но смерть близких людей, горе непоправимое.

Первым нарушил тишину Олег. Он повернулся к Леночке, отошел от окна и сел рядом, взяв ее руку в свою, тихо произнес:

– Вот так... —

Они помолчали еще с минуту, в телевизоре веселились и поздравляли всех с наступившим Новым годом. Олег виновато улыбнулся, выключил телевизор, который обоим не хотелось смотреть. Затем включил музыкальный центр. Стереозвук плавно поплыл и заполнил собой комнату. Синатра пел своим завораживающим голосом о снеге, который накрыл сразу все вокруг. Олег подошел и галантно пригласил Леночку на танец. Они впервые так близко друг к другу с тех самых пор, когда танцевали под звездами в приморском ресторане в Крыму. Леночка уткнулась в плечо Олега, ей было жаль этого мужчину, она вдруг остро почувствовала к нему удивительную смесь нежности и сочувствия, да так, что ей захотелось расплакаться. Это чувство передалось

и Олегу, он чуть отстранился от Леночки, заглядывая ей в лицо, и со смущенной, слегка виноватой улыбкой произнес:

– С Новым годом, Лена Крылевская, с новым счастьем! Вы так молоды, у Вас все впереди. Это я старый, а Вы... – он не досказал фразу и Леночку, как прорвало:– Нет, Олег Геннадьевич, Вы нестарый, Вы даже очень нестарый. – сказала она так, как будто от ее слов он сейчас же станет двадцатипятилетним. Но она верила, искренне верила в то, что говорила. Она потянулась к нему и начала целовать его лицо быстрыми, легкими поцелуями и слезы брызнули у нее из глаз. Он взял ее лицо обеими руками и тоже стал целовать ее щеки, лоб, волосы, но она перехватила его, подставив ему свои губы, и он крепко поцеловал ее с таким чувством, что у Леночки подкосились колени и ноги перестали ее держать.

Олег усадил ее на диван и поднес к ее заалевшим губам прохладный апельсиновый сок. Она чуть отпила и попросила шампанского. Он принес бутылку с шампанским, фужеры, фрукты и поставил рядом на маленький столик. Олег разлил шампанское по фужерам и они выпили до дна этот благородный и такой новогодний напиток.

Лена обняла Олега за шею и так они сидели какое-то время, а она вдыхала его запах и рассматривала волоски на его груди, видневшиеся из расстегнутого ворота его рубашки. Ей вдруг пронзительно захотелось положить ему руку на грудь и гладить ею под его рубашкой, такой голубой,

как и его глаза. И она решилась... ее рука скользнула ему на грудь и начала свое путешествие, она ощупывала его соски, слушала рукой стук его сердца, которое учащенно билось под ее пальцами. У Лены закружилась голова, она стала целовать его в шею, за ухом, а он только шептал ей:

– Леночка, нет... Лена, это невозможно, я не имею права... Лена, что ты со мною делаешь... —

А она не слушала его. Она впервые так близко к мужчине, впервые так сильно желает его. Она растекалась в своем горячем потоке чувств, глаза ее были полужакрыты, волосы накрыли их обоих, струясь золотистым шелком. Олег сначала с трудом сдерживался, затем отпустил себя навстречу Леночке, – он стал покрывать горячими поцелуями ее лицо, руки, плечи, все что попадалось ему на его пути к ней. Они стали уноситься в мир чувственного познания друг друга, все дальше и дальше, уносясь туда вдвоем...

И вдруг раздался телефонный звонок, который они не хотели признавать, они уже на пути в другие миры, все дальше от реальности, их уже затягивает водоворот чувств и возвращаться назад они не в силах.

Но звонок звенел и с каждым разом казалось все громче и настойчивее.

Олег встал с дивана и быстрыми шагами подошел к телефону. Лена, еще не отошедшая от эмоций, захлестнувших ее с головой, лежала ничком, прислонившись к высокой спин-

ке дивана, такого антикварного, синего с золотом и такого равнодушного к ней...

К Лене стало возвращаться сознание и она слышала, как Олег взволновано спрашивает что-то по телефону, а затем бросил фразу:

– Я сейчас же выезжаю. – быстро положил трубку и побегал в коридор мимо Леночки. Уже в куртке, перед тем как уйти, он опустился на колени перед лежащей на диване Леночкой, взял ее руку, приложил к своему лицу и сказал, что срочно должен уехать на вызов, от этого зависит жизнь человека. Сказал еще что-то про ключи, про завтра, про утро, но Лена так и не смогла ничего четко уяснить, она поняла только одно – он срочно уезжает к больному, от него зависит жизнь человека и он будет спасать его, это его долг, как врача.

Пока Лена окончательно приходила в себя, Олег уже мчался по ночной заснеженной дороге, к своему умирающему больному и долг врача гнал его вперед, оставив позади собственные несбывшиеся желания.

А Лена осталась одна. Одна у новогодней елки, у новогоднего стола с его изысканными угощениями и свечами, горящими в старинных подсвечниках... Опять одна, даже в такую ночь. Ей стало так нестерпимо жаль себя, что она разрыдалась, положив голову на белоснежную скатерть, разрыдалась среди этого новогоднего блеска, вся такая красивая, молодая, в своем серебристом платье и туфельках.

Она долго сидела за столом, так и не притронувшись к его яствам. Лишь к пяти утра, когда она уже боролась с наступающим на нее сном, опять зазвонил телефон. В одно мгновение Леночка схватила трубку, сон смело, как шквалистым ветром и унесло далеко-далеко...

На проводе был Олег. Он только успел ей быстро сказать, что он в Москве, в реанимации и что вернется сам не знает когда.

Леночка не удивилась, она каким-то чутьем поняла, что это конец, так и не начавшейся ее новой жизни. Ничего у нее больше хорошего не будет и она обречена на одиночество, не зря есть поверье, как встретишь новогодние праздники, так и год проведешь.

Наступил поздний зимний рассвет... Так и не сомкнувшая глаз Леночка, укутанная пледом, просидела всю ночь у окна в кресле.

Вот и настал он, первый день нового 1993 года. За окном было серое, унылое утро, не предвещавшее ничего хорошего в Леночкиной жизни.

— Я обречена на неудачи, наверное, карма такая, как говорят индусы. —

На столике рядом с недопитой бутылкой шампанского из которого все еще иногда бежали пузырьки, лежала связка ключей от квартиры Олега. Она сейчас уйдет, запрет дверь и больше никогда здесь уже не будет, почему-то в этом Ле-

ночка была уверена:

– Все правильно, он в Москве, он – врач, он спасает больного, а ей, Леночке совсем нет места в его жизни, жизни взрослого, серьезного человека. —

Перед уходом она заметила стоящие на столике у стены картины, написанные маслом. На одной из них был знакомый вид их города, на котором был изображен старинный Кремль, где Леночка бывала много-много раз и в раннем детстве с родителями, и с классом, когда училась в школе, и ночью на выпускном с друзьями. А на второй картине была изображена молодая женщина редкой красоты. Тонкая, изящная, с копной волос, подхваченных диадемой и таким же ожерельем на длинной лебединой шее. В руке белая лилия, в глазах, глубоких и таинственных – звезды. Леночке показалось, что она однажды видела эту женщину. Да, несомненно, это мать Марины. Она видела ее мельком несколько раз, когда бывала у них дома, но ее образ запомнился Леночке. Мать Марины, Зоя Николаевна возникала подобно видению и на приветствия Леночки лишь скользила по ней взглядом из-под ресниц и исчезала в анфиладе комнат их огромной квартиры.

– Как здесь мог оказаться ее портрет? В прошлый раз его точно не было, иначе я его бы заметила. Да, ведь отец Марины художник... – вспомнила Леночка.

Они не виделись с Мариной Раковской с окончания школы. Впрочем, она и школу не стала заканчивать в Вологжан-

ске, а внезапно забрала документы и уехала с родителями в Москву сразу после зимних каникул их последнего выпускного года. Леночка от девчонок слышала, что Марина учится в Москве, то ли в театральном, то ли во ВГИКе... От Марины она как-то случайно узнала, что ее мать тоже училась в Москве на актрису и подрабатывала натурщицей, так они и познакомились с отцом Марины, известным художником Виктором Васильевичем Раковским, которому она позировала. Портрет, видимо, относился к тому периоду, матери Марины здесь нет и двадцати лет.

Заперев квартиру на все замки, к которым она смогла подобрать ключи на связке, Леночка вышла из подъезда дома Олега и побрела к остановке автобуса, чтобы добраться домой. Самое неприятное для нее было явиться из гостей 1 января в 9 утра одной и затем отвечать на расспросы мамы. А хотелось только одного – лечь и постараться побыстрее уснуть, чтобы хоть на время забыть о прошедшей ночи.

Тихо открыв входную дверь и проскользнув в квартиру, Леночка облегченно вздохнула, родители еще спали. Наверное, до утра смотрели «Огонек».

– Ну, хорошо хоть это. – подумала Леночка и на цыпочках прошмыгнула в свою комнату, не снимая с себя верхнюю одежду, тихо прикрыла за собой дверь. – Родители встанут и не увидев на вешалке моей шубы, подумают, что я еще не пришла. Так лучше. Меньше расспросов, а пока хоть чуть-

чуть посплю. —

Лена повесила свое серебристое платье в шкаф, туда же поставила серебристые туфельки. Разделась, упала на кушетку и не заметила, как провалилась в сон после тревожной ночи с ее слезами и ожиданием звонка от Олега.

Проснулась она к обеду от того, что мама и папа переговаривались на кухне. Папа говорил, что нечего волноваться, раз Олег Геннадьевич обещал, значит вернет их дочь в целости и сохранности, просто они тоже спят, как все нормальные люди после новогодней ночи.

Лена посмотрела на часы, висевшие на стене, было пять минут третьего дня, 1 января 1993 года, дня которого она так ждала... Накинув халат, Лена вышла к родителям и поздравившись, направилась в ванную. Мама переглянулась с папой, потом они оба удивленно посмотрели на Лену, а она, задержавшись в дверях ванной, повернулась к ним всем корпусом и, разведя руки в стороны и сделав большие глаза, с легким раздражением спросила:

— Что? — и, не дожидаясь их реакции, быстро вошла в ванную и захлопнула за собой дверь.

Стоя под струями душа, Леночке стало вдруг жаль родителей, слезы побежали по ее щекам, смешиваясь с водой. Так она и стояла минут двадцать, под бесконечно льющимися струями воды. Наконец, взяв себя в руки и выключив воду, Лена обмотала голову большим полотенцем в виде тюрбана и надев на тело теплый махровый халат, вышла из ван-

ной. Родителей в кухне не было, они удалились в свою комнату. В воздухе повисла гнетущая тишина и только у соседей громко включили музыку, которая была особенно слышна на кухне около вентиляционной решетки. Неизвестно, как насчет вентиляции, но шумы из соседней квартиры были отчетливо слышны, что особенно раздражало маму.

Лена налила себе в чашку кофе, сделала бутерброд с сыром и колбасой и поставив все это на поднос, пошла в свою комнату, где и позавтракала. Ей очень захотелось завалиться на сутки в кровать с книжкой и читать, читать.., никого не видеть и не слышать хотя бы эти сутки. А завтра утром она сама пойдет к родителям, успокоит их и все объяснит им. Достав с полки свою любимую «Сагу о Форсайтах» и начав читать с середины, Леночка уже минут через двадцать поняла, что с чтением ничего не получится, глаза скользили по тексту, а мысли были далеко-далеко.

Лена встала, сняла с головы тюрбан из полотенца, прикрыла голову капюшоном халата и вышла из своей комнаты. В квартире стояла тишина. Немного постояв у дверей родительской спальни и послушав тишину, Леночка было решила, что они спят и хотела уже вернуться в свою комнату, но вдруг она услышала тихий голос мамы:

– Нет, это что-то случилось, может они поссорились или он многое захотел себе позволить? Она ведь в девять утра пришла одна. Я видела ее в окно. – мама перешла на громкий шепот, – он ее даже не подвез. Ничего не понимаю. – На что

папа возразил ей, он знает, что Олег Геннадьевич очень порядочный человек, краевед и коллекционер. Видимо, эти доводы для отца были решающими и Олег ничего такого в отношении их дочери не мог совершить.

Не дожидаясь ответа мамы, Лена, постучав, открыла дверь комнаты родителей. Она вошла и извинившись перед ними, ответила на все одной фразой:

– Вам нечего волноваться, ничего со мной не случилось. Просто Олега Геннадьевича вызвали к пациенту и он срочно вернулся в Москву. Вот и все. – поставила точку Лена. – Мама, папа, я сегодня хочу отдохнуть, полежать, почитать, а завтра может схожу к подруге. Да... надо еще отнести туфли Наташе. – На что мама сказала:

– Обязательно передай ей от нас фрукты, ей сейчас особенно нужны витамины. Я отложу ей в пакет, только ты не забудь. —

– Не забуду. – ответила Леночка, слегка улыбнувшись, впервые с тех пор как они расстались с Олегом. – Спасибо, мама и папа. Я пошла к себе. – и закрыла дверь за собой.

Вернувшись к себе, на свою кушетку роста, Леночка не заметила как уснула, погрузившись в глубокий и долгий сон.

Глава 8 Так хочется любви и счастья

Проснулась она на следующее утро часов около восьми. За окном были еще предрассветные сумерки, густые чер-

но-синие, как черничный кисель и лишь несколько звезд сияло на закрытом небе. Утро обещало быть серым и мрачным, как и вчера. Но вопреки ожиданиям, с утра часам к одиннадцати подул ветер и освободил зимнее солнце из плена серых туч. Лучик солнца проник сквозь облака, чтобы ненадолго погостить в Леночкиной комнате, ласково погладил шкаф с книгами, затем, отразившись в зеркале напротив окна, заискрился и осветил все собой.

– Странно... – подумала Леночка. В декабре солнце если и появляется, то оно тусклое, как бы покрыто пеленой, но уже в самых первых числах января, солнце уже другое и даже от одного скупого зимнего луча, происходит яркое свечение, которое усиливается с каждым днем. Так и жизнь идет, как по кругу зиму сменяет весна, затем быстро пролетает лето, но осень и зима кажутся бесконечными в их краях. И, что там в Москве? Как пациент Олега? – думала Леночка.

Нам сейчас и не понять, как жили люди без интернета и мобильных телефонов, ведь прошло не так уж и много времени с тех пор, а как изменилась жизнь под влиянием этих столь необходимых и привычных сейчас вещей. И только к вечеру 2 января в квартире Крылевских раздалась характерные междугородние звонки. Мама крикнула на всю квартиру:

– Лена, это Москва! – в ту же секунду Лена уже выхватывала из рук мамы телефонную трубку, сделав жест всем удалиться. Даже папа каким-то образом оказался рядом.

Леночка, наконец, услышала голос Олега. Он говорил своим спокойным, уверенным, но каким-то чужим голосом, как будто прошло не двое суток, а два года. Все, что Леночка смогла понять, сводилось к одному, он не приедет в ближайшее время, он будет занят с его пациентом, который жив и за жизнь которого он в ответе. На вопрос Леночки, что ей делать с ключами от его квартиры, Олег ответил, пусть хранятся у нее, запасные ключи есть у домработницы Лидии Сергеевны. Пожелав друг другу всего хорошего, они распрощались. Положив трубку, Лена пошла на кухню налить себе чаю. Мама с папой сидели притихшие за столом и стараясь не смотреть на Леночку, усердно разглядывали содержимое своих чашек. Лена даже улыбнулась от их сосредоточенности:

– Ну, что вы приуныли, больной жив, он в реанимации под присмотром медицинского светила, Олега Геннадьевича. Все хорошо. А что вы собственно хотели? Что мы с ним явимся 1 января и попросим вашего благословения? Я вам сразу сказала, что он никакой мне не жених, ни настоящий, ни потенциальный. Он взрослый и свободный человек, так что зятя и свадьбы скоро не ждите. —

Мама, вздохнув украдкой, встала и открыв холодильник, достала миску с оливье и наложив на тарелку салат, сказала:

– На, поешь. Ты с утра кроме бесконечного чая с кофе ничего не ела. И куда я все это наготовила... Надо пойти к соседке Катерине Петровне и угостить ее. – Разумно решила

мама. – Грех еду выбрасывать, а нам не осилить этого. —

– Я сейчас пойду относить туфли Наташе, можешь положить ей в придачу к фруктам; рыбку, оливки и огурчик свежий. Вот и разойдутся закрома Родины. – с иронией добавила Леночка. – И сами ешьте. Вы тоже ничего не едите. —

Быстро одевшись и закрыв за собой дверь квартиры, Леночка не стала ждать лифта, а перескакивая через ступеньки лестницы, пролет за пролетом, как школьница, быстро одолела все семь этажей, по пути замечая надписи на стенах, покрытых синей краской: «Вера + Миша = любовь». Этой надписи уже сто лет... Верка, живущая на третьем этаже, за это время уже успела выйти замуж за того самого Мишу и теперь поочередно с мужем катает коляску в их дворе. А ведь она моложе Леночки года на три... —

– Эта надпись была еще когда я училась в 10 классе. Шесть лет прошло, интересно сколько она еще здесь продержится, подъезд сто лет не ремонтировали. – подумала Леночка, выходя на улицу. У нее почему-то стало легче на душе, как будто все, что случилось с ней в новогоднюю ночь было сном, а сейчас она проснулась и успела отойти от этого ночного кошмара.

Вот и дом Наташи. Вбежав на второй этаж, Леночка позвонила в дверь. Никто не открывал, Лена хотела позвонить второй раз, но кто-то стал судорожно открывать замок изнутри квартиры, затем, будто опомнившись спросил:

– Кто там? – услышала Леночка старческий голос.

– Это я, Лена, подруга Наташи, откройте пожалуйста. –
напрягая голос, ответила Леночка.

Замок опять закрутился и, наконец, дверь открыла старая Наташина бабушка, от которой Леночка узнала, что Наташу увезли сегодня ночью в роддом. Бабушка была полуглухая и плоховидящая. Леночка попросилась войти в квартиру, чтобы положить коробку с туфлями на столик в прихожей, а вот сверток со снедью, собранный мамой, она отдала в руки бабушки, заодно поздравив ее с Новым годом. Быстро распрощавшись с ничего так и не понявшей бабушкой, которая растерянно стояла и держала в руках прижатый к себе сверток, Леночка осторожно закрыла за собой входную дверь и выбежала из Наташкиного подъезда.

На улице сияло солнце, был легкий морозец, как в стихах Пушкина:

«Мороз и солнце, день чудесный...» Именно в такие дни, эта бессмертная строка всегда приходит на ум. День был и впрямь так хорош, что Леночка решила не ехать домой на автобусе, а пройтись пешком, тем более торопиться некуда, да и незачем.

Легкое настроение внезапно сменилось отчаянием и грустью. Леночка остро почувствовала пустоту вокруг себя. По заснеженному бульвару бегали, кидаясь снежками, дети. Мимо проезжали санки, с сидящими в них краснощекими карапузами. Лена вспомнила, как папа тоже возил ее на санках, сначала в ясли, затем в детсад.

– Детство прошло и никогда не вернется, а взрослая, самостоятельная жизнь все никак не наступит, – грустно подумалось Леночке – но осталось немного, закончу институт, может съезжу отдохнуть на море. Мама с папой обещали подарить путевку к окончанию института. Ну, а затем с 1 сентября опять в школу, только уже в качестве учителя. Вот такая она, жизнь! Пройдет еще совсем немного времени и ее подруги приведут к ней в школу своих детей. А она будет их учить, ставить двойки. Нет, злоупотреблять она не будет... она будет строгой, но справедливой, иначе нельзя, иначе какой из нее учитель? Пройдут годы, а она будет уже с седыми прядками по вечерам сидеть над их тетрадками. – Лена аж криво ухмыльнулась, представив себя такой. Только сейчас она заметила, что ноги как-то сами привели ее на вокзал.

Народу было немного и Леночка решила отдохнуть, присев на скамейку перрона. Вдруг голос из висящего прямо над ней громкоговорителя проинформировал, что отправляется поезд Вологжанск – Москва, всех провожающих просят выйти из вагонов. И Леночка увидела его – темно-бордового с бежевым, состав из вагонов с фирменным логотипом «Вологжанка». Люди торопились, кто-то быстро заходил в вагоны, подгоняемый страхом, что поезд уйдет без него, кто-то быстро выходил, боясь нечаянно уехать. Провожающие стояли на перроне у окон поезда и махали руками отъезжающим. Леночке так захотелось прямо сейчас в Москву, к нему, чтобы увидеться хоть на немножко. В голове по-

неслись мысли одна, сменяя другую. Разум боролся с Чувствами. Побеждал Разум. Во-первых, она не может прямо сейчас уехать, у нее нет денег на билет.

– Дома есть.– отвечало Чувство, – Целых пять тысяч рублей рублей, этого должно хватить в оба конца, не много, конечно, но хватит.-

– Завтра тебе нужно в институт. – сыпал аргументами Разум.

– Завтра пятница, будет ночной поезд до Москвы, следовательно в субботу утром ты будешь в столице. А в институте только одна пара, ты все успеешь! – парировало Чувство.

– И где мне его искать? -

– Он говорил, что работает в институте Склифосовского, найти нетрудно. От Ярославского вокзала прекрасно доедешь на метро, а там спросишь у людей. —

Леночка поежилась и сама себе призналась, что ей страшно. Она никогда не была в Москве одна. Все время с родителями. Но тут ей стало стыдно:

– Тебе скоро двадцать два, а ты все чего-то боишься, привыкла с мамой-папой за ручку ходить. Ты – инфантильная и пугливая провинциалка, вот кто ты такая, Лена Крылевская! – И Чувство победило Разум.

Лена поняла, что она уже все решила: – Она поедет завтра в Москву, найдет его, чтобы увидеть, поговорить. Ей это просто необходимо. Нет, она не будет мешать ему и отвлекать его от важных дел. Просто увидеть, просто посмотреть

при свете дня в его серо-голубые глаза и пусть это будет ее новогодним подарком ему! -

Сразу повеселев, Леночка заторопилась к автобусной остановке и уже по дороге домой, сидя у замерзшего окошка, она окончательно решила ехать завтра в Москву. Зайдя в квартиру, скинув сапожки и даже не сняв шубку, Лена проскользнула к себе в комнату, открыла ящик стола, достала из шкатулки деньги, затем обратно ноги в сапоги и юркнула в дверь, тихо закрыв ее за собой, чтобы не услышали родители, которые судя по звукам из их комнаты, смотрели телевизор.

– Как хорошо, что они не увидели меня. Сейчас быстро на вокзал за билетами. Главное, были бы билеты. – вмешался Разум. – Праздники, наверняка все раскупили. -

Но Чувство гнало: – Быстрее, а вдруг в кассе остался твой билет и ждет тебя... —

И вот она уже у кассы вокзала, быстро, почти бегом к окошку с видом человека у которого жизнь зависит от покупки этого билета. Бывалая кассирша, слегка за пятьдесят, смотрит на нее с важностью персоны, продающей билеты в Рай или в Большой театр, на худой конец. Из ее смачно жующего рта, с размазанной красной помадой и блестящими золотыми зубами, вылетает:

– Вы что, девушка! У нас в Москву все билеты распроданы за месяц! Новогодние праздники, детские каникулы... —

– Чуда не произошло. – констатировал Разум. Лена как-то

съежилась, сжимая в руках кошелек с деньгами. Не в силах сразу уйти, она какое-то время стояла рядом с кассой.

И вдруг чудо все же произошло. В тот самый момент, когда Леночка, с трудом приходя в себя, начала медленно отходить от окошка кассы дальнего следования, к нему подошел молодой парень и стал говорить кассирше, что у него что-то произошло и он поехать в Москву не может, поэтому хочет сдать свой билет обратно в кассу.

Из оцепенения Лену вывела все та же кассирша с золотыми зубами и ярко покрашенным ртом. Она даже высунулась из своего окошка по самые плечи, чтобы найти и посмотреть на эту счастливицу – Леночку.

– Билет есть! Его держит в руках этот парень! – восторженно воскликнула Чувство.

Лена взмолилась, обращаясь к парню:

– Пожалуйста, не сдавайте! Я куплю у вас билет, мне очень нужно! – Она сказала это с таким отчаянием в голосе, что парень как-то тревожно посмотрел на нее, ее бледное лицо и сказал:

– Боковое, правда, верхняя полка в самом конце вагона, перед туалетом. —

– Не важно, – ответила Леночка – вот деньги. – И она отдала пятитысячную купюру в руки парня, быстро развернулась, чтобы уйти, забыв про сдачу. Парень догнал ее и отсчитав деньги, сунул их в Леночкину руку:

– У тебя что-то случилось? – спросил он, заглядывая ей

в лицо.

– Да нет, просто очень надо! Спасибо! – Леночка быстро повернулась и ушла. А парень так и остался смотреть ей в след.

– Все же есть судьба! И наличие этого билета, подтверждение тому, – думала счастливая Леночка по дороге домой.

Родителям она решила сказать о своей поездке в Москву только завтра, нужно еще причину придумать, чтобы как-то обосновать свой внезапный отъезд в столицу. На улице уже темнело, сгущались зимние тягучие сумерки, опутывая весь город с его редкими огоньками.

Придя домой, Леночка вспомнила, что у нее нет обратного билета:

– Опять вернуться на вокзал, в кассу к кассирше с ее накрашенными губами... Нет, что-нибудь придумаю. Главное, туда добраться, а назад... а вдруг опять произойдет чудо и она в Москве купит обратный билет... По-любому, это будет проще сделать, в наш город туристы толпами не едут даже летом, не то, что зимой. – успокоила себя Леночка, – Так, что нечего саму себя накручивать, назад я точно доберусь. А вдруг Олег пригласит к себе, ведь у него квартира в Москве, а впереди почти два дня выходных – суббота и воскресенье. А вдруг? – Леночка от этого «вдруг», даже глаза закрыла. – Побывать у Олега в его московской квартире... Нет, Новый год и вправду дарит чудеса! – С этими мыслями

Леночка отперла дверь и вошла в квартиру. На часах было пол десятого вечера и она только сейчас поняла, что ужасно голодна, устала и хочет спать.

В квартире был погашен свет и судя по тишине, родители уже спали, чему Лена была рада. В такие моменты она ощущала себя свободнее, это похоже на чувства родителей, когда их маленькие дети уснули и наступает свое личное время, пусть кратковременной, но свободы.

А голод меж тем давал о себе знать и Леночке ужасно захотелось доесть, наконец, новогодний оливье, который она обожала. Выйдя на цыпочках в кухню и не зажигая свет, она тихонько открыла холодильник, чтобы достать из него салат, и вдруг почувствовала, что в кухне кто-то есть... да, в углу у окна Леночка увидела освещенную луной фигуру мамы. Она спала, положив голову на руки, лежащие на подоконнике.

– Мама, ты заснула у окошка, на своем боевом посту... – улыбнулась дочь.

Прическа, сооруженная Ольгой Семеновной, потеряла форму и голова, покрытая завитушками химзавивки, покоилась на руке мамы. Тут мама подняла голову и сразу проснулась, увидев Леночку. Она встала, зажгла свет в кухне и внимательно посмотрела на дочь, напрягая чуть заspanные глаза. Мамино сердце не обмануть, она почувствовала, что Леночка что-то скрывает и ей захотелось узнать, что?

Но Леночка, поцеловав ее и пожелав спокойной ночи,

схватила тарелку с салатом и скрылась в своей комнате.

На следующее утро Леночка проснулась рано и первое, что она сделала едва открыв глаза, протянула руку за сумочкой, стоящей на столике и достала из нее заветный билет. Да, ей это не приснилось, завтра она будет в Москве. Завтра она увидит его, его глаза, улыбку. Как ей хочется прижаться к нему, его губам, ощутить силу его поцелуя.

День прошел обыденно и скомкано. Отсидев лекцию в полупустой аудитории института, и как только она закончилась, Леночка вздохнула с облегчением и быстрыми шагами направилась к выходу. Спускаясь по лестнице к раздевалке, где кучковались студенты, что-то оживленно обсуждая, она услышала:

– Лена! Лена Крылевская! – окликнул ее Денис Звонарев, староста группы. – Ты куда так несешься? —

Лена посмотрела не него, невидящими глазами:

– Сейчас пристанет с каким-нибудь поручением, он знает, что я не умею отказывать. Господи, и когда я научусь говорить слово «Нет». —

Денис, пробираясь сквозь толпу студентов, подошел к Леночке:

– Что ты делаешь завтра? Давай сходим в кино вместе? —

– Как все просто... – подумалось Леночке. – Эх, Денис, Денис! Где ты был эти последние пять лет? Может еще совсем недавно, всего несколько дней назад и пошла бы с тобой в кино, но ты безнадежно опоздал, Денис, наверное, тебя

поглотили общественные дела:.. Вот куда ушло твое время. Завтра я буду далеко, в другом мире. Так, что извини, Денис, ищи себе другую спутницу для кино. – И Лена ответила:

– Спасибо, Денис, но извини не могу, буду занята. – И быстро повернувшись, поспешила к гардеробной. Накинув на себя шубку, она почти выбежала из здания института. Уже дома, наскоро пообедав, Леночка решила все же взять с собой юбку с блузкой из тонкого китайского панбархата, которую мама перешила ей из бабушкиного платья. Эта ткань была просто волшебной, на темно-зеленом бархате из натурального шелка, полыхали и светились желто-фиолетовые ирисы. Погладив рукой блузку, Леночка вспомнила свою бабушку, папину маму и глаза ее невольно увлажнились: – Бабушка, ты будешь незримо со мной, принеси мне пожалуйста счастья, бабуля.-

Положив в сумку юбку и блузку, а также кое-что из белья, Леночка закончила свои нехитрые сборы. У нее осталось около трех тысяч, что в те времена было весьма скромной суммой, но на обратный билет должно хватить и все же денег маловато...

Присев на стул рядом с небольшой сумкой, приготовленной для поездки в Москву, Леночка окинула взглядом свою комнату. Когда она начнет работать, первое, что она купит, будет новый диван-кровать в ее комнату и она, наконец-то, распрощается с ненавистой «кушеткой роста».

– Прощай, кушетка, ты уже обречена! Я выросла, я пере-

росла тебя! Мама, наверняка, не даст ее выбросить, а отправит на дачу, но даже на даче я не буду спать на ней, иначе опять почувствую себя недоростком, попаду в ее плен и снова закомплексую. -

Родителей нет дома, они вышли на работу. У них всегда находятся дела, когда многие сотрудники стараются под любым предлогом не работать и побыть дома. Лена любила эти редкие часы одиночества в квартире, она чувствовала себя свободнее, могла включив музыку, танцевать одна, вернее, со своим отражением в зеркале. Все-таки от зеркала исходит некая тайна, магия бесконечности. Оно способно иногда составлять компанию, – Как мне сейчас,– улыбнулась Леночка, глядя на себя в зеркало.– не даром моим любимым фильмом в детстве было «Королевство кривых зеркал», который я иногда до сих пор смотрю. Когда я проживу самостоятельно и буду жить одна... Почему одна? – спросила сама себя Леночка. – Когда-нибудь и у меня будет своя семья: муж, дети... Так вот, у меня в квартире будет много зеркал, они увеличивают пространство, дарят свет и солнечных зайчиков, а глядя в них не чувствуешь одиночества. —

С этими мыслями Леночка пошла в ванную, включила кран и налила под бьющую струю пенное средство для мытья, затем щедро сыпанула в воду большую пригоршню морской соли. Зарывшись в белую ароматную пену и закрыв глаза, Леночка наслаждалась любимой музыкальной композицией «Лили была здесь» в исполнении знаменитой саксо-

фонистки Кэнди Далфер, томно звучащей из портативного магнитофона «Грюндик», привезенного папой из редкой заграникомандировки. Вода под шапкой ароматной пены ласкала ее молодое и красивое тело. Она любила понежить себя в ванной, но для этого было необходимо, чтобы никто не мешал и не торопил. На беду в их небольшой трехкомнатной квартире был совмещенный санузел, что в присутствии родителей дома, не давало возможности вот так подолгу лежать и наслаждаться. Постоянно буравила мысль, что кому-то нужно в туалет. Прележав с полчаса в пенной ванне, Леночка встала и надев большой махровый халат, пошла на кухню сварить себе кофе в тюрке, захватив «Грюндик» из ванной. Кофе ей привозил папа, когда бывал по делам в Москве. Он покупал его в гастрономе ГУМа, в этом выставочно-показательном магазине СССР, находящемся на Красной площади, прямо напротив Мавзолея Ленина. В ГУМе, в отделе торгующем кофе, всегда было много немцев, которые покупали его килограммами. В Германии кофе такого качества, как в СССР, был дороже на порядок и папа, привозя из Москвы пакет с ароматнейшими зернами «Арабики», вручая его дочери, всегда говорил:

– Зато у нас кофе самый лучший и дешевый. —

– Ничего себе... может и дешевый, а для нас так сплошное разорение, четыре рубля за килограмм! – всегда приходило на ум Леночке.

Зарплаты у родителей были более, чем скромные и ес-

ли их доход перевести в кофе, то получится... черт возьми! У папы целых 40 кг в месяц! Целый мешок кофе! О, надо поехать в Германию и продать там мешок кофе на марки. Нет... ничего этого не будет, ни Германии, ни мешка кофе, ни марок! Успокойся и вари свою турочку. —

Лена положила две столовые ложки с верхом в турку, добавила одну столовую ложку сахарного песка и включив газ, поставила турку на конфорку, постоянно помешивая кофе с сахаром. Она дождалась, когда аромат, исходящий из турки, под воздействием карамелизации, заполнил всю кухню. Пришло время воды, причем обязательно сырой, некипяченой. Впрочем, когда совсем нет времени, можно залить и кипятком, не особенно хуже, но гораздо быстрее. Когда пенная кофейная шапка в турке поднялась не меньше трех раз, Леночка сняла турку с конфорки, выключила газ, достала свою любимую кофейную чашечку и плеснув в нее божественный, черный, как смоль напиток, начала потихонечку смаковать его маленькими глоточками, чуть обжигаясь. Из «Грюндига» плавно текла джазовая мелодия соло саксофона, что окончательно расслабило Леночку:

– Наслаждение надо уметь продлевать, а наслаждение от ожидания наслаждения – вообще, высший пилотаж. – с такими ощущениями в душе Леночка допила кофе, быстро сполоснула любимую чашечку из тонкого прозрачного фарфора и прихватив с собой «Грюндик», пошла в свою комнату, легла на кушетку и стала слушать, погружаясь в мечты

и любимые мелодии. Ей совсем не хотелось думать, что она скажет родителям, как объяснить свой поздний уход на ночь глядя из дома.

– Но все же надо сказать, а то они решат, что их дочь сбегала из родительского гнезда, как в старинных романах. Пожалуй, скажу папе, а он сам сообщит маме потом, когда я уеду. – решила Леночка и это окончательно освободило ее, просто камень с души свалился – Папа, с ним всегда легче, хоть он и молчит постоянно, но в его молчании столько смысла, он все понимает глазами, папочка дорогой... —

Посмотрев на часы, которые показывали пять минут шестого, а это значило, что совсем скоро придут родители, Леночка решила немного вздремнуть перед дорогой. Как знать, удастся ли выспаться в поезде... И Лена незаметно погрузилась в сон.

Глава 9 Подарить себя

Проснулась она от голосов пришедших с работы родителей. Мама всегда говорит громко, – наследие школы. Когда тебя слушает класс из тридцати-сорока человек, все время приходится напрягать голос.

– О, и меня это тоже ждет, – подумалось Леночке. – меня до сих пор усиленно зовут в аспирантуру, но так хочется самостоятельности. Денег, наконец. А это еще несколько лет безденежья и зависимости от родительского скромного бюд-

жета. Впрочем, есть вечернее обучение, так что если и продолжать учиться, то только на заочно-вечернем. —

Размышления Леночки были прерваны стуком в дверь:— Это папа! Сейчас скажу ему. Да, папа, входи! — ответила Леночка.

Папа вошел со своей доброй, смущенной улыбкой на лице.

— Папа, мне нужно кое-что тебе сказать, а потом ты скажешь маме. — Улыбка исчезла с папиного лица, он весь как-то напрягся.

— Папа, я сегодня уезжаю ночным поездом в Москву. Приеду поздно в воскресенье или утром в понедельник. Прошу тебя не волнуйся и маму успокой, со мной все будет хорошо, я — взрослая. —

Папа посмотрел на Леночку, затем тихо вышел из комнаты, а через несколько минут вернулся и протянул Леночке красную пятитысячную купюру.

— Возьми, дочка, пригодятся. — и тихо повернулся, чтобы уйти, но Леночка в секунды догнала его у двери, обхватила за плечи, прижавшись щекой к спине.

— Спасибо, папочка, это на всякий случай. Я верну тебе, верну. Спасибо! — Они постояли так с минуту-другую, тут раздался мамин голос из кухни:

— Идите ужинать, все стынет! —

И папа с Леночкой отправились на зов мамы к столу, на котором стояли тарелки с горячим ужином. Все трое се-

ли за стол. – Слава Богу! Маме ничего не удалось прочитать на их лицах. Обычно стоит лишь о чем-то подумать, как мама уже затевает разговор на тему, которая лишь только в голову пришла. У нее какое-то просто звериное чутье. Она папу, вообще, сканирует, может поэтому он почти всегда молчит и как-то виновато смотрит на нее. —

Часы показывали 20.10, поезд в Москву отходил в 23.40, таким образом, чтобы успеть на вокзал, Леночке нужно выйти из дома за час до отправления поезда, пусть лучше время будет в запасе. – В 22.40 родители будут спать, папа, конечно, нет. Наверняка, он догадался к кому я еду в Москву, хоть и не задал ни одного вопроса. Милый папочка. – с нежностью подумала Леночка. – Ну, а завтра утром он все скажет маме. Он знает как, он все знает... —

И вот на часах 22.40, в спальне родителей тишина. Леночка осторожно вышла из своей комнаты с небольшой сумкой в руках и наткнулась в дверях на папу.

– Я провожу тебя. – сказал папа.

– Нет, мама проснется. Не волнуйся, я поймаю такси. – Лена сказала это таким твердым, непререкаемым тоном, что папа сдался. Он обнял ее на прощание и тихо открыв входную дверь, Леночка вышла из квартиры.

На улице была январская черная ночь, под ногами закрипел свежавыпавший снег, огромная Луна среди звезд освещала все вокруг. На улице никого. Вспомнился Блок с его: – «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Лена стояла на ав-

тобусной остановке уже пятнадцать минут и в сердце прокралась тревога, – вдруг автобус не придет и где найти свободное такси в пятничную ночь, когда многие продолжают отмечать Новый год и машины нарасхват в их маленьком городе. Она побаивалась идти одна по темным улочкам с редкими фонарями и тусклым освещением, да и преступность в городе заметно возросла. Лена пожалела, что отказала папе проводить ее, холод от этих мыслей заполз ей под шубку и внутри все сжалось.

Вдруг показался из-за поворота долгожданный автобус, который повезет ее к мечте.

И вот она уже на вокзале слилась с толпой своих будущих попутчиков, сейчас они все сядут в поезд и завтра утром она окажется в другом мире, мире Москвы!

Лена смутно помнила Москву, в которой была лишь в детстве. Запомнился отчетливо огромный «Детский мир», где продавали вкуснейшее мороженное в вафельных стаканчиках и где ей купили большую куклу с косами, которая и сейчас сидит в ее комнате на полке, как напоминание о той поездке.

Леночка никогда не испытывала комплекса провинциалки, она искренне любила свой родной город и не жалела, что не поехала учиться в Москву или Питер, тогда еще Ленинград.

Пройдя в вагон, она нашла свое место и пусть оно и неудобное, в самом конце вагона рядом с туалетом, но сей-

час все улягутся и уснут, а утром – Москва! И вот поезд тронулся, попутчики стали укладываться на ночь. Леночка ловко взобралась на свою верхнюю полку. Легла, прислушиваясь к мерному стуку колес поезда.

– Я еду. Я решила и сделала это. Завтра я увижу его, увижу его глаза, как я соскучилась по нему... – Не сразу, но ей удалось все же уснуть в эту ночь.

Глава 10 Ненужный подарок

Утром ее разбудили голоса попутчиков. Посмотрев на свои часы, Лена определила, что они будут в Москве через полтора часа. Она быстро соскочила со своей полки, встала в очередь в туалет, умылась, почистила зубы, затем выпила горячий чай из граненых стаканов в старых массивных подстаканниках. Леночка с детства всегда думала, что именно из таких стаканов, в таких подстаканниках пили чай Ленин со Сталиным. Теперь это раритеты, которые можно встретить на развалах блошинных рынков и Измайловского вернисажа в Москве близь метро Партизанская.

А раньше, в советское время, в вагонах поездов дальнего следования проводницы раздавали свой огненный чай пассажирам именно в таком виде – граненый стакан в массивном, вычурном подстаканнике. Это уже стало частью истории, советской истории.

И вот за окнами поезда Москва, о чем свидетельствуют

все таблички с указателями, поезд заметно сбавил скорость и плавно въехал на территорию Ярославского вокзала. Все в вагоне засуетились, раздались голоса детей и их родителей, призывающие своих отпрысков не бегать по вагону поезда.

Леночка, подхватив свой немудреный легкий багаж, первая вышла из вагона, покинув эту суетную толчею. На перроне она остановилась, вглядываясь вдаль, в самое начало платформы, где огромными буквами из металлических блоков значилось одно слово – Москва. Здесь даже воздух был другой, привокзальный воздух Москвы. Подул ветерок, принесший с собой запах легкого дыма, как от березовых поленьев на даче. Подъездные пути вокзала, подобно артериям связывают столицу с другими городами и всякими огромной страны. Втянув в себя побольше воздуха пока еще неведанной, но уже явно осязаемой городской среды Москвы, Леночка зашагала по перрону все ближе и ближе к тем самым шести буквам, которые и составляют вместе магическое слово – «Москва».

С помощью прохожих Леночка нашла метро, которое оказалось совсем рядом, буквально при первом повороте на выходе, между Ярославским и Ленинградскими вокзалами. Подойдя к дежурной по станции, Леночка спросила, как ей добраться до института Склифосовского, быстро записала за ней на листок бумаги и пройдя к эскалатору, смело встала на движущиеся вниз ступени. Надо сказать, что это непростое испытание и кто впервые это делает, не каждый

переносит со спокойным сердцем. Перед Леночкой, стоящей на самом верху эскалатора, открылась если не бездна, то что-то вроде того, но она лишь крепче сжала рукой поручень, стараясь не смотреть вниз. Москвичам этого не понять, они с самого раннего детства пассажиры подземки, а вот у некоторых гостей столицы, которые впервые попали в метро, случается иногда что-то похожее на шок.

Сойдя с эскалатора, Леночка села в вагон и через несколько остановок с пересадкой доехала до станции «Сухаревская», далее уже на выходе из метро прохожие объяснили ей как добраться до института, оказалось, что это совсем близко, прямо на Садовом кольце. Как историк, Леночка, конечно, знала, что создание странноприимного дома связано с романтической историей любви между графом Николаем Петровичем Шереметьевым и его крепостной актрисой Прасковьей Ивановной Ковалевой, известной под сценическим псевдонимом Жемчугова. Влюбленные обвенчались в 1801 году, однако смерть безжалостно унесла в могилу его любимую. В 1803 году, через две недели после родов Прасковья умерла, оставив графу крошечного сына и наследника.

Странноприимный дом стал памятником этой любви, для строительства граф привлек знаменитого итальянского архитектора Кваренги. В Шереметьевскую больницу везли всех тяжело раненных, которые не могли заплатить за лечение. Сам Шереметьев в Устав больницы заложил правило безвозмездности оказания медицинской помощи.

И вот, Леночка вошла на территорию этого «города в городе», нашла согласно схеме, висящей при входе, место расположения главного корпуса, затем отстояв очередь в справочную, узнала, что врач – реаниматолог Воронцов Олег Геннадьевич на работе, в отделении экстренной помощи, но ее туда никто не пустит, она может дожидаться его в приемном зале перед отделением реанимации. Надо просто сидеть там и ждать, когда он выйдет на встречу с посетителями и родственниками пациентов.

Лена прошла бесконечную череду больничных коридоров и переходов, прежде чем найти этот зал ожидания. Это было довольно большое помещение со стоящими вдоль стен диванами и креслами, обитыми коричневым дермантином. Почти все места были заняты посетителями и лишь одно кресло под раскидистой пальмой в огромной кадке пустовало, в него-то и села Леночка с твердым намерением дожидаться Олега. Главное, что ее кресло под пальмой находилось как раз напротив дверей, над которыми было написано: РЕАНИМАЦИЯ. Сквозь стекло перегородки ей был виден длинный коридор по которому перемещался медперсонал, возились каталки с пациентами и без, короче, шли обычные медицинские будни этой крупнейшей тогда больницы страны на базе скорой помощи.

На больничных часах было двадцать минут первого. Лена ожидала Олега уже почти два часа. Она почувствовала, что ей ужасно захотелось есть, но она усилием воли отогна-

ла от себя чувство голода, твердо уверенная, что стоит ей ненадолго отойти, как он тут ж выйдет, затем уйдет и больше не появится вновь, а она не увидит его и уедет ни с чем, так и не встретившись.

– Нет, буду сидеть здесь до последнего и обязательно дождусь, главное, что он на работе. – Периодически из реанимационного отделения выходили врачи и медперсонал, но Олега не было. Посетители приходили и уходили, одни сменяли других, открывались и закрывались двери служебного лифта, перевозящего сотрудников института, но среди них она так и не увидела его. Прошло еще не менее часа, вдруг дверь реанимационного отделения открылась и из него в белом халате и шапочке вышел Олег и направился прямо к Леночке слегка улыбаясь своей уже такой знакомой улыбкой. А она встала со своего кресла под пальмой, сделала несколько шагов ему навстречу, но он прошел мимо совсем рядом, даже не заметив ее. И тут только Леночка заметила ее, стоящую у окна женщину, к которой направлялся Олег. Просто, но дорого и со вкусом одетая, на ней были светло-бежевые брюки, такого же цвета кашемировая водолазка, через плечо был перекинут палантин в теплой цветовой гамме от бежевого до терракотового цветов, который был ей очень к лицу. На ногах были светлые в тон батильоны на высоких шпильках. Леночке было все хорошо видно сквозь раскидистые листья, прикрывающей ее пальмы. Она стояла не в силах оторваться от этих двоих, а они стояли и тихо беседова-

ли. Затем Лена ясно увидела, как Олег взял руки женщины в свои руки, они продолжали беседу, а он все не выпускал их из своих рук, а она молча внимательно слушала его. Скупое зимнее солнце вышло из-за туч и на минуту осветило лицо женщины, которое показалось Леночке знакомым, она уже почти не сомневалась, что видит перед собой мать Марины, но женщине на вид было не больше тридцати двух—тридцати пяти лет, а Мариной матери должно быть не меньше сорока, а то и больше... Тут открылась дверь и молоденькая медсестричка произнесла:

— Олег Геннадьевич, подойдите пожалуйста в реанимацию. —

Олег нежно, как показалось Леночке, сжал руки женщины на прощание и быстрыми шагами, проходя мимо Леночки, скрылся за дверью, ведущей в реанимацию.

Лена стояла, как каменный столп и только одна мысль пульсировала в ее голове:

— Он прошел совсем рядом, он смотрел и не видел меня, как будто я предмет или пальма, которая здесь, наверное, со дня основания института. —

Лене захотелось побыстрее уйти, убежать, покинуть это место как можно скорее. Она направилась к выходу и вдруг в дверях лицом к лицу столкнулась с Мариной, которую не видела с окончания школы и которую меньше всего хотела бы сейчас встретить здесь.

Марина сразу узнала Леночку и отступить было уже неку-

да. Марина удивленно подняв брови, спросила:

– Лена? Лена Крылевская? Что ты тут делаешь? – Она настолько прямолинейно задала свой вопрос, что Лена смутилась и совершенно растерялась, а Марина увлекла ее за собой и подвела к матери.

– Мама, ты помнишь Лену, Лену Крылевскую? Мы учились в одном классе в Вологжанске. – Мама Марины подняла свои прекрасные, но ничего не выражавшие глаза и повисла неловкая пауза. Марине так и не удалось получить от Леночки вразумительного ответа, что она делает в Москве в институте Склифосовского, да и еще в отделении реанимации. Немного помолчав Марина произнесла:

– У меня здесь папа. На Новый год с ним случилось несчастье – инфаркт, если бы в Вологжанске в это время не было нашего знакомого врача-реаниматолога, который спас папу, организовал его доставку в Москву, в институт Склифосовского на реанимобиле, а затем и на вертолете, то папы уже не было бы на свете. Олег, – затем добавила – Олег Геннадьевич спас папу. – В глазах Марины показались слезы, которые она тут же поборолла.

– Лена, я тебя сразу узнала, ты совсем не изменилась, хоть и прошло почти пять лет. —

– А ты изменилась, Марина – отозвалась Леночка. – стала очень похожа на свою маму. – И Лена перевела глаза на Маринину маму, нельзя не заметить, что сходство между ними было поразительным.

– Я зашла отдать Олегу Геннадьевичу ключи от его квартиры. Он случайно оставил у нас дома, когда был в гостях у папы. —

– Он был у вас в гостях? – Марина удивленно подняла высокие брови над своими красивыми и так похожими на материнские глазами.

– Да, Олег Геннадьевич давно знаком с папой, он интересуется историей города и происхождением своей семьи, а папа помогал ему с архивами. – Лена раскрыла сумочку и достав из нее связку ключей на красивом брелоке, протянула ее Марине.

– Пожалуйста, отдай ключи Олегу Геннадьевичу и передай ему привет от нашей семьи. – и, развернувшись, Леночка направилась к выходу.

Мама Марины так и не проронившая ни слова, внимательно посмотрела ей в след.

Быстро, почти стремительно пробежав лестничные пролеты и бесконечные коридоры института, Леночка, выхватив из рук гардеробщицы свою шубку, накинула ее даже не застегнувшись на пуговицы, и без шапки выбежала на улицу, как будто вот-вот задохнется в этом огромном здании. Она стала искать выход с территории института и ведомая каким-то судорожным чутьем, увидела служебный проход, перекрытый шлагбаумом. Она проскользнула мимо будки охранника и оказалась на территории большого парка расположенного сразу за институтом.

В парке было тихо и пустынно. Тишину нарушало только карканье ворон, круживших в сером небе над верхушками деревьев. Здесь время, как будто остановилось и застряло между старыми дубами. Как знать, может эти дубы помнят еще самого графа Шереметьева...

Леночка села на лавочку, холодную и влажную и совсем потеряла счет времени, может час прошел, может больше. И тут только она вспомнила, что ей нужно купить билет домой. Она с трудом поднялась с лавочки и уныло побрела как зомби, плохо соображая куда идет. Она инстинктивно шла на шум улиц и вышла на Садовое кольцо по которому неслись бесчисленные машины. Вне своего сознания, она пересекла Садовое кольцо и вышла на большую площадь, посреди которой стояла огромная ель, украшенная красными пластмассовыми звездами и лампами уличных гирлянд. Из репродуктора доносилась музыка какого-то мультфильма, толпился народ, крича бегали дети. Вся эта кутерьма и суматоха напоминала, что праздник продолжается, что сегодня суббота, а завтра – воскресенье, первые выходные наступившего Нового года.

Леночка безучастно брела посреди этой праздной толпы с таким трагическим выражением лица, что нечаянно наткнувшийся на нее парень, даже отпрянул. А она без шапки, которую где-то обронила, с растрепавшимися на зимнем ветру длинными волосами, была и впрямь похожа на зом-

би. Она не заметила, как прошла станцию метро и все шла, и шла по Садовому кольцу, которое опоясывая весь центр Москвы, как и положено кольцу, замыкается в круг.

И тут ее заметил молодой парень-милиционер на УАЗике. Он вышел из машины и спросил у Леночки, что у нее случилось и чем ей помочь. Она подняла на него почти невидящие глаза и сказала:

– Мне на вокзал надо, на Ярославский. —

Милиционер сказал:

– Садись в машину, это рядом, я довезу. —

В машине было тепло. Леночка ехала молча, милиционер довез ее до вокзала и еще раз поинтересовался, чем ей помочь, но Лена поблагодарив и отказавшись от помощи, пошла к зданию вокзала. Ведомая каким-то внутренним чутьем, она подошла к билетной кассе и купила себе билет в обратный путь. Поезд отправлялся ночью, в 23.50, а на вокзальных часах было 15.18, т.е. у нее почти девять часов ожидания. Вспомнила, что кроме утреннего чая с бутербродом, который она наспех съела в поезде, в ее желудке ничего не было. Но и аппетита тоже не было. Лена хоть и слабо соображала, но понимала, что нужно хоть что-то съесть. Она раскрыла сумку, нашла там бутерброды с колбасой и сыром, завернутые в фольгу, да еще апельсин, о котором забыла.

Сходив в туалет и вымыв руки с обмылком серого цвета, Лена вернулась в вокзальный зал ожидания. Она села подальше ото всех пассажиров, в самый дальний угол, раз-

вернула фольгу с бутербродами и заставила себя есть. Она жевала и глотала, не чувствуя вкуса, словно это были камни. Затем достала апельсин и начала чистить его, наполняя цитрусовым ароматом ближайшее вокруг себя пространство. С апельсином было покончено тоже безо всякого удовольствия.

Лена сидела на неудобном вокзальном сидении, прислонясь правой стороной тела к облицованной темным гранитом стене зала ожидания. Прямо напротив нее стоял киоск, торгующий печатной продукцией. Лена встала, купила какой-то журнал, вернулась на свое место, развернула его в надежде что-то почитать и отвлечься от всего и всех, но вдруг к горлу подкатил ком слез, вопреки воли и рассудку слезы брызнули из глаз Леночки, застилая все вокруг. Закрывшись журналом, как спасительным прикрытием, Леночка не стала с ними бороться, она сидела неподвижно и лицо ее было похоже на посмертную маску. А слезы текли и текли. Сколько времени так прошло неизвестно... Когда слезы закончились и высохли на ее лице, на Леночку накатила смертельная усталость, сковавшая ее, и она провалилась если не в сон, то в транс. Ей что-то виделось, временами она открывала глаза, чтобы посмотреть на часы, висевшие напротив, затем вновь проваливалась в состояние полубытья. За огромными окнами вокзального помещения сгущались московские сумерки, ничем не отличавшиеся от вологжанских сумерек, напоминавших Леночке черничный кисель, который варила ма-

ма из собранных в лесу ягод черники.

Голос из громкоговорителя сообщил, что объявляется посадка на поезд Москва – Вологжанск, отправляющийся с седьмого пути в 23.50. Слабое сознание донесло до Леночки, что это ее поезд, ей надо идти на седьмой путь и сесть в вагон состава, который отвезет ее домой. Еле поднявшись с неудобного сидения, после девятичасового ожидания, Леночка пошла к седьмому пути подобно сомнамбуле, бредущей среди ночи. Наконец, она вошла в свой вагон, нашла свое место и сразу легла, с головой накрывшись одеялом, поверх которого была ее шуба. Хорошо, что на этот раз у нее была нижняя полка, пусть и плацкарта.

Люди проходили мимо, несли на руках спящих детей, укладывали их, укладывались сами. Лена лежала повернувшись лицом к стенке, не шевелясь и казалось даже не дыша. Вскоре все расположились на своих местах, поезд тронулся в путь и свет в вагоне стал приглушенным. Светили слабо горевшие лампочки в начале и в конце вагона, и лишь отсветы от путевых фонарей за окнами прорезали темноту поезда, чередуясь со стуком колес. Поезд мерно покачивался и Лена заснула, она спала, как мертвая и даже если бы кто-то ударил над ее головой в гонг, наверное, и это не вырвало бы ее из тяжелого и какого-то нездорового сна, сковавшего все ее тело. Всю ночь она так и пролежала на одном боку, повернувшись к стене и лишь утром, уже на подъезде к Вологжанску, проводница тронула ее за плечо. Опытные глаза

сразу определили, что девушка больна и у нее жар. Проводница принесла чай и дала Леночке таблетку аспирина, поинтересовавшись придет ли кто-нибудь ее встречать к поезду. Лена что-то неразборчиво, как в бреду ответила ей, положив послушно в рот таблетку и запив ее горячим чаем. Больше она пить чай не стала, а так и сидела в шубе, уткнувшись в окно. Соседи не стали ее расспрашивать и с облегчением вздохнули, когда поезд подъехал к Вологжанску. Все стали выходить и никто не обращал внимания на девушку, сидящую у окна поезда, может она кого-то дожидается и смотрит на платформу, вглядываясь в лица встречающих.

Вскоре вагон опустел, а Леночка все так же сидела, пока ее не увидела проводница и запричитала над ней:

– Милая, да что с тобой? – она тронула ее за плечо, заглядывая в мертвенно бледное лицо девушки. – И что мне с тобой делать... сейчас вызову тебе скорую, пока поезд не отогнали. Ты сиди здесь и жди меня. – и проводница, грузная женщина предпенсионного возраста, тяжело дыша от многолетней отдышки, поспешила на станцию к телефону.

Подъехала скорая, Леночку уложили на носилки и понесли к машине. Она то теряла сознание, то ненадолго приходила в себя. Молоденькая медсестричка, сидящая рядом с ней в машине скорой, успела спросить и записать номер ее домашнего телефона.

Очнулась Лена в палате больницы и увидела над собой лицо папы с встревоженными, переполненными болью глазами. Лена не сказала, не прошептала, а как-то выдохнула:

– Папа... —

Подошел врач, взял Леночкину руку проверил пульс. Затем сделал какое-то распоряжение медсестре и та подошла сделать укол Леночке. Лена даже не почувствовала боль от тупой иглы. Это сейчас все привыкли к одноразовым шприцам, а тогда иглы по-старинке стерилизовали, кипятя их в металлических коробках. Со временем иглы тупились, причиняя страх и боль пациентам, да и сами иглы были толстые, не то что сейчас – тоненькие и уколы от них не больше комариного укуса.

Лена смотрела на папу и вдруг его образ стал искажаться подобно кругам по воде из-за кинутого в нее камня. Сознание Леночки отключилось и она ушла в другие миры, иногда возвращаясь ненадолго.

В одно из таких «возвращений» она ясно видела перед собой лицо молодого мужчины в белом, ненадолго вышедшее из забвения сознание скользнуло по его лицу и опять погрузилось в небытие. А с уходом сознания перестает существовать и время, а с ним и смысл бытия. Может Бог и наградил людей этим «спасательным кругом» – кратковременным уходом в иные миры, чтобы поблуждав там, снова вернуться и продолжить жить.

Так произошло и с Леночкой. Однажды солнечным и не таким уже зимним утром, она очнулась и пришла в себя в боксе городской больницы. Она лежала в одноместной палате, разглядывая солнечные блики на потолке, они дрожали и обещали скорую весну.

– Сколько я здесь? – первое, что пришло ей на ум. Она вдруг услышала звуки приближающихся голосов и грохот от передвижения больничных тележек, на которых развозят еду по палатам. И еще она почувствовала запах больничной еды, что-то отдаленно напоминавшее кофе, вернее то, что обычно варят в больничных кухнях и называют это кофе. Но Леночка сейчас бы не отказалась и от такого напитка, ей вдруг захотелось есть и пить. Так и лежала она, продолжая рассматривать солнечных зайчиков, с потолка переместившихся на стены покрытые голубой краской.

Вдруг дверь ее палаты открылась и Лена увидела лицо молодого мужчины в белом халате и шапочке, который смотрел на нее ярко-голубыми глазами и счастливо улыбался. Мужчина вошел, и подойдя к лежащей на больничной койке Леночке, радостно произнес:

– Доброе утро, Лена Крылевская, с возвращением! – Это был ее лечащий врач Олег Иванович.

– Олег, опять Олег! – мелькнуло в сознании Леночки, но боли уже не было. Она плохо помнила, как попала в больницу, смутно помнила свою поездку в Москву... Все смешалось в какой-то клубок, где нить событий была потеряна,

но это и помогло ей освободиться от боли, свалившей ее тогда в поезде и которая привела и уложила ее на больничную койку.

– Сколько я здесь? – спросила Леночка, глядя в большие голубые глаза врача.

– Да уж скоро месяц. Ох, и задала ты нам всем работы, всю больницу на уши поставила, не хотела приходить в себя и все. Лежала тут, как спящая красавица. -

– Да, уж красавица – подумала про себя Леночка, переводя взгляд на свои бледные и тонкие, как стебли водяной кувшинки руки. Да и рубашка на мне не моя – больничная, старушечья какая-то. -

– Теперь все будет хорошо. – сказал Олег Иванович

– Пойду обрадую ваших родителей, они мне доставили не меньше хлопот, чем вы, особенно папа. Упорно не желал покидать больницу, с твердым намереньем остаться здесь жить. Уж я и так и этак, еле уговорил, они ведь с мамой не отходили от вас первые две недели после реанимации, насилу выпроводил их домой.

– Боже, я уже почти месяц здесь. – Леночке ужасно захотелось увидеть родителей, особенно папу. – А можно им ко мне? – спросила Леночка с тайной надеждой обращаясь к врачу.

– Не только можно, но и нужно и даже необходимо. – заверил Олег Иванович и весело подмигнул ей. – Сейчас будете завтракать, Вам необходимо подкрепиться, а я пошел зво-

нить родителям. – и, улыбнувшись своей, какой-то особенно-светлой улыбкой, он поправил на голове чуть съехавшую на затылок белую медицинскую шапочку и тут Лена увидела у него на правой руке обручальное кольцо и от этого почему-то стало немного грустно.

– Он женат, такой веселый, молодой, голубоглазый! Тот, кто был с ней весь этот месяц, спасал ее, не отходил от нее... О, Боже, и почему?.. Я бы смогла полюбить его, я это сразу почувствовала. Мне не нужны для этого годы, не нужны свидания под Луной, мне кажется, я все про него знаю... – говорило Чувство.

– Прекрати, не уносишь в свои романтические фантазии, не накручивай себя – твердил Разум. – ты только что вернулась с того света, тебе, что мало? —

На этот раз Чувство согласилось с Разумом и Лена уравновесила свои внутренние весы.

Двери открылись и в палату въехала тележка с дымящейся кашей и так называемым кофе. Молоденькая, в белом переднике и косынке санитарочка поставила на тумбочку рядом с Леночкой все эти «яства». Кроме «кофе» и манной каши был еще хлеб с кубиком сливочного масла и небольшой треугольничек сыра. Санитарочка улыбнулась, затем, закрыв за собой дверь, покатила грохочущую тележку по больничному коридору в другие палаты. Каша была горячей. Леночка, взяв большую алюминиевую ложку, зачерпнула ею кашу

и отправила в рот, так она и съела почти все. Затем отпила пару глотков «кофе», размазала на хлебе той же ложкой масло и начала есть, но без «кофе». Его она была не в силах пить, хотя отпила все же еще пару глотков, чтобы хоть чуть-чуть наполниться влагой. Во рту ощущалась горечь и какой-то привкус, видимо, от лекарств.

После завтрака Лена встала и медленно подошла к небольшому зеркалу, висящему над раковиной. Лена глянула на себя в зеркало, на нее смотрело ее отражение. Леночка понимала, что это она, но девушка в зеркале была ей почти не знакома.

– Неужели это я? – Круги под глазами и почерневшие, местами растрескавшиеся губы. Лена потрогала их и впервые ощутила боль, до этого боль она не чувствовала, она за этот месяц отвыкла от прикосновений и потеряла некоторую чувствительность.

– Может это от лекарств которыми меня потчевали весь этот месяц? – задалась вопросом Леночка. Раздался стук в дверь и знакомый уже голос врача Олега Ивановича спросил за дверью:

– Можно войти? —

– Секундочку. – ответила Леночка, быстро юркнула в постель и натянула одеяло до подбородка, отчего-то застыдясь.

– Господи, я в такой короткой рубашке, он наверняка видел меня всякую... (памперсов тогда и в помине не было, тем более в провинциальных больницах.) От одной этой мысли

Леночка зарделась.

– Войдите – сказала она.

Врач вошел и сообщил ей, все также улыбаясь, но теперь уже какой-то смущенной улыбкой:

– Ваши родители скоро приедут, они очень рады и соскучились. Я тоже очень рад, мне нравится, что Вы улыбаетесь, Лена. Постарайтесь и с ними побольше улыбаться. – с этими словами он закрыл за собой дверь.

Лена лежала и ждала, ей казалось, что она не видела родителей вечность.

– И почему так? Я не чувствовала ход времени пока была без сознания. А вот родителей, как будто вечность не видела... все же интересно устроен мозг человека. – размышляла Леночка.

Вдруг в дверь опять постучали, она распахнулась, на пороге стояли ее родители – мама с папой, такие смущенно-притихшие, будто пришли не к своей дочери, а к вернувшейся из космоса астронавтке.

Лена села на кровать и протянув к ним руки, позвала:

– Мама, папа – Родители в одно мгновение оказались около нее. Все трое они обнялись в каком-то странном сплетении рук и слезы полились у всех троих. Не в силах остановить эти потоки, Леночка первая произнесла:

– Не будем плакать, я жива, хорошо себя чувствую и Олег Иванович просил меня улыбаться вам, а мы все режем. – Вытерев рукой слезы, Леночка посмотрела на родителей и ска-

зала:

– Как же я соскучилась по вам, как я хочу домой! —

Выписали Леночку через неделю и десятого февраля она была дома. Она смогла влиться в институтский ритм, наверстав упущенное во время болезни. Это было нетрудно для нее, уровень ее знаний был несравнимо выше чем у средне-статистического студента. Преподаватели знали это и красный диплом был Леночке гарантирован. И дело было вовсе не в фамилии ее отца – известного историка-краеведа, сама Леночка являла собой образец студентки, серьезно увлеченной наукой. Ее с нетерпением ждут в родной школе, теперь городской гимназии №2, старейшей в городе. В институте уговаривают остаться на кафедре и продолжить обучение в аспирантуре.

Дома тоже все потихоньку наладилось, только стало как-то тише, даже мама притихла и старалась не докучать Леночке своими расспросами, – Наверное, Олег Иванович провел с ней беседу. – подумалось Леночке.

Как оказалось, Олег учился у папы, когда тот устроился на пол ставки преподавателя истории в его школу.

– Бедный папа, он всю жизнь ищет какие-то подработки, вечно куда-то спешит. А в последнее время как-то осунулся и похудел. Это я во всем виновата, он не выходил из больницы, пока я была в коме. У мамы более устойчивая нервная система, по ней не скажешь, что она тоже переживала за ме-

ня и в больнице сменяла папу. Женщины – живучие существа. Я тоже женщина, хоть еще и не совсем. Кома все выбила из меня, если б не кома, я бы все еще страдала и мучилась. А сейчас мне все произошедшее кажется каким-то давним сном, будто это все случилось и не со мной, а с какой-то другой девушкой. —

При выписке из больницы Олег Иванович рекомендовал больше гулять, особенно по вечерам ей, а также папе. Леночка вспомнила, как он глянул тогда на папу, а тот согласно, почти по-детски, кивнул ему в ответ. И они стали гулять с папой перед сном. Мама не захотела присоединиться к ним. В это время она смотрела по телевизору программу «Время» и ни за что не желала пожертвовать ей, пусть даже и во благо здоровья.

– Я из вас самая крепкая – заявила мама так уверенно, что все доводы и аргументы в пользу здорового образа жизни растаяли в воздухе. Лена и папа гуляли по улицам их старинного города, где папа знал каждый дом, кем и когда он был построен, кто был прежним владельцем, знал старые названия улиц, переименованных после революции.

На одной из таких ежевечерних прогулок, посреди сумерек их окликнули:

– Николай Константинович, Лена! – перед ними возник Олег Иванович с молодой женщиной, держащей его под руку. – Познакомьтесь, моя жена Ирина. – представил женщину Олег Иванович. – Вижу, что вы выполняете мои рекомен-

дации. Как себя чувствуешь, Лена? – Олег внимательно заглянул в лицо Леночки, освещенное уличным фонарем.

– Спасибо, все хорошо. – слабо улыбнулась в ответ Леночка.

– Мы тоже гуляем, – смущенно произнес Олег Иванович и тогда Леночка заметила, что его жена на последнем сроке беременности. Пальто на ней было застегнуто только на три верхние пуговицы и полы его расходились.

– Я помню ваши уроки, было так интересно, что я даже захотел стать историком, как Николай Константинович, но родители все же уговорили поступать в медицинский. —

– И правильно сделали, теперь мы имеем замечательно-го врача в городе. Знаем куда нам обращаться, если что. – с грустной улыбкой заметил папа.

– Жаль, что в нашей горбольнице нет достойного оборудования, многое приходится делать по старинке, дедовскими методами. – еще грустнее ответил Олег Иванович. Затем они распрощались и разошлись в противоположные стороны.

Молчание прервал папа:

– Я совсем немного проработал в школе, а учеников, как оказалось, у меня не так уж и мало и, главное, помнят. Жаль, что я его совсем не помню. – Лена молча шла под руку с отцом, вспоминая счастливые лица молодой пары – Олега и Ирины.

– Сколько ей лет? Наверное, моя ровесница, мне уже двадцать два. Жаль, что мой День рождения прошел в больнице,

вернее его у меня совсем не было, я еще пребывала в коме. Олег вытащил меня оттуда. Один Олег загнал, а другой Олег вытащил и оба врачи.

Глава 12 Потеря папы

Как-то среди ночи Лена проснулась и пошла в туалет. На кухне горел свет и пахло корвалолом. У ночного окна стоял папа, который был похож на ребенка, застигнутого врасплох за поеданием сладкого. В руках у папы была рюмка с накапанным в нее корвалолом. Сон мгновенно слетел с Леночки.

– Папа, что с тобой? Я вызову скорую. – Лена дернулась к телефону. Но папа положил свою руку на аппарат.

– Не надо, дочка, уже все прошло. Все хорошо. Спи, не волнуйся, тебе нельзя. – сказал папа, уходя с кухни в спальню, этот случай заставил Леночку повнимательней приглядываться к папе. Она настояла, чтобы он посетил врача и даже сама хотела позвонить Олегу Ивановичу, чтобы лично отвести к нему в больницу папу. Но папа напомнил, что ему уже сорок семь лет, он не маленький, но и не настолько старый, чтобы дочь ходила с ним по врачам. Он умел подобрать нужные аргументы и успокоить дочь. Делал он это мягко, деликатно, но решительно и Леночка послушалась его. Она окунулась в круговерть студенческой жизни, последнего этапа перед защитой диплома.

22 апреля – День рождения Ленина. Леночка с детства помнила торжественные школьные линейки и песни, посвященные Вождю революции, с утра звучавшие по радио. Этот день стоял особняком в советском календаре, хоть и не был выходным. А к началу 90-х пафос этого праздника, так и не ставшего общенародным, сошел на нет. Но папа иногда позволял себе, отрывая листок настенного календаря и усиленно изображая из себя оперного певца, зычным голосом пропевать: – Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной, в горе, в надежде и в радости... – отношение к Ленину было у него всегда, даже до «Перестройки», как к злому гению. Папа никогда не был коммунистом и даже не стремился в партийные ряды, в отличие от мамы, та в вопросах идеологии чувствовала свое превосходство над ним, но дома они никогда не устраивали политические дебаты, избавив дочь от подобного. Папа был скорее аполитичен, во внутренней эмиграции от идеологии компартии.

И вот в один из таких дней, 22 апреля 1993 года, папа прилег в спальне. Было позднее утро или ранний день, часов двенадцать. Солнце заливало все окна квартиры. Мама загрузила стиральную машину бельем, а когда часа через полтора она остановилась, выполнив свою работу по обеспечению семьи чистым бельем, мама сложила отстиранное в большой пластиковый таз и попросила Леночку развесить вещи для просушки на лоджии. Лоджия была в спальне, где отдыхал папа. Леночка тихонько на цыпочках вошла и ста-

раясь не разбудить папу, выскользнула на лоджию.

Солнечные лучи были уже горячи и обещали все быстро высушить. Развесив по веревкам вещи, Леночка тихонько вернулась с лоджии в спальню и только тогда заметила темные пятна на папином лице. Глаза были закрыты, лицо спокойное, казалось он спит. Лена взяла папу за руку, которая лежала вдоль его тела, рука была холодная. Первый раз Лена воочию видела смерть, смерть любимого и близкого ей человека. Ведь только сегодня утром он пил с ними чай и даже затянул свое традиционное о вечно живом Ленине... Как тонка грань между жизнью и смертью. Лена сидела так, пока не услышала за дверью голос мамы:

– Лена, что ты так долго? – Мама приоткрыла дверь и увидела лежащего на их кровати папу и сидящую возле него дочь, всю в слезах с мертвенно-бледным лицом.

Мама инстинктивно закрыла дверь в надежде, открыв ее вновь, не увидет этой картины, как будто ей все это привиделось.

Тут Лена разрыдалась в голос, словно в ней сработал спусковой крючок, ранее сдерживавший ее. Эмоции захлестнули и Лена упала ничком на папу, стала трясти его, как будто в ее силах было разбудить его от вечного сна.

Подошла мама и увела Лену в ее комнату, строго приказав оставаться в ней, а сама пошла звонить, чтобы вызвать врача и милицию, что всегда делается в подобных случаях.

Мама звонила, им звонили. Лена слышала, как кто-то

приходил к ним в квартиру, кто-то уходил. Она так и ни разу не вышла, даже когда приехала машина и увезла папу в морг городской больницы. Лена лежала не шевелясь и тупо глядя в потолок. Время замерло и остановилось. А за окном нехотя и лениво опускались прозрачные весенние сумерки, солнце словно медлило уходить с горизонта. Оно, скованное долгой зимой, почувствовало себя свободным и отчаянно не хотело покидать небо.

А для папы завтра не наступит никогда. У Леночки больно сжалось сердце. Какое ужасное начало нового 1993 года. И вправду, как встретишь Новый год, таким он и будет. Леночке вдруг вспомнился ее несчастливый Новый год, Олег, поездка в Москву, больница, тревожные папины глаза. Но все это несравнимо с тем, что произошло сегодня. Все можно пережить, кроме смерти. И хоть взрослея, человек свыкается с мыслью, что он не вечен и смерть неизбежна, все же ее невозможно понять, пока не встретишься с ней вот так неожиданно. Она пришла не предупредив, чтобы забрать с собой папу. А ведь ему всего сорок семь! И слезы опять взяли верх и захватили Леночку целиком. Она лежала неподвижно, а они лились из ее глаз, но ни один мускул на ее лице не дрогнул, она одеревенела вся и лишь подушка заметно намокла от ее слез.

Под утро, когда чуть забрезжил рассвет, Леночка провалилась в спасительное забытие, там ей казалось, что все хорошо, она видела папу, он шутил и улыбался ей. И лишь оч-

нувшись утром, Лена поняла, что это был сон, а реальность такова, что папы больше нет.

Выйдя из комнаты, она заметила, что зеркала закрыты покрывалами и даже люстра в гостиной была задрапирована черной тканью. На кухне сидели мамины подруги: Лилия Викторовна и Вера Николаевна и почему-то парикмахерша Ольга Семеновна, увидев которую Леночка вернулась в реальность, до этого ей казалось, что все происходящее вокруг сон и стоит ей проснуться, как все будет в ее жизни по-старому и только теперь она поняла, что это не сон, а факт, аксиома – папы больше нет и никогда не будет. И с этим надо продолжать жить дальше.

Как бы не недолюбливала Леночка Ольгу Семеновну, она не могла не признать, что именно Ольга Семеновна взяла на себя хлопоты по организации похорон папы. Родственники мамы жили далеко, в Сибири и приехать не могли, а у папы вообще никого из родни не осталось, кроме троюродной сестры, часто болеющей тети Насти, и ее дочери Нины. Так, что помощь Ольги Семеновны была очень кстати, она даже привлекла своего единственного племянника Алексея, который был старше Леночки на два года и уже работал инженером на заводе, после окончания института. Отец Алексея погиб в Афганистане, когда сыну было лет десять. Мать Ксения работала на заводе нормировщиком, получала сущие гроши, государство платило небольшую пенсию на Алексея, но ма-

тери очень хотелось дать сыну высшее образование. Помогала бездетная сестра – Ольга Семеновна, которая к тому времени овдовела. Ольга ходила по домам, делала химию, стригла, красила волосы дамам, в основном «Бальзаковского возраста», ее многолетние клиентки знали о непростой доле сестры парикмахерши, предлагали для осиротевшего подростка Алексея что-то из вещей, оставшихся от выросших детей. Некоторые вещи Ольга приносила в дом Ксении, которая все отстирывала, а бывало и латала.

Алексею было очень стыдно носить ношенную одежду и даже обувь, но понимая всю тяжесть на плечах матери, успокаивал себя тем, что когда он закончит институт и получит профессию инженера, то на свою первую зарплату купит новое пальто себе и матери, экономившей каждую копейку и только в очень редких случаях занимавшей у сестры деньги, которые всегда и вовремя отдавала. Но сама Ольга Семеновна искренне верила, что оказывает сестре и племяннику неоценимую помощь и они должны никогда не забывать это и всю жизнь быть благодарны ей.

Институт, наконец-то, был успешно закончен, Алексей трудоустроен на должность инженера на заводе, но в стране грянула «Перестройка», зарплаты стали задерживать, оборонные заказы сокращались по причине демилитаризации и конверсии, цеха закрывались, люди уходили в бессрочные отпуска. Многие уезжали в деревни, где сажали овощи-фрукты, чтобы как-то прокормиться.

Все надежды Алексея на материальную независимость и благосостояние их маленькой семьи развеялись под ветрами перемен. А тут еще грянула «Павловская реформа», превратившая в прах все сбережения прижимистой Ольги Семеновны и сделала ее в одночасье нищей, да если бы ее одну... Сколько их было по всей стране таких, потерявших все и сразу. Впервые материальное положение сестер сравнялось с моральным превосходством Ксении, все ее скромные средства были вложены в образование сына, а сберкнижки у нее отродясь не было.

С тех пор молчаливая и вечно насупленная Ольга стала еще более молчаливее и насупленней. Радовало только одно, что ее опыт и мастерство парикмахера не давали ей быть без гроша в кармане. Одно плохо, ноги стали подводить – профессиональная болезнь. Ольга бинтовала ноги специальными эластичными бинтами и летом, и зимой ходила в х/б чулках в резиночку.

Ольга тоже недолюбливала Леночку, считала ее набалованной и высокомерной, а Надежде Борисовне искренне сочувствовала и теперь, когда та овдовела, решила взять ее под свою опеку. Поэтому и попросила племянника помочь нести гроб на кладбище, так как из пришедших коллег Николая Константиновича, в основном были женщины. Алексей попросил еще своего друга, помог сосед Вася и врач Олег Иванович. Пришли из редакции газеты, где печатался Леночкин папа, главный редактор выступил с речью на могиле. Был

напечатан некролог в той же городской газете. Поминки тоже организовала Ольга Семеновна, для этого был арендован небольшой зал в кафе, куда пригласили всех присутствующих на похоронах. Врач Олег Иванович простился на кладбище и на поминки не пошел. Так же и Алексей с другом выразили свои соболезнования вдове и дочери, а затем ушли, наверное, не хотели ввергать семью в расходы.

Глава 13 Семейная тайна

И вот они остались вдвоем с мамой. Первое время Леночке казалось, что папа уехал в командировку и обязательно вернется, но время шло, а папы все не было. Справили девять дней, затем сорок дней. В июне Лена получила диплом об окончании института, отдала документы в гимназию, где была принята на должность учителя истории. Так получилось, что ей дали классное руководство в 11 выпускном классе, где ученики были всего лишь на 5—6 лет моложе учительницы. Несмотря на престижность гимназии в их городе, кадры стали редеть и утекать из школы, в основном по причине мизерных зарплат, которые тоже вовремя не выплачивали. Но Лена выполнила свое обещание перед ОГО и АЭС, после получения диплома вернуться в родную школу, но уже в качестве учителя.

Как-то после сорокадневных поминок по папе, сидя вдвоем с дочерью за вечерним чаем, мама обронила:

– Как тебе племянник Ольги Семеновны? – На что Лена не смогла вразумительно ответить, так как совершенно не могла его вспомнить.

– Никак, я его совсем не запомнила. —

Мама погрузилась и потупив взор произнесла:

– Пора тебе, Лена быть повнимательней к противоположному полу. —

Лена встала, чтобы уйти к себе в комнату. Она не хотела развивать эту тему. Мама отвернулась и Лене стало жаль ее, она подошла и обняла маму за плечи. После смерти папы мама была какая-то потерянная, даже говорить тише стала. Она уже не старалась доминировать и диктовать свою волю Леночке.

– Я просто хочу, чтобы ты устроила свою жизнь, вышла замуж, хочу внуков. – И обе молча подумали: – Папа никогда не погуляет на свадьбе дочери, никогда не увидит своих внуков. Как жестоко и несправедливо, ведь ему было всего лишь сорок семь лет. —

Для Леночки одна мысль о том, что выйдя замуж за племянника, она получит в придачу и его тетку Ольгу Семеновну, ввергала в ужас. И за что она ее так недолюбливала? Ясно только одно – неприязнь была взаимной, хоть и происхождение этой неприязни было непонятно обоим.

Леночке не хватало общения с папой, его надежного плеча, его грустного молчания перед мамой. Лена все чаще вспоминала, как мама была порой чересчур холодна и даже

сурова с папой.

– Как хорошо, что у меня папин характер и, вообще, я на папу похожа, – все чаще думала Леночка. – Мама всегда критиковала меня, а папа брал все близко к сердцу, старался прикрыть меня. Бедный папочка, он так много работал, чтобы принести в дом сверх того, что платили в музее, он так переживал, когда в семье не хватало денег. Сейчас денежные вопросы легли на плечи мамы, пришлось продать бабушкино наследство – кольца с изумрудом и рубином. Их купила директорша магазина, которую рекомендовала Ольга Семеновна. Опять эта Ольга Семеновна! Она взяла их под свою опеку, хотя я ее об этом не просила, но мама... Мама последнее время лепит из Ольги Семеновны лучшего друга семьи, что сразу почувствовала сама Ольга Семеновна и потихоньку стала просачиваться и все больше и больше заполнять собой их жизненное пространство. – Все чаще, приходя домой, Лена заставляла у них дома эту Ольгу Семеновну и всегда, когда Лена оказывалась рядом, проходя мимо мамы и Ольги Семеновны, они умолкали и ждали когда Леночка удалится.

Как-то в один из таких приходов Ольги Семеновны, как только та покинула их дом, Леночка подошла к матери и напрямую заявила ей:

– Если вы с Ольгой Семеновной строите планы в отношении меня и ее племянника, то я сразу заявляю, что никогда не выйду за него, даже если и останусь в старых девах. -

– Но ты даже не помнишь его, – взмолилась мама, – на мой взгляд, он очень приятный молодой человек, он помог нам с папой тогда. -

– Спасибо ему большое, но на этом все. – отрезала Леночка. После похорон папы она стала с мамой более решительна и уверена в себе. Мама сдалась и больше не заводила разговоры о племяннике Ольги Семеновны, да и сама Ольга Семеновна стала как-то реже бывать у них.

Но обида за папу не давала Леночке покоя и как-то к слову, во время вечернего разговора с мамой, Леночка упрекнула ее в холодности и даже нелюбви к папе.

– Что ты знаешь о жизни, о любви, чтобы указывать мне, как любить. – глаза мамы полыхнули гневным огнем. – Ты, которая даже понятия не имеет ни о семейной жизни, ни о сложностях взаимоотношений мужа и жены. Я с папой была холодна и не любила его? Так зачем я поехала в Вологжанск выхаживать его больную мать, оставила в Москве все открывающиеся для себя перспективы: аспирантуру, работу на кафедре, жизнь в Москве, наконец! Зачем? Если бы я не любила папу, то никогда не сделала подобного. Он всегда был для меня самым лучшим, самым умным, самым красивым. А я тоже, знаешь, была не дурна собой и у меня были воздыхатели и претенденты на руку и сердце, а я все бросила и уехала с ним. Восемь лет я была сиделкой у его матери, нет, он, конечно, помогал во всем, но есть такие вещи, которые не может делать мужчина, даже если он и родной

сын. Это делала я! Я мыла, подмывала, обрабатывала пролежни, которые были в последнее время ее неподвижности, а еще нужно было работать, готовиться к урокам, приходиться в школу, проверять тетради. А когда родилась ты, мы с папой менялись ночами. Одну ночь – он с тобой, другую – я. А днем еще большая круговерть. Как я тогда выдержала, сама поражаюсь. Молодость силы давала и любовь. Да, именно любовь к папе! Просто я другая, я выросла в строгости, в суровое послевоенное время, когда выживание было главным для всех. Строгость и дисциплина – вот на чем тогда все держалось.

– Тогда почему папа был другим? – позволила задать себе вопрос Леночка. – Папа был чутким, нежным, ласковым и не только ко мне, но и к тебе тоже... Он же твой ровесник, так же как и ты учился в школе, жил в те же суровые послевоенные годы! -

Мама как-то горько посмотрела на Леночку и глубоко вздохнув, перевела взгляд в окно кухни, будто пыталась там что-то увидеть. – Лена, Лена... Ну, да ладно, скажу, чтобы другие не сказали. У папы есть ребенок от другой женщины. – Возникла мертвая пауза, которой казалось не будет конца. Мама встала из-за стола, подошла к окну и стояла, повернувшись к Леночке спиной. Лена сидела замерев и не дыша, будто с небес на нее посыпались камни и прибили ее к месту.

Первая прервала молчание мама:

– Да, вот такие «сюрпризы» нам иногда подкидывает жизнь... и от тех людей, от которых ничего подобного не ожидаешь. Поэтому и молчал, поэтому и выглядел виноватым. —

Лена, наконец, вышла из ступора:

– Мама, а может это какая-то ошибка, сплетня... ты же знаешь, что всегда были люди, с которыми даже наш папа конфликтовал – завистники и лжеученые, с которыми он вступал в полемику и клал их на лопатки. Может это неправда, мама? Ты уверена? – Лена встала, ей хотелось видеть лицо матери, отвернувшейся к окну.

Мама повернулась к ней и глядя на нее сказала:

– Нет, это правда, сам папа мне и сказал. —

– А кто эта женщина? И кто у меня брат или сестра? Ты встречалась, разговаривала с ней? —

Мама мрачно ответила: – Нет, не встречалась и не видела ее никогда, знаю только, что она была на стажировке у папы в музее. Работала какое-то время у него после института. Их дочери сейчас лет десять. – с этими словами мама повернулась и ушла в свою комнату, из которой так и не вышла до следующего утра.

Утром они молча завтракали. Лена, потрясенная этой новостью, всю ночь не спала. Ей нужно понять всю сложность и драму их семьи, особенно теперь, когда нет папы и она не может поговорить с ним и принять откровения лично

от него.

— Как сложна жизнь, мама права, ничегошеньки я не знаю. Всю жизнь под родительским крылышком. И все же они не расстались, сохранили семью... ради меня? А может папа полюбил эту женщину, может он хотел жить с ней и с его младшей дочерью... Как странно, еще вчера я и не знала, что я не единственная, что у меня есть сестра, которой десять лет. Удивительно, но я рада, мне кажется я уже люблю свою сестренку и я старше ее на целых двенадцать лет! —

С тех пор Леночка постоянно думала о той, неизвестной стороне папиной жизни. У нее не было чувства обиды на него, она ни разу не заметила в нем хоть малейшего холода или раздражения по отношению к себе, ни разу. Лет до восемнадцати, он ежевечерне, после стука в дверь заходил к ней в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи и поцеловать ее. Это было обязательным, без этого Леночка не могла заснуть, лишь когда он приезжал из командировок поздно ночью, она сквозь сон ощущала его прикосновение и поцелуй, и улыбалась во сне. Леночке ужасно захотелось узнать где сейчас папина вторая семья, захотелось встретиться с ними, познакомиться с сестрой. И она нарушила табу, спросив напрямую у мамы адрес или телефон, или что-то еще, чтобы ей найти их.

Мама сурово посмотрела, сжала губы и замолчала надолго. Лена тоже молчала. Они молчали около месяца, лишь по необходимости обмениваясь короткими фразами. И толь-

ко в конце июля, в начале августа, перед самым выходом Леночки на работу в школу, мама подошла и положила на край стола листок бумаги, на котором был адрес: деревня Устиновка, улица Первомайская, дом 28 Мартынова Любовь Антоновна, учительница деревенской школы.

Лена молча взяла листок и сердце ее сжалось, она посмотрела в след выходящей из кухни мамы, перевела взгляд на бумажку с адресом... ясно было одно, она обязательно съездит в эту деревню, чтобы найти и поговорить с этой женщиной, Любовью Антоновной и увидеть свою сестру.

Глава 14 Сестра

Наступил тот день, когда Леночка решила съездить в деревню. Был прекрасный день начала августа. Добиралась Леночка довольно долго, на двух автобусах, которых она по долгу дождалась. Выйдя из тряского автобуса, она пошла по дороге, ведущей в деревню. Было жарко, Леночкины белые босоножки и блузка покрылись дорожной пылью, хотелось пить. Она попросила воды у хозяйки ближайшего дома, который был на ее пути. У нее же и спросила, где дом Любови Антоновны Мартыновой.

– Учительницы? – уточнила женщина, как будто в деревне была еще одна Любовь Антоновна Мартынова.

– Да, – ответила Леночка. Женщина начала объяснять, показывая жестами как лучше пройти к дому, но тут она за-

молчала и окликнула девочку, проходящую мимо.

– Иринка! К маме твоей гостя, проводи к себе ее. —

Леночка оглянулась и увидела светловолосую девочку лет десяти с пронзительным взглядом светлых глаз, обращенных на Леночку.

– Это она, моя сестра, как похожа на папу и на меня. – Леночка улыбнулась девочке и они зашагали по деревенской улице, где в кустах под тенью деревьев лежали куры, козы свободно разгуливая, пощипывали траву. В садах зрели груши, яблоки, сливы. У заборов наливались золотом «Золотые шары» – предвестники осени. Солнце по-летнему припекало и обещало, что август не подведет и лето продолжится.

И вот они у небольшого деревенского дома, обитого досками, сложенными «паркетом елочкой». Дом был выкрашен зеленой краской. Во дворе кроме собаки около будки не видно никакой живности. Сад и небольшой огород ухожены, на грядках наливаются тугие кабачки, зеленеют перья лука, из земли торчат ажурные хвостики моркови. Видно, что хозяйка трудятся здесь постоянно и с любовью к земле.

Они прошли через незапертую калитку к дому. Девочка первой вошла на террасу, а Лена осталась около крыльца, до нее донеслось из глубины дома:

– Мама, к тебе пришли. – Через минуту Леночка увидела перед собой молодую женщину, лет тридцати-тридцати двух на вид, в летнем платье без рукавов и в косынке, прикрывающей ее волосы.

Лена протянула свою руку:

– Здравствуйте, Любовь Антоновна. Я Лена Крылевская. —

Женщина внимательно посмотрела ей в лицо, пожала протянутую Леночкой руку и пригласила войти в дом. Это была довольно большая, видимо угловая, комната с множеством небольших окошек на две стороны, окна одной стороны выходили на деревенскую улицу, другой в сад, где прямо перед окнами росли груши и яблоки, на ветках которых зрели и наливались тяжелые плоды. Лена присела на край стула около окна, выходящего в сад. Любовь Антоновна ненадолго вышла из комнаты и вернулась, неся перед собой большую супницу с половником, прикрытым крышкой, она поставила супницу на стол, покрытый скатертью.

– Сейчас мы и пообедаем. – сообщила Любовь Антоновна. – Вы устали с дороги, проголодались, пойдемте я провожу Вас к рукомойнику. – Она указала Леночке где висит рукомойник в саду, затем подошла к ней, неся чистое полотенце. Леночка с наслаждением умылась прохладной водой в тени груши и обтерла лицо тонким льняным полотенцем, на котором было что-то вышито крестиком. Лена поднесла полотенце поближе, чтобы рассмотреть рисунок.

– Это Ирочка вышивает и дарит, она любит рисовать, сама делает эскизы, а затем вышивает. Леночка оглянулась вокруг, заметив в уголке сада гамак, натянутый между деревьями. На столике около гамака лежала толстая книга. Подо-

шла Ирочка, она слышала, как они говорили о ее вышивке на полотенце.

– Ты мне покажешь свои рисунки и вышивки? – поинтересовалась Леночка, с улыбкой глядя на Ирочку. Девочка смущенно улыбнулась и опустив глаза, сказала тихо:

– Да. —

– Господи, вылитый папа! – сердце Леночки сжалось от вспыхнувшей любви к этой девочке. – Так же как он тихо говорит, так же опускает глаза. – Леночке захотелось обнять и расцеловать Ирочку, захотелось дать ей хоть немного любви, ведь все эти годы папа так много делал для Леночки, а Ирочка жила здесь с мамой вдали от него.

Вдруг с крыльца дома раздался голос Любви Антоновны:

– Прошу всех к столу! – И Ирочка с Леной пошли вместе в дом.

На столе, покрытым скатертью, стояла большая белая супница из которой вкусно пахло супом. На тарелке лежал лук и зелень с собственных грядок. Лена с Ирой сели за стол и Любовь Антоновна налила им в тарелки картофельного супа. На второе была отварная курица, уже остывшая и покрывшаяся затвердевшей корочкой. Лена знала, что так же делала и ее мама. Если курицу при варке вовремя достать из бульона и положить остывать на блюдо, то она будет особенно вкусна с подсохшей корочкой посыпанной солью. Тут главное не переварить курицу, чтобы она не развалилась на куски. Мама тоже подавала курицу отдельно, особенно

в наступившие тяжелые времена, когда в магазинах пусто, а на рынке очень дорого.

– Вкусно! – сказала Леночка, пробуя куриную ножку. У деревенских кур вкус особый и запах аппетитный.

– Да, гуляют себе на свободе, по травке, – ответила Любовь Антоновна. – у меня двенадцать куриц с петухом, в конце огорода вольтер для выгула Николай Константинович сделал своими руками, – пояснила она и как-то сразу наступила тишина за столом.

Потом Лена хотела помочь помыть посуду, но как оказалось, это была Ирочкина обязанность по дому, которую она делала легко и привычно в тазике с горчичным порошком. Она быстро помыла, затем ополоснула в чистой воде и разложила перевернутые тарелки на кухонном полотенце. Лена смотрела на ее уверенные и привычные хлопоты, делала Ирочка все легко и быстро. Подоспел чайник, его свисток оповестил всех, что пора пить чай. Леночка вспомнила, что привезла с собой коробку конфет и достав ее из своей сумки, положила на стол.

– Вы что будете? – спросила Любовь Антоновна у Иры и Лены, – Чай или компот из погреба? – Лена попросила компот, было жарко пить чай, а Ирочка тихо ответила: – Чай. —

Любовь Антоновна налила из огромной эмалированной кастрюли компот себе и Леночке. Леночка с удовольствием отпила из большого бокала, компот был холодный, чувствовался вкус черной смородины и малины, любимых ягод Ле-

ны. А чашку с чаем Любовь поставила перед Ирочкой, та взяла одну конфету в золотистой фольге и больше не брала. Леночка вспомнила и свои поездки в Крым, и дни рождения с большими тортами, и чувство виноватой нежности переполнило ее душу.

– Я очень хочу всю жизнь помогать этой девочке, своей неожиданной младшей сестренке. Обязательно надо спросить когда у нее день рождения, – размышляла Леночка, глядя на Иру. Попросив разрешения пойти погулять, Ира побежала на улицу. Когда они с Леной остались вдвоем, Любовь Антоновна тихо сказала:

– Она еще не знает про папу, что он умер. Ждет его, хоть и не спрашивает. Она знает, что он обязательно придет к ней на день рождения. —

– А когда у нее день рождения? – спросила Лена.

– 15 сентября – Любовь Антоновна погрузилась и Леночке показалось, что у нее слезы блеснули в глазах.

– А можно я к вам приеду поздравить Ирочку? – спросила Леночка, осторожно заглядывая в глаза Любове Антоновне.

– Конечно! – обрадовалась Любовь Антоновна, – и еще, – сказала она, глядя в глаза Леночке, – давай на ты... и по имени меня называй, ведь у нас с тобой разница всего лишь десять лет. —

– Да... – многозначительно произнесла Леночка. Любовь продолжала: – Я все время думаю, как сказать Ирочке, что папы больше нет. Она уже взрослая девочка и многое может

понять... Как рассказать ей все... Когда она была маленькой, я говорила, что ее папа ученый, уезжает в длительные экспедиции, поэтому подолгу не бывает у нас... —

— Может я попробую поговорить с ней? Если вы.., ты — поправилась Леночка, — если ты не против, я все же старшая сестра и тоже учительница, как и ты.-

— Да, Николай Константинович мне рассказывал о тебе, Лена, о твоей жизни, учебе. А у меня никогда не было семьи, я в детдоме росла, родители рано умерли от какой-то эпидемии. После детдома, поступила в областной педвуз им. Крупской. Жила в общежитии в Подмосковье, а по выходным приезжала в Москву, гуляла, ходила по музеям, выставкам и вот распределили к вам, в Вологжанск. А в музей я попала и познакомилась с Николаем Константиновичем, проходя стажировку. Я тоже изучаю историю русского севера, а лучше Николая Константиновича специалиста по изучению истории этого края нет. Ну, а затем... — Любовь опустила глаза, — я полюбила его. Он стал для меня единственным родным человеком на всем свете. Он помогал, объяснял. Он как-то по-доброму относился ко всем сотрудникам, не только ко мне одной... Затем, когда я забеременела, мы с ним вдвоем решили, что наша жизнь сложится так, какой она и была все эти десять лет. Он остается в семье, ну, а я с дочкой буду лишь изредка встречаться с ним. Он ничего не обещал, не скрывал. Я даже не хотела принимать от него помощь, но он настоял и всегда подчеркивал, что это день-

ги, заработанные им сверх его зарплаты и что ему в радость, что-то сделать приятное для нас с Ирочкой. Я сама привыкла рассчитывать только на собственные силы, но он хотел доставить радость для Ирочки. И не обязательно деньгами, но и по хозяйству помогал нам, что-то в доме отремонтировать. Этот дом с участком нам колхоз выделил. Николай Константинович помог с ремонтом, сам красил, да и в огороде грядки вскапывал, я ведь в этой деревне пришла, без корней, но прижилась и люди к нам с дочкой хорошо относятся. Поначалу после Москвы было непривычно, но быстро научилась, нас ведь в детдоме всему учили, даже дрова колоть и печку растапливать. А еще шить. —

Тут Леночка заметила в углу комнаты раскрытую швейную машинку, старую с ножным приводом «Зингер», которая уже успела стать раритетом. — Вот Ирочке, да и себе шью. Зимой школа, а летом сад-огород и шью потихоньку. — кивнула Люба. Леночке стало как-то стыдно, она неумеха ни шить, ни готовить как следует не умеет, а дрова колоть побоялась бы, что непременно угодит себе по ногам, она была в этом уверена.

— Кроме книг ничего в жизни не знаю. А вот ведь, она какая бывает жизнь... десять лет назад Любовь была моей ровесницей с ребенком на руках от взрослого женатого мужчины. Уже прошла детдом и работала в школе. А глаза у нее счастливые, хоть и грустные, когда она говорит о папе. —

Леночке пора было собираться в обратный путь, она обе-

щала, что обязательно придет на день рождения Ирочки 15 сентября. А Любовь подготовит ее заранее, может сегодня или завтра она расскажет, что девушка, отобедавшая с ними – ее сестра Лена. Лучше матери никто не скажет и Леночка с легким сердцем попрощалась с Любой и отправилась в дорогу, идти нужно было 3—4 км к рейсовому автобусу, затем пересадка на Вологжанск. Прошагав около километра пути, Леночка услышала, что ее кто-то окликает. Она повернулась и увидела бегущую к ней Ирочку с букетом цветов. Ирочка подбежала и чуть замявшись, отдала Леночке букет садовых цветов, стебли которых были обернуты мокрой белой тканью и упакованы в полиэтиленовый пакет.

– Это Вам. – сказала Ирочка. Лена обняла ее и из глаз брызнули незваные слезы, которые она быстро вытерла ладонью.

– Спасибо, Ирочка. Я обязательно приеду к тебе на твой день рождения. – промолвила Леночка. – Что тебе подарить? —

– Ничего, вы только приезжайте. – Ирочка повернулась и побежала назад к дому. Лена немного постояла, глядя ей в след, а затем зашагала по дороге, петлявшей мимо незасеянных полей бывшего колхоза.

К счастью, автобус пришел быстро и Лена без труда доехала и уже вечером часов в девять была дома. Мама, посмотрев на букет, ничего не сказала. Лена налила в большую вазу воды, поставила в нее букет из сада Любы и Иры, она реши-

ла, что завтра отнесет эти цветы на могилу папы. На следующий день Леночка поехала на городское кладбище. Она молча постояла, глядя на его большой портрет, изготовленный в редакции газеты, с которой сотрудничал папа, навела порядок, убрав с захоронения остатки увядших цветов и углубив в песок банку полную воды, поставила в нее букет от Любы и Ирочки. На душе впервые стало светло и спокойно. Леночка мысленно разговаривала с папой о его семье, о дочке Ирочке, которую она успела полюбить на всю жизнь.

Впервые Лена возвращалась с кладбища с легким сердцем, ушла непроходящая тоска и боль по папе. Как будто ей и в самом деле удалось поговорить с ним и рассказать ему об Ирочке и Любе.

Лена задумалась, чтобы такое подарить Ирочке на день рождения... Вспомнила, что сестренка любит рисовать и вышивать. Пожалуй, она купит ей набор для рисования: краски, кисточки, бумагу и набор для вышивки. День рождения всего через месяц с небольшим, нужно все купить заранее. Скоро, а точнее в понедельник, ей нужно выйти на работу в школу. Опытные учителя выйдут на неделю-две позднее, а ее попросили выйти пораньше, помочь директору Александре Эдуардовне Стрельниковой или АЭС, как за глаза из поколения в поколение ее называют ученики, да и сами учителя.

А в школе всегда много дел и даже летом нужно решать вопросы, связанные с ремонтом, обеспечением учебника-

ми. Лена – молодой специалист и ей еще многому надо научиться и у директора, и у завуча школы. А еще и денежный вопрос тоже немаловажен, несмотря на довольно низкую ставку молодого специалиста, деньги Леночке очень нужны, она решила помогать, по-возможности, Ирочке. Она видела, что Люба перешивала что-то из старого для дочери.

Придя домой, Лена пересмотрела весь свой гардероб и нашла пару кофточек, очень симпатичных, совсем почти новых, может они подойдут Ирочке, но тут же оставила эту затею. – Нет, только новое для Ирочки, я не хочу приучать ее к вещам с чужого плеча, зарождают в ней комплексы нищенки, как говорил нам в институте преподаватель психологии. Хотя она ее сестра, значит и плечо ее не чужое. Ладно, сейчас не хочу думать об этом, потом как-нибудь, посоветуюсь с Любой, – решила Леночка.

Глава 15 Учительские слезы

Первая рабочая неделя в еще полупустой школе не выдалась ничем особенным. Леночка выполняла поручения директора школы АЭС: ездила пару раз в какие-то инстанции с пакетом документов, помогала навести порядок в школьной библиотеке, пополнив ее фонд книгами из своей домашней библиотеки. У нее были двойные экземпляры некоторых книг, случайно купленных или подаренных ей кем-то из друзей.

Так незаметно и наступил день 1 сентября. Леночка была в черной юбке и белой блузке, поверх которой был надет жакет в мелкую черно-белую клеточку. Волосы аккуратно уложены в тугий пучок. -Видимо, это моя прическа на долгие годы, – подумала Леночка, глядя на себя в зеркало. – стрижка требует ежедневной укладки, а мне будет некогда этим заниматься. Хорошие мастера дороги, не стрижься в самом деле у Ольги Семеновны. Она своих клиенток делает похожими на собственных клонов, невзирая на возраст. Нет, видимо, пучок.., главное – это просто и быстро. Расчесала волосы, скрутила их в спираль и шпильками закрепила на затылке. И, по-моему, низкий пучок идет мне и даже делает меня чуть старше, что только на пользу дела. —

Леночке все же дали 11 выпускной класс, где ее ученики были всего на пять – шесть лет моложе своей учительницы. Так получилось, что предыдущая классная руководитель уволилась, а заменить ее было некем, кроме Леночки.

Утро 1 сентября было солнечным, но прохладным, уже чувствовалось свежее дыхание приближающейся осени. Около школы с табличками-указателями классов стояли учителя, ожидая своих учеников.

Родители сопровождали учеников начальных классов. Дети, особенно первоклассники, были в наглаженной школьной форме; девочки в белых передниках с белыми капроновыми бантами, мальчики в белых рубашках под новыми форменными пиджачками и в аккуратно начищенных бо-

тинках. У каждого в руках букет цветов по случаю начала учебного года.

Леночка тоже стояла с табличкой, на которой было указано 11 «Б». Старшеклассники обычно приходят самыми последними, соскучившись друг по другу за лето, они пересмеивались, глядя на подросших и похорошевших девчонок. В ту пору в старших классах уже не ходили в школьной форме, что позволяло наиболее обеспеченным ученикам щеголять модной импортной одеждой, которая была возведена в культ, но таких было немного, в основном дети новоявленных местных бизнесменов.

Леночка, невысокая и худенькая, почти сливалась с толпой своих учеников и с первого взгляда, в ней трудно было признать учительницу и классного руководителя. В классе были рослые и рано сформировавшиеся девочки, которые выглядели ее ровесницами. Кто-то из ребят увидев Леночку присвистнул: – Ни чо себе! – и громко заржал...

– Держись, Лена Крылевская! Не подавай виду, иначе они не будут воспринимать тебя, как только почувствуют твое смятение и страх. – дала себе установку Леночка.

После торжественной линейки двери школы распахнулись и пропустив вперед начальные классы, старшеклассники, густо бая, подталкивая и задирая девчонок, расходились по классам.

Лена привела учеников в свой класс и дождалась, когда все расселись по партам и, наконец, наступила долгожданная

тишина, представилась:

– Здравствуйте ребята, я ваш классный руководитель Крылевская Елена Николаевна, – чуть срывающимся от волнения голосом, произнесла она. – по специальности я историк и буду преподавать у вас историю России. —

Надо сказать, что Леночке, а вернее, учителю истории Елене Николаевне Крылевской досталось непростое время и как гражданке новой России, и как школьному учителю истории, 1993 год, год коренной ломки страны, время непредсказуемых событий и их последствий. В крупных городах, особенно в Москве, зреют процессы, приводящие огромные общественные пласты в движения, вызванные последствиями путча 1991 года и развалом Союза. Все то, что Леночка изучала в институте по истории СССР, ушло в прошлое. Новых учебников не было, как не было единой, утвержденной программы по изучению истории России.

– О, как бы мне сейчас помог папа! – С отчаянной тоской подумалось Леночке. – Надо начать разбирать папин архив, до которого не было возможности добраться. Слишком много всего навалилось сразу: похороны, защита диплома, все вперемешку с поминками. Мама была абсолютно пассивна и отдала бразды правления в руки Ольги Семеновны. —

И вот теперь молодой специалист Елена Николаевна стояла один на один с классом взрослых уже учеников и даже не представляла, что до них нужно донести в первую очередь, что взять за основу изучения такой сложной страны,

как Россия, история которой меняется на глазах и никто не знает, что случится завтра и каким курсом пойдет страна.

– Даже архивы папы сейчас не помогут, нужно держать руку на пульсе страны, ежедневно делать выводы и по горячим следам обсуждать события вместе с учениками. – Лена почувствовала, что ей не под силу такая ноша. Как можно преподавать то, чего не знаешь сама? В газетах, даже в центральных, все происходящее в стране освещается по-разному, все зависит от владельца холдинга и его личных интересов. Лена почувствовала себя настолько беспомощной, что от бессилия была готова разрыдаться. – Но все же надо как-то вести уроки и выстраивать их таким образом, чтобы донести до ребят только исторические факты, на основании которых они в классе будут все вместе и каждый в отдельности выносить свой вердикт событиям, происходящим в современной России. Наверное, папа сделал бы тоже самое. Пусть ребята сами учатся, а не заучивают чужие догмы, которые рассыпаются в прах при первом же историческом ветерке, – размышляла Леночка.

И она оказалась права, события не заставили себя ждать, 3 октября 1993года – расстрел Белого дома в Москве. На своих уроках Лена рекомендовала ученикам как можно больше читать газет, причем разных, слушать радио и самим делать выводы. Ребята постепенно втянулись в процесс и уро-

ки часто превращались в политические дискуссии, которые приходилось иногда корректировать молодой учительнице, она сама вместе с ними училась. Радовало, что большинство ребят не было равнодушно к происходящему в стране. Они учились думать, учились открыто высказывать свое мнение, Лена лишь направляла и ставила вопросы перед учениками, которые порой и ее ставили в тупик.

Жизнь в классе кипела. Иногда Лена проводила аналогии современной истории с фактами уже не раз происходившими в истории России, подталкивая ребят к самостоятельным выводам.

И только день рождения Ирочки 15 сентября внес какое-то умиротворение в бурлящую жизнь Лены.

Глава 16 Ирочка и ее мать Люба

Был серый день, с унылым морозящим дождем, но она поехала бы к Ире даже если б вдруг случился снегопад в самом начале осени. Надев высокие резиновые сапоги, водонепроницаемую куртку с капюшоном, Леночка отправилась в деревню Устиновка, подгадав свой приезд к окончанию уроков. И вот, Леночка уже стоит во дворе деревенской школы, дожидаясь выхода Иры и Любы. Удивительно, они сразу узнали ее, хоть и ни разу не видели в куртке с капюшоном, затянутым шнурком под самым подбородком. Ирочка подбежала и обняла Леночку.

– Ты вся мокрая, быстрее домой сушиться. – сказала Лене, подошедшая Люба. – Сейчас печку затопим и все высохнет. – И они втроем быстрыми шагами направились к дому. Пока Лена с Ирой снимали с себя верхнюю одежду и сапоги, Люба затопила печь и развесила одежду на веревке рядом с печкой. В комнате быстро стало тепло и даже жарко. А в самой печи стоял запеченный гусь с яблоками, такой огромный, что Люба просто заставила Леночку взять с собой половину, убедив ее, что вдвоем с Ирой они его не осият и за неделю. Это и в самом деле был настоящий гусиный Король, огромный, окруженный печеными яблоками, он сиял своей золотистой корочкой. Аппетитный запах, разошедшийся по всему дому, просто сводил с ума.

Они сели за стол и подкрепились на славу. Давно Леночка не едала такой вкусноты! А Люба пошла ставить самовар на сосновых шишках. Она заваривала необыкновенно душистый чай из листьев и почек смородины, земляники, малины, мяты и еще чего-то ароматного, а главное, полезного. Такого вкусного чая Лена еще не пила, хотя мама тоже сушила листья из их сада и добавляла к чайной заварке. Мамин чай тоже был вкусным, но каким-то другим. Лена положила на стол любимые Ирочкой конфеты «Мишки на Севере», а также подарок. И как же она оказалась права с его выбором! Ира была в восторге от красок с кисточками и фломастеров, и от толстого альбома для рисования, но особую радость вызвал набор для рукоделия в коробочке

с ленинградским мулине, которое считалось лучшим отечественным. Особенно порадовали Ирочку готовые схемы для вышивки крестом.

А дождь тем временем прекратился и Леночка стала собираться в обратный путь. Ира и Люба пошли провожать ее до остановки автобуса и долго махали в след, сидевшей у заднего окошка Леночке.

Домой Лена возвратилась уставшая, но счастливая. Она чувствовала себя членом их семьи, полноправным членом. Люба так смогла поговорить и подготовить дочь Ирочку, что ей не грустилось в этот первый день рождения, проведенный без папы... Ира обрела старшую сестру и была счастлива этому. Лена улыбнулась, пожалуй, впервые мысли о папе уже не вызывали у нее слезы.

Жизнь потихоньку налаживалась. Налаживалась, несмотря на трудные и даже тяжелые времена в стране. Лена впервые чувствовала себя взрослой и самостоятельной. А когда она ведет урок все тридцать восемь человек в классе слушают ее и, кажется, не дышат.

– Нет, все же хорошо, что я не послушалась маму и не стала математиком. Писала бы я сейчас свои формулы на доске, доказывала теорему Пифагора и что? Нет, я правильно сделала, что пошла по стопам папы и стала учителем истории, а главное, – учителем для ребят и каждый день доказываю им и самой себе, что я – учитель. —

Так прошла первая четверть, затем короткие каникулы

и началась вторая четверть. Лена уже привыкла к ребятам, а они к ней. У нее даже появились ученики с которыми ей было особенно интересно. Их было несколько человек, у которых явно были задатки и даже таланты ораторов и лидеров, все остальные прислушивались и учились у них. Среди всех выделялся Павел Синегоров. Лена сама подчас не знала как отвечать на поставленные им вопросы, настолько глубоки они были.

– У этого парня все задатки лидера, будущего политика, замечала Лена глядя на Павла. У Павла отец – новый главный редактор городской газеты, которая является основным печатным органом не только их города, но всего региона. До своего назначения в Вологжанск их семья проживала в Москве и родители Павла работали в престижном московском издательстве, занимали ответственные должности.

Павел был лучшим учеником по всем предметам, но что касается гуманитарных и общественных наук, ему не было равных не только в классе, но и во всей школе. Лене было по-настоящему интересно беседовать с ним. А в некоторых вопросах она признавала за ним первенство, ведь он с семьей прожил несколько лет в Аргентине, он и родился в Буэнос-Айресе. Его отец работал в ту пору в советском посольстве и был молодым дипломатом. Павел хорошо знал испанский язык, он даже один год проучился в местной школе, многое помнил и рассказывал Леночке о жизни в Латин-

ской Америке, он любил эту страну с ее неповторимой природой, яркими красками и очень веселым и доброжелательным народом. Леночка с удовольствием слушала его, она сама ни разу не бывала за границей, если только не считать таковой Эстонию и Таллин, в котором она побывала.

Лена стала замечать, что Павел не торопится домой после уроков, а под любым предлогом дожидается ее, чтобы проводить до дома. Вот вчера была такая чудесная погода, впервые выпал снежок, все вокруг засверкало чистотой и воздух был как-то особенно свеж. На улице к ней подошел Павел, задал какой-то вопрос, затем попросил разрешения проводить ее до дома. Они шли, поддевая ногами опавшие листья кленов: красно-багровых и желто-зеленых, обильно обсыпанных чистыми, белыми хлопьями первого снега. Шли, никого не замечая вокруг себя, до самого дома Лены, с виду никто бы и не признал в них ученика с учительницей. С тех пор это стало раз от раза повторяться, сначала ничего не подозревающая Леночка, не придавала особого значения этим прогулкам с провожением до дома, но стала замечать, что коллеги как-то по-особенному на нее смотрят, а женщины-учителя, которых в школе большинство, при ее появлении замолкают. Вокруг Леночки образовывался вакуум, полоса отчуждения. Даже АЭС и ОГО при встрече стали как-то не особенно улыбкивы и приветливы, чем прежде.

– Боже! – чуть ли не стукнула себя по лбу Леночка, – Боже, они думают, что у меня шашни с учеником! Это было бы

смешно, если бы не было так нелепо и совершенно неприемлемо для меня. – И она стала избегать Павла. После работы Лена старалась выходить из школы с кем-то из коллег, а затем быстро отрываясь, заскакивала в свой автобус и уезжала. Это стало похоже на игру в «кошки-мышки». Павла не было видно, но Лена точно знала, что он наблюдает за ней где-то неподалеку.

Приближался новый 1994 год. В классе было решено устроить Новогодний Огонек с дискотекой. Девчонки шушукались по углам по поводу нарядов, а ребята наблюдали за ними, лишь изредко отпуская свои двусмысленные шуточки.

После уроков Лена задержалась в классе и сидела за своим учительским столом, заполняя классный журнал. Она и не заметила, как дверь приоткрылась, в класс зашел Павел Синегоров и тихо сел за первую парту слева от Леночки, прямо у самой двери. Он сидел так тихо, что она не сразу заметила его присутствие и только почувствовав на себе его взгляд, подняла глаза на Павла, который неотрывно смотрел на нее своими светло-кариими глазами.

– Ты что-то хотел, Павел? – спросила Лена, едва скрывая свое волнение.

– Я хочу спросить Вас, Елена Николаевна, почему Вы избегаете меня? —

– Я не понимаю, о чем ты, Павел? Я работаю, по-прежнему, в школе, твоим классным руководителем. —

– Я о другом... Почему Вы избегаете меня после школы?

– Понимаешь, Павел, после школы я имею полное право распоряжаться собой, своей свободой, своим личным временем, наконец. – быстро подбирая нужные слова, ответила Леночка Павлу. А он смотрел на нее, не отрывая глаз, затем резко встал и вышел из класса. Лена облегченно вздохнула, но в ее сознание запал его образ и грусть глаз, этого полуподрослка, полувзрослого человека.

– И действительно, только люди с извращенным сознанием могут додуматься до такого. Роман с учеником! – Леночке и в голову не могло прийти подобное.

– Как хорошо, что заканчивается полугодие, а там каникулы. Все наладится и Павел поостынет. Ну, не могла же я ему в глаза сказать, что боюсь сплетен о себе, как о старой деве, которая уже перешла на своих учеников. Это бы оскорбило парня, наверняка у него и в мыслях нет ничего подобного. Завтра Новогодний Огонек в классе. Ну, а там, каникулы. Надо обязательно съездить к Ирочке, поздравить их с Любой с Новым годом. Люба говорила, что ей, как учительнице, обещали провести в дом телефон. Вот было бы здорово! Она могла бы звонить им, но ничто не заменит живого общения. А как было бы замечательно взять Иру в Москву на новогодние каникулы. Надо поговорить с Любой, думаю она будет не против. —

Опять новогодняя Москва вдруг вспомнилась Леночке: – Неужели год прошел... Сколько изменилось за этот год. -

На Новогоднем Огоньке Павла не было. От внимания Лены не ускользнуло, как поскучнели девочки, не найдя Павла среди парней. Особенно самая красивая девушка класса – Виолетта Макарова или просто Витта, как все ее называли. Дочь местного бизнесмена, одетая в дорогие импортные наряды на зависть всем девчонкам класса, она явно была не равнодушна к Павлу. В его присутствии она старалась обратить на себя его внимание. Лена вдруг ощутила себя чуть ли не старушкой, вспомнив свои школьные годы:

– Всего-то шесть лет прошло, а какие с ней перемены. Хотя в личной жизни перемен по-прежнему нет, как была одинока, так и до сих пор одинока. Наверное, ей пора смириться с этим и не париться по этому поводу. Даже на свадьбы уже не приглашают, а у замужних подруг уже дети и свои семейные заботы. Скоро Новый год, праздник, которого она стала побаиваться, есть в нем что-то магическое, каждый раз вспоминается: «Как встретишь Новый год, так и год пройдет.» вот и не верь в приметы. И все же ее уже нельзя назвать совсем одинокой... за этот год у нее даже появилась одиннадцатилетняя сестра. Но в личной жизни – провал полнейший. Конечно, в новогоднюю ночь она будет вместе с мамой, она не оставит ее одну ни за что. Надо посмотреть списки выезжающих в Москву на каникулы ребят. Всего три дня они будут в Москве, а программа насыщенная: Третьяковка, Красная площадь с посещениями музеев Кремля. – Лена даже подготовила конспект по истории московского Кремля.

Затем музей изобразительного искусства им. Пушкина, построенного отцом Марины Цветаевой. В списке была фамилия Павла Синегорова, почему-то именно этот факт заинтересовал Лену:

– Что за наваждение, он просто мальчишка! Да, умный. Да, признаю, высокий, стройный и симпатичный. Есть в нем налет столичности. Но почему я обращаю на это внимание? Я старше его на целых шесть лет! – А в подсознании промелькнуло – И всего-то... когда мне будет тридцать, ему будет всего двадцать четыре, на год старше меня сегодняшней. Нет, я не должна думать о нем, как о парне, с которым у меня возможны отношения. Я сама себя уважать не смогу, даже за мысли о нем. Но почему он на уроках так пристально смотрит на меня, не замечая никого вокруг? Витта вся из себя, такая модница-красавица, а он мимо нее смотрит. Нет, если еще раз пойдет разговор, подобный тому, мне все же придется сказать ему все напрямую. А что напрямую? Он ведь мне ничего не сказал, а только спросил, почему я избегаю его после уроков... Вот ведь воображение у меня! На пустом месте столько догадок. А на самом деле и нет ничего, да и быть не может. Фантазерка ты, Лена Крылевская и никакая ты не учительница и классный руководитель! Как была мечтательницей, так мечтательницей и осталась, хоть тебе и двадцать три года через месяц! —

Лена вспомнила, что свое двадцати двухлетие пропустила, так как пребывала в коме под неусыпным контролем Оле-

га Ивановича.

– А у Олега Ивановича сын растет, в марте исполнится годик! Надо обязательно позвонить и поздравить, а лучше зайти к нему в больницу, чтобы передать подарок малышу. —

И опять красной нитью прошло сознание: – И чего это вдруг... у Олега Ивановича своя семья и зачем ему твой неожиданный приход и подарок с поздравлениями? —

Лена вся напряглась от подобной догадки, – Вот если бы был жив папа, тогда – да! Можно было бы прийти в больницу вдвоем, а то везде глаза и уши персонала. Нет, не нужно и Олегу Ивановичу доставлять неприятности и питать завистников со сплетниками пищей для разговоров! Ты начинаешь обрастать комплексами старой девы. – Сама себе вынесла вердикт Леночка накануне нового 1994 года.

И вот позади два дня наступившего Нового года. Народ праздновал его вместе со всей страной. Леночка вместе с мамой тоже отпраздновали вдвоем. О папе не говорили, это первый Новый год без него и слишком тяжело вспоминать эту утрату, когда у всех веселье и праздник.

А 2 января у Леночки в квартире чуть не случилось наводнение. У соседей наверху сорвало шаровой кран, а кроме очень старенькой бабушки в квартире никого. В ЖЭКЕ долго не брали трубку, затем посоветовали закрыть вентиль, пообещав прислать сантехника. Лена побежала в квартиру этажом выше, перекрыла кран, а затем стала вытирать пол

большой тряпкой и выжимать ее в таз. Бабушка-соседка стояла рядом не в силах ей помочь. Пришла мама и они вдвоем стали вытирать пол насухо в четыре руки. Затем пришел сантехник, отремонтировать кран, Лена только и успела подумать:

– Какое счастье, что я была дома, а не уехала с ребятами в этот день в поездку. -

Мама стала звонить по телефону «куратору по всем вопросам» – Ольге Семеновне, от которой она узнала, что ее племянник, тот самый Алексей, работает главным инженером в их ЖЭКе, так раньше назывались нынешние ДЭЗы.

На следующий день, утром в дверь квартиры Леночки и ее мамы позвонили. На пороге стоял молодой человек, представившийся главным инженером ЖЭКа. Он прошел в квартиру, осмотрел протечки на потолке, а затем сказал, что им или точнее, ответственному съемщику квартиры, которой была мама, необходимо написать заявление в двух экземплярах и отнести в ЖЭК для принятия мер по устранению протечек и выполнению косметического ремонта в квартире. Закрыв за ним дверь, мама сказала Леночке:

– Какой милый молодой человек, этот Алексей. Помнишь, это племянник Ольги Семеновны, он помогал нам... – дальше продолжать фразу мама не стала, чтобы не омрачать праздник грустными воспоминаниями о папе.

– Ну, уж если Новый год начался с потопа, то я уж

и не знаю чего мне ожидать, – подумала Леночка. На самом деле скоро пришли рабочие из ЖЭКа, устранили последствия протечек, а именно, заново покрасили потолок и поклеили обои за счет Жэка. Племянник Ольги Семеновны больше так и не появился, и Леночка с Надеждой Борисовной забыли о нем.

Глава 17 Школа – это серьезно

Поездка в Москву удалась. Люба отпустила Ирочку, которая была в первый раз в столице и смотрела на все широко раскрытыми глазами, крепко держась за руку старшей сестры, как будто, если она отпустит ее хоть на минуту, то сразу потеряется в этом огромном городе с бесконечными потоками машин и людей на улицах.

– Как хорошо, что у них теперь есть телефон в доме, мы будем перезваниваться с Ирочкой, возможно, со временем я приглашу ее к нам с мамой в гости. А пока будем хотя бы разговаривать почаще, она молчунья вся в папу. – Леночке было приятно, что ребята из ее класса признали в Ирочке сестру их учительницы и заметили сходство. И вот каникулы закончились, ребята пришли в класс, все за исключением троих, двое из которых были больны. А вот почему Павел не пришел в школу после каникул?

Леночка решила позвонить домой родителям Павла, чтобы узнать о его самочувствии. К телефону подошла мама –

Людмила Анатольевна. Она сказала Лене, вернее Елене Николаевне, что завтра зайдет в школу сама и поговорит с Еленой Николаевной лично.

На следующий день в условленное время дверь в пустой класс отворилась и вошла Людмила Синегорова, мама Павла. Это была молодая женщина лет тридцати шести, с глазами золотисто-чайного цвета, довольно милостивая блондинка.

– Так вот на кого он похож, – отметила про себя Леночка. Она предложила Людмиле Анатольевне присесть за первую парту, напротив ее учительского стола.

Людмила Анатольевна тихо села. Возникло затянувшееся молчание, которое прервала Елена, Елена Николаевна:

– Что с Павлом? Он не был на Новогоднем Огоньке, не поехал с классом в Москву. Он болен? Что с ним? —

На что Людмила Анатольевна с грустью ответила:

– Хотела бы и я знать, что с ним... И она протянула Елене блокнот, та раскрыла и увидела написанный мелким почерком текст. Это были стихи и еще рисунки на которых она узнала себя, свое лицо, фигуру, улыбку, прическу.

– Почитайте. – сказала Людмила Анатольевна.

Лена молча прочла несколько стихов, затем встала из-за стола и подошла к окну, за которым уже начало темнеть.

– Так что с ним, Елена Николаевна? – адресовала свой вопрос мама Павла, глядя в спину учительницы. Лена повернулась и посмотрев в глаза матери Павла, ответила:

– Я не знаю, что мне Вам ответить и как матери, и как женщине. Я и сама не в состоянии все это понять. Да, он мой ученик и признаюсь, – лучший ученик. Ваш сын хороший, умный человек. Вас можно поздравить с таким сыном, но клянусь Вам, я не давала ему ни малейшего повода, мы разговаривали о жизни, о истории, о ситуации в стране. —

– Да, Ваши знания пошли ему во вред, он постоянно спорит с папой, с тех пор, как Вы пришли в эту школу и стали классным руководителем, сына просто подменили. Он приходит, закрывается у себя в комнате и постоянно молчит с нами, а если и говорит, то старается все время критиковать нас, наши жизненные взгляды, статьи в газете отца. —

– Она говорит так, будто это их личная газета, а не городская, – отметила про себя Лена.

– Ваш сын взрослеет, становится личностью. Вполне возможно, что у него устанавливается свой взгляд на вещи, которые раньше он принимал от вас целиком, без раздумий. —

Людмила Анатольевна резко поднялась со своего места.

– Я знаю только одно, что мы теряем своего сына, он на глазах становится чужим нам человеком, вернее, мы становимся для него чужими. – С этими словами она взяла блокнот со стихами и рисунками сына и не попрощавшись, вышла из класса.

На следующий день Павел пришел в школу. Лена не стала спрашивать у него почему и на каком основании он пропустил начало третьей четверти последнего выпускного клас-

са. На уроке он все так же смотрел на нее, но больше не брал слова и все время молчал.

И лишь на следующий день он подошел к Елене после уроков и в опустевшем школьном коридоре сказал:

– Я знаю, что моя мать была у Вас. Я прошу не верить в то, что она могла Вам наговорить. Поэтому скажу Вам прямо:

– Я люблю Вас, Елена Николаевна и я добьюсь Вас. – Он развернулся и ушел, а Елена стояла какое-то время не шевелясь, не в состоянии сдвинуться с места.

На следующий день в школу пришел отец Павла и под каким-то благовидным предлогом забрал документы сына для перевода в московскую школу, где раньше до их приезда в Вологжанск учился Павел. В Москве он будет жить с бабушкой в их московской квартире, а затем будет поступать в МГУ или МГИМО. Больше он ничего не сказал. Документы были выданы и отец Павла покинул школу. Но это был еще не конец, по школе поползли слухи один страшнее другого и что самое ужасное, слухи были не только среди учителей, сплетничала вся школа, во главе с Виттой Макаровой, которая не могла простить ухода Павла из школы. Конечно, она сама несколько раз видела своими глазами, как он провожал Елену домой. Ясно дело, никто замуж не взял, за школьников принялась...

А потом появился грязный пасквиль из областной газетенки с прямыми намеками на морально-неустойчивых потомственных учителей, которым не место в школе. Наме-

ки были даже в адрес покойного папы. И как только можно обливать грязью умершего человека, который за свою жизнь никому не сделал ничего плохого, глаза Леночки наполнились слезами и такой болью за отца... – Вот они, эти крысы, вылезают из своих подвалов, чтобы укусить, пусть уже и умершего человека, чтобы опорочить память о нем, а главное, чтобы сделать побольнее его близким. -

Лена была в полной растерянности, она впервые почувствовала, что ей действительно не на кого опереться. С такими горькими мыслями она вошла в подъезд своего дома и лицом к лицу столкнулась с молодым мужчиной, который поздоровался с ней, назвав ее имя. Лена подняла глаза и при тусклом освещении подъезда их старого дома, узнала Алексея, племянника Ольги Семеновны, который теперь работает главным инженером в их ЖЭКе.

Лена поздоровалась в ответ и тут у пакета с тетрадями оторвалась ручка и он упал прямо под ноги Алексею. Тетради чуть не рассыпались на грязном от растаявшего снега полу подъезда. Алексей помог поднять пакет и смущенно глядя в глаза Леночке, спросил чем он может еще помочь их семье? В ЖЭК завезли новые газовые плиты и он распорядится, чтобы им установили новую плиту. Он поинтересовался когда Лена будет дома, чтобы рабочие могли ее установить в их квартире.

– Завтра я весь день свободна. Приходите утром. – ответила Леночка, заходя в лифт.

Утром следующего дня пришли рабочие и установили новую плиту, а заодно и вынесли старую. После их ухода раздался звонок в дверь. Лена открыла. На пороге стоял Алексей, он попросил разрешения войти и посмотреть, как рабочие установили плиту на кухне. Посмотрев и удостоверившись, что все в порядке, Алексей спросил, как чувствует себя Надежда Борисовна.

– Надо же, он помнит имя отчество мамы... – Лену тронуло такое внимание и она предложила выпить чаю, чтобы проверить плиту в действии. Алексей согласился. Лена указала ему на стул, он присел, а она тем временем включила газовую конфорку. Все было прекрасно, плита блестела и поражала своей первозданной белизной. – Великолепная духовка в которой, наверняка, поместится целый гусь. – подумала Леночка.

От конфет и печенья Алексей отказался. Лена спросила, как чувствует себя его тетя Ольга Семеновна. Спросила просто из вежливости и чтобы заполнить затянувшуюся паузу. На что Алексей ответил, что не видел тетку с похорон своей матери. Тут Лена совсем растерялась, она и не знала, а вернее, и не могла знать, что мать Алексея, сестра Ольги Семеновны, умерла два месяца назад и Алексей остался один. Отца он давно потерял, его убили в Афгане, так что он теперь круглый сирота, что, конечно, не так уж и страшно в двадцать пять лет. Лена почувствовала себя виноватой перед

этим, в общем-то, неплохим парнем, робко отпивающим чай из чашки. Она проводила его до дверей, они распрощались и он ушел.

– Как хорошо, что мамы не было дома, иначе его визит затянулся бы надолго. – Тут пришла мама с работы, увидела новую плиту от которой пришла в восторг. Лена не стала рассказывать ей кому они обязаны появлению этой покрытой белоснежной эмалью красавицы. Они поужинали и разошлись по своим комнатам. Лена вспомнила об Алексее и его робких и застенчивых взглядах на нее. – Зря я так наезжала на него, это все из-за его тетки, с которой он, вероятно, и не общается вовсе... И почему я ее так невзлюбила? – подумала Леночка засыпая.

Утром следующего дня АЭС попросила ее зайти к ней после уроков. Когда Лена вошла в кабинет директора школы, было ясно насколько неприятен для АЭС предстоящий разговор с Леной. Подойдя к ней и взяв ее за руку, АЭС или Александра Эдуардовна Стрельникова, глядя в глаза Лены сказала:

– Я настолько возмущена сплетнями в коллективе, причем исходящими даже от учениц старших классов, что у меня нет слов, чтобы выразить свое негодование. А тут еще и статейка в областной газете, но грязи она размазала вокруг достаточно. Я просто хочу, чтобы ты знала, я не верю ни одному слову из этой грязной заказной писанины, порочащей память твоего отца. О какой второй семье идет речь? За та-

кое надо подавать в суд! —

Лена слушала молча, затем произнесла:

– Спасибо, Александра Эдуардовна, но дело в том, что у моего покойного отца есть дочь, моя сестра. Я только недавно узнала об этом, но даже такая, прямо скажу, не совсем ожидаемая для меня новость, не изменила моего отношения к папе. А его дочь, мою сестру я полюбила всем сердцем и ни от кого прятать ее не собираюсь. Я уйду из школы, найду другую работу. —

Лена посмотрела на АЭС. Она сидела за своим столом, прикрыв лицо ладонью. Чувствовалось, что ей трудно продолжить этот разговор, наконец, она подняла глаза на Лену и сказала:

– Нет, я не отпущу тебя, пройдет время, все уляжется и забудется. Не торопись, Лена, в жизни бывает и похуже. — И они распрощались.

Придя домой в стены своей квартиры, своей комнаты, в которой все еще стояла ненавистная «кушетка роста», так как денег на новый диван все время не хватало, Лена всерьез задумалась о своей неудавшейся личной жизни.

Вдруг в квартире раздался телефонный звонок. Звонил Алексей и, видимо, набравшись смелости, прямо сразу и без вокруг да около, пригласил Лену сходить куда-нибудь в эти выходные. И она согласилась. Они договорились встретиться в воскресенье в 14 часов в центре города. Воскресенье было завтра.

Лена с утра воскресенья хотела перезвонить Алексею, чтобы отменить встречу. – В самом деле зачем? И дело даже не в его кровном родстве с Ольгой Семеновной, просто зачем встречаться? Не надо пустых встреч, пустой траты времени. Лучше она посмотрит телевизор, того же «Графа Монте-Кристо» с Жаном Маре. Или, наконец, попробует себя в новом деле – сошьет на лето платье. Учительница труда Елизавета Ивановна обещала помочь и дала заграничную «Бурду» с выкройками. А тканей у мамы много. Она всю жизнь мечтала научиться шить, они с папой даже купили машинку «Чайка», но школа совсем не оставляла свободного времени для мамы, а летом все время забирал их сад-огород в деревне. Но зато у них были фрукты, овощи и заготовки на зиму, которые делал, в основном, папа. Он мыл, резал, варил, солил, закатывал банки крышками. Он берег мамины руки, а сам делал все как-то ловко и весело, и даже напевал иногда своим «оперным» баритоном. У него несомненно был от природы голос и если бы он им серьезно занимался, то мог бы даже стать певцом, так говорила мама. – А Леночка хоть и просила спеть для нее что-то, тем самым только смущала папу, он сразу умолкал со словами:

– Нет, сударыня, я не хочу оскорблять Ваш слух и чувства своими несовершенствами. – Так ничего и серьезно не спел для нее.

– 22 апреля – годовщина смерти папы, надо накопить денег на памятник ему, но на скромные учительские деньги,

это очень трудно, а еще хочется что-то сделать приятное для Ирочки. Купить ей что-то... Вот поэтому я и должна научиться шить, для себя и для Ирочки. В «Бурде» есть очень хорошие выкройки для девочки ее возраста. Пожалуй и начну с Ирочки и подарю ей платье к 8 марта. – размышляла Лена.

– И зачем я согласилась встретиться с Алексеем? Неудобно перезванивать, откладывать встречу на потом. Схожу разок, он помог нам с папой и с ремонтом... все же нельзя не признать, что он человек деликатный, как он помог на похоронах... тихо, без суеты, без ожидания благодарности. А потом ушел так же тихо и не пошел на поминки в кафе, не хотел дополнительных трат, наверное. Схожу и обязательно поблагодарю за все, ну и все собственно, ничего со мной не случится. —

Леночка оделась просто, по-будничному: в свитерок и брюки, никакой косметики. На улице была предмартовская оттепель, хмурое серое небо, а после полудня оно как-то раскрылось и появилось солнышко, веселое, весеннее. Легкий ветерок обдувал бледное лицо Леночки, играя светлыми прядками волос, выбившихся из-под беретки. Беретка была нежно-голубая, связанная мамиными руками, из воротника куртки был виден голубой шелковый шарфик, вокруг тонкой Леночкиной шейки. Проходя мимо витрин и глядя на свое отражение, Леночка отметила про себя:

– Нет, совсем я не похожа на классного руководителя. Может поэтому старшеклассники, особенно девочки, воспринимают меня как свою сверстницу, а некоторые даже ревнуют к парням. —

Невольно вспомнилась Витта Макарова и ее колючие взгляды, переводимые с нее на Павла Синегорова и обратно. Глаза у Витты в такие моменты были очень недобрые. – Видимо, это подростковая ревность и послужила пищей для сплетен в классе, а затем пошло и по всей школе, переползая в семьи, как плесень, захватывая все вокруг. Было бы мне лет сорок, никому бы и в голову не пришло подобное или была бы я замужем... – Незаметно для себя Лена получила укол в сердце. – Да, двадцать три года ей исполнилось месяц назад... и что? Они попили чай с мамой. Коллеги поздравили и тоже попили чай с тортом в учительской. – О дате своего дня рождения Лена строго-настрого запретила распространяться, чтобы в классе никто не знал.

И вот подходя к условленному месту встречи, у памятника в центре города, Лена еще издалека увидела высокую, худощавую фигуру Алексея. В руках он что-то держал, видимо цветы. Когда она подошла к нему, Алексей смущенно протянул ей желтые нарциссы, извинившись, что не было белых. В голове у Лены мелькнуло: – Желтый цвет- признак измены и откуда у парня, подобному Алексею, такие познания барышень 19 века... – Приняв цветы и поблагодарив, она сказала, что любит желтый цвет, цвет солнышка.

С минуту постояв, Алексей все также смущенно спросил, куда Леночке хотелось бы пойти: в кафе, кино или погулять? Лена выбрала – погулять. Кафе, все сплошь кооперативные с нереальными ценами, а для кино погода слишком хорошая. Солнце – это такая редкость в их краях. И они пошли вдвоем вдоль городского парка. Лена почему-то вспомнила свои поездки в Крым на Черное море. Оказалось, что Алексей там ни разу не был и никогда не видел моря.

– Только в кино. – смущенно улыбнувшись, добавил он. Леночке стало как-то стыдно, что она жила так беззаботно и несмотря на тяжелые времена в стране, родители все же отправляли ее на курорты в студенческие годы и лишь в прошлом году она не ездила отдыхать из-за смерти папы. Все накопленные деньги пошли на похороны. А Алексея растила одна мама, а теперь и ее нет.

– И все же у нас есть общее, – про себя подумала Леночка – мы оба с разницей в полгода потеряли родителей. – Повисла неловкая пауза, Алексей был молчалив, а Леночка не знала о чем с ним можно продолжать беседу. Алексей заговорил первым: – Здесь неподалеку мой дом, может зайдем попить чаю? Вы, наверное, замерзли, Лена? – спросил он, первый раз заглянув к ней в глаза. Сама не зная почему, она согласилась. Дом был и вправду неподалеку, в центре города. Лену это немного удивило. Дом был добротный, хоть и 60-х годов постройки. Кирпичный, с большими окнами и эркерами. Лена обратила внимание, что во дворе мно-

гие здоровались с Алексеем, кто-то из далека кивал, кто-то подходил и протягивал руку для рукопожатия, но больше всего и охотнее, как показалось Леночке, с ним здоровались местные старушки. – Видимо, они дружили с его мамой, – подумалось Леночке. Одна из них встала с лавочки и переваливаясь с боку на бок, опираясь на палку, подошла к ним, заглядывая в лицо Леночке со словами:

– Леш, милоч, зашел бы ты ко мне, посмотреть уют. – На что, вконец смутившийся от такой открытой простоты бабушки, Алексей ответил:

– Зайду, баба Вера, немного позднее, – добавил он, еще более смутившись.

Алексей жил на четвертом этаже, но они поднялись пешком, не воспользовавшись лифтом, около которого на первом этаже сидела пожилая дворничиха, она же консьержка, она же лифтер. Дворничиха внимательно окинула взглядом Леночку, но в отличии от старушек во дворе, ее лицо было непроницаемо-суровым.

И вот Алексей открыл дверь квартиры и Лена вошла в длинную и довольно просторную прихожую, на стене которой был подвешен велосипед, а в углу стояли лыжи. Алексей помог повесить на вешалку куртку Леночки, дал ей тапочки, которые ей были великоваты и несколько смущаясь произнес:

– Извините за беспорядок. Я затеял ремонт и вот все никак не закончу. – Лена зашла в ванную помыть руки, она все-

гда так делала после улицы, Алексей последовал ее примеру. Затем он пошел на кухню, поставил чайник на плиту, достал что-то из холодильника, стал резать хлеб, колбасу.

– Он, видимо, проголодался. – догадалась Леночка.

– Лена, хотите глазунью? – спросил Алексей, дома он вел себя более уверенно, даже повеселел. Лена согласно кивнула. Ей что-то тоже вдруг захотелось яичницы, которая так аппетитно шкварчала на сковороде. Сковорода была большая и Алексей разбил штук восемь яиц. Лена улыбнулась, глядя на его долговязую и по-мальчишески худощавую фигуру: – Холестерин и ожирение ему не грозит, да и мне немножко можно.– К глазунье прилагалась колбаса, порезанная кружочками руками Алексея, а также соленые огурчики. Чайник уже вскипел. Они уселись вдвоем за небольшим кухонным столом. Алексей, взяв сковороду, положил на тарелку Леночки приличный кусок ароматной глазуньи, а оставшуюся часть – себе. И они начали есть, закусывая хрустящими солеными огурчиками.

– Вкусно, – Леночка с наслаждением попробовала кусочек, – а у меня не получается как у вас, у меня желток или растекается, или сырой остается.– Алексей улыбнулся в ответ: – К сожалению, кроме глазуньи я ничего не умею, только если картошку пожарить.-

Вдруг в дверь позвонили. Алексей пошел открывать и вскоре вернулся с утюгом в руках.

– Это баба Вера, она живет напротив. У нас с мамой ведь

нет никого, ну кроме тети Оли. – Он помолчал. – Родственников отца я никогда не видел. Вот так. —

– У меня тоже никого из близких родственников нет. Со стороны папы только его троюродная сестра тетя Настя и ее дочка Нина, а у мамы родственники в Сибири. – сказала Леночка, а про себя: – А как же Ирочка? -

– Пойдемте в мою комнату. – И Алексей увел ее с кухни.

Квартира была двухкомнатной, в большой комнате раньше жила его мама, а сам Алексей жил в маленькой комнате метров 13—14, где все было заполнено книгами и моделями самолетов, вертолетов, кораблей. Все это было собрано руками самого Алексея, когда он учился еще в школе. На стенах висели дипломы, почетные грамоты, на стеллажах стояли кубки. Лена прочитала висевшую на стене грамоту: – За выдающиеся успехи в освоении авиамоделирования награждается ученик 7 «Б» класса Крылов Алексей. -

– Ваша фамилия Крылов! Как символично... в авиакружке занимается Крылов! – Лена с улыбкой посмотрела на Алексея. – А моя фамилия Крылевская... – и она почему-то тихо засмеялась. А Алексей смотрел на нее с такой счастливой улыбкой, что Леночка, заметив это, сразу посерьезнела.

– Это мама мои дипломы развешивала. Вот хочу сделать ремонт и в комнатах, но... – он помедлил, – все никак не могу, мне кажется, что я сотру память о ней... На кухне уже сделал, сейчас перейду на коридор и ванную, а вот на ком-

наты никак руки не поднимаются. —

Лена опустила глаза, вспомнив о папе: — Как она его понимает... — и лишь грустно вздохнула — Да... —

Поблагодарив за ужин, Лена стала собираться домой. Алексей помог ей одеться. Незаметно, всего за полчаса неспешным шагом, они подошли к ее дому, поднялись на лифте на 7 этаж. На прощание, прежде чем открыть дверь квартиры, Лена протянула свою руку Алексею и он нежно пожал ее. Войдя в квартиру и закрыв за собой дверь, она с минуту постояла около порога. Услышав, как заработал лифт, быстро скинула куртку и обувь, тихонько, не зажигая свет, подошла к окну своей комнаты и увидела Алексея, выходящего из подъезда. Он остановился и подняв голову, посмотрел на ее окно. Лена стояла за занавеской, свет был погашен и Алексей ничего не мог разглядеть в ее окне. Он немного постоял, затем быстрыми шагами пошел прочь. Лена вышла из комнаты и пошла в ванную помыть руки. В квартире было тихо, мамы не было.

— Странно, в воскресенье вечером мамы нет дома. По моему, это впервые... но ведь тогда был папа! — догадалась Лена.

Мама пришла около 9 вечера. За это время Леночка успела принять ванну и улечься с книгой в постель. Мама вошла в квартиру, тихо ступая мимо комнаты дочери, прошла на кухню. Услышав ее передвижения по квартире, Лена вышла из своей комнаты:

– Добрый вечер мамочка! Где ты была? Я уже заволновалась ни записки не оставила, ни позвонила.— На что мама грустно ответила:

– Ты тоже ушла, ни записки, ни звонка... – Лена подошла к маме, приобняла ее за плечи: – Прости, мамочка, это больше не повториться. Так все же, если не секрет где ты была? – Мама немного оттаяла от ее нежности:

– Не секрет... гуляла по городу, потом зашла к подружке, у которой дома нет телефона и с которой мы тысячу лет не виделись, вот и засиделась. А ты? Ты где была? —

Леночка не хотела рассказывать ей об Алексее, поэтому ответила уклончиво, разглядывая закипающий на новой плите чайник:

– Я тоже гуляла и тоже зашла в гости. – Дальше она не стала рассказывать, чтобы не посеять в маме надежды на Алексея. – Они виделись в первый и вполне возможно, в последний раз. Зачем рассказывать об этом маме? Он проводил ее, они распрощались. Он даже не просил ее о будущих встречах. Ну, побывала она у него в гостях и что? Ну, прогулялись они вместе по городу и все... —

Глава 18 Признание в любви

На следующий день, в понедельник у Лены было всего два урока, поэтому она пришла домой пораньше, сделала выкройку по «Бурде» для Ирочки. Ткань была очень

симпатичная – сатин импортный, блестящий и тонкий, как шелк. На темно-синем фоне белая клетка и яркие розовые с алым розочки. Лена раскроила ткань, сметала и начала шить на машине «Чайка». Она сшила его на удивление быстро, платье было простое, слегка приталенное, без рукавов. Леночка была очень довольна собой, это была первая вещь, ею сшитая. Повесив платье на вешалку и внимательно разглядывая его со всех сторон, Леночка решила украсить подол белыми хлопковыми кружевами в тон белой клетки и платье как-то оживилось и «заиграло» от этой небольшой детали. Вот и долежались кружева. Это папа привез из Риги, когда был там в командировке. Мама тогда, воодушевленная покупкой новой швейной машины, хотела научиться шить, поэтому и покупала по случаю понравившиеся ей ткани, но все откладывала и откладывала, а затем Леночка выросла, но зато теперь у нее есть в запасе отрезы тканей, когда-то предназначенные для нее, но как оказалось, для сестры Ирочки. Вот и подарок готов к 8 марта. Лена отутюжила платье и повесила на вешалку в свой шкаф, очень довольная собой. Она стала перебирать отрезы тканей, чтобы что-то сшить и для себя.

Вдруг позвонили в дверной звонок. Лена открыла и увидев на пороге Алексея, была сначала ошеломлена, затем придя в себя, пригласила его войти.

Алексей вошел, по его лицу было видно, что он волнуется, но жесты и движения выдавали в нем человека, который

решился сделать что-то важное.

Почти с порога он выпалил:

– Лена, я прошу Вас стать моей женой. —

Лену как будто окатили ледяной водой, она от неожиданности онемела на время. У Алексея внутри было тоже очень похожее чувство, он сам как будто прыгнул в прорубь. Они так и стояли оба в оцепенении, глядя друг на друга.

– Леша, но ведь для этого надо любить, любить друг друга... -

– Я люблю Вас, Лена. Моей любви нам хватит на двоих. – Леша сказал это с такой пылкостью, с такой уверенностью в себе, что Лена даже растерялась:

– А как же я, Леша? Я тоже хочу любить, но я не люблю Вас!

Алексей, казалось, не слушал ее. Он вдруг упал перед Леной на колени, обхватил ее ноги и так и застыл в полном безмолвии. Он просто сразил Лену этим своим отчаянным порывом.

– Вот – Он! Мой рыцарь, мой Принц! Он оказывается работает в ЖЭКе, но он встал передо мной на колени и я верю ему. Может и вправду это мой будущий муж? – задалась вопросом Леночка, волна эмоций, исходившая от Алексея, накрыла и ее с головой. Он поднял на нее глаза с таким отчаянием, что сердце Леночки дрогнуло, ей стало жалко его.

– Алексей, встаньте. Прошу Вас, наконец! – произнесла она таким властным и решительным тоном, что сама удиви-

лась этому.

Алексей покорно встал и опять к нему вернулось его обычное смущение и застенчивость. Порыв, порожденный отчаянием, пронесся как шквал и Алексей вновь потупив глаза и опустив голову, ждал ответа Леночки, как будто от этого зависела его жизнь, что на самом деле так и было.

А у Лены поднялось такое смятение в душе... И усталость, усталость от одиночества, от того, что с уходом папы, они с мамой лишились сильного плеча, на которое можно опереться. И она выдохнула, почти простонала: – Да —

Алексей, не веря своему счастью, и стараясь удостовериться, что это правда и она согласна, переспросил:

– Вы согласны стать моей женой? —

– Да – ответила Леночка со спокойной уверенностью, глядя на Алексея даже как будто сурово. Так говорят при принятии присяги или в суде, давая показания. Лена впервые заметила у себя эту твердость и даже проросшие ростки власти, которые никто прежде, а она тем более, у себя раньше не замечала.

– Я становлюсь похожей на маму – мелькнула мысль.

На следующий день они подали заявку в ЗАГС с таким расчетом, что их распишут перед 1 мая, а так как 22 апреля – годовщина смерти папы, то день регистрации брака был назначен на 29 апреля. У них почти два месяца времени, чтобы как-то подготовиться к этому дню. После подачи заявления решили поехать домой к Леночке, чтобы сообщить Надежде

Борисовне о своем решении пожениться.

Было начало марта, цветов перед 8 марта было достать непросто, но Алексей зашел на рынок и купил два небольших букетика белых нарциссов. Один букет для невесты, другой для ее мамы. По дороге они зашли в булочную-кондитерскую и купили торт, а в магазине шампанское и кое-что к столу.

Лена не стала открывать входную дверь своим ключом. Она позвонила, чтобы мама с порога, увидев их вдвоем с цветами, обо всем сразу догадалась. Этим она даст ей возможность подготовиться к их важному сообщению. Так оно и произошло, Надежда Борисовна своим материнским сердцем все сразу поняла и приняла. Лицо ее озарила такая улыбка, которую Леночка ни разу не видела со дня похорон папы.

Алексей, поздоровавшись вошел, отдав в руки Надежды Борисовны пакет с шампанским, торт и цветы, а сам стал ухаживать за Леночкой, которая присела на пуфик, чтобы расстегнуть молнии на сапожках. Алексей нагнулся и сидя на корточках, сам стал расстегивать ее сапожки и перед тем как надеть ей тапочки, взял ее маленькую ступню в свои руки, чтобы согреть. Этот жест покорила Леночку, она вспомнила, что они еще ни разу не поцеловались, но то, что сделал Алексей, взволновало ее не меньше, чем самый горячий поцелуй. Лена как-то засуетилась, пытаясь встать побыстрее, но Алексей задержал ее и накрыл своим поцелуем ее губы. Это был их первый поцелуй жениха и невесты, у которых все

уже решено и даже известна дата свадьбы – 29 апреля. Какое-то время они пробыли в этом отрешенном от реальности состоянии – она, сидящая на пуфике и он, стоящий перед ней на коленях, пока с кухни не донесся голос мамы. Леночка быстро поднялась с пуфика и упорхнула к маме на кухню. Мама что-то подогревала на новой плите и тихо спросила у Лены:

– Может лучше в комнате стол накрыть? – Леночка кивнула головой и пошла в большую комнату сервировать стол.

И вот стол накрыт парадной скатертью, все приборы расставлены, быстро собран небольшой семейный ужин. Алексей открыл шампанское и обратился к Надежде Борисовне:

– Уважаемая Надежда Борисовна, я прошу Вашего согласия на брак с Вашей дочерью Еленой. Я обещаю любить и заботиться о ней всю свою жизнь, а также помогать и заботиться о Вас тоже.

Надежда Борисовна, чтобы не разрыдаться, все это время сосредоточенно рассматривала белые нарциссы, стоящие в вазочке на столе, затем подняла на Алексея влажные глаза и ответила:

– Я согласна, я очень рада за вас. – Алексей разлил по фужерам шампанское и они выпили все до дна. Оставлять нельзя – примета такая. Затем был легкий ужин и Надежда Борисовна сокрушалась, что она ничего не приготовила по такому случаю. Затем она спросила какую они планируют свадьбу. Лена взяла слово:

– Понимаешь, мама, нас распишут уже после годовщины папы, а у Алексея только в октябре будет год его мамы, поэтому мы решили торжество не устраивать, а посидеть где-нибудь в кафе в узком кругу, да и приглашать особо некого, родни у нас и у Леши практически нет.– Леночку больно кольнуло, когда она вспомнила о сестре Ире и Любе, но собрать всех за одним столом было бы невероятно, это для Леночки Люба почти подруга и близкий ей человек, а вот для мамы... Люба-роковая женщина, внесшая потрясения в ее семейную жизнь. Поэтому решили, что Алексей пригласит двоих своих друзей, Лена тоже кого-то из подруг, ну, а остальное они еще успеют обговорить. Слово взял Алексей, он сообщил, чтобы Лена с мамой не волновались по поводу денег, у него достаточно на скромную свадьбу, свадебные наряды для них с Леночкой и, конечно, кольца. А, главное, он очень хочет поехать с Леночкой к морю, которого ни разу не видел. В июле у них отпуск и... он посмотрел на Леночку вопросительно. Она не ожидала такого восхитительного сюрприза и улыбнулась в ответ. Алексей продолжал:

– У меня дома сейчас ремонт, я планирую закончить его самое большое через месяц и тогда, если ты не против, – обратился он к Леночке, – мы будем после свадьбы жить у меня. – закончил Алексей.

Мама, Надежда Борисовна немного погрустнела. Лена, заметив это, произнесла:

– Мамочка, мы будем часто видится, ходить друг к другу

в гости, – она вышла из за стола, чтобы сесть поближе к матери, а Надежда Борисовна грустно улыбнувшись:

– Да, да... все правильно, я просто вспомнила папу, как жаль, что он не дожил до этого дня, – произнесла она с печалью в голосе.

После чая Алексей стал собираться домой. Лена пошла провожать его к лифту. Он успел поцеловать и обнять ее на прощание. Так и закончился этот день.

Глава 19 Свадьба, как продолжение судьбы

На работе о предстоящей свадьбе Лена решила пока не говорить. Да и работы к концу года стало значительно больше. Она иногда помогала с документами АЭС, та даже давала ей ключи от своего кабинета и сейфа, школьного секретаря сократили из-за недостаточного финансирования, а директор Александра Эдуардовна просто не успевала все сделать сама, поэтому и обращалась с поручениями к молодому специалисту Елене Николаевне, которую она без свидетелей называла по-прежнему Леной.

Накануне 8 марта Люба и Ира позвонили Лене на работу, чтобы не беспокоить Надежду Борисовну. Люба понимала всю двоякость и сложность своего положения, поэтому они созванивались с Леночкой со служебного телефона школы. В метрике у Ирочки стояло папино отчество – Николаевна, а вот фамилию Люба дала ей свою – Мартынова. Они с Ни-

колаем Константиновичем договорились, что так будет лучше для всех. Лена пообещала приехать к ним в деревню при первой же возможности, на что Люба сказала, что у них сейчас распутица, дороги не асфальтированы и по весне и осени непроходимы, а вот в мае они будут с Ирочкой по делам в Вологжанске и обязательно встретятся с ней. Только в самом конце разговора Лена сообщила, что выходит замуж в конце апреля.

Утром за завтраком мама успела сказать Леночке, что уж на платье, туфли и все что положено невесте, на это деньги у нее есть. На что Леночка, в свою очередь, поведала маме, что ей должны выписать премию на работе, своего рода подарок от школы, так как собирать деньги на подарок к свадьбе она категорически запретила.

Мама благоразумно ответила, что тянуть с покупками не стоит, цены стремительно растут. На неделе у них совпали свободные часы в графике и Лена с мамой отправились в свадебный салон. Они давно не ходили вдвоем по магазинам, с того раза, когда купили ее серебристое платье. Лена робко предложила не покупать свадебное, а надеть то, серебристое, которое она больше ни разу не надела после того злополучного нового года. Но мама ничего слушать не хотела и так посмотрела на дочь, что Лена замолчала и больше это не обсуждалось. Самое удивительное, что в салоне мама повстречала свою бывшую ученицу, которая ей сообщила, что завоз платьев ожидается в конце недели, взяла мамин теле-

фон и они договорились, что она позвонит, как только товар будет получен с базы. Окрыленная Надежда Борисовна была обрадована, пожалуй, впервые она использовала свои знакомства в личных целях:

– Вот ведь повезло. А у нас с папой свадьбы не было. Расписались, сели в поезд и поехали в Вологжанск к Таисии Александровне. Надо было ее спасать, не до платья было. —

– Ну, мы с Алексеем тоже не планируем устраивать пир, ни «Чайки» с куклой, ничего этого не будет. Ты же знаешь мама, мы все обсудили. У Леши сейчас ремонт в квартире, из мебели он собрался что-то покупать.

Хмурый март сменился теплым, солнечным апрелем. Лене почему-то вспомнилось, как хорошо, что их распишут в апреле, а то если жениться в мае, то всю жизнь маяться, примета плохая. Лена внутренне рассмеялась: – Ты становишься суеверной, как много повидавшая кумушка, Лена Крылевская. —

Лена обожала весну, особенно май, с его цветением черемухи, пением птиц, с чистой нежной зеленью, еще не дающей густой тени, а лишь ажурную, кружевную. Даже лето она не любила, в основном, по той же причине, что и Пушкин. Да, за жару, пыль, мошкарю. Светлой весенней порой особенно хочется радоваться жизни. А этой весной даже посещение кладбищ было не таким уж безысходно печальным. На могиле папы они посадили цветы и поставили скромный гра-

нитный памятник, вернее, обелиск с датами жизни и смерти. Да, жизнь человека на Земле находится между этими датами. « Все имеет свое начало и свой конец» иногда говаривал папа. Были они с Алексеем и на могиле его матери Ксении Семеновны. Могила после зимы еще не успела просесть, но видно было, что до них здесь кто-то побывал. На песке перед табличкой лежало крашеное пасхальное яйцо и стояла церковная свеча, конец которой был закопан в землю. На могиле матери Алексея была ее фотография и Леночка узнала знакомые черты, Алексей был очень похож на мать, а Лена была копией своего отца. – Интересно, а на кого будут похожи наши дети, – подумала Леночка. – И почему эта мысль впервые пришла к ней в таком месте, как погост... Наверное, от сходства матери и сына, только поэтому, – успокоила себя Леночка.

И вот осталась всего неделя до их свадьбы. Платье невесте было куплено и весело в шкафу, кольца Алексей давно купи. Они решили, что обязательно съездят по традиционному маршруту новобрачных и положат свои цветы к памятнику горожан-героев Великой Отечественной Войны на центральной площади. Ну, а затем пойдут со свидетелями посидеть в ресторан или кафе. С Леночкиной стороны будет только свидетельница Нина, ее единственная дальняя родственница по папе. Так получилось, что все кроме Нины были заняты, у большинства Леночкиных подруг были маленькие дети. Двадцативосьмилетняя Нина замужем не была и про-

живала со своей мамой, отец ее давно умер. Леночка что-то от нее слышала про ее неудавшуюся первую и, как оказалось, единственную любовь, но никогда не старалась выведать у Нины подробности той давней истории. Лена была тактична и кожей чувствовала людей, боясь их ранить. А со стороны Алексея будет его друг детства, с которым они подружились еще в кружке авиамоделирования и с тех пор не расставались. Виктору было двадцать шесть лет, не женат, работал он где-то на заводе. Когда Лена его увидела и успела пообщаться с ним, то была удивлена насколько это разные люди: тихий, застенчивый Алексей и энергичный, подвижный, как ртуть Виктор. Но с Ниной они явно были в диссонансе. Нина была задумчива, тиха и казалась ужасно скучной занудой, но Лена знала, что это не так. Просто человек она такой, не любящий суеты и шума. Даже ходила Нина как-то плавно и тихо. Говорила тоже тихо и мало. Внешне она была самой обыкновенной: небольшого роста, хрупкая, с высоким лбом. Нина носила очки, но то ли оправа была неудачная, но именно очки делали Нину девушкой без возраста или, скорее, прибавляли ей годы, делая ее похожей на обыкновенный «синий чулок». Хотя, надо признать, если бы с Ниной поработал кто-то из стилистов, ну например, окрасил ее белесые, какие-то бесцветные волосы в золотисто-блондинистые тона, подобрал бы соответствующую одежду, при правильных чертах и стройной фигуре, Нина преобразилась бы во вполне привлекательную молодую ле-

ди. Но Нину совершенно не заботил ее внешний вид. Она занималась наукой – физикой и писала диссертацию на какую-то очень серьезную тему. Они любили иногда поговорить с Леночкой каждая о своем: Лена об истории, о личностях в ходе исторических событий, а Нина иногда старалась в популярной форме объяснить Лене чем сейчас занимаются физики в мире и какие задачи решают. Лена в школе была отличницей и по физике у нее была твердая пятерка, но надо признать, что по своему складу она все же гуманитарий чистой воды. Вот так они и сошлись, две противоположности: физик – Нина и лирик – Лена.

Глава 20 У нас есть сын

В день свадьбы стоял прекрасный и солнечный день. Воздух был теплым, даже ласковым. Их быстро расписали и они вышли из ЗАГСа вчетвером. Сели в машину и поехали кататься по их такому знакомому городу, где оба родились и выросли. Конечно, были в исторической части города, где находится их старинный Кремль, надо сказать, что сам Вологжанск – ровесник Москвы и по праву является одним из старейших русских городов. Лена и Алексей положили свои свадебные цветы к памятнику горожан, погибших в последней войне, ну и ближе к вечеру поехали в кафе, где уже был заказан столик на четверых. На завтра было запланировано небольшое застолье у Надежды Борисовны, куда

приглашена и тетка Алексея, Ольга Семеновна, а также подруги мамы. Кафе было небольшим и уютным, они посидели почти по- семейному, Нина – родственница, а Витя друг детства. Лена приглашала и Любу с Иррой, но возникла проблема где их разместить на ночь, но как сказала Люба, они все равно бы не смогли приехать в этот день.

Посидев в кафе часа три, молодожены и их свидетели – Виктор и Нина собрались по домам. К кафе подъехало заранее вызванное такси. Сначала отвезли Нину, затем Виктора, ну а потом молодожены отправились к себе домой на квартиру Алексея, где он только недавно закончил ремонт.

По дороге Леночке запала мысль о том, что вот она уже и мужнина жена, вот и кольцо на пальце, но почему она так спокойна, как будто и не ее это свадьба. Ничто не екает в груди, никакого трепета и волнения. И если честно, то она сейчас с удовольствием бы уснула и она с трудом подавила зевок. Алексей заметил и приобнял ее, от этого ей захотелось спать еще больше. Когда они вошли в квартиру, Леночка пошла в ванную, чтобы переодеться в шелковый халатик, который уже висел на вешалке. Выйдя из ванной, она прошла на кухню, где ее теперь уже муж Алексей ставил на плиту чайник и улыбался ей. Лена стояла перед ним в халате с расчесанными длинными волосами, похожая на девчонку, а не на жену. Он подошел, обнял и тихо сказал:

– Устала? Спать хочешь? – Лена смущенно:

– Да, очень. Просто вырубаюсь. Можно я посплю ча-

сок? —

— Конечно, — ответил Алексей и подхватив ее на руки, отнес в комнату на новую широкую кровать, которую он уже успел разобрать ко сну. Он положил Леночку на кровать и заботливо накрыл ее одеялом. Она тут же заснула, буквально провалилась в сон, как в облако из ваты. Когда она проснулась, было уже темно, за окном стояла короткая весенняя ночь, но Лена умела определять и довольно точно время по своим внутренним биологическим часам, на которых было часа два ночи. И только тогда она почувствовала, что не одна, у нее в ногах скрючившись лежит мужчина, ее муж Алексей. И сегодня, как ни крути, их первая брачная ночь, именно сегодня, так как до свадьбы ни-ни. Алексей даже и не намекал о интимном, — Какой он все же правильный, как в старинных романах. А может он не любит меня, раз позволил мне уснуть в нашу первую брачную ночь. Так ли уж крепка его любовь ко мне? —

Но тут она увидела перед собой лицо Алексея и по его глазам ей стало ясно, что пока она спала, он лежал около нее и ждал когда она проснется.

— Ты проснулась, дорогая, — произнес он с улыбкой — спящая красавица моя. —

В окно ярко светила Луна, она настолько хорошо освещала комнату, что было незачем зажигать настольную лампу.

— Какая ты красивая, какие волосы, мне и самому не верится, что ты моя... —

Все произошло как-то совершенно безболезненно и быстро. Лена ожидала чего-то необыкновенного, чего раньше с ней никогда не случалось. А тут...

Алексей лежал рядом и молчал. Лена видела, что у него открыты глаза и он тяжело дышит. Они так и лежали молча пока она не заснула.

Проснувшись утром, она заметила на простыне темно-красное пятно размером с апельсин. Алексей еще спал, Лена тихонько выскользнула в ванную, встала под душ. Когда она вышла из ванной, Алексей лежал в их супружеской постели, потом быстро встал и пошел в ванную. Он пришел умытый и пахнувший свежестью. Лена сидела на кровати и спросила где лежит постельное белье. Алексей достал из комода большую простынь с зеленой полосой по краю, которая не подходила под новый комплект белья, купленного мамой. Он был белый с красными розами. Они вдвоем с двух сторон кровати постелили эту старомодную простынь, а ту, отмеченную их брачной ночью, Алексей взял и унес. Позже он признался Леночке, что оставил ее на память о их первой ночи и отказался отдать ее в стирку, на что Лена пожала плечами и оставила это на его усмотрение. В душе она сочла это устаревшей сентиментальностью. Красивый комплект с розами купила мама и с другой простыней он явно проигрывал.

Сказать, что Лена сожалела о том, что вышла замуж было бы неправдой. С Алексеем ей было хорошо, уютно и спокойно. Не сразу, но со временем она стала чувствовать се-

бя уверенней в его квартире. Особенно ей нравилось, что дом Алексея находится почти в самом центре города, недалеко вологжанский Кремль, где они любили гулять по вечерам перед сном. Она привыкла к молчаливости Алексея, его уступчивости, даже робости перед ней. Он с ней все согласовывал: от планов на выходные до покупок для их незатейливого хозяйства и разных житейских мелочей. Видно, что с детства он привык жить среди женщин, его отец рано погиб. В душе Лена тяготела к сильному, волевому типу мужчин, а Алексей в ее глазах был типичный подкаблучник, он раболепствовал перед ней, что постепенно стало раздражать Леночку. Даже в постели Алексей старался угодить жене, но делал это, как будто держал экзамен перед ней. И Лене приходилось разыгрывать из себя утомленную страстью жену, чтобы как-то побыстрее все закончилось, и она могла заснуть. В одну из таких ночей она спросила сама себя:

– А что ты собственно ожидала, вышла замуж без любви, просто устала ждать своего сказочного героя, просто элементарно побоялась остаться в старых девах. Но у тебя есть и преимущества: ты не одна, есть надежное плечо, человек, который выполняет твои распоряжения, который живет и дышит только для тебя одной. Вон у соседки – муж и пьет, и бьет, и по бабам ходок... и живут же с такими.., но двое детей в семье. Нет, от Алексея, уверена, я этого не дождусь. А то, что робок и несмел, так это от того, что по бабам не таскался, любви дожидался. Вот и дождался – меня... А я? Мои

принцы так и остались в книгах. Никто не пел под моим балконом серенады, не кидал цветы под ноги, не писал стихи в мою честь. Буду жить с Лешей и стараться не раздражаться и не быть стервой. Хотя, надо признать, своей покорностью он меня иногда бесит. Может он вовсе и ни при чем, просто у меня был очень тяжелый год – папа, диплом, школа, эти передраги, сплетни... скоро в июле уедем в отпуск и все придет в норму. -

И вот наступил июль. Они сели в поезд и поехали к морю. В дороге Алексей старался купить что-то вкусненькое для своей любимой Леночки: клубнику, мороженное. Попутчики, пожилая пара смотрели на них с доброй улыбкой, видимо, вспоминали себя молодыми.

– Вот так, год за годом и мы незаметно станем такими же, – размышляла Леночка, глядя на них.

И вот за окошком поезда показалось море. По вагону пронеслось восторженное: – Море, море! – Леночка и Алексей припали лицами к окошку. Лицо Алексея озарила счастливая улыбка, он прошептал Леночке на ушко: – Я так счастлив. – В ответ Лена улыбнулась и вдруг отчего-то вспомнила Олега. Ведь они впервые познакомились именно на море... Что-то забытое шевельнулось в душе Леночки и почему она вдруг вспомнила о нем?

И вот, они уже в своем номере с видом на море. Алексей все сделал сам: оформил документы на заселение, занес их чемоданы, все он, а Леночка шла, неся в руках свою дамскую

сумочку. Алексей не позволял ей ничего брать в руки, кроме небольшой сумочки.

Едва распаковав свои чемоданы и достав из них все необходимое для пляжа, они так заторопились к морю, что почти побежали к нему, взявшись за руки. На Леночке под сарафаном был красивый югославский купальник желтого цвета, желтые шлепанцы на ногах, желтая шапочка с ромашками защищала ее волосы от намокания. Алексей босой в синих плавках, худющий как мальчишка, он смотрелся моложе своих двадцати пяти лет. Глаза его горели от радости, а море приветствовало молодоженов прекрасной погодой, желтым песком под их ногами и ласковым ветерком. Алексей подхватил Леночку на руки и побежал в море с ней на руках, именно об этом он мечтал пока ехал сюда. Вода показалась Леночке холодной, но это в самом начале, потом было приятное тепло. У берега было неглубоко, но Лена плавала гораздо хуже Алексея, поэтому старалась далеко не заплывать, а он в свою очередь боялся оставить ее одну. Наплававшись вволю, они лежали на полотенцах, разложенных прямо на песке. Лена надела черные очки, через которые она разглядывала Алексея. – Фигура у него хорошая, широкие плечи, высокий рост. Ну, а хужоба... со временем он возмужает, я тоже тощая, как цыпленок. Короче, мы с ним два сапога – пара. – констатировала она и стала разглядывать других отдыхающих. Здесь были и атлетически сложенные мужчины и фигуристые женщины с прическами и макияжем. А были

и пузатые дядьки и их растолстевшие жены. Кругом бегала ребятня, кто-то из малышей плакал, но Лена старалась абстрагироваться от этого и закрыла глаза.

Отпуск пролетел быстро. Они успели загореть, наплакаться в море, съездить на экскурсии, познакомиться с молодоженами из Москвы Татьяной и Александром, и обменяться с ними телефонами. Они несколько раз даже сходили на танцы, где Леночку наперебой приглашали кавалеры. С согласия Алексея Лена перетанцевала со многими. Она даже удивилась этому факту, стоило ей надеть обручальное кольцо, как от мужчин отбоя нет. А муж стоял в стороне и с тенью улыбки на губах смотрел, как Леночка танцует с кем-то из отдыхающих. Конечно, последний, заключительный танец был за Алексеем. И все же Лене было комфортно с ним, – Он очень неконфликтный человек, мне с ним удобно, для меня это главное. – сделала заключение для себя Леночка.

Приехав из отпуска домой, Лена почувствовала какое-то недомогание, подташнивание по утрам. Она пошла ко врачу, которая и сообщила ей, что она, судя по всему, беременна, но срок еще очень небольшой, если все сложится удачно, прибавления в семействе следует ожидать в марте.

– Март, весна! Хорошее время для дня рождения! У меня в январе, у мамы в августе, у Ирочки в сентябре, у Алексея в ноябре. Все выстраивается в последовательную цепочку празднеств. – Алексею Леночка решила пока не говорить

о своем положении. Но внимательный Алексей сам обратил внимание на ее бледность и потерю аппетита. Лена не стала разубеждать его. Алексей был счастлив, ему было все равно кто будет мальчик или девочка, главное, – их будет трое! Семья растет! Это известие обрадовало, но и озадачило маму Надежду Борисовну. До пенсии ей еще далеко, а у Леши никого из родственников нет, так что молодым родителям некому будет помочь с малышом.

Но Лена успокоила маму: – А как же все? Крутятся как-то... —

Начался учебный год в школе. Лена приняла новый 7 «А» класс в качестве классного руководителя. С семиклассниками работать было значительно легче. Она встречала иногда своих бывших учеников, окончивших в текущем году школу, некоторые успешно поступили в ВУЗы, кто-то работу ищет... Леночка всегда радовалась таким встречам. Как-то из разговора она узнала, что Павел Синегоров поступил в МГУ на истфак, что приятно взволновало Леночку.

Алексей все так же работал главным инженером в ЖЭ-Ке, приходя с работы, он всегда старался помочь Леночке по хозяйству. По вечерам они гуляли, Леночке нужно было дышать свежим воздухом. Жизнь текла спокойно и однообразно. Незаметно подошло время рожать. Лена, по настоянию Алексея не выходила без него из дома. Он звонил ей по нескольку раз в день с работы, спрашивал как она себя чувствует, как дела. Как-то после такого звонка Леноч-

ка почувствовала боль внизу живота. Она решила подождать и не беспокоить Алексея на работе. Но боль усиливалась и ей все же пришлось позвонить ему, на что он ответил в трубку, что немедленно выезжает к ней.

Вещи для роддома были давно собраны, сумка стояла в коридоре. Алексей запыхавшись открыл входную дверь квартиры, помог одеться Леночке и они спустились на лифте с четвертого этажа. Машина ждала у подъезда, Алексей усадил Леночку в такси и водитель погнал машину к городскому роддому. В приемном покое Леночку переодели в ночную рубашку, а вещи отдали мужу. Алексей решил домой не возвращаться, а ждать рождения первенца. Роды у Леночки были стремительные, а потому тяжелые. Сын родился крупный 3950гр. Рост 55 см. Настоящий богатырь. Он сразу закричал во весь голос. А чуть живую Леночку повезли в операционную наносить швы на многочисленные разрывы. Она лежала ко всему безучастная, обколотая новокаином. Вдобавок, у нее поднялось давление и ей сделали укол магнезии. После наложения швов, ее привезли в палату рожениц и сгрузили с каталки на узкую больничную койку. Она была настолько без сил, что пролежала не вставая на одном боку трое суток, не в состоянии даже повернуться. Ей приносили передачи от Алексея и мамы, а также письма от них. Ответы Леночка с трудом царапала обессиленной рукой, даже почерк ее настолько изменился, что это привело родных в замешательство и тревогу за состояние ее здоровья.

Глава 21 Как тяжело быть родителями

Забирать из роддома жену и сына Алексей приехал с тещей Надеждой Борисовной, пришлось взять и тетку Ольгу Семеновну, которая страшно бы обиделась, если такое знаменательное событие прошло без нее. Леночка вышла к ним, держась рукой за стену. Алексей поцеловал жену и хотел было усадить ее на стул, но Лена тихо шепнула ему, что ей нельзя сидеть. В такси ей пришлось ехать полулежа на заднем сидении, а Алексей сел впереди рядом с водителем, держа в руках сына, который спал в теплом одеяле, перевязанном голубыми капроновыми бантами. Дома малыш наконец-то проснулся и подал голос. Они развернули его, такого маленького, розового. Он так смешно сучил ножками. Так как Леночке врач прописал постельный режим, Алексей срочно оформил очередной отпуск, чтобы помогать ухаживать за малышом. Он мыл, пеленал, гулял с ним. Лена была еще очень слаба и основная тяжесть легла на плечи Алексея. Имя мальчику дали – Николай, Коленька. Так захотела Леночка. Николай Алексеевич Крылов. Алексей охотно согласился с женой. Коленька был похож на маму, только телосложение обещало быть папиным. Длинные ручки-ножки. Лена была рада сходству с сыном, ведь это обещало, что повзрослев, он будет похож на дедушку Николая Константиновича. Надежда Борисовна в свободные часы приходила гулять с вну-

ком, иногда помогала Леночке на кухне что-то приготовить. Приезжали в гости к Леночке и Алексею Люба с Ирочкой. Люба подарила связанный ее же руками костюмчик и шапочку, а также игрушки, а Ирочка подарила красивое полотенчико, вафельное с вышитой крестиком каймой по краю. Это была уже вторая работа, подаренная Леночке. На свадьбу они подарили большую скатерть с красивой вышивкой, которую они сделали вдвоем, вышивали в четыре руки с разных концов, что особенно тронуло Леночку. Скатерть сразу обрела статус семейной реликвии и стелилась только по особым праздникам.

Сон для молодых родителей стал по-настоящему единственной ценностью в их жизни. А ведь надо было еще стирать пеленки, гладить кучу детских вещей и гулять с малышом. Алексей крутился весь день около сына и редко встающей с кровати жены. Надежда Борисовна чаще двух раз в неделю не могла приходить помогать им, она завуч в школе, нагрузка большая. А тут у Леночки, как на грех развился гнойный мастит груди, поднялась температура. Врачи порекомендовали туго бинтовать грудь, а это означало, что малыш остался без материнского молока. Его перевели на искусственное вскармливание и прикрепили к молочной кухне, куда Леша бегал по утрам перед работой. Хорошо, что она была недалеко от дома.

Лена ослабла совсем, хвори преследовали ее. Пришлось лечь в больницу, где ей делали уколы антибиотиков, но все

без толку. Алексею иногда казалось, что Леночке совсем не хочется жить и она равнодушна к нему и сыну. Время было тяжелое, 1995 год, в аптеках не было нужных лекарств. Спасибо тому же Олегу Ивановичу, он спас ее во второй раз. Ему удалось достать противостафилококковый гаммаглобулин, который вырвал угасающую Леночку из лап смерти. Проболела она вплоть до начала лета. Дело поправила деревня, свежий воздух, молоко от соседской коровы и яйца деревенских кур поставили Леночку на ноги. Все лето, благо оно выдалось теплым, они прожили на даче. Алексей каждый день ездил на работу и обратно на перекладных; автобусом и пригородной электричкой, захватывая по дороге продукты из магазина: хлеб, сахар, консервы, все, что удавалось купить в это непростое время. Лена большей частью лежала в гамаке, наблюдая как Надежда Борисовна управляет с внуком. – Какое счастье, что у мамы большой летний отпуск. – размышляла Леночка, – я бы совсем пропала без нее. —

Как-то Алексей предупредил Леночку, что неделю не будет приезжать на дачу, потому что у него много работы. Лена молча приняла это к сведению, тем более продукты на неделю Леша закупил заранее. Алексей вернулся через восемь дней усталый и какой-то весь почерневший. Руки у него были все в мозолях. Лена заметила это и спросила, чем он занимался все это время. В ответ Алексей достал из кармана увесистую пачку денег и отдал жене. Оказалось, что он под-

визался в бригаду строителей, которые строили особняк для какого-то богача. Деньги были как нельзя кстати, Коленке нужен был зимний комбинезон, обувка, санки и много чего еще. Так у Алексея появился дополнительный заработок в строительной бригаде. Днем – инженер, вечером – рабочий.

Счастье пришло откуда не ждали. Вера Борисовна, нашла няню для Коленки, здесь же в деревне. Ею оказалась бабушка-соседка Антонина Лукинишна, за небольшую плату взявшаяся помогать присматривать за Коленькой. Лена много читала, лежа в гамаке, Надежда Борисовна управлялась на кухне, Алексей работал где придется в поисках заработка.

Так незаметно прошло лето и семья вернулась из деревни в город. Иногда к ним заходила Нина и они гуляли с Коленькой в парке рядом с домом. Как-то, проходя мимо церкви, Нина поинтересовалась, будут ли крестить Коленьку? Лена не задумывалась об этом раньше, но она знала, что крещеная и Леша тоже. – Видимо, Нина хочет стать крестной малышу, – подумала Леночка. Вечером она поделилась своими мыслями о крещении сына с Лешей, он с радостью согласился и они решили окрестить Коленьку в мае на день Св. Николая Чудотворца. Крестная – Нина, а крестный – Виктор, бывшие свидетели на их свадьбе. Лена втайне надеялась, что между Ниной и Виктором завяжутся отношения, ведь будучи крестными их мальчику, они будут встречаться в их доме на днях рождениях Коленки. Лена даже начала стро-

ить планы на их счет, ей очень хотелось счастья Нине, она добрая, надежная, отзывчивая.

Глава 22 Семейные хлопоты

Хоть и долго тянется осень-зима в их северных краях, но и им приходит конец. А весна с ее оттепелями все равно обещает впереди лето. Хотя лето в вологжанском крае бывает холодным, часто как-то незаметно перетекает в осень и так все движется по кругу год за годом.

Крестить Коленьку собрались, как и было решено, 22 мая на Николая Чудотворца летнего. Совсем рядом дата дня рождения Николая Второго. Лене, при всей его неоднозначности, нравился последний русский император и ее всегда больно ранило его незаслуженное прозвище «Кровавый». И еще нравились глаза Николая, «глаза газели», так описывали их его современники. Да, с этим не поспоришь, наш последний император был красив.

– Когда-нибудь я напишу настоящую, исторически правдивую книгу про Николая Второго, как только у меня появится возможность и время, чтобы копаться в архивах. Лена очень хотела стать настоящим историком, как папа, но сейчас все время и силы уходят на Коленьку, вот папа тоже вынужден был заниматься побочными заработками. – Сейчас Лена понимает, что сердце папы было изношено заботами о двух семьях, о двух дочерях. Это подорвало его здоро-

вье и стало причиной такого безвременного ухода. Сейчас в стране времена не легче, а может и тяжелее, – «Эпоха перемен». У Алексея на работе задержки с выплатами и на его зарплату и пособие по уходу за ребенком прожить невозможно. Выручает дачный участок, но туда тоже нужно ездить, чтобы поливать, полоть, удобрять. Спасибо Любе, она снабжала семью Леночки яйцами и мясом кур. А еще перьевыми подушками с ее птичьего двора. Люба отличная хозяйка, научилась делать тушенку и закатывать ее в банки, эти ее банки так выручают подчас. Алексей кое-что продал, собрал все деньги и они купили старые Жигули, чтобы было легче добираться до дачи. Летом они решили жить в деревне, а на работу в Вологжанск без машины – никак.

Вот и наступил день крестин Николая-младшего, Коленьки. Даже крестили его в церкви Николая Чудотворца. Крестная мать – Нина, крестный отец – Виктор. В храме по православному обычаю родных отца и матери быть не должно, но была бабушка Надежда Борисовна и внучатая тетя Ольга Семеновна.

День был теплый и светлый. Отец Григорий, настоятель храма, сам окрестил малыша. Коленька, которому исполнился 1 год и 2 месяца, – резвый мальчик, уже самостоятельно ходит. В церкви он смотрел вокруг себя удивленными, широко открытыми глазами. Он сидел поочередно на руках Нины и Виктора, и только увидев бородатого священника, облаченного в рясу, заплакал. Отец Григорий взял из рук Вик-

тора Коленьку и опустил в купель, затем надел на шейку крестик, купленный крестной матерью Ниной. Обряд был совершен. На улице, в ожидании выхода родственников из храма, а крестные тоже стали членами их семьи, стояли кровные родители малыша – Лена и Алексей. Лена была одета в новое, купленное по этому поводу платье изо льна в серо-голубых тонах с белыми кружевами. На Алексее были летние светлые брюки и белая рубашка с короткими рукавами. Надежда Борисовна пригласила всех на обед в честь крестин внука к себе домой. В машине не хватило одного места для тетки Алексея, Ольги Семеновны. Надежда Борисовна, искренне расстроенная, предложила поехать вместе с ней на транспорте. Ольга Семеновна внутренне была, конечно, оскорблена, но стараясь не подавать вида произнесла, что главное, она была на крестинах в храме, а обед для нее не так уж важен и развернувшись ко всем спиной, гордо удалилась. Алексей догнал ее, пытался поймать такси и договориться с частником, но как назло ему это не удалось. А тут подъехала маршрутка и грузная Ольга Семеновна, тяжело дыша и ни с кем не попрощавшись, залезла в нее. Всем стало как-то не по себе. Особенно виноватыми себя чувствовали крестные Нина и Виктор, которые порывались выйти из машины, чтобы посадить в нее Ольгу Семеновну, а самим поехать на автобусе, но было уже поздно, маршрутка с Ольгой Семеновной отправилась в путь. В глубине души Леночка была даже рада, ей не хотелось делить этот праздник с Оль-

гой Семеновной, которая никогда не улыбалась, даже глядя на Коленьку.

– Не хочу, чтобы сынок видел с рождения ее вечно недовольное, хмурое лицо. Не смотря на то, что иногда им было не с кем оставить Коленьку, кандидатура Ольги Семеновны на няню даже не рассматривалась.

Обед прошел по-домашнему уютно. Первым ушел Виктор, он сказал, что его ждут и, к сожалению, он торопится. Как позже выяснится, Виктор стал встречаться с девушкой, так что все планы Леночки по устройству личной жизни Нины и Виктора потерпели неудачу, но Нина от этого совсем не расстроилась, она играла с Коленькой, пока он не захотел спать. Потом все пили чай с пирогами Надежды Борисовны. Перед уходом зятя с дочерью, Надежда Борисовна передала им с собой корзинку со снедью и два больших пакета с пирогами, один из которых она попросила передать Ольге Семеновне. Ей было ужасно неприятно, что так получилось. Алексей по дороге домой заехал к тетке и передал ей пакет с пирогами, как и просила Надежда Борисовна. Лена со спящим Коленькой ждала в машине.

Глава 23 Большие перспективы

Коленьке исполнилось полтора года, когда Лена задумалась о выходе на работу. До нее донесся слух, что у директора гимназии АЭС неприятности на работе, в городской газете

была статья о поборах в школе, о приписках и, как следствие, в школу была направлена проверка: изъяли документы и направили в прокуратуру. Оснований для судебного разбирательства не нашли, а АЭС была переведена на другую работу с понижением в должности. На всякий случай... как бы чего не вышло, а ее место занял чей-то ставленник.

Леночка прекрасно знала, как легко опорочить честного человека, развернув клеветническую кампанию в СМИ. Желание возвращаться на работу в школу было отбито напрочь. А найти другую работу в их небольшом городе было непросто.

Как-то пришла в гости крестная Коленьки Нина и сообщила, что к ним в институт требуется помощник директора по организационным вопросам. При их филиале от московского института образуется что-то вроде бюро технической информации, новая структура, занимающаяся поисками идей для внедрения их в промышленное производство. По ее мнению, Леночка могла бы подойти на эту должность, она молодая, симпатичная, с хорошим воспитанием, грамотная, а главное, ответственная и исполнительная. В ее обязанности будет входить общение с самыми разными людьми, анкетирование, координирование процессов, знание английского языка тоже было бы очень хорошо. У Леночки он был на приличном уровне, но все же его надо усовершенствовать на курсах, которые руководство согласно оплатить для своих сотрудников. Нина, при всей своей сдержанности, все же су-

мела заинтересовать Леночку новой перспективной работой. Лена обещала подумать и посоветоваться с мужем и мамой. Леша дал добро, он видел, как Леночка скучает без работы, а Коленьку решили попробовать отдать в ясли. – Он мальчик крепенький, с детьми на детской площадке ладит, – рассудили молодые родители. Только Надежда Борисовна пришла в ужас от идеи отдать Коленьку в ясли. Она съездила в деревню к Антонине Лукинишне и уговорила пожить у нее годик-другой, чтобы родители утром привозили к ним Коленьку, а вечером забирали. Лукинишна согласилась, она успела привыкнуть к их семье, а Коленьку полюбила как родного, да и дома она себя чувствовала неуютно, сын женившись во второй раз, не очень жаловал мать, да и ее новая невестка тоже. Поэтому Лукинишна и согласилась с радостью пожить у Надежды Борисовны год, а может и больше, как Бог даст. Коленка рос шустрым мальчиком, много бегал. Антонина Лукинишна, сама выросшая старшей в многодетной семье, едва поспевала за ним, но следила за Коленькой зорко, не сводя с него глаз. Надежда Борисовна взяла на себя готовку на две семьи с расчетом, чтобы вечером зять забирал сына, а заодно и контейнеры с приготовленной едой. А в выходные Коленка будет с родителями, но в особых случаях Лукинишна, конечно, и в выходные подменит, если что.

За полтора года сидения дома с ребенком Леночка соскучилась по работе. Ежедневная домашняя рутина, монотонность и однообразие дней вводили Леночку в состояние

полулетаргического сна. Нет, матерью она была замечательной, своего сынишку любила самозабвенно, но ей хотелось чувствовать пульс жизни, устроиться на интересную работу с перспективой, поэтому она с радостью приняла предложение Нины и вместе с ней отнесла все необходимые документы в отдел кадров института, а через несколько дней ей назначили собеседование, которое должно было состояться в ближайший понедельник.

Алексей уже увез Коленьку к бабушкам, а Леночка после душа начала прихорашиваться перед зеркалом. Открыла шкаф и достала из него купленный накануне деловой брючный костюм стального цвета, который ей очень шел. Подобрала под него тонкий джемпер нежного персикового цвета, черные туфли на платформе, делавшие ее выше ростом. Она оделась во все это, затем внимательно осмотрела себя в зеркале: волосы были уложены в пучок «ракушкой», губы она подкрасила помадой с нежно-розовым персиковым оттенком в тон джемпера, нанесла совсем немного светло лиловых теней на веки, а на ресницы немного туши. Своим отражением в зеркале Леночка осталась довольна. Она позволила себе несколько легких мазков Климза за ушами. Этим раритетом от Олега она пользовалась довольно редко, так как он будил в ней воспоминание о том несчастливом Новом годе. Этот, когда-то любимый ею аромат, с тех пор нес с собой ощущение потерь и тревоги, поэтому Леночка редко пользовалась духами и пузырек был почти полон, а отдать

кому-то не поднималась рука. Так и стоял этот голубой кубик в самом дальнем уголке ее ящичка.

В этот сентябрьский, по-летнему теплый день, погода стояла тихая и солнечная. Вспомнился Тютчев с его: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора – весь день стоит как бы хрустальный и лучезарны вечера...». Вот именно в такой день Леночка, облаченная в новый черный плащ и серый брючный костюм, поднималась по лестнице, ведущей ко входу в институт. Здание было старой, еще «сталинской» послевоенной постройки. Высокая массивная дверь с большой деревянной ручкой-поручнем никак не хотела открываться, Леночка беспомощно толкала ее, прилагая все свои силенки. Она еще раз подналегла на поручень, как кто-то сзади положив свою руку на ее, толкнул дверь вперед и она открылась. Рука была мужская с обручальным кольцом, она лежала поверх правой руки Леночки, на безымянном пальце которой поблескивало ее обручальное кольцо. Они вдвоем открыли эту дверь, но мужчина не торопился убирать свою руку с Леночкиной руки... и тут она обернулась и увидела совсем близко перед собой лицо молодого мужчины, который улыбаясь смотрел ей прямо в глаза.

– Ну, теперь Вы знаете, что эта дверь открывается так. – и он убрал свою руку с Леночкиной руки и как ей показалось слегка погладил ее пальцы.

В фойе института на стенах было развешено много объявлений, сновали какие-то люди. Здание имело сложное, ви-

тиеватое строение. Внутри была масса каких-то коридоров и переходов. Лена с большим трудом, но все же нашла нужную комнату под №280, где и должно было состояться собеседование. Она постучала, а затем вошла. В длинной комнате с многочисленными коробками на полу, за старым, громоздким столом сидел пожилой мужчина, видимо, профессор. Он жестом разрешил Леночке войти и присесть напротив. Лена повиновалась. Робости не было, просто она еще очень плохо представляла чем будет заниматься, если ее примут.

Пожилой мужчина, представившись Матвеем Львовичем, попросил Леночку немного подождать, должен подойти научный консультант Алексей Всеволодович Трояновский. Через пару минут в комнату вошел тот самый молодой мужчина, который помог ей открыть входную дверь, так нежно прикоснувшись к Леночкиной руке. Поздоровавшись со старым профессором Матвеем Львовичем, он сел за соседний стол, который стоял перпендикулярно к столу профессора, образуя букву Т.

Лена чувствовала себя как на защите диплома, тема которого ей самой неведома. Будучи всю жизнь отличницей, она не привыкла терпеть поражения.

Матвей Львович, глядя через толстые стекла старомодных очков, где из за множества линз было трудно разглядеть его глаза, обратился к Леночке:

– Ну, Сударыня, расскажите о себе. – Лена, почувство-

вав прилив жара к щекам под взглядами этих двоих, начала:

– Я по образованию историк, проработала учителем в школе совсем недолго, перед рождением сына. – Возникла пауза. Матвей Львович больше вопросов не задавал. Слово взял его молодой коллега – Алексей Всеволодович:

– Видите ли, Елена Николаевна, (он незаметно подсмотрел в ее анкету, лежащую перед ним), в нашем институте происходят преобразования, если совсем кратко, то мы собираем коллектив единомышленников и наша цель привлечь талантливых ученых и помогать им претворять их идеи в науке и в производстве. И как можно меньше бюрократических проволочек. Если Вы разделяете наши взгляды, согласны обучаться, то мы с радостью примем Вас в наши ряды. А смущаться и бояться не стоит, мы все еще в процессе обучения, это совершенно новая структура и в случаи успеха, а мы верим в него, подобные структуры будут возникать при всех ВУЗах страны. Выявлять таланты и помогать им надо еще на стадии студенчества, только так в нашей стране произойдет прорыв в науке. Завтра у нас будет собрание по этому поводу. Приходите, сами послушаете. – С этими словами он встал, давая понять, что собеседование окончено. Лена попрощалась и вышла из комнаты.

По дороге домой она для себя уже уяснила, что хочет работать и именно так, как вдохновенно поведал Алексей Всеволодович.

– Какое сложное отчество... Всеволод – «Большое гнез-

до», – вспомнилось из истории.– И фамилия – Трояновский... – Лене всегда нравились фамилии на ский и ская, с легким польским оттенком.

– Вот и она была Крылевская, а стала Крылова, как Леночка Крылова из Рязановской «Карнавальной ночи», – улыбнулась сама себе Лена.

– Нет, мне моя девичья фамилия больше нравится, она длиннее, с налетом какой-то таинственности что ли. —

Глава 24 В лучах софитов

Когда Лена приехала домой, Леша был на работе, а Коленька у мамы с Лукинишной. Лена переделалась в домашний халатик и ей захотелось лечь и мечтать, как в юности, неизвестно откуда возникло состояние безмятежности, свободы и полета, свойственное молодым и беззаботным. Она вспомнила лицо и улыбку Алексея Всеволодовича, и как он слегка погладил ее по руке...

– Лена, Лена... – урезонила она сама себя, – ты мать и жена. Он женатый человек... Да, у него приятная улыбка, уверенные манеры, но это ничего не меняет в твоей жизни. Сейчас придет твой муж и сын, вот и занимайся своей семьей, а не предавайся глупым грезам, как старшеклассница. Это, наверное, потому, что с меня сняли все нагрузки. Сейчас Леша привезет покормленного Коленьку, ну помоем мы его, а моет его, как правило, папа и спать тоже он укладывает.

И ужин от мамы готовый привезет. Ты хорошо устроилась в этой жизни, Лена. Посмотри, как крутятся твои подружки, без продыху дома и на работе. Вон, Наташка! Детский сад, работа, дома уборка, готовка, стирка. Серега, конечно, помогает. Но с моим Алексеем не сравнить. Его не надо ни о чем просить, он сам знает, что делать и делает это с радостью. И все же надо быть с ним поласковее, почаще давать ему знать, что он любим, а с этим у меня как раз не очень... Ладно, сегодня постараюсь... —

Когда Коленька заснул и Леночка пришла после душа в спальню, где ее ожидал супруг, она скинула с себя легкий шелковый халатик и голая юркнула под одеяло к Алексею. Она положила свою голову ему на грудь и провела рукой по низу его живота... реакция не заставила себя ждать. Алексей, ненабалованный ласками жены, с упоением принялся ее целовать, не забыты были ручки-ножки и шейка. Он что-то шептал ей ласкательно-умилительное и от этого его сюсюкания, как казалось Леночке, ей становилось совсем тошно:

– И все же я не могу полюбить его. Вроде и претензий у меня к нему нет. Не пьет, не бьет, не курит, не гуляет, сына и меня обожает, деньги в дом несет, любые поручения исполняет. А мне противно, я иногда с трудом сдерживаюсь, чтобы не сорваться. Думала, что это в маму, но у меня все гораздо хуже. Я терплю его, просто терплю. Я не такая, я не стерва, но с ним становлюсь стервой. И почему? Сама понять не мо-

гу. Днем в делах еще ничего, но стоит оказаться с ним в постели, только одна мысль беспокоит меня,— побыстрее бы это все закончилось и уснуть. —

Так и в этот раз... Выдержав порыв мужа от ее неожиданной ласки, Леночка отвернулась к стене и сделала вид, что уснула. Алексей тихонько приобнял ее за плечи, поцеловал в шейку и так заснул. А Лена еще долго не могла спать, перебирая события минувшего дня.

На следующий день ей позвонила Нина и сообщила, что ее кандидатура утверждена и они теперь будут работать вместе. Лена вспомнила о собрании в институте и решила обязательно сходить и послушать, о чем будет повестка дня. К 14.00 она была уже в фойе института, где по главной лестнице поднимались люди, шедшие на собрание. В толпе было больше убеленных сединами профессоров, но встречались и люди молодые, торопливой походкой, чуть обгоняя стариков, они шли к актовому залу института, пропуская в дверях пожилых ученых.

В зале стоял гул оживления. Почти все места были заняты. И тут Лена увидела Нину, которая махнула ей рукой. Нина позаботилась и заняла ей место рядом с собой. Леночка пробралась к ней сквозь ряды и села рядом. Собрание открыл ректор института. Затем огласили повестку, где четвертым и последним пунктом было образование на базе института нового подразделения — Бюро разработки идей и помощи молодым ученым и рационализаторам или сокращенно —

БРИП. Первые три пункта повестки собрания прошли при полном неведении Леночки. Она, как и многие, дожидалась доклада Трояновского. И вот он вышел на трибуну под направленные на него софиты. У Лены появилась возможность лучше разглядеть его лицо. Он не то, чтобы был красив, нет, лицо не отличалось правильностью черт, тонкие губы, нос тоже не из аристократических, но глаза, голос, жесты – все выдавало в нем человека увлеченного идеей, энергия которого захватывала всех в зале, он убеждал, увлекал, поражал. Говорил он недолго, но правильно построенная и логически безупречная речь не могла оставить равнодушными никого. Лена смотрела, как завороченная, ловила каждое его слово. Он говорил о необходимости реформ в науке, о ее самокупаемости, о сроках внедрения идей в жизнь, что является, конечно, основным. Цепочка должна быть как можно короче, без излишних согласований и проволочек. Только так можно и нужно работать в науке. Так делают во всем мире. Зал зааплодировал. Лена аплодировала с таким счастливым выражением лица... и тут она увидела, что он нашел ее среди множества лиц в зале и улыбнулся ей. Когда прошло голосование, то стало ясно – БРИПу быть! Уходя с собрания, Лена оглянулась и увидела как к Алексею Всеволодовичу подходят коллеги и присутствующие на собрании, как жмут ему руки, а кое-кто даже хлопает по плечу и обнимает.

Одевшись в гардеробной, Лена и Нина вышли вдвоем из здания института на улицу, погода оставалась прекрасной

и они решили немного пройтись. Лена спросила Нину, что она думает по поводу собрания и создания БРИП, на что Нина, как всегда сдержано и кратко, ответила:

– Поживем, увидим. -

– А этот Трояновский давно работает? – спросила Леночка.

– Алекс? – вышла из раздумий Нина, – да не сказать, чтобы очень, ему тоже кто-то дал зеленый свет, говорят у него жена дочь какого-то шишки. —

– Алекс... – про себя произнесла Леночка, – Алекс – это выход, Леша – это больше подходит мужу... Леша – лепеша, а Трояновский – это Алекс! Алекс звучит, как Космос, как Люкс! —

Глава 25 Смерть Русалки

Так началась новая жизнь Леночки. Произошло то, о чем она так мечтала. Она стала не просто сторонним наблюдателем, а полноправным участником рождения нового и еще неизведанного дела. Алекс был ядром, генератором идей, он поручал Леночке массу разнообразных дел, кому-то дозвонилось, договориться, не забыть напомнить ему о важном деле, не будем забывать, что на дворе был тогда 1996 год и компьютеры в нашей стране были редкостью, человеческий фактор в таких делах был определяющим. Так незаметно Леночка стала необходимым человеком для Алекса, кем-то вроде

личного секретаря, первой помощницы в его делах и даже чего-то большего. У Леночки постоянно была в сумочке аптечка, стоило у Алекса заболеть голове или еще чему-нибудь, на помощь спешила Леночка, она знала, что и как надо принять, чтобы снять головную боль или повышенное давление. И несмотря на то, что Леночка была на шесть лет моложе Алекса, он всецело полагался на нее и принимал те таблетки, которые она рекомендовала ему. Он смотрел на нее благодарными глазами, а однажды, нежно пожав ее руку, поднес к своим губам и поцеловал ее пальцы. Этот красивый жест проник в самое сердце Леночки. Ей захотелось делать для своего шефа всегда и все самое лучшее.

А их детище БРИП постепенно оформлялось в действующую структуру. Этому способствовала пресса и телевидение. Пару раз о них и их БРИПе была показана передача по центральному телевидению, Алекс давал интервью, было несколько статей в центральных СМИ. И, как результат, – пошли потоки писем со всей страны и из-за рубежа в адрес БРИПа. Все это в первую очередь легло на плечи Леночки, она научилась каким-то чутьем рассортировывать корреспонденцию, ведь среди писем были и письма-пустышки, но регистрировала Леночка все без исключения. А настоящим экспертом была у них Нина, в помощь которой была небольшая группа аспирантов. Нина – физик, она успешно защитила кандидатскую и была на самом острие науки. А Леночка стала усиленно заниматься английским

языком. Алекс, как руководитель их пока еще немногочисленной структуры, нанял репетитора по английскому языку и в рабочее время все желающие, а конкретно: он, Лена, Нина и ее студенты-аспиранты, занимались языком под руководством пожилой дамы всю жизнь проработавшей в ВУЗе преподавателем английского языка и по рекомендации которой они практиковали общение между собой на английском. Они старались, особенно Леночка, она привыкла все делать на отлично, «синдром отличницы» – это на всю жизнь. Даже дома после работы она занималась языком, а Леша покупал ей газеты и учебники, которые иногда попадались ему. Постепенно все друзья и знакомые стали приносить Леночке все что находили у себя дома по изучению английского языка. Кто-то принес учебник Бонк и Котий, проверенный временем и хорошо зарекомендовавший себя материал, который здорово помог Леночке в деле освоения языка. Как оказалось, труды по изучению английского языка были очень ненеприятны и, в первую очередь, для Алекса. Ему предстояла командировка и не куда-нибудь, а в Америку, а еще точнее, в Гарвард, в самое сердце научного мира. Конечно, он мечтал о Силиконовой долине, но с этим пока придется подождать. Жаль, что для Нины эта поездка не состоялась, одной из главных причин было состояние здоровья ее мамы, которая часто болела и Нина боялась оставить ее одну. Алекс поехал один на месяц в США.

В БРИПе были устроены небольшие посиделки-проводы

для сотрудников их немногочисленного коллектива. Алекс принес выпивку и закуску, пригласил коллег из ректората и с кафедры, и они в тесном кругу пожелали Алексу успешной командировки, а также привести из Штатов побольше идей и контактов для их детища БРИПа.

Алекс был оживлен и воодушевлен предстоящей поездкой. Лена сидела рядом с ним за столом и он незаметно для всех тихо прошептал ей:– И как я там буду без тебя... – Его шепот взволновал Леночку, как ей захотелось поехать с ним, ведь целый месяц его не будет. Постепенно все стали расходиться. Завтра Алекс улетает. Лена сидела грустная и притихшая, вздохнув, она подняла глаза на Алекса. О, сколько в них было неподдельного чувства... Все разошлись и в комнате остались трое: Алекс, Лена и Нина. Алекс давал последние указания своему заместителю Нине, но Леночка заметила, что он это уже говорил и повторяется, у нее возникло чувство, что Алекс явно тянет время, в надежде что Нина уйдет или выйдет из комнаты, но Нина не собиралась выходить, а спокойно продолжала работать с какими-то срочными документами.

Лена пошла в закуток раздевалки, где висело ее пальто. Алекс быстро распрощался с Ниной и подошел к Леночке, чтобы помочь ей одеться перед уходом. Когда он подавал ей пальто, то его руки, как бы невзначай, коснулись Леночкиной груди, они ласково и быстро скользнули по ней. Это прикосновение пробежало как разряд тока по всему телу

Леночки, от макушки до пяток. Она приросла к месту и замерла, а волны эмоций захлестывали ее. Это было сильное и давно позабытое чувство, которое она испытала лишь однажды, тогда с Олегом, в ту злополучную Новогоднюю ночь. Да, так же как и тогда, ноги потеряли опору и голова пошла кругом. Она стала искать вокруг себя за чтобы ухватиться, чтобы не упасть, а он стоял сзади и не отходил.

Лена усилием воли отвернулась и не глядя на Алекса пошла. Она вышла из комнаты, затем машинально зашла в лифт, спустилась вниз, вышла из здания института и около дверей наткнулась на мужа, который ждал ее, они сели в машину и поехали домой. Дома Лена ужинать не стала, а быстро легла спать, сославшись на головную боль. Она слышала, как вошел муж, лег рядом и быстро заснул, а ей все не спалось, волны эмоций все еще блуждали по ее молодому женскому телу, так отозвалось в ней всего лишь его легкое прикосновение. Она погладила себя по тому месту, где скользнули его пальцы и томительная нега переполнила ее. А рядом спал муж, молодой и ласковый, но ей не было до него никакого дела, она мечтала о другом:

– Он уехал на целый месяц, обещал приехать к Новому году. Опять Новый, уже 1997 год, а в январе мне исполнится двадцать шесть лет. Коленьке в марте два года. У Лешы через неделю день рождения, 29 ноября. Как все же я ненавижу ноябрь, угораздило Лешу родиться в этот противный промозглый месяц, когда под ногами хлопает серая каша из снега

и осенней грязи. Дни короткие и небо такое серо-грязное, как и эта жидкая снежная каша под ногами.

У Алекса день рождения летом, в июне. Он – Близнец! Натура двойственная, непостоянная, нервная, но именно такие люди и заставляют окружающих шевелиться, двигаться. Он и сам, как мотор. – С этими мыслями Леночка и уснула.

Месяц без Алекса тянулся, как тягучая резина, конечно, они все по-прежнему работали. Нина выполняла работу Алекса весьма успешно. Она делала все тихо, без шума и суеты, но очень результативно. За время отсутствия Алекса, они заключили два договора на внедрение в производство изобретение какого-то самородка из провинции с предварительной разработкой и пакетом технической документации. Нина всегда с трепетом и уважением относилась к талантливым изобретателям и подсказывала как им нужно действовать и что делать для получения патента. Кто-то следовал подсказкам Нины, но большинство изобретателей, боясь бумажных проволочек и не имеющие для этого необходимых средств и времени, не раздумывая щедро делились с БРИП своими разработками и идеями, соглашаясь на те условия, по которым им выплачивались гонорары в обмен на право владения изобретениями. Поиск заинтересованных лиц и промышленников – был прерогативой Алекса. Здесь он был незаменим, у него был дар и чутье на подобные сделки. Он умел убеждать и в этом был его главный талант. Ле-

на ждала его, на ее рабочем месте прямо перед ней на столе стоял календарь в виде пирамидки, глядя на который, она каждый день отсчитывала сколько дней осталось до возвращения Алекса.

И вот в один из дней на столе у Лены зазвонил телефон с характерными международными звонками. Лена быстро сняла трубку и где-то далеко услышала знакомый голос Алекса. Он спросил – Как дела? – Лена ответила, что все нормально, а у самой сердце зашло от бешеного ритма сокращений. Вся кровь прилила к ее лицу. С минуту они оба молчали. Затем Леночка передала трубку Нине, та отвечала на какие-то его вопросы, после чего они распрощались и Нина положила трубку.

Весь день у Леночки было прекрасное настроение, ее сердце пело... – Он скоро приедет, он скоро приедет, прямо перед самым Новым годом – 29 декабря. – Ей захотелось к его приезду преобразиться, сходить в салон, сделать себе модную прическу, может, наконец, расстаться со своими русалочьими волосами..., измениться в корне, покраситься в блондинку, купить себе новое яркое платье, ведь по случаю приезда Алекса из Штатов и приближающегося Нового года у них в БРИПе будет вечеринка.

– Да, – решила про себя Леночка, – в эти же выходные пройду по магазинам и куплю себе новый наряд. Деньги у нас дома есть, Леша зарабатывает, да и у меня тоже зарплата, которую я имею полное право потратить на себя. —

И в ближайшую выходной, Леночка оставила Коленьку с папой, а сама отправилась по магазинам. Начала с недавно открывшегося бутика известного бренда модной женской одежды в центре города. Выбор поражал воображение, в продаже было все: от шуб и дубленок до нарядов для выхода в свет. А также обувь, косметика, модная бижутерия... цены, правда, «кусались», но Лена решила, -Что для себя любимой, она больше денег жалеть не будет и впредь покупать для себя будет все только самое лучшее, и ходить она будет в самый лучший в их городе салон для столь необходимых ей косметологических процедур. Хватит жадничать для себя. Леша работает, да еще и подрабатывает, а я должна следить за собой и подчеркивать то, чем наделила меня природа. Все старые вещи вон из гардероба, отныне я должна одеваться как леди. —

И Лена купила себе все, что сочла нужным и даже необходимым. Красное гипюровое платье, красные туфельки и маленькую сумочку в тон платью.

– Как надоело ходить в черно-серых тонах. – Думала про себя Леночка. В отделе нижнего белья она купила два гипюровых комбидреса: черный и красный, в отделе косметики купила новые модные духи и французский набор для макияжа, а также крем для лица и тела, тушь, лаки для ногтей. Лена даже примерила на себя шубку из норки, но на нее денег не хватило, зато хватило на прекрасное серое пальто-макси из английского сукна с воротником из серебристой черно-

бурки, черные полусапожки или ботильоны. На этом средства закончились, но Лена знала, что дома еще есть из накопленных денег некоторая сумма, которую она может потратить на себя. Накануне она посетит салон, а во вторник предстоит их встреча с Алексом, который вернулся из штатов. 31 декабря, последний рабочий день года, который с большой натяжкой можно назвать рабочим, как правило в этот день никто не работает. Они уже все распределили кто и что принесет к праздничному столу. Нина напечет пирогов, Лена принесет домашние заготовки из их сада-огорода. Ну, а на спиртное все скинулись, ребята-аспиранты уже давно все купили и спрятали на работе в укромном уголке.

– Я, по-моему, так не волновалась перед собственной свадьбой, как сейчас, – думала Леночка, садясь в кресло лучшего мастера салона-парикмахерской. Мастера звали Сергей и к нему было очень непросто попасть. Когда Лена сообщила Сергею, что она хочет расстаться со своими длинными по пояс волосами и сделать модную стрижку с последующей покраской в блондинку, у Сергея долго не поднималась рука, чтобы начать стрижку, но у Леночки был такой решительный вид, что он сдался и стал стричь ее быстро орудуя ножницами. И вот первая прядь волос упала с ее головы, Сергей ловко подхватил ее и положил рядом на столик, такие волосы нельзя было замести шваброй и выбросить, поэтому парикмахер аккуратно завернул Леночкины волосы, чтобы не пропала ни одна прядка.

После покраски волос, а Сергей настоял на мелировании, в чем был несомненно прав, короче часа через полтора-два Леночку было не узнать, она преобразилась и стала похожа на модель с обложки заграничного журнала. С прежней Леночкой – русалкой было покончено, из зеркала на нее смотрела леди, молодая и обольстительная.

Вернувшись домой и даже не поужинав, Лена решила примерить то, в чем собиралась покорить сослуживцев завтра, 31 декабря. Она примерила новое платье, туфли и пальто перед зеркалом. В комнату постучал Алексей, Лена ответила:

– Входи. – Алексей вошел и не узнал своей жены, она сверкала как бриллиант чистой воды, она была шикарна и ослепительна, Алексею в глубине души было жаль ее длинных волос, но раз Леночке так нравится.., то он только «За». А она поворачивалась перед зеркалом довольная и счастливая, вся в предвкушении встречи с другим. Она даже не спросила нравится ли ему ее новый образ.

А он стоял и смотрел на свою Леночку, новую, неведанную для него доселе и такую безумно желанную для него... до боли, до кома в горле.

Глава 26 Да здравствует новая жизнь!

Настало утро понедельника 31 декабря. Алексей уже увез сына к бабушкам. Леночка приняла ванну, предвари-

тельно надев шапочку для душа, чтобы не испортить шедевр парикмахерского искусства, сотворенный Сергеем из модного салона. Она осмотрела всю себя в большом зеркале ванны и невольно залюбовалась собой. Маникюр-педикюр, все было безупречно и только одна маленькая деталь смутила ее. Ей предстояло надеть на тело новый комбидресс, из тонкого ажурного гипюра. Подмышки Лена брила постоянно с подросткового возраста, а вот с «нижними этажами»... Нет, ноги у нее были от природы гладкими и не нуждались в дополнительной эпиляции, а вот, пожалуй стоит подкорректировать линию бикини и Леночка, намывлив нужный участок своей интимной зоны, провела по ней бритвенным станком. Все, теперь можно одеваться. Она пошла в спальню, надела свой красный комбидресс, все было изумительно: и фигура, и длинные ноги в тонких золотистых чулочках, которые крепились к застежкам комбидреса красными шелковыми резиночками с бантиками. Красные атласные туфельки на шпильках дополняли образ, который ей напомнил танцовщицу из Мулен Руж. Лена даже улыбнулась такому сравнению, только веера из страусиных перьев не хватает, а так...

– Лена, Лена, посмотри вряд ли есть на свете мужчина, который отказался бы от такой... как хорошо, что Леша уехал и не видит этого. —

Следующим было красное, даже алое платье, тоже гипюровое на тонкой шифоновой подкладке. Когда Лена застегнула длинную молнию сзади, то в отражении зеркала появи-

лась сексапильная красотка, блондинка в лучших традициях Голливуда и так непохожая на прежнюю Леночку. Вот она, та самая бабочка из кокона, которая взмахнет крылышками и полетит, сверкая на солнце! Завершила образ красная в тон платья губная помада. Нет, облако французских духов, пожалуй, было самым последним штрихом, завершающим аккордом.

Лена стояла и смотрела на себя новую, а вернее обновленную и глядя на свое отражение в зеркале обратилась к себе:

– С новым образом тебя, Лена! Лена Крылевская! – Она почему-то произнесла свою девичью фамилию. – Отныне ты всегда будешь такой: – яркой, соблазнительной, уверенной в себе, смелой и решительной! —

С этими словами она пошла в прихожую, где на вешалке ее дождалось новое шикарное пальто с великолепной серебристой чернобуркой. И хотя пальто было несколько облегченным, больше подходящим для европейской зимы, чем для зимы русского севера, Лена уверенно облачилась в него и надев на ножки черные батильоны на каблучках, (туфельки были уложены в сумку) отправилась на работу. Нет, на встречу с ним!

Первым, кого она встретила выходя из дома, был сосед Вася, который разогревал машину у подъезда. Он буквально вылупил глаза на Леночку, потом немного придя в себя спросил:

– Может тебя подвезти? – На что Леночка с радостью со-

гласилась, отметив про себя, что надо договориться с Васей, чтобы он по утрам захватывал ее, им было по дороге, а главное, время совпадало. Она будет оплачивать ему бензин. И ему хорошо и ей хорошо. Василий был холост и его некому было ревновать, а Леша не из ревнивых, ему подобное и в голову не пришло бы!

– О, ты становишься деловой и практичной, Лена Крылевская! – Сама себя похвалила Леночка, выходя из машины Василия перед входом в институт.

Еще в фойе института Лена заметила, как на нее все смотрят. Все: и мужчины, и женщины. Не было никого, кто не обратил бы на нее внимания. Это было так ново для нее, что она почувствовала себя героиней Джулии Робертс из фильма «Красотка», когда та гордо вышагивала под восторженными взглядами прохожих. Лена вспомнила, как всего четыре месяца назад, она пришла в это здание устраиваться на работу, тогда никто не оборачивался ей в след, как и несколько дней назад до ее чудесного преобразования.

И вот Леночка, открывает дверь в комнату, где уже собрались сотрудники. Она стоит на пороге комнаты откуда в пятницу ушла с работы одна Лена Крылова, сотрудница БРИПа, а в понедельник пришла другая Лена, обновленная, обольстительная, ослепительная...

Все, кто был в комнате буквально онемели, глядя на Леночку, первым пришел в себя он – Алекс. Он подошел к ней и сделал театральный жест, как бы прикрывая глаза рукой,

словно от яркой вспышки света.

– Лена, что случилось с Вами за время моего отсутствия, я не узнаю Вас! Может Вы решили стать кинозвездой, сниматься в сериалах и бросить нас грешных? – с улыбкой вглядываясь в лицо Леночки, произнес Алекс. Он помог ей снять пальто и она предстала перед сотрудниками в своем шикарном алом платье. Надо сказать, что немногочисленные женщины их коллектива были тоже при параде, но до Леночки им было далеко.

Алекс объявил, что сегодня 31 декабря, последний день старого года и короткий рабочий день, поэтому нечего терять драгоценное время, надо с утра потихоньку начать праздновать, тем более их женщины так прекрасны сегодня. Он сейчас отнесет отчет о командировке в ректорат, а затем вернется и часов с двенадцати у них начнется ланч, который продлится часов до пятнадцати, а затем они потихонечку пойдут по домам, с этими словами Алекс вышел из комнаты. Все засуетились, кто-то из ребят стал сдвигать столы. Нина принесла из дома большую скатерть. На отдельном столике стояли столовые приборы: тарелки, ложки, вилки, ножи, рюмки. Кто-то уже порезал хлеб. Затем все разошлись кто-куда, чтобы как было велено, собраться всем к двенадцати часам и посидеть за дружеским столом. Даже в советские времена такая негласная традиция существовала – 31 декабря все сотрудники отмечали Новый год на работе, а затем продолжали праздновать в семьях. А это был уже 1997 год,

к тому времени перестала работать советская трудовая дисциплина и на многое разрешалось смотреть сквозь пальцы, тем более, что в БРИПе сложилась дружески-доверительная атмосфера между сотрудниками. Алекс сам обожал посиделки и считал, что неформальное общение сплачивает коллектив.

И вот, к двенадцати часам дня все стали собираться в их самой большой БРИПовской комнате, включили музыку, женщины начали раскладывать по тарелкам угощения. Руководила всеми Нина, она всегда знала, что где лежит и умела организовывать не только рабочий процесс. Нина безусловно пользовалась всеобщим уважением.

– Жаль, что у нее не складывается личная жизнь. – грустно подумалось Леночке, глядя на Нину. – Ну, чем она хуже других? Аккуратная, скромная, выдержанная, доброжелательная. Почему мужчины не замечают таких женщин? Вообще-то, по своему складу характера она подошла бы больше моему мужу Алексею, они как два сапога пара. Оба тихие, исполнительные... впрочем, а я разве не такая? Нет, я не такая! Это я с виду кажусь такой, всегда казалась, но в глубине души я другая... А какая и сама еще не знаю. Знаю только, что я – другая. —

И вот дверь открылась, на пороге появился Алекс в смешной шапочке Санта Клауса, в американском джемпере с гарвардской символикой и с большой коробкой в руках. Он вошел и все сразу замолчали, как будто и вправду пе-

ред ними американский Санта Клаус. Кто-то даже выключил музыку, возникла торжественная тишина ожидания сюрпризов. Алекс не разочаровал, в коробке было полно сувениров для сотрудников, а также блокнотов, ручек, кружек с эмблемой Гарварда, красивый календарь на стену с видами штата Массачусетс, где располагается Гарвард. Сувениров хватило всем, профессору Матвею Львовичу, – признанному гурму достался красивый письменный прибор и кружка из Гарварда. Последним сюрпризом была огромная бутылка Мартини, которую Алекс достал из коробки. Настроение сразу стало феерическим, особенно после дегустации Мартини. Розовое, ароматное, сладкое... Леночка выпила свой фужер даже не разбавляя его фруктовым соком, и во рту стало горячо и ароматно. Леночка быстро пьянела, но она пила редко и помалу, поэтому скорее веселела, чем пьянела. Все расселись по местам, на ура пошли овощные заготовки, приготовленные Алексеем из их сада-огорода. Помидоры, огурцы, грибы, все вкусное, ароматное, хранящее память о лете.

Алексей сидел рядом с Леночкой и незаметно под столом положил ей свою руку на ее и стал нежно гладить, затем наклонившись к ней тихо сказал:

– Какая ты красивая, я просто сражен тобой. Если бы ты знала, как я скучал, как мне не хватало тебя. Тут заиграла музыка, кавалеры стали приглашать дам. Нину пригласил Матвей Львович, студенты – студенток, аспиранты – аспиранток, а Алекс, конечно, Леночку.

Это был их первый танец, медленный блюз какого-то американского исполнителя 50-х годов. Леночке нравился стиль соул, его протяжная таинственность и даже интимность. Нравились Сэм Кук, Синатра, Дин Мартин, Кросби. По их песням она учила английский, стараясь понять слова текстов. Лена не заметила, как положила свою голову на плечо Алекса. В комнате был полумрак, не было освещения кроме елочной гирлянды, принесенной кем-то и прикрепленной к стене скотчем.

За окном серый тусклый день плавно перетекал в ранние зимние сумерки. Он так близко, что кажется она слышит как бьется его сердце под эмблемой Гарварда.

Его горячие губы были около ее ушка с маленькой капелькой алого камушка в нежной розовой мочке, которую он захватил своими губами и слегка покусывая и постанывая прошептал: – Я сейчас выйду и буду ждать тебя в комнате №301 в конце коридора, у меня ключи. Выходи после меня через несколько минут. Ты нужна мне, ты необходима мне, как воздух. Если не придешь, я умру. -

И вот танец закончился. Алекс незаметно вышел из комнаты. Лена улучила момент и постаралась выйти следом, не привлекая к себе внимания. Длинный институтский коридор был пуст, на их этаже вообще, кроме БРИПа все пустовало и Лена пошла по коридору, стараясь не стучать каблуками по старому институтскому паркету.

И вот она у комнаты №301, он там, он ждет... Сердце

заколотилось так, что казалось взорвется в груди Леночки и она сделала шаг вперед. Она вошла и сразу с порога упала к нему в объятия. Одной рукой он сжал ее, притянув к себе, а другой поворачивал ключом в замочной скважине.

– Все, попалась, ты – моя! – с этими словами он схватил ее так сильно, что она застонала. Он подхватил ее и посадил на огромный стол, обитый зеленым сукном. Ну, а дальше, Леночка с трудом соображала, что происходило...

Алое платье было сорвано и отброшено в сторону. Он судорожно боролся с ее комбидрессом, торопливыми пальцами искал застежку на нем. В безумном нетерпении, он даже хотел разорвать его на ней... Леночка сама расстегнула крючки застежки, которые располагались внизу на ее самом интимном месте. Алекс даже застонал от увиденного. Лена лежала на столе раскинувшись, в своем великолепном красном комбидрессе, вся распахнутая на встречу ему, жаждущая его.

Когда он вошел в нее, из ее груди вырвался стон. Она вдруг впервые ощутила себя настоящей женщиной, она не знала себя такой, но всегда чувствовала, что она другая и вот, наконец, она поняла какая она настоящая. И она отпустила себя...

Они катались по столу, как дикие звери, он хватал ртом буквально все, что было Леночкой: ноги, руки, плечи, все без разбора... Они сплелись в один горячий клубок, стали единым целым. Комбидресс был сорван с нее и отброшен в сто-

рону, туда, где уже валялся Гарвардский джемпер с рубашкой Алекса и другие предметы его одежды.

А он стянул ее со стола и не снимая со своих бедер, крутил в руках как куклу, до тех пор, пока она не обмякла обесиленная после сумасшедшей разрядки, которая вывернула и опустошила ее. После этого он стал бешено догонять ее, как дикий мустанг, он понесся в этой скачке, подгоняемый вспышками эмоций, забыв обо всем, даже о вконец обессиленной Леночке, которая была в его руках податливой воска.

И вот, наконец, финиш! Они вдвоем, оба в изнеможении, растворившиеся в пространстве и времени, застывшие на какое-то время друг в друге... они начали постепенно возвращаться из неведомых глубин. Они вновь срастались по частям, становясь отдельными личностями. Он и Она. Заработало сознание, вернувшее их в реальность. Сейчас они разойдутся и вновь станут теми, кем они были до прихода сюда в комнату №301. Они срослись, чтобы разъединиться каждый по своей линии жизни.

Алекс помог ей одеться, помог застегнуть на спине длинную молнию ее алого платья, затем открыл ключом дверь и выпустил Леночку в пустой и гулкий коридор. И она зашагала, она пошла на ослабевших ногах, как человек, вернувшийся из полета в космос, как ребенок, первый раз делающий самостоятельные шаги по пустынной и незнакомой местности.

То, что было раньше и что происходило вокруг после

ее возвращения из комнаты №301, Леночка воспринимала с трудом. Рабочий день, а вернее, предновогоднее празднование небольшого коллектива БРИП закончилось. Все стали быстро расходиться, даже Нина, которой некуда было топиться. Алекса нигде не было. Лена стояла в стороне ото всех с видом человека с другой планеты. Она побоялась даже сесть на стул из страха, что потом у нее не хватит сил подняться с него.

Нина каким-то чутьем почувствовала перемену произошедшую с Леночкой. Она ничего не спросила и поняла все без слов. Нина видела, что Лена буквально с трудом держится на ногах, поэтому решила проводить ее домой. Они вышли вдвоем из института, такси было невозможно поймать в этот праздничный день, но Нине удалось уговорить частного подвести их к дому Леночки.

Войдя в свой подъезд, опираясь рукой о стену и не смея поднять полные слез глаза, Леночка едва вымолвила, вернее простонала: – Я не могу идти туда... Как мне дальше жить, Нина? – И слезы брызнули из глаз Леночки. Но Нина остановила ее: – Не смей плакать! Сегодня праздник, тебя ждут дома муж и сын. Ты войдешь в квартиру и будешь улыбаться им. И что там у тебя внутри – это твое дело, но не смей портить праздник близким тебе людям. – С этими словами Нина повернулась и ушла.

Лена, усилием воли поборов себя, набрав побольше воздуха в легкие, шагнула в лифт и нажала на свой 4 этаж. Она

сделала все, как приказала ей Нина. Она вошла, такая празднично-красивая, нарядная, пахнувшая французскими духами. Коленька даже поначалу не узнал свою маму и потянулся к папе, а Алексей улыбался и смотрел на свою красавицу-жену, такую знакомую и незнакомую...

Лена подошла к Алексею, поцеловала его, потом Коленьку, который присмотревшись, все же узнал в ней мать и потянул к ней свои ручки. Она взяла его у Алексея и мальчик удивленно рассматривал свою маму, трогая ее ярко-красные губы и бусы на ее шее. Она была нежна с мужем и сыном, как никогда ранее.

Они решили праздновать втроем, а на следующий день поехать поздравлять бабушек: бабу Надю и бабу Тоню, так звал их Коленька. – Как подросток мой мальчик, – думала Леночка, глядя на сына, – скоро два года ему... – Леша пошел укладывать Колю, а Лена прилегла на диван в своем ало-красном платье. Когда Леша вернулся, он тихо присел рядом с заснувшей Леночкой, с улыбкой глядя на нее спящую. Она проснулась, открыла глаза. В комнате стоял накрытый стол, это Леша позаботился. Лена села и деланно-весело сказала: – Давай праздновать Новый год! —

– Да! – подхватил Леша, – С наступающим тебя, дорогая! С новым счастьем! —

– Как верно он сказал... с новым счастьем! Ясно только одно, что теперь я другая и прежней быть не могу и не хочу. Я совсем не помню какой я была, я забыла напрочь! Я даже

к Леше, моему мужу стану относиться лучше, чем прежде. Я грешна, а он – нет! У него лицо светится, когда он смотрит на меня. И все же странно, что они оба Алексеи... Как у Толстого в "Анне Карениной". Да, имена одинаковые... муж – Леша, а он, мой самый главный человек на Земле – Алекс. И с этим надо как-то жить... Отныне и до века во мне живут две сущности: с Лешей я – примерная жена и мать его сына, а с Алексом я – горячая любовница, его собственность, помощница, сподвижница, его правая рука. Вот какая оказывается я в любви!!! —

И они пили шампанское вдвоем, и была елка, и огоньки гирлянды в темноте комнаты освещали накрытый стол на двоих... Но с этих пор их стало трое и этот третий ни на минуту не покидал их, даже когда они занимались любовью, он незримо присутствовал и был рядом.

– Еще несколько часов назад, она была с тем, третьим. Она еще не остыла от его бурного натиска, от его безумных ласк. Она еще чувствовала на своей коже его запах, не смыла с себя его следы... Она пришла вся переполненная им, она впитала в себя все, что он ей дал и это стало частью ее самой, вошло в состав ее кожи, волос, ногтей... И вот, она, почти сразу после их Космоса, она на Земле, дома с мужем. Так вот она какая любовь... Сегодня она впервые почувствовала ее острый, жгучий вкус.

Она рождена для такой любви, она не откажется от нее, она презрит все моральные устои, все условности. Все это

кажется неважным, лишним... Главное, она любит! И никто и ничто не заменит ей ЕГО!!! Отныне ОН ее Господин и все, что ОН прикажет ей, любая его прихоть... она все сделает для НЕГО с радостью! ОН заполнил всю ее жизнь, открыл ей миры о существовании которых она и не ведала...

Нужно только научиться с этим жить. Ночью – законный муж, а днем – любимый, главный человек, которого она ждала всю жизнь!

Нужно только закрыть глаза и представить, что он сейчас со мной, это его руки, его губы... —

И Леночка, закрыв глаза и отдаваясь ласкам мужа, представила себя в объятиях Алекса и застонала от блаженства, накрывшего ее.

Она кончила так ярко, так сильно, что Алексей впервые почувствовал себя счастливым со своей женой после трех лет брака. Его счастью не было конца... Он покрывал поцелуями свою Леночку и благодарил ее со слезами на глазах.

А она лежала с улыбкой на устах... и так далеко от него... Тело ее было с ним, а сердце было с другим...

Так прошел Новый год, магический праздник, первый ее счастливый Новый год во взрослой жизни. Наконец, она стала настоящей женщиной и у нее есть тайна.

– Она справится, она сильная... Главное научиться с этим жить... и чтобы никому из близких не сделать больно. Она должна сохранить семью, отца для сына Коленьки, ведь он

так любит папу! И ради этого она будет терпеть, приспособливаться и даже обманывать.

Как хорошо, что у меня лабильная нервная система, я живу, как бы в двух разных женщинах, я даже не играю, я просто так живу... Переступая порог своего дома, я – жена, мама, я – Лена Крылова. А с ним я – его и только его! Теперь все праздники и Дни рождения будут с семьей и с ним.

Я смогу, у меня получится... Я стала другой, он сделал меня другой!

Так вот он какой мой Принц, мой Король! И я не хочу думать, что у него есть жена и он занимается с ней любовью... Для меня это не имеет никакого значения. Я не должна думать об этом, не должна!

Как символично, что наступило 1 января 1997 года, начало новой жизни, начало новой Лены Крыловой! -

Глава 27 Все только для Него

На работу 3 января Леночка не вышла, внезапно заболел Коленька. Высокая температура терзала маленькое тельце. Лена и Алексей не отходили от сына. Впервые Лена молила Бога о сохранении жизни и здоровья Коленьки. А в голову, как змея заползла мысль и постоянно отравляла ядом сознание:

– Это тебе за твои грехи, за твой обман и прелюбодеяние. Любовь говоришь... А может блуд? Так будь добра – плати

по счетам... —

— Боже, только не сын! Я откажусь даже от своей любви, если так нужно, но только не Коленька, прошу тебя! —

Есть какая-то страшная закономерность, почему-то близкие и особенно маленькие дети заболевают именно в праздники или выходные дни, когда нет врачей, да и в больницах медперсонал празднует, они ведь тоже люди...

Лена от предложения врачей скорой положить Коленьку в больницу решительно отказалась. Он такой маленький, он будет плакать, а с ним ее не положат в инфекционное отделение. Нет, они справится самостоятельно, они будут выполнять предписание врачей и не оставят Коленьку одного в больнице, это убьет его, она себе этого не простит. К ним приедет Лукинишна помогать, она поживет у них пока Коленька не выздоровеет. Леша тоже твердо на ее стороне, но ему нужно работать, а они с Лукинишной справятся вдвоем.

Температура не снижалась. Был врач, сделал укол и сказал, что сегодня ночью будет кризис, у Коленьки грипп в тяжелой форме. Всю ночь Лена держала на руках пылающего жаром сына и только под утро жар спал и Коленька уснул на руках мамы. Леночка положила его на большую кровать и сама легла рядом. Алексею было приказано спать на диване в большой комнате, чтобы не заразиться, но все это, конечно, не имело смысла, так как он постоянно контактировал с ними.

Как только Коленька пошел на поправку, грипп подкошил Леночку. Она слегла с высокой температурой, но была счастлива, что Коленька выздоравливает. Алексей отвез Лукинишну и Коленьку к Надежде Борисовне, которая варила крепкие куриные бульоны и лечебные чаи на травах, а также кисели из протертых с сахаром ягод. Алексей привез от матери приготовленную ею еду и кормил ослабевшую Леночку с ложечки. Странно, но сам он не заболел, наверное, эмоциональное напряжение подняло защитные силы его молодого организма. Просто приказал себе не заболеть и не заболел.

– Верный мой рыцарь, опора и друг, но не любимый, вот в чем беда... Хоть плачь, хоть об стенку головой! Как там у Моэма... "О, если бы мы любили тех, кто этого заслуживает..." с грустью думала Леночка, глядя на мужа.

За время болезни своей и Коленьки, Леночка решила, что больше не будет с Алексом. Да, это нужно сделать решительно и бесповоротно, как в хирургии, отрезать и все! Считать, что произошедшее с ней 31 декабря в комнате №301 было болезнью, которая внезапно накрыла, потом наступил кризис, а сейчас она выздоравливает. И самое лучшее лекарство, это отказаться от него, Алекса. Будет больно, но...

И чем больше она себя в этом убеждала, чем больше старалась найти весомых аргументов в пользу разрыва отношений с ним, тем больше ей становилось, тем сильнее хотелось увидеть ЕГО! Она понимала, что не сможет оставить ни

его, ни работу в БРИПе, это стало главным в ее жизни, которая еще четче разделилась на две половины: Алекс – БРИП, дом – семья.

Сегодня она выходит на работу, первый раз в новом году после болезни, а через неделю у нее день рождения, ей двадцать шесть! У нее все есть: муж, сын, работа, любовник. Покоя только нет и, очевидно, никогда не будет. Как только родила и ей показали сына, она сразу начала беспокоиться о нем, – как ел, как спал... Из этих четырех составляющих ее жизни: муж, сын, работа, любовник, спокойствие исходит только от мужа, но Леночка прекрасно понимала, что это спокойствие зависит прежде всего от нее. Нет, он никогда ничего не узнает, она должна все сделать, чтобы не узнал.

И вот она поднимается по главной лестнице института... сейчас лифт, затем длинный коридор, комната №280, она войдет, повесит пальто на вешалку, поправит прическу и начнется ее рабочий день, ее настоящая дневная жизнь. В коридоре она встретила с аспирантом, примкнувшим к ним в БРИП, по словам Алекса, парень со светлой головой и массой идей, но какой-то спонтанный и абсолютный бессеребреник. Зовут Алексей или просто Леша Скворцов, как в фильме «Баллада о солдате», вспомнилось Леночке. Когда Алекс знакомил их, парень явно стеснялся и заливался краской, глядя на Лену. Он пытался называть ее по имени отчеству, что в БРИПЕ было не принято и потом отпало как-то само собой. По отчеству называли только профессора

Матвея Львовича, которому перевалило за семьдесят, а Лена хоть и обрела статус зам. директора по связям, (это ей Алекс презентовал с 1 января нового года, значительно увеличив ее оклад, что было для Леночки приятной неожиданностью.) но в общении с подчиненными она была по-прежнему весьма демократична и на «ты».

В Штаты Алекс съездил весьма успешно, ему удалось установить контакты и получить существенные гранты. Материально БРИП укрепился, что отразилось на каждом члене этого, пока еще немногочисленного коллектива. У Алекса были «Наполеоновские планы», он умел устанавливать контакты и втягивать в свою орбиту нужных людей. Ему верили, своей энергией он заряжал всех. Атмосфера вокруг него просто искрилась. Нина была мозговым центром, именно она умела распознать настоящие таланты, которые часто о себе сами не могут и не умеют заявлять, а тем более продавать свои идеи и торговаться. У Нины было чутье, она была в курсе новых направлений в науке и не только в физике. Она была многолетней подписчицей научных журналов, а с приходом «Перестройки» и падением «Железного занавеса», с этим стало проще. Но, как потом показала жизнь, обмен идеями с западным миром был неравноценным, много ученых уезжало и не возвращалось назад, утекали отечественные перспективные разработки, в мутной пене трудно было заметить и оценить потери от этих «утечек», а по большому счету всем было наплевать. Матвей Львович, заслу-

женный старый ученый-труженик, в силу возраста и жизненных обстоятельств, никуда уезжать не собирался, даже если бы и позвали, но его и не звал никто. В свое время, в молодости, еще будучи аспирантом, он много сделал для написаний чужих диссертаций, щедро делился идеями с коллегами во благо Родины. Совсем молоденьким был солдатом на фронте, после войны учился, догонял все быстро и жадно. Дни и ночи работал, совершенно не думая ни о себе, ни о госпремиях и уж, конечно, о Нобелевской. Настоящий труженик науки, он все же был отмечен двумя госпремиями и награжден орденами за вклад в отечественную науку. И вот, на восьмом десятке работает, даже не за какие-то огромные деньги, к которым он и не привык, а потому что неисправимый ученый-романтик. Он, конечно, замечал прорехи и поверхностность в фундаментальных знаниях Алекса, но искренне считал, что для функции руководителя это не так уж и важно. Для этого есть он, еще пара таких же фанатов науки его же возраста, обладающих крепкими знаниями, есть Нина, которую он очень уважал и ценил как молодого ученого, есть его смена – аспиранты с горящими глазами. Это являлось целью его жизни, без работы он себя не мыслил.

Ну, а Алексу он был нужен, как непререкаемый авторитет, было нужно его имя, его заслуги и регалии. Любое письмо, подписанное Карлинским Матвеем Львовичем, быстро находило положительный отклик и решение вопроса значительно ускорялось.

Лена смотрела на Алекса и любовалась его движениями, быстротой реакции: – Наверное, он был бы классным режиссером или актером... Как тонко чувствует он людей, как умело распределяет каждому отведенную ему роль. А это его обаяние или как сейчас говорят харизма... Он один такой, один! А что он нашел во мне? Интересно было бы проникнуть в его сознание и узнать... Ведь не такая я и умница-красавица., но как он тогда подошел ко мне со спины и положил свою руку на мою, когда я пыталась открыть ту злополучную дверь. Еще со спины, он что-то почувствовал ко мне, даже не видя моего лица... или я все утрирую, как романтическая дуручка преувеличиваю то, чего нет на самом деле. И все же я чувствую, нет я знаю, что он сложен и многослоен, но может поэтому он и влечет меня к себе с такой силой. —

В тот же день, во второй его половине, Алекс позвонил ей из своего кабинета и попросил зайти. Она знала зачем он зовет ее, знала и была готова к этому. Теперь их БРИП разросся и стал занимать четыре комнаты на их пустынном 6 этаже. Это была их вотчина и особенно радовало, что их этаж последний и к ним редко кто забредал просто так. Институтская тихая, полусонная жизнь тянулась на нижних этажах, исключением были только студенческие аудитории с лабораториями. А здесь было царство БРИПа, их автономная республика, подальше от любопытных и посторонних глаз. Здесь правил он, ее Король и Повелитель. Идя к Алексу, она знала, что не откажет ему ни в чем.

Когда она открыла дверь в его кабинет, Алекс сидел за столом, погруженный в какие-то бумаги. На нем был голубой кардиган из тонкого кашемира и белая в узкую голубую полоску рубашка. Рукава чуть подвернуты, открывали гибкие сильные руки, слегка покрытые волосами. Заметив ее, улыбнулся и вышел из-за стола навстречу, протянув к ней руки. Он обнял ее, нежно поцеловал в шею, слегка покусав Леночкину розовую мочку с маленькой сережкой. Вдохнул ее аромат и сказал с неподдельной нежностью:

– О, как я соскучился, как ждал тебя... Как ты себя чувствуешь, дорогая? – А его руки уже начали расстегивать пуговицы на ее кофточке. Его взгляд затуманился, веки были полуопущены. Он взял ее руку и положил к себе на молнию своих модных американских джинсов и она почувствовала его желание под своими пальцами. Он простонал:

– Видишь, как ты действуешь на меня... Вот сижу здесь и мучаюсь с утра, как только увидел тебя. Как ты дорогая? Что-то ты бледненькая... – и он заглянул в лицо Леночке. А у Лены самочувствие было хуже некуда и дело даже не в ее недавней болезни. Грипп, конечно, ослабил ее. В довершении ко всему, у нее сегодня утром начался болезненный месячный цикл, она всегда пила болеутоляющие, но первый день был особенно мучительным.

Алекс, чтобы разрядить обстановку и как-то ободрить смущенную Леночку, в своей легкой манере с загадочной улыбкой прошептал ей в ушко:

– Я так долго ждал, ты же сжалишься надо мной и не оставишь меня ни с чем? – Он приблизил свое лицо прямо к Леночкиному лицу и вопросительно глядя ей в глаза сказал:

– Ты сжалишься надо мной? – С этими словами он стал расстегивать ремень, а затем молнию своих джинсов. Взял Леночкину руку и стал ей ласкать свой член. Затем, видя, что она так и не догадывается чего он от нее хочет, тихо попросил:

– Открой ротик и покажи мне свой язычок. – Лена послушно открыла рот, а Алекс положил ей в рот свой палец. Затем он положил свою руку ей на голову и Лена послушно опустилась перед ним на колени. Она никогда не делала этого, она что-то слышала об оральных ласках, но Леша, видимо, стеснялся просить ее об этом, он как-то сам хотел ей сделать это, но наткнулся на такую стену неприятия от Леночки, что больше и не пытался, решив, что ей это не комфортно.

– И все же он в постели слишком застенчив и зажат. – пронеслось у Леночки в голове.

– Вот и член у Леша ничем не уступает Алексу, а все же... Нет, у Алекса все лучше и она все сделает для него, лишь бы доставить ему наслаждение, обрадовать его. – И она впервые сделала это, она старалась для него, а он стоял, закрыв глаза и откинув назад голову, постанывая от блаженства, которое она ему доставляла. А она почувствовала свою власть над ним, она была его хозяйкой в такие минуты и незнакомое доселе чувство заполнило ее и дало радость победы. Лена ясно

и отчетливо поняла это, ведь именно этого ей и не хватало в отношениях с мужем, а Алекс увидел в ней и разгадал ее...

Когда дело было закончено, Алекс застегнул молнию на джинсах, поцеловал Леночку глубоко в рот и несколько успокоившись от пережитого, спросил:

– Ну, как Леночка тебе это посвящение? Скажи... может тебе было неприятно? Я все пойму и при первой возможности отблагодарю тебя тем же. Тебе понравится. Я тебя научу всему. – И наклонившись над сидящей в кресле Леночкой, «страшным» голосом произнес:

– Ты попала в руки к настоящему фанату секса, просто маньяку. Бедная девочка! Нет, ты как раз очень талантливая девочка, но удивляюсь, ты не первый год замужем и как же твой муж? Неужели ни разу не получил от тебя такого подарка? Для мужика, это главное наслаждение в любви, вернее – одно из главных. Есть много другого, но это как-нибудь потом, не все сразу, а то я боюсь сломать мой хрупкий цветочек. – Он крепко поцеловал ее в губы и помог застегнуть на ней все пуговицы ее блузки.

– Скоро мы поедем с тобой в командировку, вот где у тебя будет настоящий ликбез. Надо только запомнить и отметить на календаре дату твоей профнепригодности, чтобы в командировке ничто не мешало нам наслаждаться друг другом. – И он отметил на своем календаре дату 22 января.

– Через семь дней у меня день рождения, – подумала Леночка. – к тому времени все закончится. – Она вышла

из его кабинета, который трудно было назвать кабинетом, это была просторная комната, метров 30—35, в которой имелся небольшой отсек, где были установлены какие-то деревянные стеллажи. Перед кабинетом было небольшое смежное помещение, где, по-видимому, была приемная для ожидания посетителей. Алекс планировал сделать хороший ремонт, так как ожидалось приезды партнеров из-за рубежа и нельзя было ударять в грязь лицом. БРИП должен соответствовать своим «Наполеоновским планам».

Глава 28 Уроки для гейши

Леночкин день рождения праздновали даже не два, а три раза или если быть точнее, два с половиной. Первый раз днем на работе с вручением цветов и подарка от сотрудников – вазы для тех же цветов. Все прошло очень мило, в теплой обстановке на рабочем месте, но ничего оригинального, так проходили дни рождения у всех сотрудников БРИПа: легкая выпивка и угощение, принесенное именинником из дома. Затем празднование у Алекса в конце рабочего дня в его кабинете, на его столе, в кресле и у его стола. Вот, собственно и все празднование на работе. Дома отмечали в воскресенье, так как сам день рождения выпал на среду. В субботу Леша съездил на рынок, затем в магазин сделать закупки к праздничному столу, освободив от этого Леночку, свою любимую жену.

В гости были приглашены: Надежда Борисовна и Лукинишна, Нина и Витя со своей девушкой Таней, позвали соседа Васю, который подбрасывал по утрам Леночку на работу. Вася упорно не брал с Леночки денег даже на бензин, довольствуясь тем, что Алексей помогал ему ремонтировать время от времени машину. Леша отвозил Коленьку, а затем ему нужно было к 8 часам быть на работе, а Леночка начинала работать с 10 утра, так было удобно Алексу, да и всем остальным сотрудникам тоже. Поэтому утром Леночка не торопилась и занималась исключительно собой. Она делала легкую гимнастику, затем не торопясь наслаждалась утренним душем, намыливала свое холеное тело ароматными гелями и кремами, далее неторопливый завтрак и свежесваренный кофе. Все это под релаксирующую музыку, иногда расслабляющую, иногда энергичную, все зависело от настроения и от предстоящих планов. Отношения с Алексом стали носить регулярный характер, у них выработался свой язык, язык знаков и жестов, понятный только им двоим и незаметный для окружающих. Леночка знала, если Алекс прикасается пальцами к своим часам, это означает, что есть свободное время для их занятий любовью и он ждет ее у себя. Если Алекс призывно облизывал губы, значит времени у них немного, поэтому они обойдутся минетом, и она шла к нему и покорно делала ему это. Нет, покорно не то слово! Она делала это с упоением, наблюдая, как ему хорошо от ее ласк, как он буквально пьянеет от нее и «улетает в небеса». И все

это она! Она – его царица и отрада, его личный наркотик, как он не раз шептал ей.

У Леночки были тоже свои потаенные знаки и он отвечал ей. Все это привносило в их отношения элементы игры, непредсказуемости и даже риска, так как кругом были все же люди, но они научились незаметно для всех уединяться в своих излюбленных уголках.

Любовником Алекс был превосходным, он и не скрывал, что секс – это для него главное в жизни, важнее, чем работа. Работа – это всего лишь добыча средств к существованию, да и только. А судя по его новой машине, дорогой одежде и вещам, средства у него были.

Нина как-то обмолвилась наедине с Леночкой, что Алекс нечестен с изобретателями и по дешевке скупает их идеи и разработки, чтобы потом выгодно продать. Леночку подобное отношение не заботило, она напомнила Нине, что Алекс не о себе одном печется, у них у всех очень достойные зарплаты, на порядок выше, чем у сотрудников института.

– А все эти праздники, посиделки, презенты? Нет, Алекс не жмот. Ну, а что он имеет лично для своего кармана, так ему и нужно вести соответствующий образ жизни. Хорошая машина, хорошая одежда, оплата счетов в ресторанах, где совершаются иногда выгодные сделки. Алекс – бизнесмен и весьма удачливый, а это всем на пользу и Нине в том числе. – парировала Леночка. И Нина замолчала и больше на эту тему не говорила.

В запланированную командировку в Москву они поехали в первых числах февраля. Там у Алекса были назначены деловые встречи, Леночка везде сопровождала его, она была его правой рукой на деловых переговорах и его дамой на светских раутах в обществе предпринимателей. Рестораны, театры... Лена блистала и Алексу это ужасно льстило. Улучив момент, он шептал ей, целуя ее руку:

– Ты моя Львица, моя Звезда! —

Деловая составляющая командировки прошла успешно, был подписан ряд выгодных договоров. Часть денег, полученных от бизнесменов, перетекла в карман Алекса. Это был «черный нал», обычное дело того времени, оставшаяся часть денег поступала на расчетный счет института, на зарплаты и налоги, вот собственно и все. Часть денег Алекс выплачивал своим сотрудникам в виде премий в конвертах, ведомости не велись, деньги переходили из рук в руки, иначе все «съели» бы налоги.

В Москве они пробыли пять дней, с понедельника по пятницу с расчетом вернуться домой утром в субботу. На подписание заранее согласованных договоров ушло два дня, а все оставшиеся три дня Алекс и Леночка занимались исключительно любовью, до изнеможения. Фантазия у Алекса была богатая, они практически не выходили из гостиницы, иногда заказывая еду в номер, где ели и пили прямо в постели. Ликбез по обучению Леночки разнообразным сексуальным

играм прошел весьма успешно, она оказалась очень талантливой и даже гениальной ученицей, сработал «синдром отличницы». Лена привыкла делать все лучше всех, чем бы она ни занималась, а уж для любимого человека она и потерпеть кое-что могла, раз ее Господину хочется, она немного потерпит, а его стоны наслаждений, его эйфория станет ей заслуженной наградой. У Леночки редкий дар – она сама получает удовольствие, видя наслаждение от ее ласк – ее партнером, ее любовью, ее Алексом...

В семью Леночка вернулась утомленная и даже пресыщенная любовью и эмоциями от пережитого в командировке, и только с одним желанием – хорошо выспаться и отдохнуть от безумных дней и ночей в Москве. Она была настолько обессилена, что Алексей испугался, уж не заболела ли она...

– Может врача вызвать? – забеспокоился он, когда Лена обматывала свою поясницу теплым пуховым платком, ссылаясь на простуду и, как следствие, радикулит.

– Дурашка, знал бы ты от чего этот радикулит... Твою жену всю неделю отымели по полной. Да так, что ей сейчас просто не до тебя. Ты ждал? Ничего и еще подождешь... Вот отойду и тебе кость кину. – Лена с тайной недоброй усмешкой бросила взгляд в спину отвернувшемуся Алексею.

Отлежавшись за субботу и воскресенье, Леночка стала готовиться к выходу на работу в понедельник. Она перебрала в шкафу свои вещи. Они с Алексом все же успели пройтись

по столичным бутикам. Лена достала большой пакет и стала из него раскладывать вещи на кровати. Пару-тройку деловых вещей она повесила в шкаф. Открыла коробку с бельем и ахнула, Алекс купил ей эротическое белье, комбидрессы, чулки с кружевами, пояски с резиночками, трусики с разрезом на ластовице... и много еще забавных вещей для их занятий любовью. Надо сказать, что чувство юмора и вкус у Алекса присутствовали... белье было дорогим и качественным.

В дверь постучал Леша.

– Как хорошо, что он всегда стучит. – Успела мелькнуть мысль в голове Леночки. Она быстро скомкала все обратно в пакет, чтобы Леша не видел белье и ответила:

– Входи! – Он вошел несколько смущенный, с явным намерением получить от своей жены Леночки хоть немного ласки, он целую неделю ждал ее и очень соскучился.

И Лена приняла его, что делать... законный супруг и она впустила его в себя. Далее, все по уже отработанной схеме: – она снова закрыла глаза и представила себя в объятиях Алекса. И вот на самой их вершине Леночка, закрыв глаза и крепко обняв за шею мужа, неожиданно выдохнула: – Алекс! – прямо ему в уши. Лена даже вышла из состояния эйфории, а Леша все не останавливался и шел к своему завершению.

– Пронесло... – с комком ужаса внутри себя содрогнулась Леночка, – слава Богу, пронесло! Надо впредь быть внимательнее. Алекс и Алексей, это две большие разницы, два противоположных полюса, один с положительным зарядом, дру-

гой с отрицательным. А я посередине между ними... —

Глава 29 Все дальше от себя

Чтобы как-то немного расслабиться и отвлечься, Лена пригласила в гости Любу с Ирочкой накануне 8 марта. Ирочку она не видела с ее последнего дня рождения, в сентябре ей исполнилось тринадцать лет, но они регулярно перезваниваются по телефону. Лена в Москве купила подарки для Любы и Иры. Она никогда не забывает о том, что тушенка из кур и яйца с подворья Любы и Иры помогли им выживать в тяжелое время, когда родился Коленька.

Лена набрала их номер телефона, трубку взяла Ирочка, потом Люба. Люба поблагодарила за приглашение, но сославшись на занятость, пригласила Леночку и Лешу с Коленькой приехать к ним в выходные или когда им будет удобно. Договорились, что в следующее воскресенье семья Крыловых сама приедет в гости к Любе и Ире.

Весенняя распутица еще не успела испортить подъездные дороги к Устиновке, издалека Леночка увидела, что на окраине деревни стоит Ирочка. Она вышла встретить своих дорогих людей. Ирочка первым делом обняла и поцеловала Леночку, затем схватила на руки Коленьку, которому буквально через неделю должно исполниться два года и он стал уже большим и тяжеленьким, но Ирочка не спускала его с рук, все тискала и целовала его в румяные щечки.

– Милый, милый! Какой же он милый, племянничек мой! – Восторгалась она. – Я твоя тетя, ты помнишь меня? Забыл... – Ира с Коленькой сели на заднее сидение машины и они поехали к дому Любы, которая уже встречала их на пороге дома. Люба принаряженная, молодая еще женщина, всего-то тридцать пять лет, по сравнению со стильно одетой во все фирменное и импортное Леночкой, выглядела селянкой-простолюдинкой: кофточка, юбочка, сшитые своими руками, а на голове косынка. Так одеваются их деревенские женщины, которые по возрасту гораздо старше Любы.

– Она совсем не думает о себе, никакой личной жизни, наверняка, – отметила про себя Леночка, и тут же, – не то что я... —

В доме вкусно пахло пирогами. Ирочка помогла всем раздеться, а Коленька уже вовсю бегал по большой комнате, где на печке спал огромный кот Ерофей. Коленька протянул руку, чтобы погладить кота, Ирочка поднесла его к Ерофею, который спал развалясь в тепле и сытости, и Коленька осторожно погладил кота по его серой спинке.

Люба быстро накрыла на стол: борщ, отварная курица, соленья. Все по-деревенски просто. А Леночка стала доставать купленные в магазине продукты, в основном, импортные: паштет в баночках, сыр, колбасу сырокопченую, которую любили Ира с Любой, а также конфеты, торт и бутылку Мартини, любимый напиток Леночки, а Кока-Кола предназначалась для Ирочки и Алексея, который был за рулем

и ограничивался соком или колой.

Все были веселы, оживлены, Люба и Лена выпили по фужеру Мартини с апельсиновым соком. И пусть они ели борщ, который явно не подходил к такому благородному напитку, как Мартини, это их несколько не смущало, было вкусно и сладко.

В комнате у Любы светло, просторно и чисто.

– Вот так и должны жить люди, – подумалось Леночке. – а в городе мы, как бройлерные куры живем в своих квартирах-клетушках. Единственный плюс – это наличие удобств, недоступных пока деревне. Газ, вода из крана, холодная и горячая, ванна... нет, без этого я не смогу жить. В деревне летом Коленьку мыли в корыте, а сами обходились ковшиком. Лена иногда «ассистировала» мужу, натирала ему спину мочалкой с мылом и ему разрешала, и даже любила когда он мыл ее. Делал он это тщательно и с любовью. После его рук Лена чувствовала себя особенно чистой.

– Леша так много старается для меня. Зарплата у него, конечно, с моей не сравнить. – Лена скрывала размер своей зарплаты, чтобы не ранить Алексея. А он как-то не задумывался откуда у жены деньги на наряды и услуги стилистов из лучшего в городе салона.

– Святая простота. – думала Леночка о муже.

И вот, когда они отобедали и отчаевничали с городскими гостинцами, пришло время обмена подарками. Лена подарила Любе красивую импортную кофточку, а Ирочке то-

же кофточку и американские джинсы «Левис страус». Ира тут же побежала примерять, ей все очень понравилось и подошло по размеру, они благодарили Леночку и Лешу за заботу. А их подарки – традиционные деревенские гостинцы: варенье, соленья были с благодарностью приняты и отнесены в багажник машины. Ирочка связала Коленьке шапочку и еще они с Любой подарили ему игрушку – пластмассовый паровоз, синий с красной трубой и колесами. Коленька стал возиться с ним, приговаривая:

– Какой паровоз, какой большой. —

После обмена подарками Леша и Ира играли с Коленькой, а Леночка с Любой пошли на кухню. Люба расставляла продукты по полкам холодильника, мыла посуду. Лена хотела было помочь ей с посудой, но Люба улыбаясь сказала, что для нее это не трудно, а у Леночки очень красивый маникюр. Про себя Лена подумала: – И вправду дорогой маникюр... —

Потом они решили еще немного пригубить по фужеру Мартини – это была инициатива Леночки. Мартини, его вкус и аромат расслабили Леночку и она, осмелев, спросила Любу:

– У тебя кто-нибудь есть? – На что, сразу посерьезневшая Люба, опустила глаза и произнесла:

– Нет. Никто мне не нужен. Я все еще люблю Николая Константиновича. —

Лена виновато замолчала, она была в состоянии понять это, она сама такая... была. После этого разговора стало

немного грустно и Леночка засобиравалась домой. Прощаясь, они пригласили к себе Любу и Иру, как только те смогут, пусть приезжают в гости, чтобы Коленька их не забывал. Коленька захотел спать, его быстро одели и Леша взял его на руки. На прощанье все расцеловались друг с другом, сели в машину и поехали домой. А на пороге дома стояли Люба с Ирой и махали им руками в след.

В машине Коленька крепко спал на руках у Леночки и когда через час они переступили порог квартиры, он так и не проснулся. Леночка осторожно раздела сына, положила его в кроватку с надеждой, что он проспит до утра, а сама пошла в душ и стала под его живительные струи. В большом зеркале напротив, она видела себя в полный рост: тело молодой, хорошо сложенной женщины, грудь и живот не выдавали в ней рожавшую, ведь она почти не кормила Коленьку, а за фигурой очень следила, старалась мало и некалорийно питаться, по утрам делать гимнастику для укрепления брюшного пресса.

Вдруг она услышала стук в дверь ванной. – Алексей, – мелькнула в сознании мысль – пусть войдет, он – муж мой... —

– Входи, Алексей! – отозвалась Леночка. Алексей вошел, как всегда с застенчивой улыбкой на лице. Он был в банном халате, который она подарила ему. Алексей снял халат и предстал обнаженным перед своей женой. Это произошло впервые после их свадьбы, которой в апреле будет три года.

– О, Алексей, не прошло и трех лет! А я за три месяца, даже меньше, за два с половиной столько испытала с Алексом, что тебе и представить трудно. – И в голову Леночки заползла крамольная мысль:

– А если ему прямо сейчас сделать головокружительный минет или что-то из того, что мы проделываем с Алексом... Интересно, как бы он к этому отнесся? Нет, пожалуй, не буду, он и так замечает, как я меняюсь даже чисто внешне. Еще несколько месяцев назад я была в своих «академических», а попросту, в допотопных нарядах и с прической старой девы-училки... Но ведь он и полюбил меня такой, искренне и горячо. -

Почему-то вспомнился Павел Синегоров, его горящие, устремленные на нее глаза:

– А полюбил бы меня Павел нынешнюю? Я, пожалуй, стала похожа на его столичную маму. Та, помню, пришла в школу приблизительно так же выглядевшая, как я сейчас. Импорт, шикарная модная стрижка и я с косой, свернутой улиткой на затылке, в старомодном костюме и совсем без макияжа. Почти как Люба. Когда мы встретились с Любой в первый раз, я совсем не чувствовала разницы между нами, а сегодня... -

Алексей, обняв Лену со спины, вывел ее из раздумий. Она приняла его, она решила не проявлять инициативы, а лишь идти туда, куда он ее звал. – Все традиционно, предсказуемо и... скучно. Но Леше нравится, что ж, пусть

берет меня, мое тело и делает с ним что хочет. – И Леночка подчинилась мужу, как всегда...

Глава 30 Грех

Время летит быстро, особенно весна-лето. Вот и Коленькин день рождения позади, 15 марта ему исполнилось два года, третий год пошел. Красивый, добрый, славный мальчик. Леша как-то обмолвился, что хотел бы еще и дочку, но... нет! Коленька должен быть одним единственным Принцем в семье. Отпраздновали в узком семейном кругу, приходили крестные: Витя со своей девушкой и крестная мать Нина. Ну, и конечно, бабушки – баба Надя и баба Тоня, так называет Лукинишну Коленька... В этот день звонили Люба с Ирой и Коленька впервые разговаривал с ними по телефону, вернее, говорили они, а он слушал с огромными от удивления глазенками и долго требовал опять себе трубку. Такой забавный малыш. Под конец он все же сказал Ире с Любой:

– Пока, пока! – И улыбнулся.

Как-то случайно зашел разговор у Вити с Ниной о ее работе в БРИПе. Витя засмеялся и сказал:

– Вот вы ищите, ездите в командировки, а с собой рядом и не видите. – и указал рукой на Лешу. – Вот где настоящий гений-изобретатель, а уж сколько наград у него, сколько дипломов, не счесть! – Алексей улыбнулся и тихо сказал:

– Не преувеличивай, Вить. Все это было давно и никому не нужно. На что Нина заинтересованно спросила:

– В самом деле, Леша может что-то покажешь нам. Но Леша лишь рукой махнул:

– Да не слушай ты, Нина Витю, он как всегда преувеличивает. Да и забросил я все давно. – Нина пожала плечами и сказала: – Жаль... —

Тут Коленька расплакался, пора было укладывать его спать и все стали потихоньку собираться домой. Леша развез всех по домам, сначала тещу Надежду Борисовну с Лукинишной, а затем Нину и Витю с его девушкой Таней.

Когда он вернулся, Коленька спал, а Леночка смотрела телевизор. Когда фильм закончился, она, вспомнив разговор с Ниной, сказала:

– А и вправду Леша, посмотри, что у тебя есть, ты все бегаешь в поисках приработка, может Нина и впрямь отыщет что-то у тебя стоящее. Она у нас научный эксперт, у нее светлейшая голова. Матвей Львович все время твердит, что ей пора докторскую защищать, а он зря говорить не будет. –

– Да, – завертелось в голове Леночки, – вот и Алекс тоже хочет защищать кандидатскую, но Матвей Львович о его достижениях в науке никак не отзывается, все отмалчивается. Да и я когда-то подумывала об аспирантуре, потом смерть папы, школа, Коленька и все на этом. А теперь и вовсе... Нет, без одержимости ничего не получится ни в науке, ни в любви, надо гореть, верить в себя. Нине проще, ни мужа,

ни детей. Мама только часто болеет. Нина типичный синий чулок, женщина-ученый. А еще хорошая подруга, молчунья только, Рак по знаку Зодиака, наверное, – отшельник. Я ни разу от нее не слышала, что она ноет или жалуется на судьбу. Как она похожа в этом на Алексея. -

На работе в БРИПе дела шли набирая обороты, приезжала группа из Великобритании, были даже из Канады предприниматели из Торонто, японцы тоже очень заинтересованы в сотрудничестве. С ними, в основном, Алекс носился, ездили они в Москву, правда, всего на один день без Леночки. Утром рано на машине уехали на прием к министру или его заместителю, а поздно ночью вернулись. Все завязано на Москве и Питере, там все концы.

Так, в ежедневной круговерти незаметно закончилась весна с ее цветением и пением птиц, наступило короткое лето. Лене захотелось к морю, но Леша не смог, летом у него самая работа, поэтому может осенью в сентябре-октябре... говорят, что море до начала октября в Крыму и на Черноморском побережье еще теплое.

Алекс время от времени сокрушается, что город их маленький, никуда они не могут вдвоем вместе сходить, это не то, что Москва или Питер, где миллионы людей и легко затеряться среди них. Алекс мечтает купить квартиру в Москве, мечтает, что они будут иногда наездами бывать там, чтобы отдохнуть и спокойно наслаждаться друг другом. Он никогда не упоминает о своей жене и почему у них нет

детей. Странно... но неудобно у него спросить.

Как-то подвернулся удачный момент и Леночка осторожно спросила Алекса почему у них нет детей? На что он ответил шутя, что ему рано заводить детей.

– Странно – подумала Леночка, – тридцать один год и рано? – Но больше разговора на эту тему не было.

Осенью Лена почувствовала себя плохо, кружилась голова, пропал аппетит. Она решила сходить к врачу, но Алексею ничего не сказала. Врач констатировал беременность. Лена не раздумывая взяла направление на аборт, рожать в ее планы не входило. Пусть это даже ребенок от ее любимого Алекса. Утром в рабочий день, она позвонила Алексу и сказала, что с утра задержится, а сама отправилась в больницу на аборт. Аборт делал молодой и неопытный врач, может и в первый раз, и что-то забыл внутри Леночки. В результате открылось кровотечение и Лену увезли с работы в горбольницу, где сделали повторную чистку, влили в нее донорскую кровь и оставили в стационаре под присмотром врачей.

Леша примчался сразу, как только ему позвонили из больницы. Лена упростила врача не говорить об аборте, а сказать, что это был выкидыш.

– Вранье порождает вранье. Маленькая ложь порождает большую. Ты стала неисправимой лгуньей, Лена Крылевская, ты запуталась совсем в своей лжи. Ты даже не знаешь кто был отцом убиенного тобой младенца. Ты – преступница. – И Лена, отвернувшись к стенке разрыдалась так, что

соседка по палате позвала медсестру и врача. Леночке сделали успокоительный укол, после которого она была в каком-то полусне. Она видела, как приходил Леша, видела его переполненные тревогой глаза, чувствовала, как он держал ее за руку, но потом все пропало и она провалилась в сон.

А утром, проснувшись на больничной койке, она с трудом вспоминала, что с ней произошло. Через двое суток ее выписали, она пробыла дома на больничном еще три дня, после чего ее выписали на работу.

Алекс встретил ее сочувственно-настороженно. Она сказала ему правду. Они долго молчали и тут ее прорвало:

– Я запуталась, Алекс. Я завралась вконец. Я преступница – детоубийца. Скажи, если это был твой ребенок, ты бы смог оставить свою жену и соединить наши жизни вместе? -

Лена смотрела на Алекса в упор. Он встал, открыл бар, достал бутылку, налил ей и себе виски с содовой и протянул ей стакан:

– Выпей немного и успокойся. Ты ни в чем не виновата... – он притянул ее и усадил к себе на колени. – Девочка моя! Настрадалась там, а я и прийти к тебе не мог... Скучал, страдал, в путях мы. – Алекс отпил виски из стакана. Лена тоже немного пригубила.

– А все же не ответил на мой вопрос, ушел от ответа. – отметила про себя Леночка. – Но не могу я без него, стоит ему обнять-поцеловать, я сдаюсь и таю. —

Она так и сидела у него на коленях, обняв его за шею, по-

ка кто-то не позвонил по телефону. Алекс, дотянувшись до аппарата, затем прикрыв трубку рукой сказал, что это надолго.

Лена встала с его колен и слабо улыbnувшись вымученной улыбкой, вышла из комнаты. Домой она поехала в сопровождении Нины, Леша задержался на работе, какая-то авария на теплотрассе и он не смог приехать за Леночкой, чтобы отвезти ее после работы домой. Нина вела ее тихонько под руку. Под ногами были прилипшие к мокрому асфальту опавшие листья: желтые, красные, багряные и ярко-зеленые, – настоящий осенний ковер.

Лену вдруг прорвало:

– Нина, я – дрянь, я сделала аборт, я – убийца. – Она зарыдала на плече у Нины. Нина обняла подругу.

– Давай немного где-нибудь посидим. Я позвонила маме, чтобы они сегодня оставили Коленку у себя на ночь. Леша на работе задерживается. —

Поблизости было кафе и они решили зайти в него. Сели за столик, заказали кофе с пирожными.

– Нина, скажи, что мне делать? Я живу с двумя мужиками и даже не знала от кого был этот ребенок. А если это повторится вновь? – Нина молчала, но Лена пыталась добиться от нее ответа. И Нина ответила:

– Что я тебе могу сказать... У тебя хороший муж, сын, ты счастливая. Может тебе самой сделать выбор, за тебя никто его не сделает. – Леночка посмотрела на Нину с легкой укоризной:

– Ты презираешь меня? Тебе не понять. Алекс все для меня, он сделал меня живой, он придает мне силы жить и чувствовать себя женщиной. —

– А разве Леша не делает все для тебя и семьи? – с горечью спросила Нина

– Ты просто не замечаешь в нем все хорошее. Алекс, на мой взгляд, обычный плейбой или с задатками плейбоя. Да и как ученый, он ниже среднего. С большим трудом слепил себе кандидатскую, а попросту надергал из чужих диссертаций, сплошной плагиат. —

– Алексу некогда, он весь в бизнесе, он думает о нас всех. А диссертация нужна ему для статуса, больше ни для чего.

– Вот-вот, для статуса... сколько таких лжеученых и липовых диссертаций развелось... – но тут Нина увидела лицо Леночки и сразу замолчала. Лицо было таким скорбным и даже гневным, что Нина осеклась.

– Я люблю его. Он – личность, настоящая личность, – с настойчивой уверенностью выговорила Леночка. – Он раскрыл, достал из меня женщину. —

– Он никогда не оставит свою жену. У него всем заправляет его влиятельный тесть, а Алекс – только инструмент в его руках, ты должна об этом знать и не строить иллюзий, это я тебе как подруга говорю. Впрочем, делай, как сама знаешь... Я тебе не советчица. Просто я уважаю Алексея и люблю тебя, а еще больше моего крестника Коленьку, не забывай, что я его крестная мать и тоже ответственна за него. Спать можешь

с кем и как считаешь нужным, но Коленьке жизнь не ломай, да и Алексей не заслужил этого. Может я чего-то и не понимаю, чего понимаешь ты, но не ломай жизни своим близким. Сто раз подумай. И больше не будем об этом. – Они расплатились и вышли из кафе на улицу, где им удалось поймать такси. Нина подвезла Леночку до ее дома и поехала дальше к себе домой.

Зайдя в подъезд, Лена поднялась на лифте, открыла квартиру, обрадовавшись, что дома никого. Она чего-то нехотя пожевала вместо ужина, аппетита не было совсем. Лена выпила прописанное врачом лекарство и легла на диван. Она слышала, как пришел с работы Алексей, но была не в силах подняться, а он подошел, опустился перед ней, лежащей, на колени, взял ее руку, прижался к ней губами со словами: – Как себя чувствуешь, любимая? – Лена сделала движение, чтобы встать с дивана и приготовить Алексею ужин, он устал, у него был тяжелый день, но он остановил ее:

– Лежи, лежи, я сам. —

Он пошел на кухню и сделал свою фирменную глазунью. Открыл банку огурцов с помидорами и принес все это на подносе в большую комнату, где лежала Леночка. Он положил на тарелку два ярко-желтых кружочка и протянул Леночке:

– Поешь, родная. Ты любишь иногда мою глазунью. – Лена покорно приняла от него поднос с едой и сидя в подушках, начала есть медленно и понемножку. С трудом она заставила

себя съесть один желток и вернула тарелку мужу со словами:

– Спасибо, я больше не хочу. —

Алексей с виноватым видом произнес:

– Это я виноват во всем. Даже не понимаю, как такое могло случиться, я ведь всегда предохраняюсь... Прости меня, ты настрадалась из-за меня. Хрупкая моя, ты так болела в этом году, а мы так и не съездили к морю из-за моей работы, на которой платят копейки. Мне так гадко, что я вечно в поисках приработка. Да, я нашел кое-что... Покажи Нине, хотя я не уверен, что это чего-то стоит, – и он достал из ящика шкафа и положил на столик толстую тетрадь – это я делал давно, но тогда оно еще только носилось в воздухе, профессор Матвей Львович говорил, что это нужно продвигать в жизнь и все уговаривал меня идти в аспирантуру, писать диссертацию. А тут мама заболела и, вообще, работать надо было, она и так меня всю жизнь тащила. Я, когда ремонт делал, много чего повыбрасывал, а это осталось...-

Лена удивленно взглянув на мужа, промолвила:

– Ты знаешь Матвея Львовича? Профессора Карлинского?

– Да, – ответил Алексей, – я учился у него. —

– Странно, но я работаю с Матвеем Львовичем в БРИПе, хотя город у нас небольшой, не удивительно. Хорошо, я передам Нине, пусть посмотрит. Коленька сегодня у бабушек, завтра хоть поспишь утром лишние полчаса. – сказала она мужу, а он подхватил ее на руки и отнес на их кровать

в спальню. Положил и лег рядом, обняв жену:

– Главное, чтобы ты поправилась, дорогая. – И серьезно добавил:

– Это не должно повториться... —

На следующее утро в БРИПе Лена отдала конспект Алексея Нине. Нина взяла тетрадь, исписанную мелким почерком Алексея. Обыкновенная тетрадь 96 листов в сиреневой клеенчатой обложке. Она внимательно просмотрела, полистала тетрадь и сказала:

– Я возьму это домой, дома посмотрю – и положила тетрадь в сумочку.

На следующий день Нина пришла с темными кругами под глазами, видно было, что она не спала ночью.

– Что-нибудь с мамой? – Озадачено спросила Леночка, с тревогой глядя на Нину.

– Нет, с мамой все в порядке. Просто я всю ночь читала конспект Алексея. Я не отдам его Алексу, это нужно запатентовать. Это большая и серьезная работа. Но не так все просто. Алексей должен довести все до конца, я помогу ему с оформлением документов на патент и изобретение. Его авторские права должны быть защищены, а это принесет вашей семье и материальное благосостояние. -

С тех пор Нина и Алексей стали созваниваться, Нина стала приходить к ним домой в выходные и они вдвоем с Алексеем подолгу работали. Нина не считалась со своим вре-

менем, а Леночке пришлось больше заниматься с Коленькой: мыть, укладывать спать, так как все это происходило по вечерам после работы. В выходные Алексей гулял с Коленькой, старался помочь по хозяйству Леночке, но как только появлялось свободное время, тут же удалялся в комнату за письменный стол.

Как-то за вечерним чаем, Нина заметила Леночке, что Алексей без преувеличения очень талантлив, что вполне возможно, этот патент сделает их не только людьми обеспеченными, но сделает его имя известным в научных кругах и вообще, то чем он занимается тянет на полноценную докторскую. Сама идея оригинальна и делает прорыв в науке.

– Я рада, что Алексей теперь не будет искать приработок на стороне. У него светлейшая голова, ему бы в наш БРИП. – заметила Нина.

Лена опустила глаза, на это она была не согласна. Это означало бы конец ее отношений с Алексом, а это невозможно, совсем невозможно. Алекс – часть ее жизни, тайная, запретная, но такая необходимая часть...

И вот, пройдя все необходимые процедуры, все инстанции, патент на изобретение был получен, а вместе с ним и деньги пошли. Экономический эффект от внедрения на производство был очень внушительным: – тут и сокращение энергозатрат, и трудовых ресурсов, и сокращение сроков производства... Леночка историк, а не технарь, поэтому

вникать в такие сложности не могла, а просто со слов Нины поняла, что муж ее – ученый от Бога, а это значит, что ему нужно создавать условия для работы.

Когда был получен первый внушительный денежный перевод от какого-то промышленного магната, Леночка, обойдя взглядом их довольно скромную, небольшую двухкомнатную квартиру, сказала Алексею:

– Тебе не кажется, что нам нужна большая квартира, где у тебя будет свой кабинет, сколько можно работать на краешке стола при нашей тесноте, да и Коленька подрастает, ему тоже нужна отдельная комната. —

– И тебе тоже для твоего отдыха, ты ведь релаксируешь под музыку. О, как я тебя люблю... – Он прижался к Леночке, положил свою голову на ее колени, зарывшись лицом в складках ее платья. – Я так счастлив, что у тебя теперь будет все то, что я раньше не мог тебе дать. —

Лена взялась за дело, она стала внимательно изучать объявления о продаже квартир. Ее интересовали квартиры не меньше четырех комнат, большие по площади и в центре города. И вот одно из таких объявлений попало ей на глаза, стартовая цена была довольно высокой, но судя по объявлению, это было то, что она искала. Она позвонила по указанному номеру, это был номер телефона агента недвижимости, тот сообщил, что хозяева в отъезде, но они договорились встретиться, чтобы Леночка могла посмотреть квартиру.

Подъехав к дому, Лена вспомнила, что когда-то давно,

еще в школьные годы была в этом престижном доме, здесь жила Марина и она бывала у нее несколько раз.

Дом сталинского периода застройки, кирпичный, с большими итальянскими окнами и эркерами. В подъезде консержка, кругом чистота. Зеркальный лифт с мягким сидением, обитым вишневым бархатом. И вот лифт плавно остановился на 4 этаже. Лена позвонила в квартиру под №84, за дверью раздались шаги, дверь открыл молодой человек, лет около тридцати и жестом пригласил войти. Лена вошла и сразу узнала, да в такой же квартире проживала Марина со своей семьей, хоть она и бывала у них нечасто, но запомнила огромный холл, где с порога встречали развешенные по стенам картины отца Марины.

Квартира была пуста. Лена прошла в комнаты. Направо – кабинет, выходящий окнами во двор, в его самую тихую часть. Сейчас территорию, окружающую этот большой элитный дом, обнесли высокой оградой, у владельцев есть магнитные ключи, которые охраняют жильцов от посторонних лиц, здесь только свои жители этого дома. Поэтому и тишина, и чистота. Есть благоустроенная детская площадка, расположенная довольно далеко от окон дома, в уютном уголке, где много зелени.

Ванная показалась Леночке огромной по сравнению с их маленькой ванной в типовом доме. В ней даже было небольшое окно на улицу. Кухня тоже очень просторная и выходит на теневую сторону, что порадовало Леночку. Она вспомни-

ла, как тяжело маме готовить на их кухне с окнами на юг, ведь кондиционеров тогда еще не было.

Пошли далее по длинному коридору. Вот и гостиная с эркером. Огромная комната, на взгляд метров около сорока, высоченные потолки, много воздуха и света. У старых хозяев было что-то в виде антресолей, с ведущей на них витой лестницей. В большой комнате потолок был значительно выше, чем в остальных комнатах, метров под пять, такова была архитектура дома, и что особенно порадовало, так это окна, выходящие на две стороны: по центру эркер, а с правой стороны большое итальянское окно с выходом на балкон. Оставшиеся две комнаты были поменьше, но довольно просторные с окнами, хоть и не итальянскими, но тоже большими. Конечно, квартира требовала ремонта, ванная и кухня были вполне в приличном состоянии, но Леночка решила, что все нужно новое, современное, а это уже морально устарело, чувствовалось, что в квартире долго никто не жил. Лена решила, что она сама займется ремонтом, Леше некогда, он много работает. Летом Коленьку отправят с бабушками на дачу, а она за лето управится, надо только посоветоваться с Лешей, что он скажет, но для себя она решила – квартиру нужно брать!

Придя домой, Леночка рассказала Леше о своем посещении и осмотре квартиры. Он почувствовал, что ей квартира очень понравилась и лишь ответил:

– Тебе понравилось? Это самое главное. -

Лена сказала, что необходимо сделать ремонт в квартире, а это довольно дорого. Леша задумался и ответил:

– Мы, возможно, продадим эту квартиру и у нас на все хватит и даже кое-что останется. А на это «кое-что», я хочу подарить тебе машину. Новую. Сама будешь выбирать. —

У Лены зашло сердце, и как он угадал... Она давно мечтает о машине. Но потом вспомнила, что сам Алексей ездит на старых Жигулях, что совсем не подходит его теперешнему статусу.

– И все же, какой он аскет, как мало в нем эгоизма. Он все еще работает в своем дурацком ЖЭКе. Боится, что потеряет эту «стабильность». Нет в нем полета фантазий, нет уверенности в себе, всего того, что так пленяет ее в Алексее и держит крепко около него. Леша привык к каждодневному кропотливому хождению на работу, а проще к добровольному ярму, да еще и за три копейки. Алекс, он – свободный человек! И пусть Нина, да и сам Матвей Львович молча упрекают его в поверхностности и прожектерстве, но вот уже скоро три года он ведет их БРИП, подобно капитану корабля, сам заметно благоденствует, но и им дает жить. В БРИПе все купили себе хорошие машины, ездят на курорты. Она тоже могла оформить кредит на машину, но она хотела начать с квартиры. А вот, Леша – он угадал ее сокровенное желание. ООО!!! Как хорошо, что я не наделала глупостей, не поддавалась эмоциям покаяться в своих грехах перед мужем! Вытерпела все и сейчас терплю, зато он счастлив и спо-

коен. Да, но не надо забывать и о заслуге Нины в нашем благополучии, именно она помогла Алексею с патентами. Если бы не она, пылились бы его труды до полного морального устаревания, пока кто-то из молодых и талантливых первым не дошел бы до своего патента. Что ни говори, преимущество денег в том, что они дарят свободу. Нужно поговорить с Алексеем, чтобы он бросил свой ЖЭК, он говорил, что ему предложили стать руководителем городской коммунальной службы, но это отнимет у него все силы и время. Я попробую поговорить с ним, – размышляла Леночка. – Нужно всегда помнить, что муж – голова, а жена – шея.-

Глава 31 Неожиданная встреча

Леша заехал посмотреть квартиру, которая ему очень понравилась. Он договорился с Димой, агентом по недвижимости, о купле-продаже их старой квартиры, – двушки в типовом доме, но в хорошем районе, почти в центре города. Дима быстро нашел покупателя и стал готовить пакет документов. Осталось только встретиться с хозяевами квартиры, которые были за границей, но должны скоро приехать и лично участвовать в сделке.

И вот раздался звонок в квартире Леночки, Дима сообщил, что завтра приедет хозяйка квартиры и они все вместе встретятся, чтобы познакомиться воочию и обсудить все детали сделки. Лена не хотела беспокоить Алексея и решила

пойти сама без него, надеясь, что с женщиной-хозяйкой она скорее договорится. В назначенное время Леночка позвонила в квартиру №84. Дверь открыл Дима, а рядом стояла... Марина. Она и оказалась той самой хозяйкой квартиры, которая досталась ей в наследство от отца. Дима был удивлен и обрадован, что они знакомы и решил ретироваться, а дамы пусть поговорят без него, с этими словами он откланялся и уехал на еще какую-то сделку.

Марина с Леной остались одни в абсолютно пустой квартире, где было всего два стула.

– Пойдем, посидим где-нибудь, пообедаем. – предложила Марина, окинув взглядом Леночку и оценив ее респектабельный вид. Они спустились на лифте, вышли во двор, где у подъезда стояла машина Марины, ярко красный Ягуар, последней модели. Солнце играло на его лакированной поверхности. Обивка в салоне была пятнистой, как у настоящего леопарда. Да и сама Марина двигалась с присущей ей кошачьей грацией, впрочем, она всегда была такой. Конечно, Леночка помнила, как в школе Марина занималась танцами, теннисом, плаванием с личным тренером, но все же это было в Марине от природы. Ее красота расцвела, она стала настоящей леди и по рождению, и по воспитанию. Как и ее мать, Марина привлекала к себе всеобщее внимание, хоть в Ягуаре, хоть без него. Она сама была сделана Природой и Богом по особому лекалу высшей категории.

Лена села рядом с Мариной. Машину Марина вела уве-

ренно и красиво, холеные руки с великолепным маникюром лежали на руле. На правой руке было обручальное кольцо.

– Значит она замужем. – заметила Леночка, – Впрочем при ее красоте и уверенности в себе... И все же как она похожа на свою мать. —

И вот они подъехали к недавно открывшемуся ресторану. Припарковавшись перед ним, вошли в ресторан, где перед ними услужливо открыл дверь швейцар, приглашая этих двоих прекрасных молодых леди, в которых все было по высшему разряду – от сумок до кончиков волос. Но Марина поражала исходящим от нее «парижским шиком». И как оказалось, она действительно только оттуда, из Парижа, где у них с мужем бизнес и квартира окнами на Сену.

Они сели за уютный столик на двоих, был субботний день и народу было немного. Май месяц – время, когда город пустел, в выходные жители стремятся загород, на природу. Истосковавшись за зиму по зелени, пению птиц, запахам весны и оттаявшей земли, люди хотят слиться с природой, побегать с детьми на свежем вольном воздухе, а опытные дачники всюю заняты посадками и подготовкой к будущему урожаю.

Они сели напротив, чтобы лучше видеть друг друга. Первой заговорила Марина:

– Прекрасно выглядишь, я рада за тебя. У тебя семья, муж, дети? —

– Она так прямолинейна и лаконична... впрочем, она всегда была такой. Я так не могу и никогда не могла, мне это

казалось даже бестактным. – отметила про себя Леночка. –
Марина настоящая бизнес-леди. —

– Да, я замужем, у нас сын, ему пять лет. – отозвалась
Лена.

– Чем занимается твой муж? – продолжала парировать во-
просами Марина.

– Мой муж инженер, он работает в ЖЭКе. -

На что Марина удивленно подняла брови:

– Судя по твоему виду, не скажешь, что твой муж работает
инженером в ЖЭКе. —

– Да... – смущенно улыбнулась Леночка, – дело в том, что
он не совсем простой инженер. Он сделал научное открытие,
запатентовал свое изобретение и вот, теперь у нас появились
деньги. Квартира – первая наша большая покупка. —

Марина кивнула головой:

– Да, квартира хоть и дорогая, да еще и в валюте, но она
стоит этих денег. Если только вы не собираетесь менять ее
на Москву. —

– Нет, не собираемся. – ответила Леночка. – Нас все устра-
ивает в Вологжанске, здесь и у меня работа. —

– Где ты работаешь? – поинтересовалась Марина.

– В БРИПе – это такое подразделение на базе институ-
та. Короче, мы занимаемся перспективными научными раз-
работками, оцениваем их, находим им применение в произ-
водстве, а также заинтересованных лиц, готовых заплатить
за это. —

Марина молча и почти в упор смотрела на Леночку. Возникла пауза и когда она затянулась, произнесла:

– А ты изменилась... В тебе появилось многое на что раньше и намека не было. —

Леночка не стала спрашивать, какие перемены, произошедшие в ней так удивили Марину. Особым женским чутьем она прекрасно поняла, что та имела ввиду. Да, в последний раз они столкнулись тогда, в Склифе... За это время много чего произошло с Леночкой, но развивать эту тему с Мариной она не хотела и решила сама задать Марине несколько вопросов:

– Ну, а ты как? Замужем? —

– Да, – задумчиво отозвалась Марина, – замужем, но детей нет. Ошибки моей бурной юности... – она многозначительно замолчала. – Муж старше меня на 14 лет, он вологжанин, но познакомились мы с ним в Москве, он наблюдал папу, ты же помнишь, как он тяжело болел, когда мы еще учились в школе. Может помнишь Олега Геннадьевича, ты еще ему передала ключи, которые он забыл у вас в гостях. —

У Лены больно прокололо сердце:

– Олег муж Марины! Вот ведь судьба! -

– Да, – как бы с трудом вспоминая, протянула Леночка, – помню... —

Марина продолжала:

– Олег – научное светило и состоявшийся бизнесмен, у него столько достижений, столько разработок в области ре-

абилитационной медицины. Он очень известен в научных кругах. У нас есть клиники, но в основном за границей. Олег хочет открыть сеть своих центров в Москве и Питере. Ну, а далее в крупных городах России. Квартира мне досталась в наследство от папы. Я решила продать, потому что она пустует много лет и не нужна. У нас есть квартира в центре Москвы, но мы там наездами, в Питере тоже есть... —

– А как твоя карьера актрисы? – поинтересовалась Леночка. Марина равнодушно ответила:

– ВГИК я бросила после 4 курса. Вышла за Олега и мы уехали с ним за границу, много ездили по миру. Так, что у меня только одна роль, но главная. Роль жены гения.

– И как тебе такая роль? – осмелела Леночка. Марина усмехнулась:

– Надеюсь, что справляюсь, у меня было у кого поучиться... —

Леночка вопросительно посмотрела в лицо Марины:

– Ты о ком? —

– О маме, конечно, – ответила Марина.

– А как твоя мама? – поинтересовалась Леночка.

– Мы уже несколько лет с ней не общаемся... мама в обиде на меня и даже не в наследстве дело. Ей тоже досталась огромная дача в элитном поселке Переделкино в Подмоскowie, а также картины, антиквариат... Дело в том, что я отбила у нее Олега. У них был бурный роман. Признаю, я плохо поступила, но мне так хотелось отомстить ей за папу...

За ее извечное окружение себя кругом воздыхателей на глазах у папы, даже когда он тяжело болел. Нет, она, конечно, все делала, чтобы поднять его, она-то и нашла восходящую звезду медицины – Олега, который подарил несколько лет жизни папе. Я благодарна за это Олегу, но я в какой-то мере сломала и ему жизнь. Он, видимо, был влюблен в маму и она тоже... хотя я всю жизнь думала, что она способна любить только себя. Но я ни о чем не сожалею, я ценю и уважаю Олега, его нельзя не уважать и не ценить. Хотя мать, я, скорее всего, потеряла на всю жизнь, даже и не знаю где она и что с ней... Но уверена в одном, она не пропадет, наверняка продолжает вести свой привычный богемный образ жизни, у нее для этого есть средства, судя по продажам картин отца на аукционах Сотбис. Как-то до меня донеслось, что она занимается то ли антиквариатом, то ли продажей картин и у нее своя галерея в Лондоне. —

Официант принес заказанный обед, про который они совсем забыли.

– Ладно давай обедать. – предложила Марина. – завтра подпишем документы и я уезжаю в Москву, а сегодня еще хочу зайти к своим старым вологжанским друзьям. —

Они отобедали и договорились, что завтра встретятся втроем с агентом Димой, обговорят условия оплаты и подпишут договор купли-продажи с торжественным вручением ключей счастливым обладателям элитного жилья. После обеда Марина отвезла Леночку к ее дому. Когда они проща-

лись Леночка, улучив момент спросила:

– Марина, ты сказала, что уважаешь и ценишь своего мужа Олега, а ты любишь его? – Леночка сидела в машине совсем близко к Марине. Марина, глядя ей прямо в глаза с легкой улыбкой произнесла:

– Конечно! – и еще более загадочно добавила, понизив голос: – Он восхитителен! -

Они распрощались. Лена вышла из машины, а Марина взяла низкий старт и буквально рванув с места, понеслась по пустынной дороге в своем сверкающем на солнце Ягуаре.

Весь вечер Лена была под впечатлением от встречи с Мариной: – Она жена Олега... Кто бы мог подумать! Как хорошо, что у нее давно все улеглось в душе и ей уже не больно вспоминать тот злополучный Новый год и поездку к Олегу в Москву... Болезнь, вызванную нервным срывом... Как хорошо, что у нее есть семья, Коленька и, конечно, он – ее главный человек, ее тайная страсть о которой знает только Нина, но она будет молчать, как мудрый Сфинкс, она абсолютно в этом уверена. Нина, Ниночка, спасибо ей за все: за Лешу, за веру в него, за его успех и их материальное и семейное благополучие. За то, что и меня заставила взять себя в руки и не оставить Коленьку без отца. Спасибо тебе, милая Нина, я в долгу у тебя всю жизнь! —

Глава 32 Когда подарок приносит боль

Наступил июнь 2000 года, а с ним и долгожданное лето. Коленьке минуло пять лет. На семейном совете было принято решение, что Надежда Борисовна с Лукинишной, которая давно стала членом их семьи, поедут на дачу с Коленькой. А Леша с Леночкой будут приезжать на выходные. Леша категорически запретил Леночке заниматься ремонтом новой квартиры, а так как самому ему было некогда, то он договорился с Виктором, крестным Коленьки, который как раз сидел без работы и нуждался в деньгах. Витя с охотой взялся за это дело, он умел договариваться с рабочими, у него была машина, что позволяло ему быстро передвигаться по городу.

Леша был доволен, он боялся, что кто-то из рабочих отпустит матерное словцо при Леночке, а она такая нежная, интеллигентная, это не для нее, не для ее ушей. Сам Леша никогда не ругался даже с матерящимися рабочими. Леночка с благодарностью приняла такую заботу о себе от мужа:

– И все же он рыцарь мой! И почему я его не люблю? И ростом он выше Алекса и внешне ничуть не хуже... хотя нет, у Алекса харизма зашкаливает. Но бывало, что он, Алекс несколько раз выругивался матом даже при Леночке, когда был чем-то раздражен. И что самое удивительное, Леночка никогда не слышавшая матерных слов в семье, сама случалось поругивалась, правда редко и не при посторонних. У Алекса бывало во время их бурного секса выскакивало крепкое словцо, но Леночка относилась это к выплеску эмоций и не была строга с ним. Они уже вместе четвертый год

и им по-прежнему хорошо вдвоем, все как-то устаканилось, как любят выражаться студенты-аспиранты в их институте. А Леночке в январе исполнилось двадцать девять лет, Алексу тридцать пять, Леше тридцать два в ноябре... Вот такая немного грустная арифметика.

До Лены иногда просачивалась информация о семье Алекса, о его всемогущем тесте-бизнесмене и по совместительству занимающим какой-то административный пост в городском управлении. Она специально не интересовалась и не наводила справки, тем более не спрашивала Алекса, лишь случайно, он как-то обронил, что его жена старше его на семь лет, следовательно, ей уже сорок два года, но говорят, что она красива и прекрасно выглядит. Лена не хотела засорять свое сознание этими подробностями. Ей хотелось, чтобы на их с Алексом отношения не падала ничья тень. Он тоже в свою очередь никогда не расспрашивает Леночку о муже и семье. Они по-прежнему любят друг друга. Это стало превращаться в любовную игру и каждый раз с новыми интригами и приключениями. Они любили друг друга в разных местах и разных позах их, по-прежнему пустынного шестого этажа. У них есть свои излюбленные тайные уголки, где во время занятий любовью, они остаются незаметными для окружающих, а им самим сверху видно идущих по длинному институтскому коридору людей, иногда они слышат за стеной голоса. Алекса это страшно заводит, а у Леночки от страха бывает сжимается сердце, но она покорно уступает своему

«господину». Время от времени они ездят в командировки в Москву, Питер, Прибалтику, все чаще лишь для того, чтобы предаться утехам любви. Алекс постоянно говорит Леночке, что она его допинг, необходимый ему наркотик, без которого он не мыслит себя. Лену, конечно, подобные признания возносят до небес и она старается сделать все для своего «господина» и «повелителя». Для нее не существует никаких табу, даже если бы он захотел ее в лифте, она бы не отказала ему.

Как-то в Питере, в одной из таких командировок, они пошли в кино на дневной сеанс. Зал был пустой, на последних рядах кроме Леночки и Алекса вообще никого. И ее «господину» пришло в голову и здесь поиграть в свою любимую игру. Лена все сделала как он нашептывал ей. Так хорошо им еще не бывало... Даже внешне Леночка не перестает меняться, движения плавные, раскованные, появились небывалые ранее «чертики» в глазах. Из ведомой в любви, она сама становилась ведущей. А когда она видела, как от ее изысканных ласк Алекс буквально улетал в другие миры, Лена чувствовала себя настоящей волшебницей и это придавало ей новые силы. Благодарный Алекс нашептывал ей:

– Ты настоящая Гетера, Гейша, Тигрица. Я горд – моя школа. – добавлял он с лукавой улыбкой.

В конце лета Алексей купил Леночке машину – Лексус, легкий в управлении и очень комфортный. Серебристого цвета, который выбрала сама Леночка в память о сереб-

ристом когда-то Мерседесе Олега. Теперь, когда она заняла свою машину, то стала еще более независима и самостоятельна. Алексей помогал во всем, автомобили он знал лучше любого механика и инструктора.

В один из теплых солнечных дней начала осени они с Алексом решили «обновить» Леночкин Лексус. Так как это была ее первая машина, то и «обновляли» они ее в первый раз. За почти четыре года Алекс поменял три машины и каждую они с Леночкой «обновляли»... Что это такое оба знали непонаслышке... Уйдя вдвоем пораньше с работы и отъехав немного от города, они свернули на безлюдную дорожку на обочине леса и занялись «обкаткой машины», вернее ее салона. В машине, как в лифте и в других ограниченных пространствах есть какая-то интимная магия. Алекс постарался в этот раз преподнести Леночке незабываемые сюрпризы, он буквально чуть с ума не свел ее своими ласками, а когда она попыталась перехватить у него инициативу, пресек ее попытку со словами:

– Нет, дорогая, сегодня твой праздник, поэтому все только для тебя... – Они долго не могли прийти в себя после этого безумия, не в силах взяться за руль. Пришлось вести машину Алексу. Он подвез ее почти к самому дому, они распрощались, а Алекс вернулся к институту, чтобы поехать домой на своей машине.

Опьяненная любовью и все еще взволнованная от свидания с Алексом, Леночка была обрадована, что мужа нет до-

ма. Она быстро скинула одежду и встала под душ. Они все еще продолжали жить в своей старой квартире по договоренности с настоящими владельцами, согласившимися подождать окончания ремонта в новой квартире бывших хозяев. К середине сентября ремонт был закончен и Алексей повез жену «перерезать ленточку», как он сам выразился.

Квартира Леночку просто ошеломила. Это были настоящие хоромы по сравнению с их прежним жильем. Конечно, еще предстояло обставить ее новой мебелью. Но, как говорится, не все сразу. Кое-что они все же купили: новую кухню и детскую, а чуть позднее шикарную спальню, которую выбрала Леночка по каталогу известной итальянской фирмы. Пришлось, правда, подождать пока ее изготовили и привезли прямиком из Рима, но это того стоило. Когда Леночка впервые легла на огромную шикарную кровать, она почувствовала себя Анжеликой из известного фильма, который любила еще с детства, но одновременно с этим восторгом появилась крамольная мысль:

– Эх, все хорошо, все прекрасно, но нет со мной рядом моего любимого, моего Короля, моего Алекса... – и хорошее настроение улетучилось как-то сразу. Вместо Алекса рядом с ней был Леша.

А Алексей в свой кабинет завез старую мебель и наотрез отказался менять ее:

– Мне так привычнее и удобнее, – как отрезал он.

А Леночка упивалась комфортом и удобствами новой

квартиры, она чувствовала, что у нее даже самооценка повысилась:

– К хорошему привыкаешь быстро. Хорошая квартира с ремонтом, хорошая машина, хорошая одежда, питание, отдых. Проходит совсем немного времени и ты думаешь, и как же я раньше без всего этого жила... —

Лена, Леша и Коленька в начале октября съездили втроем к морю в Турцию. Коленька с Лешей много купались в море, а Леночка больше плавала в открытом бассейне перед отелем и загорала в шезлонге. Сделали много фотографий, чтобы обрадовать бабушек. Леночка вступила в пору женского цветения и очарования. Тело ее налилось, но движения были по-прежнему грациозны, как у девушки. Ей смотрели в след, делали комплименты, старались познакомиться. Для нее это было приятно, но не более того. О том, чтобы завести новый роман или короткую интрижку, у нее и в мыслях не было. В ней еще не умерла та самая Лена Крылевская, которая так долго ждала своего Принца и жила по правилу: – «ни поцелуя без любви». Только он, только ее любимый Алекс, никого больше допускать к себе Леночка не могла, кроме Леша, конечно. Но он был первым у нее, он пришел в ее жизнь раньше и она сдалась, устала дожидаться своего Принца. Она разуверилась, что когда-нибудь повстречает его, а он все это время жил, но в какой-то другой, параллельной жизни...

Лежа в шезлонге, Леночка представляла, как она загоре-

лая и отдохнувшая выйдет на работу после отпуска, а в Вологжанске уже дожди и рано темнеет, – октябрь... Осень – время унылое, пора увядания и ничего впереди кроме зимы. Это как маленькая смерть... Но именно осенью, когда на улице дождь, дома становится уютнее и теплее, особенно с книжкой на диване, накрывшись пледом и с глинтвейном на столике рядом...

А здесь, в Турции еще лето. Из своего шезлонга Леночка наблюдала, как Леша играет с Коленькой, как ловит его, когда тот выскакивает из трубы водяного трамплина прямо в руки отца: – Хороший человек, прекрасный отец и муж. И чего мне не хватает в нем? Может как у Тургенева в его «Месяце в деревне», когда Наталья Петровна говорит боготворившему ее Ракитину: – «Вы никогда не заставили меня плакать.» Может и у меня так с Алексеем? За все эти годы не то, что ни разу не заплакала по его вине, взгляда недоброго в свой адрес не заметила, даже намек на раздражение от него не получила. А со мной непросто, ох как непросто! Я и раздражалась, и капризничала, да и по дому все на него старалась переложить, а сама на диване с книжечкой и с мыслями о другом... А если бы он так со мной, как я с ним? Лучше об этом не думать, – Лену даже всю передернуло и она захлопнула книжку, – все равно не читается. -

– Идемте ужинать! – она махнула Алексею рукой и он ей в ответ тоже махнул, улыбаясь.

– По крайней мере он получил меня и он счастлив. Я

не обманывала его, когда выходила за него замуж... – успокоила свою уколотую совесть Леночка.

Шведский стол в турецком ресторане – это что-то! Все так вкусно, ароматно. Хочется все попробовать, но страх потерять форму сильнее. Леша счастливый, скоро тридцать два, а все как мальчишка, ест и не поправляется. Леночка старалась есть салаты и пить только воду или свежесжатые соки. Отпуск подходил к концу. Предстоял перелет из солнечного рая в промозглую осень русского севера.

И вот, наконец, они дома, в их новой роскошной квартире. Усталость сразу навалилась, хочется в душ и сразу спать. Они с Алексеем уснули, как убитые на их огромной роскошной кровати. Утром проснулся Коленька, но не стал их будить. В холодильнике были подготовлены бутерброды на случай его раннего пробуждения. – Он все сам возьмет, он знает, что делать если захочет есть. Смышленный парень, почти взрослый уже, через год в школу... – сквозь сон улыбнулась Леночка.

Когда Леночка проснулась, то по запаху аромата кофе поняла, что Леша уже встал, накормил сына, и о ней тоже позаботился – кофе сварил. Войдя в их шикарную кухню-столовую, Лена огляделась вокруг.

– А ведь это все благодаря ему, – Леше, она так прекрасно живет. Нет, у нее тоже зарплата очень хорошая, но она и тратит на себя много. А иначе нельзя, Алекс говорит, что

она – лицо фирмы. – И Лена улыбнулась про себя, завтра она его увидит...

В холодильнике был полноценный обед на два дня, – мама позаботилась. Значит можно еще немного отдохнуть, поваляться с книжкой. Как хорошо дома!

На следующий день они всей семьей заехали к бабушкам, чтобы повидаться и отдать привезенные из Турции подарки: для мамы, теплый кардиган, для Лукинишны тоже кардиган и тоже теплый, только другой расцветки. Лукинишна, несмотря на возраст, любит яркие, даже аляповатые расцветки, поэтому Леночка выбрала ей кардиган с люрексом и типично турецким колоритом, Надежда Борисовна такой никогда бы не надела. Ей Леночка выбрала кардиган в теплых песочно-бежевых тонах, которые любит мама и которые ей очень идут. И еще Леночка привезла подарки для Любы и Иры и, конечно, для Нины, своей дорогой, проверенной подруги и ее мамы Анастасии Петровны. Для коллег тоже сувениры и угощения привезла.

Ну, а для своего главного человека Леночка купила набор коллекционных фильмов на английском с русскими субтитрами. Ведь они с Алексом шлифуют английский, без него стало невозможно общаться с иностранными партнерами. И еще презент для них двоих с Алексом – виски «Джонни Уокер». Алекс любит иногда разогреться виски, да и Леночка с ним за компанию не против, это так расслабляет, особенно в конце дня...

После бурных объятий Коленьки с бабушками все попили чай с восточными сладостями и, конечно, с вкуснейшим турецким лукумом. Коленку решили оставить ночевать у бабушек, чтобы завтра Леше не везти его к ним перед работой. Был уже вечер, Коле скоро спать, он соскучился по бабушкам и с радостью остался, а Лена с Лешей поехали домой, завтра понедельник – первый рабочий день после отпуска. Соскучилась она однако!

Вечером перед сном Леночка позвонила Нине, чтобы узнать как дела, что нового. Оказалось, что Алекс на больничном, затемпературил и в понедельник на работу не выйдет. Леночке ужасно захотелось позвонить ему, но она остановила себя, у них негласное табу, которое они не нарушают; все в рабочее время, после работы они принадлежат своим семьям, хотя какая у Алекса семья... Жена и тесть.

Это такая редкость в их северных краях... Конец октября, и вот третий день прекрасная солнечная погода и +14 градусов! Леночка решила после работы пройтись пешком до дома, машину с утра оставила в гараже. Пешие прогулки в хорошую погоду – это прекрасно! Она шла по бульвару, засыпанному опавшими осенними листьями, мимо их старинного городского Кремля. Солнце лениво садилось, ему не хотелось уходить за горизонт. Небо голубое-голубое и если бы не поредевшие кроны деревьев с остатками желтой листвы, то все напоминало бы весну.

А вот и ее дом. Лена открыла сумочку, чтобы достать

магнитный ключ к замку ограды, как к ней подошла женщина и смущенно сказала, что случайно забыла ключи и попросила пропустить ее на территорию дома. Лена обернулась к женщине и сразу узнала в ней мать Павла Синегорова, ее бывшего ученика. Та тоже узнала бывшую учительницу сына, которой он когда-то писал стихи и рисовал ее в блокноте. Женщина поздоровалась со словами:

– Вы Елена Николаевна?

– Да! – ответила Леночка.

– Может Вы помните Павла Синегорова, я его мама, Людмила Анатольевна...

– Да, помню и Вас, и Павла, хотя давно уже не работаю в школе.

Они прошли через ворота ограды во двор дома.

– Какая погода чудесная, сейчас муж подъедет с ключами... не хотите немного посидеть со мной на лавочке? – заинтересовалась Людмила.

– Охотно. – отозвалась Леночка.

– Вы изменились... – продолжала Людмила.

– А Вы совсем нет. – ответила Леночка. – Как Павел? Он уже окончил ВУЗ, работает? —

Людмила сразу погрузилась и опустила глаза:

– МГУ он так и не закончил, его отчислили с 4 курса за политические убеждения, расходящиеся с официально принятыми. Он участвовал в митингах оппозиции, а сейчас отбывает срок в колонии.

У Леночки внутри все замерло от ее слов. Она помнила Павла, и как он смотрел на нее... его глаза, уже тогда в них горел огонь... Сколько раз Леночка отмечала про себя, что Павел – прирожденный лидер. И вот, в колонии...

Лену реально затошнило, ей стало так плохо! Она расстегнула верхние пуговицы пальто и так тяжело задышала, что Людмила испугалась.

– А Вы, что теперь живете в нашем доме? – поинтересовалась она.

– Да, – вставая со скамейки, ответила Лена. – до свидания. – И она пошла к своему подъезду, а тут как раз к Людмиле спешил навстречу ее муж и отец Павла, а его видеть Леночке уж совсем не хотелось.

Придя домой, она весь оставшийся вечер и следующий день думала о Павле:

– Написать ему в колонию? Зачем? Лучше оставить все как есть. Он обещал добиться ее... Какой он сейчас? Ему сколько? Года 23—24 и уже в тюрьме. Как больно! Может и ее доля вины в этом есть... и все же хорошо, что она оставила тогда школу. Учитель подобен врачу, тут главное – «не навредить».

Лена даже выпила немного виски, чтобы как-то заглушить накатившуюся боль. Как хорошо, что Леша пораньше приехал и привез Коленьку.

Весь вечер Леночка играла и читала книжку Коленьке, когда он вдруг взял из ее рук книгу и стал читать самостоятель-

но вслух, почти не запинаясь.

– Ты уже сам читаешь, сынок! – Лена притянула к себе сына.

– Да, бабушка Надя меня учит и еще писать тоже учит. У меня есть тетрадка, я тебе покажу. —

– Боже, сын уже становится самостоятельным, через год в школу. Мамочка, спасибо ей, она его потихоньку подготовила. А я даже и не знала... Вот и мой сын вырастет и не замечу как. – И опять вспомнилась Людмила и ее переполненные грустью глаза.

– Боже, как больно! Как я ее понимаю, ведь теперь и у меня сын. —

Эта осень прошла быстро и незаметно, наверное, потому, что они до 15 октября были на море, где вволю накупались и назагорались. Поэтому ноябрь прошел не так депрессивно, как обычно. А 29 ноября отпраздновали день рождения Леша, ему исполнилось тридцать два года. Его ровесник и дружок Витя, еще до сих пор не женат, то Галя у него была, теперь – Таня. Подрабатывает частным извозом, завод их закрыли в связи с конверсией, а теперь он делает электрику в доме какого-то богача, сигнализацию и видеонаблюдение устанавливает. Голова у Вити неплохая, но разменивается он на разные мелочи. А Леша все же что-то задумал... пока ничего не говорит, но все чаще до поздней ночи читает техническую литературу и что-то пишет постоянно. От руководящей должности отказался, сказал, что работы будет много,

а заработок ненамного больше. А лишь бы как он работать не привык. —

Леночка решила в дела мужа не вмешиваться, Леша знает, что делать. Денег им хватает на все: на наряды и косметолога с парикмахером. Леночка очень следит за собой и своим внешним видом, Алекс страшно горд и всегда подчеркивает, что она – визитная карточка БРИПа.

Скоро опять Новый год с его волшебной магией ожидания Чуда. Алекс в этот раз задумал что-то особенное.., а вот Леночка не знает, что ему подарить на Новый год. Но еще целый месяц впереди. На все вопросы о подарке он ей лукаво отвечает: – Себя. – Как она хочет уехать с ним куда-нибудь хоть на денек и дело даже не в сексе, они давно уже приспособились и в этом плане у них все Окей! Лишь только знак подай и все их тайные уголки готовы их принять. Как хорошо, что они здесь одни на всем шестом последнем этаже. В своей ставшей родной вотчине. А Леночка мечтает, чтобы просто погулять за руку с любимым человеком, сходить с ним в театр, кино, ресторан, не боясь кого-то повстречать. Но такую роскошь они могут себе позволить только в командировках.

Как пройдет этот новогодний праздник? А в январе ей тридцать! Нет, Алекс явно что-то затеял, он уже спрашивал о подарке... За все эти годы он подарил ей что-то из одежды, эротическое белье, которое было очень дорогим, а также сережки с бриллиантками. Ну, а в командировках он не жадничал, они ходили и в театры на самые лучшие ме-

ста, и в модные рестораны, а перед этим покупали в бутиках ей обновки для выходов в свет. Леночка болезненно относилась к потребительской стороне отношений, но Алекс всегда находил, что сказать, как ее успокоить и внушить, что она дает ему гораздо больше, чем он ей.

Незадолго до новогодних праздников Алекс вызвал Леночку к себе в кабинет. Когда она вошла, он приказал ей стоять с закрытыми глазами, а сам накинул на ее плечи что-то легкое, мягкое и пушистое. Затем он осторожно подвел ее к большому зеркалу. Леночка по команде Алекса открыла глаза и увидела у себя на плечах норковую шубку серебристо-стального оттенка. Шубка была восхитительной, из цельковых пластин, легкая, теплая. Леночка порывисто обняла и поцеловала Алекса:

– Какое чудо! И даже не на день рождения! На что сразу помрачневший Алекс с грустной иронией ответил:

– Я решил пораньше, а то после Крещения цыган шубу продает... А если серьезно, у меня к тебе разговор... трудный... —

Леночка вся напряглась:

– Что так? Может отставку мне даешь? —

Алекс еще мрачнее:

– Дело в том, что моя жена будет работать с нами. Этот вопрос уже решен. —

Лена вся сникла и как-то внутренне съежилась, забыв даже о шубе.

– Что, может мне действительно уволиться, она займет мою должность... может ей стало известно о нас? Может поэтому? —

Алексей качнул головой:– Не думаю, что ей стало что-то известно... Это скорее решение тестя, он считает, что БРИП неэффективно работает, короче хочет поставить меня под свой контроль при помощи дочери. Поэтому и подарил тебе шубу пока могу это сделать. На все сделки теперь придется брать с собой Веронику, Веронику Дмитриевну. Вот так. И еще одна неприятная новость, она придет к нам на празднование Нового года, чтобы я представил ее сотрудникам в неформальной обстановке. —

Сказать, что у Лены испортилось настроение, это вообще ничего не сказать. Она, как к полу приросла, и со слезами в глазах только и вымолвила:

– А как же мы? —

Алекс подошел к ней вплотную, взял руками ее за подбородок, заглянул ей в глаза:

– Ничего, прорвемся. Будем как-то приспособливаться. Ты знаешь, в этом есть какой-то драйв, представь она где-то неподалеку, а мы спрятались и занимаемся любовью... это так щекочет нервы... Кайф одним словом! Ну, пожалуйста не дуйся! – Он поцеловал Леночку. – Главное не бойся. Я не могу без тебя, слаще тебя и твоей девочки нет ничего на свете. Давай немножко выпьем и трахнемся как следует, так, чтобы дух захватило! – Он протянул ей стакан с вис-

ки и сам выпил залпом, одним махом. Затем задрал ей юбку и расстегнул молнию своих брюк. Лена покорилась ему, хоть слезы еще не высохли у нее в глазах, она пошла ему навстречу..., как всегда, впрочем, лишь бы ему, милому было хорошо... Но и ей было сладко! И еще как сладко, как бывает только с ним!

Глава 33 Его – его же оружием, или Мечь Леночки

Весь остаток дня Лена не могла думать ни о чем другом, как о неприятной новости, которую ей поведал Алекс. Завтра они встретятся, две его женщины: законная жена и многолетняя любовница. Алекс давно для себя принял решение, что не хочет терять ни ту, ни другую и все сделает для этого. Лена прекрасно понимает всю сложность их отношений, она и сама всеми силами старается сохранить семью.

Вот и наступило это утро. Лена не могла заставить себя подняться с постели, а выход на работу был сопоставим разве что с казнью. Сегодня она увидит ее... ту, о существовании которой она долго не желала ничего знать. Они встретятся и возможно будут о чем-то говорить. К этому Леночка готова не была. Она привыкла жить в треугольнике: она, Алекс и Леша. Привыкла настолько, что считала эти отношения почти естественными, не приносящим никому дискомфорта, боли от уколов ревности. Она научилась с этим жить по максимуму удобно и даже получать удовольствие от тако-

го тройственного союза. Но его жена... Леночка была в полной растерянности какого рода отношения ей придется выстраивать с ней, да еще и работать бок о бок.

– И все же надо вставать и идти на работу, – приказала она себе. В первый раз за все годы работы в БРИПе ей не хотелось туда идти.

– Надо себя как-то морально подготовить, настроить, чтобы упаси Боже, не выдать себя, а значит и Алекса! —

Лена машинально, на автопилоте собралась на работу. Обычный, устоявшийся за годы утренний ритуал: душ, кофе, макияж. Она надела на себя черное платье с юбкой-колоколом и бархатным принтом, любимое платье Алекса, которое он ей купил в московском бутике. Алекс негласно запретил Леночке надевать брюки на работу, исключение было только в ее критические дни и при сильных морозах. У Лены шикарные ножки, а в туфлях на шпильках и черных чулочках она производила на Алекса эффект атомной бомбы, он просто поедал ее глазами. Несмотря на мороз, Леночка именно так и оделась, и потом, у нее ведь машина и простудиться ей не грозит.

Она подъехала к институту, припарковала машину и какое-то время сидела в ней, обдумывая как ей сегодня вести себя:

– Нужно заранее выстроить стратегию, настроить себя, ведь не зря она изучала в институте психологию и даже собиралась в аспирантуру по этой специальности. Она должна се-

бя убедить в том, что к ним придет семейная пара и она увидит их впервые. Сегодня она не встретится со своим Алексом, нет это будет незнакомый для нее человек и даже без имени, просто – Он! Да, все правильно, пожалуй, это единственно верное решение. —

С этой установкой в голове Леночка вышла из машины и направилась в институт. Все сотрудники уже были на местах, все предупреждены, что сегодня их директор Алексей Всеволодович представит им свою жену и новую коллегу – Веронику Дмитриевну. И так как день был праздничный, все было заранее закуплено и приготовлено к столу. Алекс заказал доставку блюд из лучшего ресторана города. Работали только Матвей Львович и Нина. Алекс с женой обещал появиться ближе к обеду. В его огромном кабинете уже хозяйничали девушки-аспирантки. Стоял стол с приставленными к нему стульями, были разложены столовые приборы, все было готово к застолью. К 14 часам появился Алекс и через аспирантов передал, чтобы все собирались у него в кабинете. Помимо БРИПовцев были приглашены люди с кафедры, всего человек около двадцати. Все уселись за стол, в ожидании прихода руководителя БРИПа и его жены. Дверь открылась и Алекс пропустил вперед себя хрупкую брюнетку небольшого роста, одетую в брючный костюм золотисто-бежевого цвета и в туфлях на шпильках. Зайдя в комнату Алекс (а для Леночки просто – Он) произнес:

– Знакомьтесь, моя жена, а с 1 января нового 2001 года,

сотрудница БРИПа – Вероника Дмитриевна. Мужчины встали. Затем Алекс галантным жестом указал где Вероникино место за столом, помог ей сесть, подвинув за ней стул и даже ни разу не взглянув на Леночку, сидящую за столом, сел сам. Затем снова встал, чтобы сказать небольшой спич, так после поездки в Америку он стал называть тосты. Он поздравил всех присутствующих с наступающим Новым годом, пожелал всем в новом году всего самого лучшего, а еще успеха и процветания их общему детищу – БРИПу.

Далее по его команде были наполнены фужеры шампанским и все выпили по первому разу. Стол утопал в изысканных закусках, помогали девушки-студентки. Принесли горячее из ресторана: шашлыки, запеченного поросенка, гриль из семги и что-то еще с грибами. Лена сидела рядом с аспирантом Лешей Скворцовым, который принялся ухаживать за ней, накладывая на тарелки закуску, предлагая напитки, но у Леночки ничего не лезло в горло, просто спазм какой-то. Она машинально что-то отвечала Леше Скворцову, а сама чувствовала себя совершенно лишней за этим столом. – И напрасно Леша краснеет и улыбается ей, третьему Алексею, да еще и с птичьей фамилией в ее жизни места точно не хватит... Скворец хоть птица не хищная, но и у него крылья есть, а полетать рано или поздно и ему захочется... – Лена даже улыбнулась этой внезапной логике: – Крылевская – Крылов – Скворцов... нет, Леша Скворцов, хоть и симпатичный ты парень и умный судя по всему, не летать нам с тобой,

третьему крылу не бывать... —

А Он, приобняв свою жену, ухаживает за ней, знакомит ее с сотрудниками их коллектива, дошла очередь представить Веронике Леночку. Их глаза встретились... У Вероники был пронизывающий взгляд зеленых глаз, цепкий и внимательный. На лице была улыбка, а глаза холодные, непроницаемые. Она что-то спросила у Леночки, та что-то ей ответила и больше они не контактировали. Алекс подвел Веронику к завкафедрой и сотруднику БРИПа Матвею Львовичу. После знакомств застолье продолжилось, атмосфера стала непринужденной и все заметно повеселели. Включили музыку, Алеша Скворцов пригласил Леночку на пару танцев. После чего он распрощался со всеми и сказав, что ему нужно быть дома пораньше, ушел.

А Он, Он был поглощен только своей женой и ни разу даже не посмотрел в сторону Леночки. И танцевал Он только с женой, а Лена сидела одна и в голове ее стучало:

— Алекса здесь нет, Алекс любил меня, а этого человека я не знаю.

Он демонстративно флиртует с ней, со своей женой, прямо у нее на глазах, на расстоянии всего в несколько шагов они танцуют, тесно прижавшись друг к другу. А ее, Леночки как будто не существует, ее просто нет. Он целует ее в те места, куда она, Лена любила, чтобы он целовал ее, только ее одну. И почему она прикасается к нему, гладит его, целует

ет, смеется... А ее смех... никогда в жизни не слыхала более противного и глупого смеха...

Леночка вжалась в стул, на котором сидела, одинокий стул в углу комнаты и она такая же одинокая и всеми забытая. Ведь только вчера и в этой же комнате...

Конечно, умом она понимала и давно смирилась, что они никогда не будут вместе, но в этой комнате, в этих стенах Он – ее и только ее! Эти своды видели такое... Это были те урывки, мгновения их страсти. О, если бы стены могли говорить... И вот она здесь, на их территории, где они всегда только вдвоем. Это их мир! И по какому праву она здесь с ним, целует его и так глупо смеется... Нет, где угодно, только не здесь!

Леночка резко встает, берет сумочку и выходит из комнаты. Здесь есть ее излюбленный маленький уголок, где можно отдышаться, перевести дух, аппендиксный закуток коридора, маленькое пространство, ее необитаемый остров, где на подоконнике много цветов в старомодных горшках, которые растут тут годами почти без ухода. Но, главное, здесь всегда прохладные стекла оконных рам, всегда, даже в летнюю жару, можно прийти и прижаться к ним лбом. Леночка прижимается своим лбом к холодному стеклу и стоит так, закрыв глаза: – Уйти домой, все бросить и уйти? Под воздействием этого живительного холода боль постепенно уходит, к ней возвращается ясность мыслей и ее обычное самообладание, выработанное за эти годы. – Нет, она не уйдет, она

продолжит эту игру, она ведь сильная... Нельзя бежать с поля боя, она бросит свою перчатку! —

Леночка направляется к дамскому туалету, заходит в кабинку, снимает с себя трусики и убирает их в сумочку. Немного покрасневшая и такая красивая с блестящими глазами она возвращается в комнату, где никто не заметил ее отсутствия, никто, кроме Него. Она не смотрит даже в его сторону, но она чувствует тревогу исходящую от Него, даже страх. Мельком она замечает, что его жена болтает с кем-то из приглашенных и заливается все тем же смехом, только Леночка уже не слышит его. А Он стоит и пристально смотрит на на нее, жадно ловит ее взгляд. Леночка поднимает свои глаза, но это уже не глаза жертвы, а глаза соблазнительницы-искусительницы, которая начинает свою игру.

Она садится на все тот же одинокий стул, как королева на трон. Она сидит напротив него так, что только Он один видит ее всю целиком. Леночка приподнимает подол своего платья, открывая перед Ним восхитительную картину, всю себя во всей красе... Она широко и грациозно расставляет свои стройные ножки в черных чулках и туфлях на шпильках, дотрагивается до себя, слегка касаясь своими пальчиками, дразнит Его.

На лице Леночки улыбка, улыбка настолько дьявольски соблазнительная, что Он, глядя на нее, скрежещет зубами не в силах оторвать свой взор. Он просто с ума сходит от желания сию же минуту рвануться к ней и впиться в нее губа-

ми, руками, всем своим естеством...

Веселые, чуть хмельные голоса, хохот, обрывки фраз, долетающие до них, все сейчас не имеет значения. В этом мире, в этой комнате только Он и Она, и еще огромное, как нарастающее цунами, желание приблизиться друг к другу.

Но Леночка не торопится, она дразнит, завлекает, сводит с ума... Он не может ни о чем думать, ни на что смотреть, ни на что... кроме этого розового цветка, который манит к себе до боли, которая все сильнее и сильнее охватывает всего Его. Он почти жалок, раздавлен... Но попытка продолжается... Пощады не будет, это видно по лицу Леночки, такому знакомому и такому чужому сейчас.

Подруга Нина куда-то увлекает его жену, она уводит ее из комнаты, но для них это ничего не значит, насколько они поглощены друг другом.

Леночка вдруг резко встает и идет к накрытому столу, гости уже покинули его и есть много свободных мест. Леночка садится в уголок (куда же еще... уголок – излюбленное ее место). Он следует за ней, наливает ей вина, кладет на тарелку закуску. Садится рядом, совсем близко, словно для дружеской застольной беседы, наливает себе в бокал вина, берет его левой рукой, поворачивается к Леночке в пол оборота, опираясь рукой с бокалом на спинку стула, а правую свободную руку, закрытую скатертью, кладет Леночке между ног. Леночка понимает, что деваться ей некуда, поэтому

не сопротивляется, а Он своими жадными пальцами уже всю там, гладит, теребит, пощипывает все самые сладкие места, ведет себя властно, как полноправный хозяин, который вернулся в свои владения. Леночка сдается, слишком хорошо и сладко, она раскрывается полностью перед ним и тонет в неге. Никто не обращает на них внимания, все заняты своими разговорами и уже хмельные.

В комнату заходят Нина и его жена, в руках у них подносы с закусками и салатами. Все присутствующие оживленно садятся за стол. Нина, подруга и просто Ангел-хранитель, она все знает и все поняла. Нина усаживает его жену рядом с собой и занимает ее беседой. Они сидят напротив друг друга через стол. Веселые тосты, оживленные реплики. Он что-то рассказывает, перекидывается шутками, но ни на минуту не покидает свое сладкое местечко под столом.

Леночка, уже испытавшая оргазм, чувствует, что приближается следующий, волна его нарастает, она делает глоток вина из фужера, слегка откидывается назад, прикрыв глаза, как от легкого опьянения. Ее слегка потрясывает, она боится застонать, как ей хорошо. А Он, не прерывая беседы, уже тремя пальцами в ее теле, в ее нежном сочном тепле. Это их тайна, их сладкий, запретный и манящий плод, устоять перед которым они не в силах. Лена чуть слышно только Ему одному, прерывисто выдохнула и с таким наслаждением пригубила вино, как будто в бокале был волшебный нектар, тем самым погасив в себе желание застонать от чувств нахлы-

нувших на нее. Он почувствовал, как сильно она сжала ноги под воздействием сладких судорог. Наконец, Он достал свою руку и положил на стол. Правую руку, на котором блестело его обручальное кольцо, блестело от влаги их любви. Леночка благодарно улыбнулась и под столом своей рукой дотронулась до его паха. Только тогда ощутила его желание, оно было огромным, его просто распирало.

Леночка посмотрела на Него внимательно вглядываясь, с виду ничего особенного, только желваки напряглись на скулах и взгляд лишь затуманился. Он слегка нагнулся и тихо сказал ей: – Я больше не могу, нам надо выйти... —

И тут опять вмешалась Нина, ее Ангел-Нина. Она «вспомнила», что в приемной, в холодильнике они забыли еще кое что для стола и увела с собой его жену. Как только за ними закрылась дверь, Лена объявила, что в подсобке есть ее фотоаппарат и они сейчас будут фотографироваться. Под одобрительные возгласы, они направились к закутку подсобки. Это было небольшое, отгороженное пространство, где на стеллажах пылились какие-то папки с бумагами и всякий ненужный хлам. Как только они зашли в этот закуток, Он так крепко сжал ее в объятиях, что Леночка едва не лишилась чувств, а Он сжал еще крепче и стал осыпать ее шею, лицо, волосы жаркими поцелуями. Он торопился, у них всего несколько минут, их тайного счастья. Он резко вошел в нее со спины, вошел на всю ее глубину, но она была к этому готова и это было сейчас самое лучшее и упоительное,

что могло быть. Резкими толчками, с нарастающим темпом, Он буквально оседлал ее, как молодую кобылку и поскакал вскачь, резво и напористо. Его жаркое дыхание обдавало ее шею, Он впивался в нее поцелуями и все больше ускорял темп. Такой ярости у них еще не было. Была бы их воля они разнесли бы все вокруг себя. Он хрипел, тихо выл, не в силах сдерживаться. Леночка отдалась ему вся без остатка. И вдруг она увидела их отражение в висящем напротив зеркале. Она смотрела на это как бы со стороны и видела искаженное страстью его лицо. Он вздрогнул, застонал, судорожно выдохнул и затих в ней, уткнувшись своим лицом в ее спину.

Он вышел первым из укрытия, оставив Леночку, чтобы она привела себя в порядок. Лена стояла, опершись спиной на стеллажи, наклонив голову и тяжело дыша... Вдруг кто-то протянул ей ее сумочку, которая была ей сейчас просто необходима, это была ее Ангел-Ниночка, спасибо ей!

Когда Леночка вышла из закутка, никто бы и не заметил последствий той бури, которую она только что пережила. В комнате продолжалось веселье. А Он.., Он сидел рядом со своей женой, нежно обнимая ее за плечи и что-то тихо говоря ей на ушко. А та счастливо заливалась своим смехом. Но, главное не это, главное, – Леночке стало так хорошо и спокойно, что она даже улыбнулась им обоим своей милой улыбкой с ямочками на разрумившихся щечках.

Расставаясь на морозе, они слегка пьяные обнялись, а его

жена даже поцеловала Леночку и каждый пошел к себе по домам, в свои стены.

Уже поздно ночью, лежа в постели с мужем, Леночка ощутила на себе его руки, такие знакомые... и позволила ему сделать это. Прежде чем окончательно погрузиться в безмятежный сон, Леночка подумала, что надо попросить его перевесить зеркало..., а может и не надо... оно же никому не расскажет о том, что в нем отражалось... и Лена заснула с мыслью: – Быстрее бы настало завтра, чтобы снова увидеть его. —

Глава 34 Когда в душе паровой котел

Вот и новогодние праздники позади. Это в нынешнее время мы имеем длинные новогодние каникулы, а тогда, да же еще в 2001 году, нерабочими были только 1 и 2 января. А дальше наступали трудовые будни, вся страна выходила на работу и не важно было, есть работа или нет, многие просто отсиживали положенное рабочее время. Да, это была скрытая безработица, но люди привыкли и думали, что они работают. Хоть и за маленькие деньги, но большинство населения было занято. А их дети были в школе, а после уроков предоставлены сами себе, в то время как их матери отсиживали положенное время в своих офисах. Исключение было только в сфере услуг и на производствах, но там хоть производилась продукция и услуги. Впрочем, все это было

при советской власти, а начиная с конца 80-х годов все кардинально начало меняться: предприятия, в том числе прибыльные, намеренно подводились под банкротство, людей выбрасывали на улицу и никого это не волновало. Так было и в начале 2000-х, потом ситуация в сфере занятости стала меняться, но в основном в больших городах-миллионниках. А в маленьком Вологжанске с населением не более 300 тыс. жителей хорошую работу найти было очень непросто. Поэтому уволиться и остаться без работы Леночка не могла, хотя на дивиденды Алексея вполне можно прожить, сохранив привычный для Леночки образ жизни, но ей очень не хотелось становиться домохозяйкой.

Сразу после праздников Лене удалось взять больничный по уходу за Коленькой. Она никогда не злоупотребляла этим раньше, но ей ужасно не хотелось выходить на работу, нужно как можно дольше потянуть время. Пусть Алекс сам разбирается с Вероникой и решает чем ей заниматься. Леночка всей душой не хотела брать на себя роль наставницы Вероники и посвящать ее в дела БРИПа. Она позвонила на работу Алексу и сообщила, что находится на больничном по уходу за ребенком и еще попросила у него дать ей отпуск за свой счет. Алекс немного замешкался, но согласился. Положив трубку, Лена с облегчением вздохнула, к моменту ее выхода на работу пройдет почти месяц. И хорошо, что ее день рождения тоже попадает на отпуск, ей не хотелось праздновать

его в коллективе, в котором теперь властвует Вероника, хорошо чтоб о нем все забыли к ее возвращению из отпуска. И Алекс тоже, хотя он ее уже поздравил – шубой... Что делать зимой в отпуске Леночка и не представляла...

А Алексу пришлось начать делать некоторые изменения и перестановки в БРИПе, это касалось, в основном, месторасположения его сотрудников. Главным образом, нужно было создать условия для Нины и Матвея Львовича, их он «поселил» в отдельной просторной комнате, чтобы никто не мешал им работать, так как главным мозговым центром БРИПа были эти двое. Но надо было куда-то посадить Веронику, а главное, определить, чем ей заниматься в БРИПе, всю секретарскую работу выполняла Леночка и выполняла ее прекрасно, она была настоящей помощницей и правой рукой руководителя – Алекса. И главное, Алекс не хотел ни за что терять ее ни как ценную сотрудницу, ни как пылкую и проверенную любовницу. А как соединить несоединимое он пока не знал, но твердо знал одно, – Леночку от себя он не отпустит.

Его личный кабинет был со смежной комнатой, которая раньше была приемной для посетителей. Алекс задумался:

– Если посадить туда Веронику, то ее контроль будет тотальным. – поэтому Алекс замыслил сделать перепланировку с целью изолировать комнату от своего кабинета, он нанял рабочих, которые уже трудились вовсю. В дальнейшем он планировал определить туда Леночку, чтобы она всегда

была поблизости, всегда под рукой, но как тогда быть с Вероникой, он понятия не имел. У них четыре служебных помещения по договору об аренде: кабинет Алекса, комната для аспирантов, где они все вместе штудируют научные разработки и обмениваются идеями, третью комнату занимают его главные эксперты – Матвей Львович и Нина, остается комната одна на двоих, где Леночке придется соседствовать с Вероникой, та самая комната, которую он изолирует от своего кабинета, хорошо, что выход будет в общий коридор, в стороне от входа в кабинет Алекса. Может несколько позднее они как-то еще расширятся, но институту принадлежит лишь комната №301, та самая, где произошло их первое любовное свидание с Леночкой, тогда 31 января 1996 года. Сакральное для них место, но ключи пришлось сдать в АХО, институт планирует сделать там что-то типа архива документации.

– Короче пока такой расклад... Две его женщины: жена и любовница должны работать вместе, да и еще сидеть в одном кабинете. Но я не могу без Леночки. Хочу ее, постоянно хочу! Это, как алкогольная зависимость. Хочу «пить» ее постоянно! Есть в ней то, чего нет ни у кого! А на своем веку я женщин видел-перевидел! Она завладела моим мужским Эго и незаметно привязала к себе. Поначалу была робкая, неопытная, теперь она с каждым разом становится все жарче и жарче и сводит меня с ума! Мои уроки не прошли даром. И все делает для меня! И я все делаю для нее... и это ввер-

гает меня в экстаз! Нет, я не должен ее терять! —

От этих мыслей Алекс почувствовав острый прилив желания. Он даже поднялся с кресла и ослабил узел дорогого шелкового галстука. — Черт, как встал! Вероника поблизости и всегда готова, но я не хочу ее! А сегодня придется тащить ее с собой на переговоры... как клещ на моем теле! Того и смотри, чтобы не напилась... — со вздохом резюмировал он.

Леночка восприняла приход Вероники в БРИП, как удар судьбы, Алекс долго успокаивал ее, говорил, что ничего не изменится, что он что-нибудь придумает, что надо лишь немного потерпеть. Он был особенно нежен и ласков с ней, но предупредил Леночку, что Вероника хитра и любит разыгрывать из себя этакую простушку-хохотушку. Он-то знает ее, она умна и коварна, у этой женщины железная воля и хватка. Они вместе уже десять лет. Ему было двадцать пять, а ей тридцать два, когда они познакомились на Черноморском пляже. Он был аспирант физтеха, а она разведена и вся в поисках новых любовных приключений. Дочь бывшего партийного бонзы, закончила ИНЯЗ, музыкальную школу, играет в теннис. В общем, Вероника обладала всеми необходимыми качествами номенклатурной жены, но на дворе был 1990 год, папа ее быстро почувствовал ветер перемен и занялся бизнесом. Скупал задарма все, что плохо лежало, благо все было в его руках. Начинал с земель, дышащих на ладан колхозов, городских зданий, которые по-

том перепродавал за хорошие деньги и к 90-му году папа Вероники – Дмитрий Степанович Широков уже стал магнатом-миллионером и влиятельным лицом в их краях. Облепленный кучей любовниц, он откупился от жены и вел удобный для себя образ жизни. Исключением была лишь дочка Вероника, плод его студенческой любви.

Тесть Алекса – Дмитрий Степанович в свои шестьдесят четыре года, еще крепок и могуществен, школа партийных интриг и подсидок была его главным жизненным университетом. В молодости, уже после армии он был направлен в институт по разрядке областного комитета комсомола, как комсорг бригады механизаторов деревенской МТС. Такие люди, как он, умеют быстро пристраиваться и раскидывать вокруг себя сети, подобно паукам. Широков сразу почувал в будущем зяте нужного ему человека, поэтому и дал добро на этот брак.

Поначалу Алекс был у него чем-то вроде адъютанта при генерале, но видимо, не желая, чтобы зять был в курсе его дел, Дмитрий Степанович постепенно отдалил его от себя.

Аспирантуру и написание диссертации Алекс Трояновский благополучно забросил, потом ему пришла идея с БРИ-Пом. Идея, надо сказать, хорошая, тем более, что обстановка в 90-е позволяла бесконтрольно сплавлять за рубеж ценные советские разработки под эгидой конверсии. Никто этим особенно не интересовался, за исключением старых советских ученых, подобных Матвею Львовичу. Наверху все по-

грязли в склоках и сведении счетов. В академических кругах начались всевозможные сокращения, реорганизации, которые быстрыми шагами вели к краху советской науки. Самое время для темных делишек. И вот, под вполне благородной вывеской Алексу удавалось сплавлять за рубеж остатки советских научных достижений, имеющих стратегическое значение. У каждого был в этом деле интерес: деньги в тощие карманы руководства института и определенным лицам в министерствах. А Алекс мечтал взять реванш – защитить кандидатскую, а лучше сразу докторскую, возглавить кафедру, а главное – деньги и возможность свободного передвижения по миру. Ну, а Вероника была плоть от плоти своего отца. Она была настоящей хищницей и крепко держала в своих коготках молодого мужа. После месяца курортного романа с их безумным сексом, она решила, что лучшего чем Алекс, ей мужа не найти. Вероника знала толк в мужиках и не смотря на очень приличное и даже элитное образование, полученное при полном содействии папы, по своей сути была грубой нимфоманкой. Даже выдавший виды к своим двадцати пяти годам Алекс, был поражен ее секс-пристрастиями и дикой ненасытностью в плотской любви, но и он тоже был из одного с ней теста, а в глубине души даже был горд, что ему удалось укротить такую тигрицу, как Вероника. Репетиторы, столичный ИНЯЗ дали ей знания английского и испанского языков, которые она осилила, несмотря на патологическую лень. Была б ее воля, она дни и ночи про-

водила бы в СПА-салонах, ходила по столичным тусовкам и меняла любовников. Но ее папа был не столичного разлива. Крепко спаянный с вологжанскими властными и коммерческими структурами, свою вотчину покидать не собирался. Он хорошо знал свою любимую дочку и после окончания Вероникой ИНЯЗа, приказал ей вернуться под свое крыло.

Первый брак Вероники был своего рода попыткой сбежать из-под опеки отца. Она вышла замуж за приезжего в их края красавца-грузина, который в свою очередь лелеял мечту о выгодных для себя контактах при помощи могущественного тестя. Но время шло, а Дмитрий Степанович не торопился покровительствовать зятю и прождав впустую несколько лет, тот отбыл на свою историческую родину, где быстро женился и завел детей. Вероника к тому же страдала бесплодием, сказались ошибки бурной юности. После развода она пустилась во все тяжкие, поговаривали, что даже лечилась от алкоголизма за границей, но насколько это было правдой никто не знал. Надо признать, что для своих 42 лет выглядела Вероника великолепно. Зеленоглазая брюнетка, со спортивной фигурой, она смотрелась ровесницей Алексу, на те же 35 лет. Одевалась Вероника в лучших бутиках, Дмитрий Степанович хоть и дарил дочке дорогие подарки, но при зяте каждый раз подчеркивал, что пора бы ему самому обеспечивать запросы жены, он не резиновый. Злые языки приписывали Дмитрию Степановичу тайную жену и ребенка, но этот факт его биографии так и не был установлен.

Вероника с первых же дней решила «подружиться» с Леночкой, она всячески старалась установить с ней неформальные отношения. К этому Леночка готова не была и ее застигло врасплох такое панибратство. Вероника любила в присутствии Леночки звонить по телефону в кабинет мужа и в игриво-шутливой форме интересоваться, что заказать на обед в офис: пиццу, хот дог или стар дог... Это была ее любимая игра, которая просто бесила Леночку. Надо было видеть, как умело Вероника сматывала в клубок нервы Лены. Как томно и жеманно выясняла у мужа какой он желает хот дог, она любит самый большой, самый горячий и много-много майонеза.

– А может все же пиццу, дорогой? – как всегда под конец спрашивала Вероника. Но самое убийственное было то, что Вероника каждый раз спрашивала у Леночки, что ей заказать: пиццу, хот дог или все же стар дог? Леночка благодарила и всякий раз напоминала, что она не ест фаст фут. И Вероника, томно поднимаясь из-за стола и поправляя на себе кофточку, подходила к зеркалу, подкрашивала губы, затем несколько раз себя внимательно осмотрев, поправляла чуть касаясь волос прическу и плавно двигаясь всем своим телом, проходила мимо Леночки и каждый раз, уже в дверях, с загадочным выражением лица говорила, понизив голос:– Меня минут сорок не будет. – и закрывала за собой дверь.

Лена знала, что она пошла к Алексу, ее Алексу. В душе кипел паровой котел, который был готов вот-вот взорваться.

Она тихо ненавидела Веронику. Даже свою любимую актрису Веронику Кастро разлюбила за это ненавистное имя. Утешало только одно, что она и Алекс уже пятый год успешно и регулярно наставляют ей рога. Хотя вот уже вторую неделю между ними ничего не было... Да и Алекса она видела всего лишь мельком, он проносился мимо с какими-то приезжими в командировку людьми. Лишь раз он немного задержался около Леночки, незаметно нежно пожал ей руку и вздохнул. Лена тихо грустила:

– А чего я собственно хочу..., ведь я с самого начала знала, что он женат и я тоже не свободна. —

Глава 35 Секс не стометровка

Это произошло впервые в их отношениях. Он позвонил ей домой вечером, когда Леша укладывал Коленьку. Сын привык, что папа готовит его ко сну и без этого не мог заснуть. – Совсем, как мой папа когда-то со мною, – с грустью вспомнила Леночка. И вдруг раздался звонок в их квартире. Первое, о чем подумала Леночка: – Может что-то с мамой или Лукинишной? – она подбежала к телефону и схватила трубку. Услышав ее голос, Алекс промолвил:

– Добрый вечер, любовь моя! Если бы ты знала, как я скучаю, как ты нужна мне. Может встретимся в моей машине? У меня есть пол часика... —

И Лена согласилась. Она сказала Леше, что ей нужно кое-

что купить в аптеке, оделась и быстро выскользнула из дома.

И вот в указанном месте стоит его машина. Он открыл дверцу и втянул ее внутрь салона. Свет был погашен, в автомобиле темно и тепло. Они впились друг в друга и понеслось... Давно так не было горячо и жарко обоим!

Утолив голодную страсть, Лена попросила, чтобы Алекс подвез ее к ближайшей аптеке. И когда они подъехали, она нежно поцеловала его и тихо сказала:

— Уезжай, не надо меня подвозить, я дойду, здесь рядом. —

Прощаясь, они так впились друг в друга губами, что Леночка аж застонала. Затем вышла из машины и быстрыми шагами направилась к аптеке.

На следующее утро Лене было уже полегче сносить «дружеское» отношение Вероники. Она начала потихоньку привыкать и к этой, как ей поначалу казалось, невыносимой пытке. Она научилась не слышать Вероникиных двусмысленностей, а иногда успешно имитировать срочную занятость. Клала перед собой какую-нибудь стопку бумаг и сидела, уткнувшись в них и Вероника умолкала.

У них с Алексом было еще несколько встреч в его машине, но Лене было все труднее придумывать причины ее ухода из дома по вечерам. Сразу после работы не получалось, так как в машине была Вероника. От Нины Леночка узнала, что ее маму Анастасию Петровну положили на обследование

в больницу и Лена, сгорая от стыда, попросила у Нины ключи от ее квартиры, чтобы встретиться с Алексом. Нина молча положила ключи на стол. Лена заверила ее, что не позднее девяти вечера квартира будет свободна.

Что Алекс сказал своей жене, Лену не интересовало. А Леше она сказала, что заедет к подруге, которой давно обещала приехать. Он, как всегда без лишних слов, согласился.

– Как мне с ним комфортно все же... – отметила про себя Леночка. – Какой он легкий в общении и как доверяет мне. —

С Алексом она договорилась, что будет ждать его у Нины, а он придет чуть позже, минут через десять, в след за ней. У них будет больше двух часов времени, когда они наконец-то будут одни.

Леночке было стыдно перед Ниной, но она все давно о них с Алексом знала. А теперь и Алекс будет знать, что Нина знает о их с Леночкой отношениях. Но чувства взяли верх.

Сразу после работы Леночка поехала к Нине. Она жила на последнем пятом этаже в доме без лифта в спальном районе города. Квартира была двухкомнатная, но смежная. Учитывая то, что Нина жила в проходной большой комнате, а ее мама в изолированной меньшей площади, то каждый раз она проходила мимо дочери. Нина привыкла, но это доставляло ей вынужденное неудобство.

Поднявшись на 5 этаж, Леночка достала ключи от квартиры Нины, но ключ упорно не открывал замок. Лена, бо-

ьясь его сломать, спустилась вниз и стояла у подъезда, ожидая Алекса. Он подъехал на такси. Они вместе поднялись к квартире и он все же открыл злополучный замок. Они вошли, чувствуя себя неуютно в чужом доме. А времени оставалось чуть больше двух часов. Алекс незаметно посмотрел на часы, но от Леночки это не ускользнуло. Он принес с собой бутылку своего любимого виски, налил себе и Леночке, они выпили и чем-то закусили.

Стало полегче и пропала их зажатость. Они освободились от сковавших их ощущений чужого дома и ограниченности времени, – ведь это не стометровку бежать... Алкоголь развязал их и они поплыли по реке чувственности, жадно хватая эмоции. Лена привезла с собой простынь и покрывало из дома и они стали раздеваться. Когда первый голод был утолен, Леночка, глядя Алекса по волосам заметила седину у него на висках.

– Ты седеешь, дорогой. – с грустью сказала она. А он при-тянул ее к себе:

– Потому, что я без тебя, вот и старею раньше времени. – Он налил себе еще виски, Лена отказалась.

– Вероника только прикидывается дурочкой, она очень хитра, все сканирует, во все старается пролезть, особенно, что касается финансов. Знаешь, она расценила вашу покупку квартиры и машины, как увод денег из-под моего контроля. —

– Ты хочешь сказать, что она подозревает меня в финан-

совых махинациях? Но как? Я же не твой главбух, какое я имею отношение к деньгам? —

— У нее папина школа. Тот всех подозревает и дочь учит как нападать на след. Она его ученица. Вероника почти уверена, что вы все в сговоре: ты, Нина и даже Матвей Львович, якобы вы уводите часть контрактов на сторону и делитесь. Ее отец уже наводил справки есть ли подобные БРИПу коммерческие структуры, но пока не нашел. И все же это была моя идея. —

Алекс еще налил себе виски:

— Я хочу выпить, Лена. Поедем на такси, я тебя недалеко от твоего дома высажу. —

Алекс заметно опьянел и у него развязался язык:

— Когда мы сошлись с Вероникой, я был, подающим надежды нищим аспирантом. Потом эта свистопляска под названием «Перестройка» похоронила все мои планы в науке, все обесценилось. Возвращаться в свой Мценск я не хотел, а когда встретил Веронику у нас все быстро завертелось. Она впилась в меня исключительно из-за моего х...я, она знает в этом толк. Я ведь с 12 лет в этом деле и был развращен взрослой бабой из нашего барака в Мценске. Мне казалось, что в этом деле я асс, постиг все, но то, что вытворяла со мной Вероника... даже меня крайне озадачило. Но я справился с ней, обуздал эту дикую кобылицу. Но сил она у меня отняла немало, на науку совсем не осталось, а потом все похеру стало... И вот я встретил тебя, свою жемчу-

жину, свой неограниченный бриллиант. Ты- чистая, нежная, жертвенная. Моя отдушина, мой воздух. Ты для меня все и всегда. По большому счету, я – говнюк и не достоин тебя. Ты только не бросай меня. —

Он потянулся к Леночке и обнял ее.

– А они, Вероника с ее папашей, они хотят, чтобы я всю жизнь зависел от них и как пришел с голым х...м, так с ним и оставался. Ленка, ты только не бросай меня! – Он прижался к ее животу лицом и стал горячо целовать ее.

Такого Алекса Леночка видела впервые. Он чуть не плакал и ей показалось, что у него в глазах стояли слезы.

Поцелуи перешли в бурный быстрый секс. Часы на стене напротив показывали, что времени у них совсем немного. Леночке было трудно расслабиться, ведь нужно было еще прибраться в квартире Нины, «замести следы преступления», проветрить комнату от запаха горячих тел и чужих духов... Лена свернула свое покрывало с простыней и убрала в стенной шкаф комнаты. Они вызвали такси по телефону, оно довольно быстро подъехало к подъезду. Все... свидание было окончено. Они вышли вдвоем из чужой квартиры, оставив ключи под ковриком перед дверью, как условились с Ниной.

Она пришла домой, как и обещала в начале десятого вечера. Коленька уже спал. Леша разогрел и подал Леночке ужин.

– Устала? – с нежностью в голосе спросил он.

– Да, устала. – отозвалась она, вкладывая в эту короткую фразу гораздо больше смысла, чем мог себе представить Алексей. – Просто смертельно устала. – добавила Леночка.

Леша убрал тарелку, помыл ее под великолепным краном их шикарной итальянской кухонной мойки. Они купили посудомоечную машину, но редко пользуются ею, разве что сама Леночка, стараясь сберечь свой роскошный маникюр.

Леша подошел к ней, обнял:

– Давай сегодня пораньше ляжем?

– Да, – послушно согласилась Леночка. – Только я душ приму и ... – она не договорила, ей захотелось убежать в их шикарную зеркальную ванную, чтобы расплакаться там под струями душа.

А Леша продолжил:

– Я уже принял, но если ты не против, можем вместе... – он не закончил, а Лена подавив в себе слезы, подумала:

– Все... даже выплакаться не удастся. – и она тихо ответила мужу – Ну, конечно, не против, приходи. —

Они стояли под душем вдвоем, он натирал ее гелем, от которого у нее теперь полка в ванной ломилась, как и от другой дорогой косметики. Леша был счастлив, а у Леночки на душе была черная непролазная мгла. Ей так стало жаль Алекса, его неудавшуюся жизнь... Она впервые видела его таким раздавленным.

Леша вошел в нее сзади, под струями воды. А она стояла

как каменная, с единственной мыслью:

– Как хорошо, что он сейчас не видит моего лица... – Она вспомнила ту недавнюю сцену перед зеркалом, только тогда с ней был Алекс... Лене захотелось разрыдаться и она так застонала от душевной боли, что Леша даже немного испугался.

Глава 36 Ты ошибся со мной, Павел

На следующий день, когда Леша уже уехал отвозить Коленьку к бабушкам, Лена решила выйти на пол часика пораньше из дома, чтобы немного прогуляться перед работой. Погода была хорошая, захотелось солнца и свежего воздуха приближающейся весны, ведь ей придется весь день сидеть в одной комнате с Вероникой. Леночке просто необходима подпитка положительными эмоциями, особенно после встречи на квартире Нины:

– Интересно, был ли он с ней вчера, как мы с Лешей... О, лучше не думать об этом! -

Вчера Леночка впервые увидела плачущего Алекса; – Но может это от спиртного? Он изрядно выпил виски. – С такими мыслями Леночка вышла из подъезда во двор дома. На ней была ее сапфировая, как оказалось при солнечном свете, норковая шубка. Она несомненно шикарна в этом подарке Алекса. Нежный утренний макияж, безукоризненная укладка, облако модных французских духов витало над

Леночкой, оставляя за собой длинный шлейф аромата. Кажется, она не шла – плыла, едва касаясь земли в модных сапожках на тонких шпильках. Воплощение женственности и стиля...

Вдруг ее кто-то окликнул по имени отчеству. Она обернулась и увидела идущего к ней молодого человека, высокого, худого, в дутой стеганой куртке с капюшоном. Он подошел к ней, снял капюшон и она сразу узнала Павла Синегорова. Несмотря на то, что они давно не виделись, он почти не изменился, только похудел и вытянулся еще больше, а глаза все те же и так же жадно всматриваются в нее, в ее глаза. Лена поздоровалась, а он взял ее руку и слегка сжал, затем отпустил.

– Елена Николаевна, Вы узнаете меня, я Павел Синегоров. —

– Да, – слегка волнуясь ответила Лена. – узнаю, не так давно, осенью я встретила твою маму, мы с ней немного поговорили о тебе, Павел. —

– Да, я случайно узнал, что Вы теперь живете в нашем доме. Я так рад видеть Вас. Я все эти годы постоянно думал о Вас, лучше никого не встречал. – Его глаза горели, когда он это говорил.

Лена грустно и даже скорбно взглянула Павлу в глаза, они были совсем близко друг к другу, бывшая учительница и ее бывший ученик, уже не мальчишка, а взрослый человек, прошедший через серьезные жизненные испытания и про-

несший сквозь эти годы любовь к ней.

– Я давно ушла из школы, Павел. Ты ошибся со мной и лучше тебе никогда не повстречать такую, как я! Поверь мне! – с этими словами Лена резко повернулась и быстрыми шагами пошла прочь от Павла. А он стоял и долго глядел ей в след.

На работе шел день за днем. Леночка по-прежнему выполняла свои служебные обязанности в полном объеме. Чем занималась Вероника сказать было трудно, но теперь на все сделки и подписания договоров Алекс брал только Веронику.

Леночка еще пару раз встречалась с Алексом на квартире Нины. Потом ее маму Анастасию Петровну выписали из больницы, у нее нашли запущенную онкологию, врачи дали срок не больше трех месяцев. Нина держалась из последних сил.

Как-то в разговоре с Матвеем Львовичем, Леночка обмолвилась, что ее муж Алексей Крылов – его бывший ученик. Матвей Львович вспомнив Лешу, оживился:

– Алексей Крылов! Конечно помню! Талантливейший студент был, как жаль, что он не послушался меня и не стал учиться дальше. У него дипломная работа на уровне кандидатской была. И чем занимается Ваш муж Леночка? – спросил Матвей Львович, он единственный, кто ее так называл.

– Он работает в коммунальной службе, главным инжене-

ром, а вообще, он еще и изобретательством занимается. Он патент на изобретение получил и не один. —

Матвей Львович расплылся в улыбке:

– Как приятно это от Вас слышать. Передайте Алексею, что я за него рад и все еще надеюсь на него. У Вашего мужа, Леночка, чутье на новое в науке, ему дан дар первопроходца. Он так многое мог бы сделать... Светлая голова и человек прекрасный. —

Лена обернулась и увидела стоящую рядом Веронику, которая слышала их разговор. Она что-то спросила у Матвея Львовича, а затем вышла.

Дома после ужина, когда Коленька заснул, Лена передала Леше все те слова, которые сказал о нем Матвей Львович. Леша оживился, в глазах появился блеск радости:

– Конечно, приятно такое слышать от заслуженного ученого, от моего учителя. Я все думаю может и вправду поступить в аспирантуру на вечернее отделение? Коленька уже подрос, денег нам с тобой хватает. Как ты считаешь, если я приду к вам поговорить с Матвеем Львовичем? —

Лене не хотелось, чтобы Леша и Алекс встретились, немного поколебавшись, она ответила с едва заметным волнением:

– Конечно, приходи. —

На следующий день, ближе к вечеру, Лена выписала пропуск для Алексея и сама ждала его в вестибюле институ-

та. Они поднялись на лифте на их 6 этаж, вошли в комнату, где работали Нина и Матвей Львович. Старый профессор был рад видеть своего ученика, вышел из-за стола, чтобы поприветствовать его, они пожали друг другу руки. Нина пошла сварить кофе, аромат которого долетел до соседей, пришли ребята-аспиранты, но завидев Алексея, постеснялись и ушли. После них открылась дверь и вошла Вероника с Алексом. Лена представила:

– Мой муж, Алексей Крылов, – на что Алекс ответил, подавая Алексею руку:

– Руководитель БРИПа Алексей Трояновский. А это моя жена и сотрудник Вероника Дмитриевна, – представил он Веронику.

Нина попросила девушку-аспирантку еще сварить на всех кофе.

– Надо нам купить кофе-машину, коллектив разрастается, – заметил Алекс. Они с Вероникой выпили по чашечке кофе и затем попрощавшись удалились. Алексей еще о чем-то поговорил с Матвеем Львовичем, они обменялись телефонами, договорившись, что Алексей позвонит профессору Карлинскому.

Уже в машине по дороге домой Леночка спросила мужа:

– Так, зачем ты приезжал к Матвею Львовичу?

– Обсудить одно дело, это касается техники, тебе вряд ли это будет интересно. – ответил Алексей.

Пожав плечами, Лена умолкла, а в голове крутились мыс-

ли:

– Вот они и встретились, увиделись воочию, мои мужчины. —

Она на минуту почувствовала себя владелицей мужского гарема, что само по себе было, конечно, не так. Ей тридцать лет и у нее было всего двое мужчин, один из которых законный супруг, что по нынешним временам является чуть ли не святостью, но это шутка, а если серьезно, то говорит о ее верности и постоянстве, хотя многие, наверняка, поспорят с этим.

Они вдвоем с Лешей заехали за Коленькой, он уже поджидал их и с самого порога заявил родителям, что умеет считать до ста.

– Умница ты мой, – поцеловала его Леночка, когда Коленька надевал курточку и шапочку. Подошла Надежда Борисовна с Лукинишной.

– Спасибо тебе, мамочка. Коленька уже готов к первому классу. И Вам, Антонина Лукинишна, тоже большое спасибо, Вы нас так выручаете. – На что довольная Лукинишна смущенно улыбнулась:

– Я что, да с таким ребенком одна только радость. Не мальчик, а Ангел. —

– И все же я счастливая, – думала о себе Леночка перед тем как заснуть. – всю юность боялась остаться в старых девах, а вот ведь живу с двумя мужчинами, один лучше другого и сын у меня прекрасный, и работа мне нравится, и мате-

риально мы хорошо живем. Вот и квартиру обставили, и машина у меня новая. Теперь надо Алексею новую машину купить, а то как-то неудобно, я на новехонькой иномарке, а он на этих допотопных Жигулях. Следующая покупка – машина для Леши. —

А тут как раз пришел очередной денежный перевод в валюте от иностранного промышленника, по патенту Леши внедрившего на своих фабриках роботизированную автоматическую линию. Деньги были большие. На семейном совете Лена настояла на новом Лексусе для Леши. В конце-концов стыдно ездить на таком старье, как его Жигули, пусть соседу в деревне подарит, он иногда выручает их за домом присматривать. И Леша сдался. Они купили черный Лексус, легкий, удобный в управлении, а водил машину Леша прекрасно. Лена была довольна и почти счастлива:

– Скоро Коленьке шесть лет, а это значит, что первого сентября, он пойдет в первый класс. Какая удача, что это совпало с выходом мамы на пенсию. Это решит столько проблем. Только нужно маме обязательно отдохнуть хорошенько. Купим ей путевку в санаторий на Черное море, это будет отличным подарком на ее юбилей. Да и Лукинишне тоже купим, пусть вдвоем поедут. – Когда Леночка оповестила Лукинишну о своем намерении отправить их вдвоем с мамой в санаторий, та только руками замахала:

– Не... ни за что, я жару не терплю. —

– Но там же море, процедуры для здоровья полезные, вра-

чи – убеждала ее Леночка.

– Не... я у вас до лета, до отпуска Надежды Борисовны. Вы уж отпустите меня... столько лет... у сына тоже сынок родился, Егорушка. Меня позвали, теперь его нянчить буду. Да и Коленька подросток, я ему уж и не нужна. —

Услышав такие слова, Коленька подошел и обнял за шею Лукинишну:

– Баба Тоня, а ты будешь к нам приезжать? —

– Конечно, дорогой мой! И вы ко мне приезжайте. – обняла его Лукинишна, едва сдерживая слезы. – Ох, и прикипела я к вам. – добавила она растрогано.

Несколько раз приходил к ним Витя, он все же решил жениться на своей Тане. Ему подвернулась выгодная работа и удалось заработать деньги на свадьбу. И... прощай жизнь холостая, тридцать два уже, пора!

Он с заговорческим видом подошел к Леночке, когда поблизости не было Леши и сказал тихо:

– Хочу устроить прощание с холостяцкой жизнью, пригласить друзей. Ты Лешу отпустишь? —

– Конечно, отпущу раз такое дело. – улыбнулась Лена.

Мальчишник был назначен на вечер пятницы, с расчетом, что в субботу утром друзья разъедутся по домам отсыпаться. Леше идти не хотелось, но было неудобно отказать Вите и он пошел. Они сняли где-то на окраине города небольшое кафе, в котором Витя планировал потом празд-

новать свадьбу. Лена в этот вечер впервые одна легла спать в их супружескую постель. – Сейчас бы увидеться с Алексом, но Коленку не могу оставить одного. Да и он, Алекс все как-то дальше становится, мы все какими-то урывками стали встречаться, последний раз у Нины, когда ее мамы не было. Все как-то пошло по наклонной с приходом Вероники. Но я не могу без него, не могу отказаться от своей любви к нему. – с такими мыслями Леночка заснула.

Глава 37 Нет человека без греха

Рано под утро приехал Леша. Леночка еще спала, но слышала, как он заходил в ванную. Она нехотя поднялась, вышла из спальни и столкнулась с выходящим из ванной Лешей. Он уже успел принять душ и побриться.

– Прости, ужасно хочется спать. – Леша пошел в спальню, лег на кровать и проспал почти весь субботний день. Леночка сказала Коленьке, чтобы он не шумел и не будил папу.

Часам к шести вечера Леша проснулся, у него разболелась голова и Леночка дала ему обезболивающую таблетку. Он поблагодарил, выпил чаю, взял книгу и лег с ней на диван в своем кабинете. А Леночка с Коленькой вышли погулять во двор. День начал заметно прибавляться и вечерами уже не было так темно. Они пробыли на воздухе около часа, затем Коленька запросился домой. Вернувшись, Леночка застала мужа все еще на диване с книгой. Затем они все

трое отужинали. Укладывать сына пошла Леночка, сказав, что у папы болит голова.

Когда Коля уснул, Лена подошла к Леше, сидящему в столовой за столом и спросила:

– Чай будешь? —

Он кивнул. Лена налила чай в красивую кобальтовую чашку. Этот сервиз был от мамы. Она любила и берегла его, и вот – отдала дочери. В плетеной кобальтовой сухарнице было печенье, конфеты. Леша не любил и никогда не ел сладкого, но взял одну конфету. Он пил чай и читал книгу. Это бывало с ним редко и только когда сына не было рядом. Лена за все годы замужества впервые ощутила какую-то пустоту рядом с ним.

– Обычно он мне предлагает чай... Голова прошла? — поинтересовалась она. Леша молча и как-то неопределенно мотнул головой. Лена знала, что муж немногословен, но обычно, он вместо слов обнимал ее, гладил, а тут уткнулся в книгу и молчит... Но эти мысли занимали ее недолго. В понедельник в БРИП приедут люди из Германии, Алекс очень рассчитывает на этот контракт. Вероника будет общаться с ними по-английски, а у Леночки с немецким вообще никак. Нина немецкий хорошо знает. Нина всегда выручает всех. А сама живет как-то автономно, независимо, стараясь никого не озадачивать и не напрягать, даже аспирантов. Если она может сделать что-то сама, то она делает это сама, ни к кому не обращаясь. Эх, если бы везде, на всех уров-

нях были бы такие люди, как Нина! Страна была бы другой!

Всю рабочую неделю Алекс с Вероникой вели переговоры с немцами. Как оказалось, все они прекрасно владеют английским, так, что услуги Нины, к ее радости и особенно к радости Вероники, не потребовались. Все проходило через Веронику – это та реальность, с которой Алекс смирился.

Куда девался его былой оптимизм, его зажигательная энергия, которой он так поразил Леночку когда-то. Он сник и как-то постарел под колпаком у своей властной женушки. Даже их нечастые встречи не так радуют. Он все больше прикладывается к бутылке, а Леночке так хочется обнять, погладить, побаякать его, как в стихах ее любимой Цветаевой. Когда Вероники не было поблизости, она подходила к нему, чтобы погладить, поцеловать, успокоить его... А он все чаще просит ее встать перед ним на колени, чтобы получить от нее быструю и яркую разрядку. И Лена делает это, лишь бы порадовать его. Все больше и больше их отношения сводились к такому виду сексуальных ласк. Но она любит его и все делает как он хочет с любовью и трепетом. Видя, как ему хорошо и у нее становилось радостнее на душе.

Вечер пятницы – это время, когда можно немного расслабиться. Леночка попросила маму оставить Коленьку у себя ночевать, Леше всю неделю нездоровилось и приходя с работы, он отлеживался у себя в кабинете.

Алексей пришел домой позже обычного.

– Наверное, что-то на работе стряслось, он всю неделю

был сам не свой. – терялась в догадках Леночка.

После ужина и вечернего душа Лена лежала с книжкой на кровати, когда в спальню вошел Алексей.

За годы жизни с мужем Лена научилась относиться к его ласкам, как к нечто неизбежному, принимала их сдержано, но никогда не отказывала Алексею.

– Какое счастье, что у меня лабильная нервная система, я легко переключаюсь с одного на другого и научилась даже получать удовольствие и от одного, и от другого. Редкий дар природы! – успокаивала себя Леночка.

Самая большая польза от «Перестройки» пришла в виде свободы передвижения по миру и к доступу информации, хотя и в усеченном виде. Появились книги по психологии, на которых в западных странах выросли целые поколения, а у нас только к началу 90-х в продаже появился пресловутый и лицемерный, но очень понятный для широкого круга читателей Дейл Карнеги. Лена читала книги по психологии и сексологии внимательно с карандашом в руках, делая пометки на полях. Они на многое открыли ей глаза, показали причины и истоки ее (и не только ее) возникновения проблем в отношениях.

Когда в спальню вошел Алексей и лег рядом с ней, Лена была как раз погружена в книгу по психологии и не отреагировала на приход мужа. А он лежал совсем близко к ней, но так далеко в своих мыслях... Наконец, Лена оторвала свои глаза от книги:

– У тебя что-то случилось? – поинтересовалась она, наблюдая краем глаза за мужем. – Неприятности на работе? —

Алексей повернул к ней свое лицо:

– Нет, все в порядке на работе. —

– Как твоя голова? – не переставала допытываться Леночка, – Я вижу, что тебе плохо всю эту неделю, ты был сам не свой. —

Алексей резко сел на кровати, закрыв лицо руками. Лена отложила книгу в сторону:

– Что с тобой, Алексей? —

Алексей встал с кровати, подошел к окну. Он стоял спиной к жене, потом повернулся и кинулся к ней, припав к ее ногам:

– Я виноват перед тобой, как я виноват! Не могу жить так дальше и молчать, это выше моих сил! —

Леночка вся напряглась:

– Что случилось? —

– Я изменил тебе. – с горечью отозвался Алексей. – Впервые в жизни... так глупо, я был пьян и ничего не соображал, тогда на мальчишнике у Виктора. Мы сначала сидели в кафе, потом кто-то из друзей Виктора пригласил нас на дачу. Вот мы и поехали туда все. Потом появились какие-то девчонки, ну девушки. Я что-то выпил, короче, проснулся ночью с голой незнакомой женщиной в постели, что-смутно помню, что их было много, этих девушек. Витька мне потом сказал, что это обычай такой, приглашать на мальчишник девушек

по вызову. Он пошутил, посмеялся и все. А как мне дальше жить с тобой... ты такая чистая, честная, единственная для меня! Я так люблю тебя! Прости меня, если сможешь! —

Алексей отвернулся. Он сидел на кровати спиной к Леночке, обхватив голову руками. Лена лежала, закрыв глаза. Каждое слово Алексея о ней, о ее чистоте и чуть ли не святости больно кололо ее душу.

— Милый, наивный мой муж! Все меряет по своему незамутненному сердцу. Неисправимый идеалист. Если бы ты только знал... То, что с тобой произошло — всего лишь случайность, несчастный случай, ничто по сравнению, что делаю я вот уже скоро пять лет! Ты считаешь меня чистым образцом порядочности, потому что с тобой я строга и почти целомудренна. Ты все еще хранишь ту простынь с доказательством моей невинности. Но это было давно. И я давно не та девочка, которая тебе досталась девственно чистой. Вот, уж кому каяться в грехах, так это мне перед тобой! Но я не сделаю этого во имя тебя самого, во имя нашего Коленьки. — И Лена вымученно сказала:

— Я ничего не хочу об этом знать. Считай, что этого не было. Тебе просто приснилось. — Она отвернулась к стене и сделала вид, что заснула. Проснувшись ночью, она не нашла рядом с собой мужа. Она тихо встала и увидела, что он одиноко сидит в столовой. Леночка подошла, положила руку ему на плечо и сказала:

— Давай спать, завтра за Коленькой ехать. — И он пошел

за ней в спальню, и лег рядом, боясь коснуться ее. Так они и уснули.

На следующее утро они проснулись поздно в их просторной новой спальне, на их шикарной новой кровати. Коленька ночевал у бабушек. Они так редко бывают одни, если бы Коленька был сейчас с ними, то Леше не удалось бы выспаться, он и в выходные вставал первым, чтобы дать возможность Леночке отоспаться за всю неделю.

Леша лежал рядом с Леночкой, его вчерашнее признание не давало ему сил и смелости касаться своей жены. Лена решила первой сломать этот лед. Она положила голову на грудь Леша, он обнял ее и стал покрывать жаркими поцелуями со словами:

– Прости, больше никогда! —

Супружеская постель – самое лучшее место для примирений. Сколько ссор и разногласий разрешается именно в этом месте. Вот и Леночке удалось погасить этот, пожалуй, первый серьезный их с мужем конфликт. Леша постепенно успокоился, но чувство вины засело в нем настолько глубоко, что он стал относиться к Леночке еще более трепетно чем раньше, на что она как-то обронила фразу:

– Я не святая и не хрустальная, которую ты боишься разбить. – А в душе – Господи, дай мне терпения вынести это... —

Женщины не любят слишком мягких и покорных муж-

чин, идущих у них на поводу и заискивающих перед ними. – Все же сказывается, что он рос в женском окружении, он привык уступать женщинам. Из таких веревки вяют, но жить мне с ним удобно, он делает все, что я велю ему и делает это с радостью. Совсем, как я для Алекса. – успокаивала себя Леночка.

А на работе, меж тем, тучи сгущались. Внезапно сорвалась крупная сделка с немцами, на которую Алекс возлагал большие надежды. Сколько сил и времени было потрачено! И в лучший ресторан города их водили, и в лучшей гостинице поселили, и в музей-усадьбу возили. Пожалуй, ни с кем так долго и упорно не работали, как с этой группой немецких промышленников и предпринимателей и вдруг, на завершающем этапе, крупная рыба сорвалась с крючка. Алекс был подавлен, в душе он жалел, что не привлек к этому делу Леночку, она умела договариваться и вести себя в обществе, а Вероника только болтала и пила без меры. В ресторане ему пришлось ей тихонько шепнуть: – Хватит пить, дорогая. – Но Вероника любила в жизни только две вещи: секс и выпивку. Алексу стало стыдно за жену перед немцами, он вызвал водителя и тот увез пьяную Веронику домой. Но контракт так и не был подписан. На следующий день, протрезвевшая Вероника была в ярости:

– Я больше чем уверена, что это работа твоих, как ты считаешь незаменимых сотрудников: Крыловой, Нины, да

и Матвея Львовича. И чего он постоянно поддерживает контакт с мужем Крыловой, что это за новое образование появилось в нашем БРИПе! И откуда у него патенты и денег немерено? -

Вероника встала с постели. После выпитого накануне, она выглядела ужасно: опухшая, с темными кругами под глазами, волосы всклокочены. А гневное выражение лица делала ее еще старше и неприятней.

Алекс внутренне содрогнулся, глядя на жену:

– Боже, как она стремительно стареет, какой агрессивной становится. И с этой злобной старухой я должен жить до конца своих дней. У нас даже детей нет. Не могу себе простить, что позволил Леночке сделать аборт, у нас бы был общий ребенок, было бы будущее. Я гибну, определенно гибну... Смысла нет ни в работе, ни в семье. Да и семьи собственно нет. Вероника всегда вела свободный образ жизни. Я старался не замечать ее походы налево, ее поздние звонки «от подруг», пьяные возвращения под утро. —

Алекс сидел на роскошной кровати из красного дерева, на его голем теле был бархатный темно-бордовый халат с вышитой золотом эмблемой какого-то пятизвездочного отеля, где они останавливались с Вероникой, когда были в Париже. Он окинул взглядом вокруг себя: да шикарно! Но все это не его, а могущественного тестя Дмитрия Степановича. А Алекс здесь только потому, что является на данный момент мужем его дочери Вероники. И пока он устраивает ее, он

здесь будет жить, как квартирант. Алексу так стало тошно, что он пошел в свой кабинет и открыв дверцу бара, налил себе приличную дозу виски. Выпил все залпом, даже не закусив, благо было утро субботы. Быстро опьянев, рухнул на диван и провалился в пьяный сон, лишь бы ненадолго забыться от всего этого.

Алекс пил всю субботу и лишь в воскресенье взял себя в руки. Он боялся спиться, глядя на жену. А Вероника пила все два дня: и субботу, и воскресенье. Она не вышла на работу и в понедельник. Алекс с облегчением вздохнул и поехал на работу один. С утра он вызвал к себе Леночку и сообщил ей о провале контракта с немцами. Затем он притянул ее к себе, обнял:

– Ты единственное, что радует меня в этой жизни. Я так жалею, что ты сделала аборт. Я первый догадался, что ты беременна, еще до твоего похода к врачу, я все понял, но промолчал, смалодушничал. Я знаю, я уверен – это был мой ребенок. И вот к чему я пришел... Ничего у меня нет: ни ребенка, ни тебя... Ты ведь тоже не моя. Как я устал... —

В душе у Лены шевельнулась жалость к Алексу. Она погладила его по лицу, по чуть поседевшим волосам.

– Я все равно люблю его. Даже таким. – с нежной грустью думала она.

– Успокой меня, как только ты одна умеешь успокаивать. – сказал ей Алекс. – Вероника дома пьет. Давай сегодня будем только вдвоем с тобой, я хочу всех отпустить по до-

мам. А мы с тобой побудем одни... Сделаем себе еще один выходной, пусть и в понедельник. Запремся здесь и... Все надоело и все... кроме тебя. —

Алекс набрал телефон Нины и сказал, что сегодня он всех отпускает по домам, затем положил трубку, подошел к двери и запер ее на ключ. Они разделись и погрузились в миры друг друга. Они не торопились, давно у них не было такого слияния душ и тел. Лена старалась, чтобы он хоть на время забылся и стал ее прежним Алексом. Она все делала как он любит и не щадила себя. Все ему, все для него. И в любви этой было все больше горечи и даже жалости, чем прежнего восторга и преклонения. Они потеряли счет времени, их пребывание в других мирах резко прервалось громким стуком в дверь и голосом Вероники:

– Откройте немедленно! —

Делать было нечего, они стали быстро одеваться. Лена чувствовала себя... вернее, она, вообще, ничего не чувствовала, она окаменела и онемела одновременно.

Алекс открыл дверь. Вероника отстранила его от себя резким, даже грубым движением руки и, не глядя в его сторону, сказала:

– Оставь нас одних. —

Алекс послушался и вышел.

Вероника вошла в кабинет, села на стул и с циничной усмешкой, глядя в упор на Леночку произнесла:

– Кот из дома – мыши в пляс... Это так-то вы работаете?

И на каком основании всех распустили по домам! Одна Нина задержалась. Она, что тоже участвует в ваших оргиях? —

Лена молчала, опустив глаза в пол. Вероника продолжала:

– По большому счету, меня не сильно волнует то, что ты трахаешься с моим мужем, я об этом давно догадалась. Меня не проведешь, но я смотрела на это сквозь пальцы, до тех пор, пока ты со своим гениальным муженьком из ЖЭКа не залезли в мой карман. Откуда у него вдруг куча патентов и на какие деньги вы купили шикарную квартиру, машины? На его и твою зарплату? Не смешите! Меня можно обмануть, но только один раз. Я эту компанию разгоню. Я себя обворовывать не дам! Пиши заявление, ты – уволена! Видеть тебя и твоего муженька не желаю! – Вероника поднялась и выйдя из кабинета, громко хлопнула дверью.

Лена так и осталась стоять, не в силах сдвинуться с места. Ее буквально парализовало. Лицо ее было мертвенно бледным.

Вошел Алекс, тихо закрыв за собой дверь. Он обнял Леночку, прижав к себе. Лена сняла с себя его руки и вышла. В коридоре Нина запирала на ключ кабинет. В сумке у Нины было много документов, которые она забрала с собой, чтобы продолжить работу дома. Лена беззвучно упала ей на руки. Нина молча обняла подругу. И они так же молча пошли к лифту. Нина повезла Леночку к себе домой на своей, недавно купленной машине.

Лена с трудом поднялась на 5 этаж в квартиру Нины, ноги

не слушались ее.

В квартире была сиделка, ухаживавшая за Анастасией Петровной, которая уже не вставала и была почти все время в состоянии сна от уколов, прописанных ей онкологом. Нина помогла Леночке раздеться, сняла с нее пальто. Лена зашла в ванную, вымыла руки, лицо, затем прошла в кухню, где уже хлопотала Нина. Они стали обедать, но у Леночки ком в горле застрял. Нина налила им по чуть-чуть коньяку, который был у нее и они молча выпили по 50 граммов.

Лена, поковыряв вилкой в своей тарелке, съела немного салата. И вдруг слезы вырвались наружу. Нина плотно закрыла кухонную дверь, чтобы не слышала сиделка. А Леночку прорвало, она сначала выплакалась от души, и вперемешку со слезами, рассказала что произошло.

Нина слушала молча с неподвижным, казалось, застывшим лицом. Когда Леночка немного успокоилась, она сказала:

– Как только я впервые увидела Веронику, я сразу поняла зачем она пришла в БРИП и знала, чем это закончится. А для тебя, Лена может все и к добру. У тебя семья, Алексей сейчас работает над диссертацией под руководством Матвея Львовича. Да и ты без работы не останешься. —

– А ты, Нина? —

Нина задумалась и с грустью сказала:

– Для меня сейчас важнее всего мама. А, что касается работы, то думаю не пропаду. Меня немцы в Германию зо-

вут работать и уже не первый год. Не знаю, как все сложится... —

Лене стало стыдно, Нина одна, без мужской опоры и с заботами о тяжело больной маме. И она... со своими эгоистическими интересами. Да и что такое Вероника для нее...

Лена попросила лист бумаги у Нины и написала заявление на расчет на имя Алекса с завтрашнего числа. Подписав заявление и поставив дату, Лена передала его в руки Нины, чтобы та отдала его завтра Алексу. И все... У Леночки груз с души свалился, может и права Нина, все к лучшему, хватит лжи, хватит обмана. Она опять станет собой, станет прежней. Она постарается стать хорошей женой для Леши.

Нина порывалась отвести Лену домой, но та вызвала такси по телефону, которое прибыло через пять минут. Прощаясь, Лена обняла Нину со словами:

– Спасибо тебе, дорогая, чтобы я без тебя делала... —

В такси Леночка была уже почти спокойна: – Нина как всегда права, все равно это когда-нибудь бы закончилось. Завтра Нина отдаст заявление Алексу и все... —

Глава 38 Не могу без него

Дома после ужина Леночка сообщила мужу, что ушла из БРИПа. Он даже не спросил причину ее увольнения и, кажется, обрадовался. Где работать дальше Леночка и не представляла. Она уже стала мысленно планировать, что будет

делать в ближайшее время: – Летом она с мамой, Коленькой и с мужем будут жить на даче. А осенью Коленька пойдет в первый класс. Вот тогда и буду думать. А сейчас апрель, скоро май, съезжу на дачу, посажу что-нибудь: цветы, зелень. – Леночка посмотрела на свой дорогуший маникюр и ей стало жалко и себя, и маникюр. – Давно не виделись с Любой и Ирочкой, надо съездить к ним – мелькнула мысль. – Ирочка в этом году заканчивает школу, подарю ей наряд для выпускного бала. —

Леночка подошла к телефону, набрала номер Ирочки и Любы. Трубку взяла Люба, она очень обрадовалась, услышав голос Леночки. Лена пригласила их в гости, сообщив, что они с Лешей хотят сделать подарок Ирочке – платье для выпускного вечера. Люба поблагодарила, но сослалась на занятость в школе. Договорились, что в ближайшую субботу Ирочка сама приедет к Лене в гости и они вдвоем походят по магазинам.

Лена встречала Ирочку на вокзале и когда та вышла из пригородной электрички, не узнала сестру; как она изменилась за полгода. Выросла, стала настоящей красавицей и очень похожей на саму Леночку в ее возрасте, только ростом Ирочка выше. А так, те же русалочьи волосы, тонкая кожа, большие зеленые глаза, опущенные длинными темными ресницами. Глаза, их выражение, даже разрез глаз похож, только у Ирочки зеленые глаза, как у матери, а у Леночки – серо-голубые, как у отца. Высокого роста, гибкая и стройная,

в свои семнадцать лет Ира была так же умна, как и хороша собой.

Они сели в машину и быстро доехали до дома. Войдя в квартиру, первым делом Ирочка передала гостинцы и игрушки Коленьке, который уже бежал к ней со всех ног с радостным криком:

– Ира, Ирочка моя приехала! – Коленька обнял свою молодую тетю и они расцеловались. Подошел поздороваться Леша. Ира еще не была у них в новой квартире. Она прошла по комнатам и была в восторге от увиденного. Понравилось все: и комнаты, и кухня-столовая, а особенно большая с огромными зеркалами ванная. Поэтому Ира первым делом отправилась с дороги в ванную, которую ей приготовила Леночка. А ванная у них была роскошная, итальянская с гидромассажем, в ней легко уместилось бы трое, а то и более человек.

Пока Ирочка наслаждалась пенной ванной с гидромассажем, Леша и Лена управлялись на кухне. Леша запек свинину с апельсинами и горчичным соусом. Лена сделала салаты из свежих овощей. На столе было много закусок, а также специально купленная для Ирочки сырокопченая колбаса, которую та обожала. А к чаю-кофе Леша купил торт со сбитыми сливками, за которым специально куда-то ездил.

Ирочка вышла из ванной в Леночкином белом махровом халате с полотенцем на голове в виде чалмы. Порозовевшая после гидромассажа, она намеревалась в таком виде

сесть с ними за стол, но Леночка проводила ее обратно в ванную, где включила фен и помогла Ирочке высушить волосы. Затем отвела ее в спальню и открыв шкаф, набитый модной одеждой, предложила Ирочке что-то выбрать и надеть к столу, так как кроме дорожных джинсов, да еще и после электрички у Иры ничего не было с собой.

– Конечно, откуда Ирочке все это знать, Люба сама живет простой трудовой жизнью, поэтому девочку совсем некому подучить всем этим житейским тонкостям. Пожалуй, подарю я ей этот халат, он совсем новый и куплю ей красивое нижнее белье, она уже взрослая. – размышляла Леночка, бросив взгляд на простенькое Ирочкино бельишко.

Платье купили все в том же салоне для новобрачных, где Лена с мамой покупали свадебное платье. Салон все тот же, разве что вывеску с названием поменяли, теперь это «Гименей», да и ремонт сделали. Ну, а цены! Впрочем, надо же самоокупаться и покрывать издержки торговли: рекламу, буклеты, тот же ремонт. Хоть Леночка и не была экономистом, но знала когда работала в БРИПе, сколько Алекс тратил на рекламу в СМИ, на командировки с театрами и ресторанами, где они обговаривали сделки с партнерами, а это все деньги, деньги, так называемые представительские расходы и их как-то надо покрывать...

Платье Ирочке выбрали чудесное, не совсем свадебное, как и было задумано. Великолепный матовый атлас цвета шампанского, плотный, хорошо держащий форму.

И фасон чудесный, простой, но прекрасно подчеркивающий стройную Ирочкину фигуру. Купили также подходящие туфли, красивое белье и косметику, сестренка была счастлива. Леночка вспомнила, как во времена студенчества, ей тоже хотелось что-то красивое для себя, но не было тогда возможности наряжаться, не на что, да и не во что. Магазины были пусты. А сейчас чего только нет, были бы деньги.

На следующее утро, в воскресенье они все вместе проводили Ирочку на пригородную электричку. Затем погуляли с Коленькой во дворе на детской площадке перед домом. После обеда Леша пошел почитать Коленьке книгу про путешественников на воздушном шаре, а тот заснул, утомленный прогулкой, и от тихого спокойного голоса отца. Леша накрыл его пледом и вышел из комнаты.

Лена сидела в столовой, обставленной по образцу из новейшего итальянского каталога. Все было прекрасно: и мебель под старину, и красивая посуда на столе и в буфете, только все это не радовало Леночку, она все чаще ловила себя на мысли, что несмотря на достаток в доме, сложившуюся семейную жизнь, любимого сына, она чувствует себя глубоко несчастной и в последнее время с трудом сдерживает себя, чтобы не взорваться по малейшему поводу.

Когда Леша вошел к ней в столовую, она сидела за столом и с отсутствующим видом машинально помешивала ложечкой давно остывший чай. Леша подошел к ней сзади и нежно обняв за плечи, поцеловал в шею, а руки его заскользили

под Леночкиным пеньюаром. Но она решительно убрала его руки, дав понять, что устала и не намерена отвечать на его ласки. Леша, как всегда, покорно принял отставку.

– Ты что, себя плохо чувствуешь? Устала ходить с Ирочкой по магазинам? – спросил он, целуя ее в шею.

Этим ласковым прикосновением, он окончательно взорвал Леночку изнутри, подняв в ней волну плохо скрытого раздражения:

– Да нет... просто настроения нет. Неужели ты не понимаешь, что на все нужно настроение! – она сказала это в таком нервном возбуждении, что у нее даже руки задрожали. Лена своим женским внутреннем чутьем понимала, что продолжать разговор становится уже опасно. Опасно, чтобы не взорваться окончательно. Она встала и ушла в спальню, а Леша благоразумно последовал в свой кабинет к своим книгам. В спальне Лена скинула с себя шелковый пеньюар и абсолютно голая скользнула под пуховое одеяло, успев увидеть свое отражение в огромном зеркале напротив. Все те же стройные ноги, подтянутый живот, высокая грудь молодой женщины. Ей захотелось сделать себе больно и она чуть ли не до крови закусила губу, чтобы заглушить боль в душе. Хотелось разрыдаться, но слез не было, была только злость, которую она до конца не излила на мужа.

Разум говорил: – Лена, ты становишься стервой, так недалеко и до леди Макбет... как знать до чего ты можешь дойти... —

Лене стало стыдно и даже страшно от себя самой. Стыдно, но все же надо признать, что не в Леше дело, а в ней. Ей не хватает Алекса, она нуждается в нем. Вот сейчас бы позвонил и она под любым предлогом убежала бы к нему из дома. Куда угодно, где угодно, хоть в машине, хоть в темном парке. И никто, ни один «Алеша Скворцов» ей не заменит его! Леночка даже застонала от желания. О, как она еще зависит от него... она вспомнила, как он говорил ей, что она его личный наркотик. А оказалось, что и он тоже ее наркотик, острая необходимость для продолжения ее жизни!

— Завтра же позвоню Нине, узнать, как он там. Нет, не завтра, а прямо сейчас. —

Она встала, взяла телефон и набрала номер Нины. Сначала разговор не клеился, Нина не могла понять, а Лена донести до нее, что она, Леночка, как течная сучка хочет чужого мужа, а своему дала отказ. Ну что Нина в этом понимает, старая дева, у которой все интересы сводятся к ее физике, а из особого гурманства к астрофизике. Она кайфует от «Вселенной со Стивеном Хоккингом», а она, Лена— простая, живая, она сама — физика, воплощение любви физической в полном ее понимании. И Алекс такой же! Они с ним из одного теста сделаны. —

И Лене пришлось напрямую попросить Нину, чтобы та сообщила ей, когда Алекс будет один на работе, без Вероники. Оказалось, что Вероника уже вторую неделю в клинике, лечится от запоя.

Глава 39 Жить, а не доживать

На следующий день Леночка решила съездить в институт под благовидным предлогом, якобы забрать свои вещи в БРИПе. А сама сделает сюрприз для Алекса, внезапно возникнув перед ним.

– О, представляю, как он обрадуется, увидев меня в своем кабинете! – взволнованно думала Леночка. Она надела на себя все самое лучшее, от дорого эротического белья, которое любил дарить ей Алекс и которое она тщательно прятала от мужа, до красивого новомодного кашемирового платья с молнией на спине сверху до низу. Она все предусмотрела. В душе все ожило, затрепетало. В дороге она даже немного побоялась за свои чуть подрагивавшие от нервного возбуждения руки на руле автомобиля и с большим трудом успокоившись, поехала по такому знакомому и годами неизменному маршруту. В фойе института Леночка осмотрела себя в большом зеркале со всех сторон. Все было в ней прекрасно, как у Чехова: – И лицо, и одежда, и мысли... – А вот насчет мыслей, она уверена не была, мысли были весьма греховные и хоть тысячу раз назови адюльтер любовью, он все равно адюльтер. Но она тут же отогнала прочь внезапно вспомнившееся, еще со школы крылатое выражение классика.

– Хватит книжных цитат, это жизнь, Лена! – подбодрила она сама себя. Ей нравилось ее отражение в институтском

зеркале. Она раздумянилась, пышные волосы блестели, розовые губы были сочными и влажными и так жаждали его поцелуев!

И вот лифт, 6 этаж, коридор, в котором ничего не изменилось, вот знакомая дверь в его кабинет, сейчас она войдет...

Леночка открыла дверь, вернее распахнула ее, как распахивают дверь навстречу счастью...

Алекс стоял, оперевшись на свой рабочий стол, а на коленях перед ним стояла молоденькая незнакомая девушка. Голова Алекса была чуть запрокинута назад, оба были настолько увлечены происходящим, что не заметили ни открытой двери, ни Леночки, стоящей на пороге.

Как она добралась до дома, не врезавшись в первый же фонарный столб, Леночка не помнила. Придя домой, она рухнула на кровать и зарыдала в голос так, что спасли лишь толстые кирпичные стены, иначе услышали бы все соседи во круг. Хорошо, что она дома одна, понедельник, Леша на работе. Вдруг тишину квартиры пререзал телефонный звонок, это звонил Алекс. Он что-то стал объяснять ей, но Лена положила трубку.

Она пошла в ванную, умылась холодной водой. Затем открыла холодильник, достала пузырек с валерьянкой, отсчитав капли в хрустальную стопку с водой, махом выпила, слегка поведя плечами от нелюбимого ею запаха и вкуса настойки. Затем поворочавшись на кровати в тщетной надежде успокоиться и заснуть, вернулась в столовую, открыла бар,

взяла из него бутылку виски со стаканом, пошла обратно в спальню, где налила себе приличную дозу виски, залпом выпила и упала на кровать. Сквозь накатавшие на нее волны сна, она успела вспомнить папино:

«Все в жизни имеет начало и конец», значит и в их отношениях с Алексом наступил конец. – и с этой мыслью она окончательно заснула.

Когда вечером вернулись Леша с Коленькой, Леночка спала пьяным сном. Леша, открыв дверь спальни и почувствовав запах алкоголя, быстро закрыл дверь и сказал сынишке, что мама спит, пусть он не будит ее и не заходит к ней в спальню. Коленька сразу притих. Леша, как всегда помыл его перед сном, почитал ему на ночь книжку, затем, когда сын уснул, потихоньку прошел в спальню, где спала Леночка, а на полу рядом с ней стояла початая бутылка виски и валялся пустой стакан. Леша убрал стакан и бутылку, разделся и лег рядом. Ночью Леночку рвало. Леша встал, зажег ночник, побежал в подсобку и принес таз, но у Лены началась «сухая рвота», она ничего не ела и ее желудок был пуст. Заставлять ее непрерывно пить не менее полутора литров воды он не стал, да она и не смогла бы осилить этого, поэтому Леша понес Леночку в ванную, где вымыл ее под теплым душем и завернув в покрывало, отнес и положил на чистую постель в заранее проветренной комнате. Он налил ей большую чашку горячего крепкого чая с лимоном и поставил перед ней на столик-поднос, купленный когда-то в ИКЕА для

еды в постели.

Ранний весенний рассвет и первые лучи восходящего солнца наполнили спальню. Лена, обложенная подушками, послушно выпила чай с лимоном и медом, ее возвращение в реальный мир было медленным и болезненным. Леша прилег рядом с женой и они оба уснули, а уже через час зазвонил будильник, оповестив Лешу, что пора собираться, отвозить Колю к бабушкам, а затем ему на работу. Леша переставил время будильника, чтобы поспать еще полчаса, пусть он и пожертвует для этого завтраком, а Коля завтракает у бабушек.

Лена сквозь сон слышала, как встал Леша, как подбежал к ее кровати Коленька, но сил не было ни на что и она продолжала лежать с закрытыми глазами, и только когда они ушли, встала в туалет. Она шла пошатываясь и хватаясь за стены квартиры. Вымыв лицо и руки холодной водой, Лена взглянула в зеркало над раковиной и увидев себя в нем ужаснулась. В отражении была не она, а какая-то растрепанная и опухшая женщина без возраста. Лена даже отшатнулась от зеркала. Затем нетвердой поступью прошла в столовую, где увидела на столе записку от Алексея, он писал, что не задержится, а по-возможности придет пораньше. На плите стояла тюрка со сваренным кофе. Лена налила себе кофе в чашку и начала пить маленькими глотками. Кофе не был горячим, но и еще не успел окончательно остыть, его аромат возвращал Леночку к жизни. Она откинулась на стуле

и полузакрыв глаза пила кофе без сахара. Затем встала, вернулась в кровать и лежала так до прихода с работы мужа. В этот день он оставил Коленьку ночевать у бабушек, чтобы хоть немного выспаться. На работе была беспокойная смена, – прорыв теплотрассы, коммуникации старые, изношенные, постоянно то здесь, то там возникают аварии.

Лена к его приходу пришла в себя. Чем было вызвано ее пьянство, Леша допытываться не стал, но в душе догадался, что Лена переживает из-за потери работы. Он только спросил ее:

– Как ты? —

– Жива как видишь... – отозвалась Леночка, она зажгла ночник и взяла книгу, а Леша лег и сразу уснул. Так закончился этот день.

На следующее утро за завтраком Леша сказал:

– Не сиди дома, смотри погода какая прекрасная, – затем достал и протянул Леночке маленькую коробочку. Она открыла и увидела колечко с бриллиантом, она подняла на Лешу глаза, а он сказал: – Вчера было 29 апреля, семь лет со дня нашей свадьбы. -

Лене стало стыдно, она забыла, да еще и напилась. Как все неудачно... и она тихо, почти прошептала:

– Спасибо, Леша мне так стыдно... – и не в силах продолжить, отвернулась. Он подошел, погладил ее по голове:

– Ну не переживай и тебе дело найдется. Главное, что-

бы по душе, ты ведь умница у меня. Завтра праздник, поедем на дачу, все там и отдохнем, а мне на работу пора бежать, – он схватил бутерброд с тарелочки, стал его есть на ходу и торопясь ушел, закрыв за собой дверь квартиры, а Лена какое-то время так и сидела с колечком в руке, которое затем убрала в коробочку. На ее душе было погано.

Майские праздники они провели все вместе на даче, где Надежда Борисовна чувствовала себя полноправной хозяйкой, а Лена гостьей, она целыми днями сидела с книгой в шезлонге и читала. Леша что-то ремонтировал, а Коленька старался помогать папе, то гвозди подать, то молоток. Леша купил ему детский набор строителя, где было все: молоток, кусачки, даже маленькая пила. Отец показывал сыну какой инструмент и для чего нужен. Лена иногда наблюдала за ними:

– Как хорошо, что у нас сын, Леша может и дочь любил бы не меньше, но я кроме Коленьки и не представляю никого. – И тут она опять вспомнила об аборте: – А ведь сейчас тому было бы уже три годика, может это была девочка, а вдруг она была бы похожа на Алекса, – раньше такая мысль не приходила ей в голову – но я уверена, что Леша любил бы того ребенка. – И она вновь уткнулась в книгу.

Потом все дружно жарили шашлык, пригласили соседей: сына Лукинишны Ваню с его женой Валею и саму Лукинишну, которая теперь нянчит уже внука Егорушку. Пришла

соседская девочка Тася, подружка Коленьки, его ровесница с которой он любит играть и рассказывать ей о звездах и планетах, о которых ему поведала крестная Нина. Тася, деревенская девочка, слушала Коленьку буквально раскрыв рот, словно он был какой-то ученый-академик, а не шестилетний мальчик, до Леночки долетали обрывки их бесед, она старалась незаметно прислушиваться к ним, внутренне улыбаясь, а на вопрос: – Кем ты хочешь стать? – Коленька ответил:

– Ученым, как тетя Нина, – а потом добавил, – или папа. —

– И все же я должна жить дальше и не просто проживать день за днем, а жить полноценной жизнью, все для этого у меня есть, а там и дело найдется. – размышляла Леночка. – Маме в августе 55 лет – юбилей, его надо обязательно отметить, а 1 сентября Коленька пойдет в первый класс, в мою бывшую гимназию, где я успела поработать. Так и не удалось отметить юбилей школы, я была в декретном отпуске, а АЭС тогда клеветники изгнали из школы. Так не хочется отдавать сына в эту гимназию, может лучше в мамину школу, пусть и не такую престижную. А мне надо заняться собой, с осени записаться в бассейн, спортом заняться, может пойти в кружок кройки и шитья... —

Время – лучший доктор и Леночка ждала, когда и ее раны затянутся. Она стала более терпелива и благосклонна к Леше, а временами и баловать его немного, он был счастлив.

Лето выдалось жарким, что радует всех обитателей северных широт. Купались, загорали, в саду поспело много ягод. Глядя на свои руки уже без бывшего шикарного маникюра, Леночка лишь слегка усмехнулась: – Зато мне нечего бояться, что я испорчу его. Могу ягоды чистить, могу картошку. —

Вот и лето прошло, скоро 1 сентября. Лена с Лешей и Надеждой Борисовной решили отдать Колю в школу, где много лет проработала завучем мама Лены – Надежда Борисовна. Единственная трудность, что школа эта далеко от их дома, придется утром возить Коленьку на машине, а после уроков забирать его будет бабушка, с ней же он будет делать уроки и гулять, а Леша или Леночка отвозить вечером домой. Удачно, что школа рядом с домом Надежды Борисовны. Все, почти как и прежде, но преимущество в том, что и у Леночки, и у Надежды Борисовны будет больше личного свободного времени. Леночка записалась в бассейн и два раза в неделю в утренние часы посещает его с целью наконец-то научиться прилично плавать. А у Надежды Борисовны с утра есть свободное время, когда она не торопясь может заниматься домашними делами. Но больше всего свободного времени было именно у Леночки, может от этого она стала как-то остро чувствовать свою ненужность и даже никчемность. По-настоящему востребованной она чувствовала себя в школе, она до сих помнит глаза ребят, как вдохновенно она вела уроки и готовилась к ним. Но возвращаться в школу ей не хотелось,

Лена понимала, что если она вернется туда, то обратной дороги не будет, долг учителя подобен долгу врача, школа не то место, где можно что-то пережить до лучших времен.

А теперь вокруг нее только ее маленькая семья, а весь мир от нее далеко-далеко и никому до нее нет дела. Она знала, что папин музей давно закрыт под благовидным предлогом – «Закрыт на реконструкцию», а на деле, просто в местном бюджете дыра и никому это краеведение не нужно, а ведь папа этому жизнь посвятил, хотя в наступившем 2001 году многое начинает меняться. Надо начать разбирать его архив. Он говорил, что большая часть документов, а это все подлинники, находится у него в его музейном кабинете. Надо съездить в администрацию, попросить выдать ключи от кабинета и заняться, наконец, серьезным делом. Прекрасное занятие на осень и зиму.

Лена позвонила в администрацию города, в отдел культуры и договорилась, что она на безвозмездной основе начнет работать в музее, чтобы продолжить работу отца. То, что Лена согласна работать бесплатно было решающим фактором, ключи ей выдали и отправили с Богом. Пусть работает, если ей так уж это нужно. А Лена приняла ключи с трепетом, ее не покидало чувство соприкосновения с отцом, в музей-усадьбу она ехала как на свидание с ним.

Стояла середина осени и если с утра была хорошая солнечная погода, то к обеду от нее и следа не оставалось, набегали хмурые тучи, лил дождь, дорога становилась вязкой

и скользкой. Хорошо, что за годы работы в БРИПе Леночка не забыла об этом. Она, конечно, приехала в музей на машине, но сапоги резиновые не забыла положить в багажник, а еще плащ-палатку. И оказалась ой, как права. Перед ней открылась грустная картина запустения. Заброшенный, заросший, даже одичавший парк и графский дом с заколоченными окнами. Вокруг ни души. А тут еще и погода испортилась, подул ветер, набежали тучи, закаркали вороны. Леночке стало страшно. Вспомнились фильмы Хичкока. Прежде чем открыть дверь, Леночка обошла старинный особняк когда-то бледно желтого цвета с белыми колоннами и лепниной в духе русского классицизма. Зрелище было грустным; осыпающаяся штукатурка дома, обнажала крепкую кирпичную кладку под ней.

– Эх, и никому нет дела до всего этого... Может и впрямь – мое это и если не я, то и некому этим заняться... Надо искать спонсоров, меценатов, надо все приводить в порядок. —

Лена отперла дверь особняка. Внутри было пусто, все картины, антиквариат, – все в запасниках или разошлось по чужим домам, прилипло к жадным, грязным и липким рукам. Хорошо, что хоть дом не обесточен, но была только одна лампочка при входе, от которой шло тусклое освещение.

А вот и папин кабинет. Она сейчас откроет дверь и войдет в его мир, как будто все эти годы он ждал ее в этом кабинете. Когда-то она там часто бывала, когда была маленькая

и когда будучи уже школьницей, приходила к папе. Он работал, а она сидела в старинном кресле и читала книги с полок его кабинета. Они гуляли вместе по парку, – это все то, что останется с ней навсегда.

Лена открыла ключом дверь и вошла. В кабинете папы было пусто, ни стола, за которым он работал, ни кресла, ни книжного шкафа и лишь картонные коробки стояли на полу, много картонных коробок. Не было даже стула, чтобы присесть. С учащенным биением сердца Леночка открыла одну из коробок и о, чудо! Тетради, исписанные знакомым мелким почерком папы. Самое главное, она нашла его архив, его не сожгли в печке, не выбросили на помойку! А мебель, антиквариат, дело наживное. Лена взяла несколько коробок с собой, дома она все внимательно посмотрит.

Только начав читать записи отца, Леночка поняла всю важность его огромного труда, положенного на алтарь науки, какой бы заезженной фразой это не звучало. В отношении папы лучшего афоризма и не подобрать.

– Мне тридцать лет, а что я сделала? – задумалась Леночка. – школу оставила, но тогда я была почти девчонкой, лишь на пять-шесть лет старше своих учеников и не смогла противостоять грязным сплетням. В аспирантуру так и не пошла. Я должна сделать что-то полезное на этой Земле. А что я умею? Мне еще учиться и учиться, и эти папины труды не просто так мне в руки попали. Я должна довести до конца дело, начатое отцом. Ведь он умер всего в 47 лет, а мне уже

30! Но одной мне этого не осилить. —

И тут Леночке пришла в голову счастливая мысль: — Надо позвонить Любе, она тоже историк, может мы вдвоем сможем разобрать архив папы, там столько подлинных документов, столько исторических артефактов. —

Люба с радостью приняла предложение Лены. Договорились, что часть документов Лена привезет к ней домой.

Так начался новый период жизни Леночки, а также и Любы. Дело, которое их связало, сделало этих женщин по-настоящему близкими людьми и соратницами. Люба взялась за работу с таким жаром, с таким подлинным интересом, что Леночка даже немного позавидовала:

— Вот и я была когда-то такой. Я смогу, я хочу стать прежней, такой какой я была при жизни папы. —

Всю оставшуюся осень и зиму Лена и Люба работали, чтобы разобрать архив Николая Константиновича. Без этого нет музея, а только старое здание с обсыпавшейся штукатуркой и заброшенный, бывший когда-то парком лес. Надо воссоздать экспозицию музея, открыть настоящий центр краеведения, а иначе это всего лишь угли на пепелище, как у Иванов, родства не помнящих.

Люба призналась Лене:

— Спасибо тебе, Лена, что ты поверила в меня и доверила дело Николая Константиновича. Я как будто каждый день беседую с ним, каждую его мысль обдумываю. Он всегда был для меня живой, а теперь и еще мой самый главный, самый

лучший собеседник. —

Только после этого признания Лена по-настоящему осознала роль отца в жизни Любы и оценила саму Любу: – Вот это и есть любовь, ей даже смерть не помеха. Она до сих пор любит его, а он, конечно, не мог не любить такую женщину, как Люба. – Счастливая она Люба-Любовь!

Глава 40 Вызов в прокуратуру

В одной из папок Леночка нашла генеалогическое древо рода графов Воронцовых-Хрустальных. На нем была и ветвь Олега Геннадьевича, которая возникла в 1854 году с рождением сына Дмитрия Петровича от крепостной Дарьи Кольцовой, на которой граф Петр Петрович женился без благословения своего отца Петра Семеновича, графа Воронцова-Хрусталева. Лена вспомнила разговор Олега с папой в тот самый Новый год, когда Олег был у них в гостях. В другой папке была история создания городской гимназии, построенной на средства двоюродных братьев Даниила Николаевича и Петра Петровича Воронцовых-Хрустальных. Тут было все: от сметы на строительство гимназии и плана постройки, до фотографий открытия гимназии, на которых были граф Даниил Николаевич, его кузен Петр Петрович с сыновьями: шестнадцатилетним Дмитрием и четырнадцатилетним Михаилом. Для Леночки это была ожившая история, непрерываемая связь времен и основа жизни их края. И в этой гим-

назии спустя почти 100 лет она работала учителем истории. Вот с чего надо было начинать урок, с истории родного края, с истории гимназии! И что может она, всего лишь неудавшаяся учительница, чем она может реально помочь? Дом еще крепок, но полностью опустошен, парк и того хуже, одичал и зарос, и никому до этого нет дела. А на дворе уже новый 21 век, новое тысячелетие. Нужно на обломках воссоздавать новое здание, но как без фундамента строить... А начинать надо вот с таких мест, — отдаленных от столиц и мегаполисов с их шумной и с виду бестолковой жизнью. Именно патриархальная провинция, как чистые, незашлакованные сосуды, будут связывать сердце и душу России — Москву и ее историческую память — Санкт-Петербург с отдаленными городами и весями. Именно из русской глубинки потекут ручейки, сливающиеся в потоки жизненной реки народов России. И тогда устоится страна, не развалится на куски и кусочки, запульсирует единый здоровый организм обновленной Родины, одной на всех и для каждого в отдельности. Все регионы почувствуют свою значимость и взаимообогащение в единой огромной семье: и Сибирь, и Дальний Восток, и Юг, и Север. —

Лена была готова работать бесплатно, но одной ей не потянуть воссоздание усадьбы, музея и парка, всей ее жизни не хватит, не говоря об огромных затратах на восстановление и реставрацию. Много сил и упорства потребуется для хождения по кабинетам сильных мира сего и высо-

копоставленных лиц, необходимо искать и находить меценатов и спонсоров. Лена стала писать письма губернатору и даже в Москву на имя нового президента России. Давала интервью в газетах местных и центральных СМИ. Она день за днем обивала пороги высоких чинов и еще она писала, писала книгу о родном крае, о роде графов Воронцовых-Хрустальных и о их неопенимом вкладе в развитие Северо-Западного края; о больницах, школах, мастерских для рукодельниц-надомниц, позволяющих многодетным семьям выживать и спланиваться в совместном труде. Как многое можно и сейчас претворять в жизнь, основываясь на опыте предшествующих поколений.

Лена умела убеждать и лед тронулся, при содействии губернатора музей-усадьба с парком были включены в региональную программу поддержки культурного наследия. Но все же дело двигалось медленно и Лена все больше чувствовала свое одинокое бессилие. В эти периоды ее духовной и физической усталости, она погружалась в написание книг. Времена были рыночные, коммерция заполонила книжный рынок. Издатели неохотно выпускали научно-историческую литературу, говорили: – Нет спроса. – А Лена все пыталась доказать, что спрос надо формировать, как и интерес к истории собственной страны – России.

Заинтересованные лица все же нашлись, но интерес у них был только на земли усадьбы, чтобы рядом с усадьбой и парком построить развлекательный комплекс с ресто-

раном, СПА-салонном, а если быть точнее и честнее, с борделем для отдыха криминальных структур. Вот под такой расклад люди быстро нашлись и даже стали оказывать давление на Леночку или Елену Николаевну, так как к тому времени она уже официально занимала должность директора музея-усадьбы графов Воронцовых-Хрустальных. Лене пришлось даже просить защиты и помощи у нового губернатора их края, чтобы он помог разобраться с насмерть впившимся в усадебные земли криминалитетом, который не желал отказываться от такой заманчивой добычи.

Выручил местный театр драмы. По книге Леночки был поставлен спектакль, имевший успех в Москве и номинированный на престижную премию в рамках международного театрального фестиваля. Этот успех влил в кровь и плоть Леночки живительные силы. О ней, о ее книгах заговорили, брали интервью, как в местных, так и в центральных СМИ. Выросли тиражи книг, а издатели предлагали новые контракты на выпуск ее произведений.

И дома все было хорошо; Надежда Борисовна была крепка и здорова, Коленька подросток, ему исполнилось двенадцать лет, у Леши дела шли прекрасно, он уверенно защитил докторскую диссертацию под руководством Матвея Львовича. Делами в БРИП, как и его ген. директором Трояновским, Леночка не интересовалась, новое дело жизни настолько захватило ее, что события той поры казались ей настолько далекими, как будто все это происходило и не с ней вовсе. Нина

уже давно успешно работает в Германии вместе с Хансом, – немецким ученым-астрофизиком, которому все же удалось уговорить Нину приехать работать по контракту в Германию. Тогда, сразу после смерти матери и ухода из БРИП, это стало настоящим спасением для Нины. Хотя перед отъездом она и сказала Леночке, что уезжает в силу сложившихся обстоятельств, но Россию не оставит ни за что и обязательно вернется назад, как только закончится ее контракт, а он как раз уже подходил к концу и Леночка ждала возвращения Нины с нетерпением, ей всегда не хватало ее. Лена жила, считая себя счастливой женой и матерью.

И лишь одно неожиданное происшествие, а они, как правило, всегда неожиданные, надолго вывело ее из устоявшейся и спокойной жизни. Как-то в один из дней Лена открыла почтовый ящик, в глаза бросился конверт со штемпелем прокуратуры. Внутри находилась повестка в которой была назначена явка с указанием даты и времени. Лена проверила нет ли здесь ошибки, но на повестке была ее фамилия и И. О. Никакой ошибки не было.

– Что все это значит? – задалась вопросом Леночка – может это как-то связано с архивом и документами музея, но что там могло быть такого, чтобы заинтересовало прокуратуру? – Лена спрятала конверт в сумочку, чтобы его не увидел Леша.

Дома весь день ее не покидали мысли о повестке. В голове постоянно донимал комок догадок, крутящихся по одно-

му и тому же кругу. Вдруг Леночку осенило! Надо позвонить Нине в Германию, они регулярно созванивались по субботам, стараясь не порывать устоявшуюся связь между ними. Нина никогда не забывала, что она крестная мать Коленки и всегда присылала к праздникам и дню его рождения подарки.

Нина, как всегда спокойно, выслушала Леночку, попросила не беспокоиться и ничего пока не говорить Леше, она скоро вернется насовсем и это будет буквально на днях, она успеет приехать до назначенной повесткой даты. Нина с ее холодной, трезвомыслящей головой, сейчас была просто необходима Леночке. И Нина приехала спустя два дня, она позвонила Леночке по телефону из своей квартиры и сказала, что ждет ее у себя. Леночка собралась и тут же приехала. Нина открыла ей дверь и они обнялись. Леночка всегда считал Нину своей старшей сестрой, Ирочка была младшей, а Лена – средней. Ирочка недавно вышла замуж и теперь живет с мужем и его родителями в Москве. Лена с Лешей и Колей были на ее свадьбе. Они так рады за Иру, за Любу, которая стала заместителем Лены и ее правой рукой, а иногда, как шутила Леночка, сразу двумя руками.

В квартире Нины все было как и много лет назад, разве что компьютер и другая оргтехника из Германии заполнила собой пространство ее небольшой квартиры. Долго не хотелось говорить о тревожном и грустном, но мысли об этом не покидали Лену. Первой начала говорить Нина. Она по-

звонила Матвею Львовичу и от него узнала, что в БРИПе, который давно дышал на ладан и только числился действующей структурой, так вот, в БРИПе был обыск с выемкой документов. При обыске присутствовал завкафедрой института и числящийся сотрудником БРИПа, Матвей Львович Карлинский, а так же директор Трояновский Алексей Всеволодович. Им было предъявлено обвинение по факту утечки секретных документов за границу, с открытием уголовного дела. Алекс и Матвей Львович дали подписку о невыезде. Нина говорила спокойно и сдержано:

– И тебя тоже вызвали..., главное, не волнуйся. Ты уволилась давно и не имела доступа к документам научно-технического характера, так что тебе волноваться нечего. А вот у Матвея Львовича был допуск к секретным документам. Думаю, Алекс подsunул ему запрос, а он подмахнул не глядя. Основные объявления предъявляют именно Карлинскому, Алекс выкрутится, я уверена. – Затем Нина стала спрашивать про крестника Коленьку, про дела Леши, но разговор не клеился, Лена не могла больше ни о чем ни говорить, ни думать. Сердце больно защемило:

– И все же я волнуюсь за него. А вдруг его посадят? Я не верю, что Алекс подлец и специально подставил Матвея Львовича. Нина всегда недолюбливала Алекса. И все же я не знаю, что мне делать... – с такими мыслями она вышла, наконец, из оцепенения, сковавшего ее.

Нина молчала, затем встала, взяла свою сумочку и доста-

ла из нее знакомый конверт из прокуратуры и протянула его Леночке. В конверте была повестка для Нины, но на более позднюю дату. Лена не стала пить чай и собралась уходить домой. Нина хотела передать подарки из Германии для Коли, но Лена сказала, что лучше будет если Нина придет к ним в гости и сама вручит подарки своему крестнику.

Приехав домой, Лена никак не могла успокоиться и долго нервно ходила по комнатам.

– Хорошо, что я дома одна. Надо срочно взять себя в руки и что-то принять... валерьянку, феназепам? – Она подошла к бару и налила себе немного виски, вспомнив, что не прикасалась к бутылке с тех пор, как стала работать в музее. Но сейчас ей просто необходимо немного принять, чтобы расслабиться и она выпила содержимое стакана, затем положила в рот мятную ароматическую пастилку, чтобы Алексей не почувствовал запаха алкоголя от нее.

– У него острое обоняние, я не хочу, чтобы он что-то заподозрил. И не хочу до поры до времени посвящать его в проблемы, связанные с БРИПом. – Но здесь до Леночки дошло:

– А вдруг он в курсе, ведь они с Матвеем Львовичем плотно общаются и перезваниваются по телефону, и Алексей вполне может знать о том, что происходит. —

После ужина, когда сын уже спал, Леночка осторожно и издалека спросила давно ли Леша разговаривал с Матвеем Львовичем и как у того дела.

Алексей нахмурился и отведя от Леночки взгляд произ-

нес:

Матвей Львович лежит в больнице, проблемы с сердцем. Я был у него. – Лена озадаченно произнесла:

– Как же так... Нина ему буквально вчера звонила, он ничего ей не сказал. – Леша слегка усмехнулся:

– Лена, Нина звонила по мобильному, которые теперь у всех, даже у Коли, 2007 год! Поэтому и не знала, что он в больнице лежит, а он и подавно не скажет про свои болезни и неприятности. —

– Неприятности? Скажи мне честно, что тебе известно? – Лена смотрела прямо в глаза Леша.

– Мало чего известно. Врачи не разрешают с ним разговаривать на волнующие его темы. Я просто навестил его. – Леша замолчал. После паузы он добавил:

– Я так рад, что ты тогда ушла из БРИПа. Какое счастье, что тебя это миновало, у тебя такие нервы слабые. Я помню, какая ты приходила сама не своя с той работы, как выматывали тебя командировки. —

От его слов Лену как-будто ударили с размаху по лицу, она буквально побагровела от прилива крови:

– Вот оно! Не так, так этак наступит и ударит как хлыстом. Не правда, что все проходит, они всегда со мной, мои грехи. —

А Леша продолжал:– И вправду говорят, что Бог не делает, все к лучшему! И работа у тебя теперь по душе, и успехов ты достигла. Я всегда верил в тебя, умница ты моя! Я так

рад, что Коленька весь в тебя, он смотрит на меня, а я твои глаза вижу... как жаль, что тот наш неродившийся ребенок погиб! —

– Все! У меня больше нет сил! – простонал внутренний голос Леночки. И она быстро встала и ушла в ванную, где включив на всю воду, дала волю слезам.

Глава 41 Шила в мешке не утаить

В назначенный день и час Лена вошла в здание прокуратуры, пройдя по коридору, нашла нужный ей кабинет и постучав, открыла дверь. За столом сидел полноватый мужчина лет пятидесяти пяти в прокурорской форме, звание которого Лена определить не могла. Он поднял на нее глаза, оторвавшись от бумаг на столе и жестом пригласил сесть. Весь кабинет был заставлен шкафами с папками и скоросшивателями. Работали еще по-старинке, Лена заметила на столе у окна компьютер и, конечно, выключенный.

Вопросов к Лене было немного: в большинстве они касались ее служебных обязанностей и полномочий в БРИПе. Лена вкратце рассказала чем она занималась, – в основном, это была организация встреч с деловыми партнерами, ведение журнала регистрации входяще-выходящей корреспонденции, а также регистрация посетителей к гендиректору БРИПа – Трояновскому Алексею Всеволодовичу. К документам, относящимся к основному виду деятельности, Ле-

ночка отношения не имела.

Прокурорский работник слушал ее со скучным выражением лица и задал только один вопрос:

– Какого рода отношения были у Вас с гендиректором Трояновским? – На что, удивленная этим вопросом, Лена ответила:

– Рабочие. Как между директором и его подчиненным. – Она подписала какую-то бумагу, смысл которой ей был не совсем ясен, наверное, это был протокол или краткое содержание их беседы. После этого ей указали на дверь и сказали, что она может идти. Больше ее в прокуратуру не вызывали.

– Как хорошо, что я ничего не рассказала Леше. – подумала Леночка, выходя из здания прокуратуры.

А через три дня настал срок явки в прокуратуру для Нины. Едва дождавшись, когда по ее расчетам Нина должна вернуться домой, Лена набрала ее номер телефона. Нина отвечала еще более сдержано, чем в прошлый раз и Лена решила не докучать ей своими расспросами по делу о пропаже секретных документов через БРИП. Она также не решилась навестить в больнице Матвея Львовича, ей было бы невыносимо больно видеть его, уже восьмидесятилетнего старика, лежащего на больничной койке. К тому же она знала, что Леша ходит к нему в больницу и сочла, что от нее достаточно будет передавать приветы и лишний раз не волновать пожилого человека.

А наутро им позвонила Нина и сказала, что прошлой но-

чью в больнице скончался Матвей Львович. И хотя Матвеем Львовичем шел уже девятый десяток и во время войны он был тяжело ранен на фронте, новость эта была страшна тем, что все прекрасно понимали, что убило его именно это происшествие в БРИПе, оно остановило сердце ученого, прекрасного человека, участника В.О.В. Карлинского Матвея Львовича.

Похоронили Матвея Львовича тихо, не было пышных речей и телеграмм соболезнований. На похоронах присутствовали лишь близкие родственники да верные друзья: немногие из учеников, среди которых был Алексей с Леной и коллеги – Нина и несколько аспирантов из бывшего БРИПа. Алекса с Вероникой не было, никто не знал причину их отсутствия, они не удосужились даже оповестить бывших коллег.

– Что касается Вероники, здесь все понятно. Но Алекс? – У Лены не укладывалось такое в голове. И тут она вспомнила, что следователь спросил у нее как бы между прочим, какого рода отношения были у нее с Алексом... Только сейчас ей пришло в голову, что здесь что-то не так... что наверняка Вероника со своим всемогущим папой что-то готовят. Вероятно задумали в случае судебного разбирательства свалить все на Алекса и на нее, как на его любовницу, а самим выйти сухими из воды, изображая из себя жертву. У Лены от этой вполне логичной догадки внутри все похолодело. Ей стало страшно от такого поворота событий. Это будет громкий скандал на весь город, который собой похоро-

нит все, а прежде всего семью Лены.

Придя домой после похорон Матвея Львовича, Лена, даже не стыдясь Леша, напилась вхлам. Он нашел ее спящей на диване в их большой гостиной, рядом стояла пустая бутылка виски, которые в их семье пила только Лена (Алекс приучил ее к виски). Это была та самая бутылка Джонни Уокер, к которой Лена иногда прикладывалась и вот, наконец, она ее опустошила до дна. Алексей взял пустую бутылку и выбросил в мусоропровод на кухне. Затем отнес спящую Леночку в спальню, положил на их большую кровать, раздел и укрыл одеялом. Всю ночь Леночку рвало. Ей было так плохо, что Леша хотел вызвать скорую, но Лена простонала:

– Не надо, стыдно... – и посмотрела на него с такой отчаянной мольбой, что Леша сдался и сам стал приводить ее в чувства. Он заставил ее пить не отрываясь, полтора литра воды, пока все содержимое ее желудка окончательно не опустошилось. Потом отнес в ванную, где обдал контрастным душем. Затем завернул ее, как куклу в одеяло, отнес и положил на чистые простыни в проветренную спальню. Лена медленно приходила в себя. Леша напоил ее крепким чаем, она выпила его лежа в высоких подушках. Алексей не отходил от нее ни на минуту.

Последний раз такое с ней было тогда, после увиденной ею сцены с участием девушки и Алекса. Тот ужасный случай совпал с семилетием их с Лешей свадьбы, когда Лена позволила себе напиться этих же виски и из этой же бутылки

(Слава Богу, она закончилась!). И как она тогда не разбилась на машине!

А Леша, ее верный друг и рыцарь, он опять не спит и спасает ее от нее же самой, от страха за их семью, за раскрытие, казалось, давно похороненной и забытой ее тайны. Страх разоблачения все эти годы ползет за ней и преследует как змея.

– «Шила в мешке не утаить», ты забыла эту народную мудрость, Лена! – больно кусала Совесть.

– Давай давление померим? – Подошел к ней Леша с тонометром. Давление было пониженным, он принес ей из аптечки таблетку и пошел варить кофе. Затем вернулся, неся на подносе чашечки с ароматным крепким кофе, который покупает где-то в кафе-хаусе... Леша лег рядом с Леночкой, держа ее за руку. От его забот и ласк Леночке становилось еще больнее.

– Ну, был бы он сволочью, пил, бил, гулял бы, мне было бы легче. А так и придраться не к чему, почти святой муж. Боже, как больно! А если суд, скандал, грязь... Я не выдержу, я что-нибудь сделаю с собой... – Но резанула мысль:

– А как же сын Коля? Вот протрезвела и что? Только хуже стало. Так и спиться недолго. Только не вижу я выхода, не вижу. —

И она под воздействием снотворного провалилась в тяжелый, вязкий сон, с какими-то кошмарами, преследующими ее даже там, в сновидениях.

Утром она открыла глаза, Леша был рядом. Было еще рано, на часах 6 утра. Лена простонала сквозь жуткую головную боль:

– Как Коленька? —

– Спи, с ним все в порядке, я отвез его к бабушке и весь день проведу с тобой, ни о чем не волнуйся – успокоил Леша. Лена закрыла глаза и незаметно опять уснула. Когда она окончательно проснулась, Леша скрючившись спал рядом, на самом краю их огромной супружеской постели.

– Столько места, а он рядом у моих ног калачиком свернулся. – со стыдливой благодарностью заметила Леночка. Она захотела встать в туалет, не разбудив Лешу, но стоило ей пошевелиться, как он тут же проснулся и глядя на нее спросил:

– Как ты, дорогая? —

– Все нормально, мне уже хорошо, – отозвалась, вставая Леночка, – ты спи, спи. – и она вышла из спальни. Она решила сварить им кофе.

– Леша, конечно, пусть отоспится после того, что я ему устроила, а ей кофе сейчас необходим. Как жаль, что муж не курит... – Она впервые пожалела об этом. Вот Алекс курил свой Кэмэл и Лена иногда шутя, когда бывала в особо игривом настроении, сидя у него на коленях, вынимала у него изо рта сигарету и докуривала ее...

– И почему ее мысли пошли в этом направлении? Надо позвонить Алексу, в конце концов, она была в прокура-

туре и имеет право от него узнать, что происходит. Леша спит... —

Лена даже кофе не отпила, как уже набрала номер Алекса и он взял трубку. Она не сразу произнесла его имя, у нее что-то случилось с голосовыми связками, когда она услышала его голос. Они договорились встретиться на следующий день, завтра.

Лене сразу полегчало.

— Вот встречусь, все сама от него и узнаю, лучше так, чем тонуть в догадках и мучиться. Завтра... — и сердце предательски екнуло от этих, казалось бы давно забытых воспоминаний.

Глава 42 Предсмертный вздох любви

На следующий день они встретились. Как и условились, он ждал ее у старого парка в своей машине. Увидев ее издали, Алекс вышел навстречу, похудевший, с отросшей щетиной, которая делала его мужественнее и сексуальнее. Его знакомый запах, глаза... Они как-то неожиданно для обоих потянулись друг к другу, обнялись и так стояли какое-то время, не в силах разорвать объятия. Слова были не нужны, они молча сели в машину и он повез ее к себе, впервые она была у него дома. Как выяснилось, жена в очередной раз лежала в клинике, под надуманным предлогом лечилась от нервного переутомления, а на самом деле от того же алкоголизма.

Все произошло быстро, даже стремительно, едва они переступили порог квартиры. Спустя немного времени, отойдя от пронесшейся бури чувств, Алекс встал перед Леночкой на колени, руками обхватив ее ноги:

– Лена, я без тебя окончательно погибну, прости за все и будь моей женой. Я разведусь с Вероникой, мы давно опостытели друг-другу. Я устал от всего: от ее приступов ревности, подозрительности, ее вспышек агрессии, которые уже и лекарства не могут обуздать. Не бросай меня. Мне удалось скопить денег в тайне от них, мы купим квартиру и нам хватит. Может дом в Испании или Италии. Я буду работать, не пропадем. Только будь со мной! —

У Лены сердце разрывалось от жалости к нему, она помнила и любила его другого, – веселого, остроумного, сильно-го. Ей казалось тогда, что он может все: горы свернуть, если надо. И вот, он перед ней на коленях, умоляет ее...

– Ты ни разу не сказал мне, что любишь меня, даже сейчас не сказал... – произнесла она, глядя на Алекса. – я не уверена в тебе, в том, что ты любишь меня. А самое главное, я не уверена в себе, а это еще хуже. Мы поддались своим воспоминаниям, эмоциям. Стоит ли ломать судьбы близким людям. Я понимаю, что у тебя с Вероникой давно все... Но у меня семья, муж, сын, я не могу думать только о себе. Все не так просто. Я встретила с тобой вовсе не для возобновления наших прежних отношений, но поддалась минутной слабости, жалости, если хочешь. Я виновата, моя вина. А позво-

нила я, чтобы встретиться и от тебя самого узнать правду, что произошло в БРИПе. —

Алекс встал, лицо сделалось чужим и жестким:

– Знаешь, Ленка, (он впервые ее так назвал) – он подошел к буфету, открыл дверцу и достал бутылку виски – Хочешь? – Лена с отвращением отказалась. – В нашем деле, то есть тем, чем мы занимались в БРИПе, всегда можно было найти любую зацепку, чтобы попасть под монастырь. Полно было разработок двойного назначения, – он явно старался «запудрить мозги» Леночке. – Ты ведь далека от науки, вот против нас и возбудили дело. Я все думаю, кому это выгодно? – Алекс залпом осушил содержимое стакана.

Лена, внимательно наблюдая за ним:

– Да, я далека от науки, это верно. Но пропали секретные документы, вернее были обнаружены их следы, всплывшие за границей. – Она смотрела в упор на Алекса. Он молчал и старался не глядеть на нее, затем снова налил себе в стакан и выпил залпом.

Лена с металлом в голосе:

– Хватит пить! Объясни, что такое произошло, что свело в могилу Матвея Львовича?

Алекс, уже опьяневший:

– Матвей Львович, Ленка, был старый человек и умер своей смертью в больнице под присмотром врачей, понятно? Дело будет закрыто, в связи со смертью главного подозреваемого, понятно? —

– Понятно. – ответила Лена, брезгливо смотря на быстро пьянеющего Алекса. – Понятно, что вы с Вероникой все свалили на честного, заслуженного ученого и убили его, свели в могилу. А главное, опорочили его доброе имя, чем он дорожил гораздо больше денег! И знаешь что, держись-ка ты покрепче около своей жены, а то как знать, из свидетелей ты можешь стать главным подозреваемым по этому делу и займешь место Матвея Львовича. – Лена направилась к выходу из квартиры и через плечо бросила:

– Не надо меня провожать, я знаю дорогу домой. – С этими словами она ушла, захлопнув за собой дверь.

Лена шла домой через весь город не разбирая дороги, хотя их с Алексом квартиры были в центре города и если идти коротким путем, то не так уж и далеко находились одна от другой. Но Лене не хотелось идти домой пока она не очистится, не сбросит с себя старый груз, много лет мешавший ей жить с мужем. Она вдруг отчетливо поняла, что стала свободной, именно сегодня она оставила все позади себя и вернется домой к мужу и сыну обновленной, не отягощенной своим прошлым. Да, она поддалась внезапно нахлынувшему чувству, но как оказалось, это был последний, предсмертный вздох ее любви, а может и не любви, а жалости. Бродя и петляя по улицам города, Лену не покидало чувство, что таким образом она роняет на дорогу последние крупинки того, что было у нее на душе все эти годы и когда последняя крупинка упадет ей под ноги, тогда она вернется домой и начнет новую

с Лешей жизнь и, вероятно, когда-нибудь настанет время и она искупит свою вину перед ним, она все для этого сделает. И тут Лена отчетливо почувствовала, что все.., ничего в душе из прошлого не осталось и она может идти домой к своей семье

Глава 43 Новые горизонты

Дело БРИПа в связи со смертью Матвея Львовича благополучно закрыли. Закрыли и сам БРИП. Судьба Алекса и Вероники Леночку не интересовала, а вот Нина.., впрочем после Матвея Львовича только Нина представляла для БРИПа настоящую ценность. Лена позвонила Нине и пригласила в гости. Нина, как всегда спокойная и невозмутимая, воистину королевское качество – выдержка и пунктуальность, у Нины этого с лихвой, а вот Леночке еще учиться и учиться. Конечно, можно все списать на ее лабильную нервную систему...

И вот, ровно в назначенный день и час, как и было условлено накануне, Нина позвонила в дверь квартиры Крыловых. Открывать пошел крестник Нины, Коля. А Лена с Лешей встречали гостью в холле своей шикарной новой квартиры, в которой Нина еще ни разу не была. Коля с Лешей ухаживали за Ниной, помогли ей снять верхнюю одежду, а Леночка проводила ее в ванную помыть руки.

– И все же, как несправедлива бывает судьба к таким

женщинам, как Нина. – размышляла Леночка, окидывая ее взглядом, – ну чем она хуже меня, а ни семьи, ни детей и все ее лучшие годы подходят к концу. Впрочем, за ней пытался ухаживать Ханс, немецкий ученый, кажется тоже профессор-физик, он приезжал к ним в БРИП несколько раз и каждый раз высказывал сожаление, что Нина не работает с ним в Германии. Но так уж получилось, что именно с Хансом Нина проработала эти пять лет в Штутгарте, он помог ей и с контрактом на работу, и с жильем помог. У них так много с Хансом общего, даже внешне они похожи. Нина, прекрасно владеющая немецким языком, свободно общалась с немцами, а Леночка говорила с Хансом по-английски, которым он владеет не хуже родного немецкого. На все галантные ухаживания Ханса Нина только вежливо улыбалась. Она знала, что у Ханса жена, которая уже много лет борется с тяжелой болезнью и Ханс не оставит ее, а Нина тем более не встанет между ними. Нина, – чистая, светлая идеалистка.

– Я бы назвала ее одним словом – Абсолют, к ней лучшего и не подберешь. Абсолют с минимальной погрешностью, стремящейся к нулю, если я еще что-то помню из физики. – с улыбкой глядя на Нину, размышляла Леночка. – Вот и я была такой когда-то, тоже планка была до небес. Так и жила, как девица в светелке, нецелованная чуть ли не до окончания института. Как знать, если б не Леша, может и осталась в старых девах, как Нина. —

В столовой был накрыт стол по случаю приезда доро-

гой подруги и родственницы, все сели и подняли свои бокалы за Нину, за ее возвращение и очевидные успехи. После первого тоста Нина стала вручать свои подарки, всем новые мобильные телефоны, а также разные милые сувениры и мелочи для хозяйства, предназначенные для Надежды Борисовны и Лукинишны. А Коле еще и рюкзак красивый для школы и модные молодежные футболки, Лене – косметику «Нивеа», которую она очень уважала, за высокое качество, несмотря на ее «нацистское прошлое».

– Что ты намерена делать дальше, Нина? Где работать? —

На что Нина с загадочной улыбкой ответила так, как никогда раньше, Леночка и не знала, что Нина так умеет:

– А вот и нигде... Ханс зовет продлить контракт еще на пять лет. Не-хо-чу! – сказала по слогам Нина. – на-до-ело! Поеду к вам на дачу картошку сажать! Возьмете в качестве рабочей силы? А я вам про звезды буду рассказывать...

Кстати, Нина ездила в Кембридж, встречалась с самим Стивеном Хокингом и у нее была с ним небольшая беседа, весьма специфическая по форме, но интересная по содержанию.

– Ну, а если серьезно, – продолжала Нина, – зовут в Москву в головной институт, в наш городской зовут на кафедру и может даже заведовать. Я еще не решила, но не хочется далеко от вас с Колей, у меня, кроме вас и нет никого. – Леночка обняла Нину, а про себя подумала:

– У меня хоть Ира с Любой и мама, конечно, не говоря

А у Леночки началась хорошая полоса в жизни, московский театр поставил по ее книге спектакль о любви молодого графа Петра Петровича и крепостной певицы Дарьи Кольцовой. В книге Лена старалась использовать подлинные документы, письма, которые граф Петр писал своей возлюбленной в Италию, где она училась пению. Лену пригласили на премьеру в Москву, куда они ездили всей своей семьей, включая Надежду Борисовну, которая была счастлива успехам дочери, хоть и старалась не проявлять бурных чувств. Зато Леша или Алексей Михайлович с сыном Колей были в восторге и не сдерживали своих эмоций за Леночку или теперь уже Елену Николаевну.

Московская осень порадовала своим теплом и светом. Они пробыли в Москве несколько дней, ходили по музеям, были в Останкино, бывшем поместье графа Шереметева, где находился его крепостной театр, на сцене которого блистала будущая жена графа Прасковья Жемчугова, в честь которой и был воздвигнут странноприимный дом, являющийся основой и фундаментом московской медицины, на базе которого возник институт скорой помощи Склифосовского или Склиф, как его называют в народе.

Конечно, были в театрах Москвы, которые ожили после мрачных и безысходных 90-х. Москва строилась, хорошела. Осень, зима с ее Новым годом, прошли как-то спокой-

но и по-домашнему уютно. Свой день рождения Леночке отмечать не очень хотелось, тридцать восемь лет стукнуло, какая-то промежуточная и даже скучная дата... Вот Леше в ноябре – сорок! А он уже так многого достиг! Он – профессор, доктор наук, зав. кафедрой, которую принял от Матвея Львовича, всегда надеявшегося на него и хоть должность эта выборная, все были «За». Главное, что Леша счастлив! Леночка все чаще ощущает себя счастливой рядом с мужем, ей хорошо и надежно с ним. Она может спокойно работать в музее, писать книги и не думать о житейских проблемах. Лена знает, что Леша помогает материально тетке Ольге Семеновне, хоть и не говорит об этом, да и сама Лена с годами стала более терпимой к людям и их слабостям. Бытовых проблем у нее особых нет, сын уже самостоятельный, денег им хватает. Главное, чтобы все были здоровы, особенно мама, в августе ей шестьдесят три года, она увлечена дачей, выращиванием цветов, ягод и овощей.

– И все же я счастливая! Только бы все были здоровы. Спасибо Леше, это он создал для меня жизнь полную материального благополучия и комфорта. Как хорошо, что я не наделала тогда глупостей и сохранила семью, ее спокойствие. И вот я счастлива рядом с мужем, а он, по-моему, всегда был счастлив со мной и любит все также сильно и нежно... – умиротворенно размышляла Леночка в часы тихого семейного счастья.

– Коля учится хорошо, уже в 8 классе, он не круглый от-

личник, как его мама, которая в школе обладала негласным титулом «Мисс образцово-показательная ученица», – Лена с улыбкой вспоминала, как не желала быть образцово-показательной общественницей, не смотря на уговоры АЭС и ОГО. – Ну, не мое это, не мое! Я вся в папу, он тоже не лез в партию с надеждой сделать карьеру, а тихо сидел и работал, а я всего лишь продолжаю его дело, не говоря уж о Любе, та, вообще, этому решила жизнь посвятить. У нее столько трудов, что потянет на кандидатскую, только Любе этого не надо, она тоже, как папа, с одного с ним поля ягода. —

Леночке иногда немного жаль Любу, она явно сублимирует, старается работой себя загрузить. Ирочка в Москве, ей двадцать пять лет и они ожидают с мужем первенца. Связь с Иррой Лена не прерывает, они постоянно перезваниваются, но последнее время, работая бок о бок с Любой, Лена очень сблизилась с ней и по-настоящему подружилась.

15 марта Коле исполнилось четырнадцать лет. Уже голос поменялся и усики пробиваются... Высокий в своего папу, а лицо – мамино и он очень напоминает своего дедушку, судя по его детским фото. Лена как-то на даче в летнюю жару заплела косички и они пошли с Колей в деревенский магазин, что-то купить, так ее там за Колину сестру приняли, так было смешно!

Лена подошла к зеркалу и посмотрела на себя внимательно... О, эти безжалостные зеркала! Самые честные и неподкупные свидетели. Придирчиво оглядывая себя со всех сто-

рон, Лена пришла к выводу, что несмотря на свои тридцать восемь лет, выглядит она вполне прилично, просто ей надо встряхнуться, походить в СПА-салон, купить что-то модное для себя. Давно она не шоппинговала от души, а ведь было время... Лена себя остановила, чтобы мысли не потекли в сторону времен и событий БРИПа. Она тут недавно на улице повстречалась с Лешей Скворцовым, ему тоже уже за тридцать, женат, ребенок, занимается каким-то небольшим бизнесом. Денег на жизнь в науке не хватало, вот и переквалифицировался, если не в управдомы, то что-то в сфере услуг, компьютеры ремонтирует. Город их небольшой, периодически на кого-нибудь и наткнешься. Только одного, вернее, двоих людей Леночка не желала и даже боялась встретить, – Алекса и его жену Веронику, но Бог миловал. По музеям они не ходят, а Лена с мужем не ходят в те немногочисленные значные места города, где по слухам их можно встретить. Бухают на пару, наверное...

И Лена решила сходить в СПА-салон, чтобы всю себя привести в должный вид: от педикюра-маникюра до стильной стрижки и покраски волос в модный оттенок. На выходе, уже в дверях она столкнулась лицом к лицу с женщиной. Они сразу узнали друг друга, хоть и не подали виду. Это была Вероника. Лена пропустила ее вперед в салон, а сама вышла на улицу, села в машину и уехала. Приехав домой, она старалась отогнать от себя этот неприятный образ. Вероника старше ее лет на двенадцать, следовательно, ей пятьде-

сят. С высоты своих неполных сорока Леночка по сравнению с ней, просто девочка. Фигура у Вероники оплыла, не прошли без следа ее запои, и не смотря, что одета она была модно и дорого, было в ней что-то неряшливое.

– Но она ведь только входила в СПА-салон, а я уже выходила, вся при параде. – Леночке хоть и было наплевать на Веронику, но все равно приятно. Ох, женщины... И тут она вспомнила, что собиралась заехать в модный бутик, в котором ни разу еще не была, надо прикупить себе обновок, ведь в начале осени ей предстоит поездка в Англию, где будет премьера спектакля по ее книге в рамках международного театрального фестиваля. Леночка допила кофе и решила съездить в бутик прямо сейчас, не откладывая, тем более она в новом образе и с новой прической, что поможет ей правильнее определиться со стилем при выборе одежды. Она взяла кредитную карту, на которую Леша регулярно перечисляет ей деньги, а тратит она немного, так как покупки и коммунальные платежи Леша сам оплачивает. Сумма на карте была вполне приличной и Леночка с благодарностью подумала о муже.

В модном бутике, с обнадеживающим названием «Подлинная Леди», было пусто и почти никого.

– Наверное, ценами своими всех распугали. – догадалась Леночка. – Провинция, это не Москва, вот там были цены! – Лена вспомнила свой поход по магазинам Москвы прошлой осенью, когда была приглашена с семьей на премьеру спек-

такля по ее книге. Она специально ничего не стала покупать в Вологжанске для такого случая, понадеясь на модные магазины Москвы, о чем тогда очень пожалела. Цены в разы выше вологжанских на наряды одних и тех же брендов! Она даже упорно и принципиально не хотела ничего покупать, но не ехать же за этим в Вологжанск! Тем более, что и времени у нее не было, а идти на премьеру в чем-то надо... Как всегда выручил ее рыцарь по жизни – Леша. Они потратили кучу денег с его карты, но...

– Главное, чтобы тебе нравилось. – только и сказал он, рассчитываясь своей картой.

– Нет, теперь я ученая! Лондон город дорогой, – об этом Леночка знала давно. – у меня куча времени до поездки, еще успею подкупить себе кое-что, не разорив окончательно мужа. – И она подошла к вешалкам с одеждой. Начала с главного, – с легкого пальто для конца лета, начала осени. Выбрала серый тренч или плащ по-русски, затем под него трикотажное платье того же цвета, только более светлого тона. Лена знала, что серый цвет ей идет, он благороден и подчеркивает цвет ее глаз. Время алых платьев закончилось давно, как и красных комбидрессов и безумного эротического белья, которое она тщательно прятала от мужа в потаенных уголках и которое давно выбросила, несмотря на его дороговизну. Если бы она предстала в подобном белье перед мужем, он ее попросту б не понял... А может она не права и зря так всю жизнь думала, и была скупа на эротические ласки

с мужем... И почему бы он ее не понял? И чем ее Леша заслужил такой аскетизм и «вечный пост» со стороны Лены? Она вспомнила, как на его робкие попытки как-то разнообразить их сексуальную жизнь, она так «шуганула» его, что, наверное, напугала на всю жизнь. Как знать, может у Леша в памяти все еще сидит то его «грехопадение» тогда, на мальчишнике у Вити и он чувствует себя до сих пор виноватым... Как иногда бывает непросто разобраться с близким человеком, гораздо легче чужим советы давать. —

И Лена продолжила делать покупки, в результате чего в этот день она вернулась домой с множеством пакетов и пакетиков, а на карте еще остались деньги, что гладило и успокаивало Леночкину совесть. Главным добытчиком в семье был по-прежнему Леша, несмотря на его небольшую зарплату ученого. В институте он работал не ради денег, это было сразу ясно, но он периодически получал свои комиссионные от патентов, так что жили они безбедно, а главное, стабильно. Про зарплату Леночки в музее можно даже и не упоминать, в денежном эквиваленте это было ничто, книги тоже денег приносили немного. Режиссер Резо говорил что-то про причитающиеся Леночке авторские от спектаклей, она подписывала с ним какие-то бумаги, но денег пока так и не получала. Резо как-то звонил, пообщался с ней по телефону и сказал, чтобы она продолжала писать пьесы, а он их будет ставить на сцене театра. Лена постеснялась спросить про деньги, но Резо сказал, что номинация на международный

фестиваль,— уже успех, который освящается в прессе. Главное — впереди, нужно получить премию в Лондоне, вот тогда и деньги пойдут, а как следствие, возрастет ее популярность и тиражи книг. Может он и прав, ему там в Москве виднее.

Глава 44 Театр для англичан, или Главная встреча

Резо Давидович Иофселиани, грузин по происхождению и москвич по рождению, принадлежал к старинному дворянскому роду, корни которого ведут аж во времена Ивана Грозного. Много поколений его славного рода проживало на территории русского государства, затем Российской империи, СССР, а теперь и новой России. Среди его предков было много выдающихся личностей самых разных профессий, но сам Резо принадлежал к ветви деятелей искусства, династии творческих личностей, связанных с театром, кино и литературой. Несмотря на столетия проживания в России, все они, принадлежавшие к этому старинному благородному роду, были крепко спаяны со своей исторической Родиной, историю которой они прекрасно знали и гордились этой маленькой, но такой самобытной страной. Резо было тридцать пять лет, он был отмечен той специфически-благородной красотой, которая присуща только южанам, хоть он и его предки прожили пол тысячи лет в такой северной стране, как Россия. И несмотря, что мать Резо была чистокровной русской, южная кровь брала верх и нежная славянская кра-

сота матери лишь сгладила кавказский типаж сына, от чего в его правильных чертах лица и во всем облике была удивительная смесь южного темперамента и хороших манер, обусловленных воспитанием в интеллигентной московской среде. И хотя темперамент иногда зашкаливал, Резо умел заставить взять себя в руки. У Лены было несколько случаев, когда она была тому свидетелем. Она впервые близко общалась с грузином, хоть и потомственным россиянином и москвичом. Работа над спектаклем требовала тесного контакта, жить подолгу в Москве Лена не могла и лишь несколько раз приезжала на день-два по приглашению Резо, чтобы посмотреть на репетиции и актеров, которым предстоит играть в ее пьесе, вернее по ее книге, т.к. сценарий писал сам Резо и основные разногласия и трудности были именно в этом. Резо увлекался настолько, что дай ему волю, он из Леночкиного романа сделал бы что-то вроде «Ханумы», о чем она ему прямо и сказала, чем окончательно обезоружила расхохотавшегося до слез режиссера, после чего он поднял вверх руки и полностью сдался автору – Леночке или Елене, как он ее называл.

И вот они в столице Англии, в районе Вест Энда, театральной Мекке Лондона, где буквально театр на театре. Резо бывал здесь и не раз. А для Леночки все впервые. От одних фамилий знаменитостей на афишах кругом голова. Хью Джекман, Даниел Крейг, Бредли Купер, Джуд Лоу. Эти фамилии были ей, конечно, знакомы, она видела фильмы с их

участием, но увидеть вживую на сцене Джуда Лоу... Это же фантастика! Лена остановилась у афиши «Гамлета» на которой Джуд Лоу в растянутом свитере с черепом в руке в роли Гамлета. Она стояла замороженная, не в силах отойти от освещенной афиши. Резо улыбнулся: – Обязательно сходим на «Гамлета», я и сам мечтаю посмотреть, такие восторженные отклики во всей прессе! Самые строгие и придирчивые критики высоко оценили работу Джуда, впрочем, некоторые из особо щепетильных, все же отметили, что остальные актеры слишком слабы и Джуду якобы легко блистать с недотягивающими до него партнерами. Но мы сходим и сами увидим. – добавил Резо.

Театралкой Леночка не была, она больше любила книги, но премьеры в Вологжанском театре драмы старалась все же не пропускать и была поражена, что Леша оказался театралом, именно он покупал им билеты. Во время спектакля, сидя рядом с мужем, Лена искоса поглядывала на него, он был настолько погружен в происходящее на сцене, что, наверное, не заметил бы если б она все время смотрела на него, а не на сцену. На лице Алексея одна эмоция сменяла другую, а Лена сидела рядом и думала:

– А я всю жизнь считала его за цикленым на науке технарем-сухарем. И ничего-то я о своем муже не знаю... —

У Резо, Лены и исполнителей главных ролей в спектакле брали интервью, но премьера и сам фестиваль, все это было впереди. Надо было на деле доказать, что они здесь не слу-

чайно и уж тем более не по чьей-то протекции, которая, чего греха таить, частенько имеет место быть в театральных кругах, а особенно в шоу-бизнесе.

Россия страна театральная. Еще во времена крепостничества зарождались первые театры, где актерами были крепостные, отобранные барином люди. Великий Щепкин был из крепостных. Леночке, как историку, все это было хорошо известно, собственно и ее пьеса была о том же, – о любви барина к крепостной актрисе. Не все господа были извергами, подобно князю в «Сороке-Воровке» Герцена или в «Тупейном художнике» Лескова. Граф Петр искренне любил свою Дарьюшку и несмотря на отца женился, хоть и был лишен за это наследства. Его с Дарьей сын Дмитрий и стал основателем династии врачей. А Олег является продолжателем этой почетной династии, как и его отец и дед. Пьеса этим и отличалась, а именно своей подлинной, невымышленной историей, имеющей ныне здравствующих потомков. Ветвь Олега ясно прослеживается, а вот с потомками второго сына Семёна Петровича, Николая Семеновича все сложнее; эмиграция после октябрьского переворота, затем следы их обнаруживаются во Франции, затем обрываются во время второй мировой. Но сердцем и интуицией ученого Лена чувствовала, что возможно остались хотя бы отростки от этой когда-то могучей и разветвленной ветви. А когда пал «железный занавес», да и эпоха интернета все увереннее наступает, надежды Лены разыскать что-то, выводящее на след потомков Николая

Семеновича только возрастали.

И вот настал день показа спектакля взыскательной лондонской публике. Она с Резо, конечно, волнуется, но актерам еще сложнее – они выучили текст на английском, много сил было затрачено на устранение акцентов и четкость произношения. С актерским составом спектакля работала опытный лингвист-переводчик, в профессионализме которого сомнений не было. Лена даже подружилась с этой дамой, а именно Лилией Генриховной, очень милой, но вместе с тем строгой и ответственной. Лилии Генриховне было под шестьдесят, она много лет прожила в Лондоне с мужем-дипломатом и прекрасно знала и любила этот город. Она многое рассказала Лене о Лондоне и лондонцах, и уже будучи самой в столице Соединенного Королевства, Лена с благодарностью ее вспоминала. Именно Лилия Генриховна и рассказала ей историю возникновения театров в Англии, о любви и даже поклонении англичан театру. В средние века члены королевской фамилии, а по слухам и короли, принимали участие в спектаклях. Так что, если «Поэт в России, больше чем поэт», то можно высказаться в подобном духе, что «Театр в Англии больше, чем театр».

Спектакль имел успех! Совпало все: и историческое место Лондон, и подлинный интерес к культуре России, который никогда не ослабевал. Времена перемен всегда интересны, а Россия в переменах пребывала весь 20 век и в наступившем 21 веке перемены, происходящие в России, – бур-

лящей стране, в ее вечно-распятом положении между Востоком и Западом, всегда будут загадкой для тех и для других. И еще, Россия вечно одинока, как бывают по-настоящему одиноки только русские женщины, тянущие на себе все что под силу и не под силу.

Леночка, сидящая в зале, тоже была одинока, у Резо было свое режиссерское место, где он пребывал все действие, подобно капитану на капитанском мостике и где ему при необходимости было удобно, не мешая зрителям, покинуть его. А Лена смотрела на сцену, потом на лица людей в зале и это казалось ей если не сном, то каким-то чудом. Как-будто кто-то свыше сам пишет историю ее жизни и переворачивает страницы. Она в Лондоне... Что это? С ней ли это? Она – Лена Крылевская или это какая-то ошибка?

И вот занавес! Им аплодируют стоя. Резо подал знак, что ее просят подняться на сцену. Успех! Несомненный успех! Лена отчетливо видит и узнает в зале лица знаменитостей, афиши которых она видела в Вест-Энде! Вот и он, Джуд Лоу с его удивительным пронзительным взглядом голубых глаз... он улыбается ей!!!

Из состояния нереальности восприятия события ее вывел Резо. Он тихо шепнул, что с ней хочет познакомиться потомок графа Воронцова-Хрусталева, он присутствует в зале. У Лены сердце ухнуло... – Кто? Может Олег? Но тогда почему знакомиться, они знакомы... – Больше ни о чем Лена думать не могла, как о предстоящей встрече с незнакомым

ей потомком графского рода и ее земляком.

Когда все немного стихло и они сошли со сцены, в фойе театра к ним с Резо подошел еще достаточно молодой мужчина и обратился со словами:

– Разрешите представиться, Дмитрий Николаевич Воронцов-Хрусталеv, прямой потомок графа Воронцова-Хрусталева и близкий родственник Олега Геннадьевича, о предках которых Вами была написана книга и поставлен сей замечательный спектакль. Мужчина улыбался, глядя Леночке прямо в глаза. На вид ему было не больше сорока лет, стройного телосложения, чуть выше среднего роста, с приятными и правильными чертами лица. Леночку больше всего в нем поразили глаза, они напомнили ей глаза Олега. Глядя на графа и слушая его прекрасный русский язык, несомненно сформированный русской классической литературой, Леночка воочию заглянула вглубь истории. Как многое ей нужно спросить у графа или просто Дмитрия Николаевича, как он просил называть его. Вот они и встретились...

– О, если бы был жив папа! Вот уж он бы знал, что спрашивать у Дмитрия Николаевича! —

А Дмитрий Николаевич продолжал:

– Я буду счастлив видеть Вас и Резо Давидовича у себя. В любое удобное для вас время. – и он протянул визитку Леночке. – Затем они распрощались и Дмитрий Николаевич удалился. А к ним подошли еще какие-то люди из СМИ, но с ними говорил Резо, окруженный журналиста-

ми. Лена дала ему знак, что уходит. Она немного устала и нужно еще позвонить из гостиницы домой, она знала, что Леша с Колей не уснули и ждут от нее звонка, чтобы узнать, как прошел спектакль. Такси уже ожидало около здания театра. Лена оделась в фойе и стараясь не привлекая к себе внимания, уйти из здания театра. В фойе под вспышками фотокамер она увидела знакомые лица звезд; Сиену Миллер, Джуда Лоу, того же Крейга, а также Рейчел Вэйс и Натали Портман, которые ей всегда нравились.

Глава 45 Дмитрий

Дмитрий Николаевич позвонил Лене или Елене Николаевне на следующий день в полдень и пригласил их с Резо к себе в гости на ужин. Резо был занят и Лене пришлось одной принять приглашение. Договорились, что Дмитрий, так он просил себя называть, заедет за Еленой в гостиницу к трем часа дня. До ужина еще было время, поэтому Дмитрий решил показать Лене Лондон, свои любимые места. Дмитрий попросил Елену стать его гостьей в Лондоне. Город, который давно стал для него родным, хотя родился он в Париже в 1967 году и был старше Елены на четыре года. В Париже он прожил с родителями до семи лет, а в 1974 году родители переехали в Лондон. Дмитрий учился в Harrow School знаменитой не только своими соломенными шляпами сквош, но и, конечно, историей. В этой одной из старейших привилегиро-

ванных школ Лондона учились Ньютон, Дарвин, Байрон, Набоков, Черчилль и многие другие выдающиеся личности. Далее он поступил и закончил Кембридж. Это дорогое, элитное образование требовало немалых средств, но у отца Дмитрия дела пошли в гору, он успешно занялся антиквариатом и предметами искусства, открыл салон, а затем и галереи в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. В их доме постоянно бывали знаменитости. Дмитрий так и остался единственным сыном Николая Петровича Воронцова-Хрусталева и Елизаветы Ивановны Ольговской из старинного княжеского рода. Его дед по отцу Петр Александрович (1910г.р.) во время оккупации немцами Парижа отказался сотрудничать с фашистами, за что был отправлен в Освенцим вместе с семьей: женой и малолетним сыном Николаем (1940г.р.) Ему, отпрыску и прямому потомку славных родов, удалось каким-то провидением выжить в условиях лагеря, а вот сам Петр Александрович так и погиб в лагере, поэтому долгое время считалось, что вся семья погибла, а вместе с ней и род графа Воронцова-Хрусталева. Но, к счастью, это было не так. Род сохранился в лице Дмитрия и его ближайшего родственника Олега. И они нашли друг друга, вернее искал и нашел Дмитрия все же Олег. Ему удалось напасть на его след через «Красный Крест», они списались через интернет, затем была встреча, знакомство, переросшее в дружбу и по-настоящему родственные отношения. С тех пор они постоянно общаются и хотя вид их деятельности никак не пересекается, но есть

родство душ и взаимный интерес к истории рода их предков.

Прекрасное время начало осени, особенно в такой чудесный солнечный день. Лондон славится своими туманами и дождями, но в приезд Лены было светло и много солнца. Тауэрский мост, Биг-Бен, Букингемский Дворец – официальная резиденция правящей династии, Собор святого Павла, – все это есть в интернете, но хотелось все увидеть воочию. Они походили по Трафальгарской площади, где проходит британский нулевой километр, полюбовались на небоскреб Мэри Экс 30, кто-то сравнивает его с яйцом, кто-то с огурцом, а некоторые и с фаллосом. Леночке очень хотелось в Британский музей, но этому нужно посвятить целый день, чтобы не торопясь походить по его залам. – Мы еще сходим с Вами и в музеи, и в другие интересные места – заверил ее Дмитрий. Они сели в машину и поехали к нему домой.

Дом Дмитрия располагался в престижном районе северного Лондона – Прим Роуз Хил. Старинный особняк, окруженный английским садом. В доме антикварная мебель, ковры, гобелены и посуда, – все указывало на род занятий хозяина и на его великолепный вкус. Дмитрий показал ей свою личную коллекцию картин русского авангарда, а также Советского соцреализма. Среди полотен знаменитых мастеров: Шишкина, Айвазовского, Репина, Сурикова, Лена увидела знакомый пейзаж ее родного города Вологжанска с его ста-

ринным Кремлем. Любимый пейзаж местных художников, но манера письма и цветовая гамма очень напомнила ей руку художника Раковского, отца Марины. Лена определенно видела ее когда-то и подойдя ближе спросила:

– Это Раковский?–

– Да... – несколько удивленно произнес Дмитрий Николаевич – недавно приобретен мною. Если хотите и располагаете временем, то я приглашаю Вас посетить завтра открытие Вернисажа русской живописи 19—20 веков. Там будут и полотна Вашего земляка, художника Раковского Виктора Васильевича. А сейчас, если Вы будете так любезны, мы с Вами отужинаем. Пройдемте в столовую. – пригласил Леночку Дмитрий, галантным жестом указывая на дверь столовой, где уже был накрыт стол на две персоны.

Лену все же иногда смущали его манеры, выдающие в нем аристократа, но снобом Дмитрий не был, его поведение было возвращено в нем с молодых ногтей и было для него столь естественно, как дышать. Лена понимала это:

– Просто к этому надо привыкнуть, принять как данность. – отозвалось в Леночкиной душе. И сразу как-то незаметно она отметила про себя:

– Он прекрасен... Принц, ну или Король в моих когда-то грезах... —

Столовая с огромным дубовым столом, покрытым белой льняной скатертью, поражала какой-то патриархальностью. Стены были обиты бледно-лиловым шелком и пане-

лями из дуба. На столе стоял сервиз с вензелями рода Воронцовых-Хрустальных, изготовленный под заказ на императорском фарфоровом заводе, блесстело фамильное серебро. Лена невольно залюбовалась этими раритетами, мелькнула мысль: – И как им удалось все это вывести из пылающей бунтарской России? – На что, каким-то образом догадавшийся, Дмитрий произнес:

– Это все куплено на аукционах... часть моим отцом, а большую часть я отслеживал в антикварных салонах. Да, покупали свое же, стараясь, чтобы не попало в чужие руки. Признаюсь, я бы чувствовал себя гораздо хуже, если б знал, что в чужих домах, чужие люди едят из нашей посуды, пользуются нашими вещами. Я все хочу спросить Вас, Елена, в каком состоянии дом и какая моя помощь может Вам пригодиться? – Лена рассказала правду и о разграблении дома музея, и о запущенности парка. Дмитрий указал Лене на одну из картин, висящих на стене. Она подошли ближе и увидела, что на картине, датированной 19 веком, изображена усадьба графов Воронцовых-Хрустальных в ее лучшие времена, во всем былом блеске и великолепии. Перед ней была знакомая графская усадьба бледно-желтого цвета с белыми колоннами и лепниной, окружавший усадьбу парк с его длинными и ровными аллеями, пруд перед домом, о существовании которого Лена знала, но увидела его впервые на картине. Лена молча рассматривала полотно, чтобы не упустить детали. Дмитрий тихо подошел сзади и произ-

нес:

– Я подарю вам каталог, там есть эта картина. Простите, что не могу подарить Вам подлинник, так как он очень дорог мне и я часто рассматриваю его, он, как живая связь с Родиной моих предков. Я родился в Париже, учился и по сей день живу в Англии, но считаю своей Родиной Россию. Сожалею, что ни разу там не был, о чем страстно мечтаю. Олег тоже хочет приехать в Вологжанск, чтобы показать мне его, да и сам он скучает по родному городу. Он рассказывал о Вашем отце, как о человеке много сделавшим для истории края, для усадьбы и ее сохранения. А теперь Вы продолжаете дело своего отца. Поэтому мы с Олегом договорились, что будем помогать Вам, что в наших силах. Я могу помочь обставить усадьбу антикварной мебелью и предметами быта. Прошу Вас не стесняться и впредь открыто обращаться ко мне за помощью, буду рад помочь. А сейчас давайте ужинать, попробуйте, что нам приготовил повар, который служит у нас в третьем поколении. Представьте, он тоже русский и обещал угостить нас сегодня русской кухней.

Ужин и по набору блюд, и по времени, а было всего лишь 17 часов, справедливее было бы назвать не ужином, а поздним обедом, так как были поданы русские щи с расстегаями, рагу мясное с лисичками, салат из крабов и, конечно, блины с икрой. Все было просто, но очень вкусно. Повар у Дмитрия Николаевича был потомком русских эмигрантов, его дед и отец работали в семье графа еще в Париже. Леночка впер-

вые отведала эту русскую экзотику и аппетит ее сдерживался лишь засевшей в мозгу Мамушкой из «Унесенных ветром»:

– На людях леди должна как птичка клюнуть, а не набрасываться на еду. —

Так и Леночка, вкусив всего понемногу и поблагодарив хозяина за ужин и прием, засобиравалась в гостиницу. Позволил Резо и сказал, что они вечером идут на «Гамлета» с Джудом Лоу. У Лены осталось совсем немного времени, чтобы переодеться в платье для театра и не опоздать к началу спектакля. Она вызвала такси и распрощалась с Дмитрием, когда усаживалась в автомобиль. Договорились, что завтра они идут на Вернисаж русской живописи и Дмитрий заедет за ней в гостиницу к полудню. Все оставшиеся дни у Лены были расписаны буквально по часам и минутам, им еще предстоит дать интервью на радио и телевидении, надо все и везде успеть.

И вот она с Резо в Wyndham*s Theatre на «Гамлете» с Джудом Лоу. Сейчас она увидит знаменитую пьесу великого автора на его исторической Родине, с английским актером первой величины. Кто не знает Джуда Лоу? Может и найдутся такие люди, но если им показать его фото, то наверняка вспомнят, что видели его в кинофильмах. А Леночке ужасно хотелось бы увидеть поближе Джуда Лоу, заглянуть в его знаменитые лучистые глаза. Резо встречался с ним тогда, на их лондонской премьере, и почему она так заторопилась в го-

стину.., конечно, дома ждали Леша и Коля, они не могли уснуть, не дождавшись звонка от нее...

На сцене почти нет театральных декораций. Джуд-Гамлет в свитере, Офелия – чернокожая актриса, но Лоу играет потрясающе, сколько в нем трагизма и экспрессии. На поклон вышел в темной рубашке, насквозь промокшей от пота. А после спектакля он выходит к поклонникам и раздает автографы всем до одного. Лене даже захотелось побыстрее выйти на улицу, чтобы дожидаться выхода Джуда и если повезет, взять у него автограф, но Резо, взяв Лену за руку, уверенно повел ее за кулисы. И вот они у двери гримерки. Резо постучал, изнутри гримерки она услышала по-английски: – Заходите. —

Лена буквально обмерла – это был голос Джуда. Резо открыл дверь и к ним подошел еще не успевший переодеться после спектакля, сам Джуд Лоу. Они пожали руки, Резо представил ему свою спутницу и соавтора, и тут Лена отчетливо увидела лицо Джуда, взгляд его пронизательных серо-зеленовато-голубых глаз. Есть свидетельства очевидцев, что при дневном свете его глаза напоминают бирюзу. В помещении свет от лампы над гримерным столиком был приглушенным, поэтому Лене трудно было определить цвет глаз, но взгляд, его выражение она запомнила надолго. Они обменялись с Джудом несколькими фразами и пожеланиями приехать со спектаклем в Москву, где его будет ждать заслуженный успех, так как Лоу знают и любят в России. После улы-

бок и совместного снимка с Джудом, они очень тепло распрощались. Леночка была покорена этим человеком, никакой «звездности», он был естественен и прост в общении. Уставший после спектакля, он не подал виду, а на улице его дожидалась целая толпа поклонников в расчете получить автограф. Уже в машине, счастливо улыбаясь от этой неожиданной встречи, Леночка размышляла:

– Этот вечер будет со мной до конца моих дней, его нельзя стереть из памяти, это будет приятная «зарубка» на ней... —

Прежде чем зайти в свой гостиничный номер, Лена пожала руку Резо со словами:

– Спасибо за сегодняшний вечер, Резо. —

На что он, то ли шутя, то ли серьезно, посмотрел на Леночку и сказал:

– Как, и это все? – Лена даже растерялась на секунду.

– А что ты хочешь, Резо? – спросила она опомнившись.

– Поцелуя... – он смотрел на нее своим горящим взором, который присущ только людям «кавказской национальности», сколько бы лет они и не прожили в Москве. Лена подалась вперед и поцеловала Резо между подбородком и его щекой, успевшей покрыться щетиной за этот вечер. Это был, наверное, самый невинный поцелуй за всю ее жизнь. А он взял ее рукой за подбородок и впился в ее губы горячим поцелуем. Это был всего лишь четвертый мужчина, который поцеловал ее в губы за все ее тридцать восемь лет, не считая те давние пьяные поцелуи Роберта на дне рождения Тани,

сколько лет пролетело, а омерзение так и не прошло. Но Лена успела почувствовать разницу... Все они разные, все по-разному целуются и любят тоже по-разному, но с Резо у нее ничего не будет, она сразу дала ему понять при их первых же встречах. Да и зачем, у него в труппе полно актрис, которые почли бы за честь, а Лене это совсем не нужно. Она сказала тогда, глядя в глаза Резо, что уважает и любит мужа, первое – правда, а вот второе... Но Резо поверил и оставил свои надежды даже на кратковременный роман и вот... такой порыв горячего кавказского мужчины! Лена резко отвернулась и вошла к себе в номер, оставив Резо одного в гостиничном холле.

Уже после вечернего душа, лежа в постели, Лена немного отошла от театрального потрясения «Гамлетом» и мыслями вернулась к Дмитрию: – Завтра мы идем на Вернисаж, – и она с улыбкой заснула.

Глава 46 Прогулки по Лондону

Утром, едва отойдя ото сна, она уже предвкушала встречу с Дмитрием. Какой все же подарок ей преподнесла судьба! Как бывает порой непредсказуема жизнь. Рубили под корень графский род; и революция была, и эмиграция, и Вторая мировая война с ее ужасами Освенцима. По линии Олега тоже прокатился каток репрессий: лагерь, расстрел его деда Николая Михайловича в 1937 году. А ведь так и не ис-

коренили род Воронцовых-Хрустальных. Она знакома и даже подружилась с прямым потомком графа, предки которого так много сделали для ее родного города, да и края в целом. Неудобно было расспрашивать графа о его семье, детях. Может при подходящем случае она и спросит. Да и стеснение здесь как-то не уместно, она же не собирается замуж за Дмитрия. Как и условились, Дмитрий заехал за Леночкой в назначенное время, в 12 часов по полудню.

Осенью Лондон становится главным центром современного искусства и буквально насыщен культурными событиями: – открытиями выставок в галереях и музеях, торгами в аукционных домах и год от года приток посетителей и туристов только растет. Лондонская галерея модернистского и современного искусства входит в группу галерей Tate Modern, в ее коллекции находятся произведения мирового искусства, созданные с 1900 года. Сегодня здесь соберется весь бомонд Лондона и не только Лондона. Среди гостей Леночка заметила несколько кинозвезд, а также богатых представителей шоу-бизнеса. Так Леночка неожиданно для себя попала под вспышки объективов кино и фотокамер. Это было вызвано и успехом спектакля, поставленного по ее книге, о котором уже написали во многих газетах, а также и тем, что стояла она рядом с известным галеристом и меценатом графом Дмитрием Воронцовым-Хрусталевым, одним из настоящих ценителей и знатоков современного искусства, к оценке которого прислушиваются все, особенно аукционные до-

ма, в которых уже начались осенние торги.

Впервые за свою жизнь Леночка почувствовала себя в центре внимания среди сливок общества, да еще и в Лондоне. Ей здорово помогло то, что тогда в БРИПе она занималась английским. Она даже вспомнила с благодарностью Алекса, ведь это была его идея, на которую он денег не жалел. Но особенно помогло знакомство и общение с Лилией Генриховной, она первая ей рассказала про Лондон и англичан столько тонких подробностей, которые помогли несведущей Леночке влиться в английское общество, не наделав грубых ошибок. Что греха таить, англичанам свойственен некий снобизм, который они иногда усиленно скрывают. Дмитрий – другое дело, но ведь в нем течет русская кровь, хоть и вырос он далеко от Родины. Вспомнилась аналогия с Резо и Лена позволила себе внутренне усмехнуться, хотя это никак не отразилось на ее лице:

– Еще немного и ты станешь такой новоиспеченной Элизой Дулитл из «Пигмалиона» Бернарда Шоу, только и осталось завести с кем-нибудь разговоры о погоде... —

Хотя надо признать, что цветами Леночка никогда не торговала. Да, родилась она в небогатой, но интеллигентной семье. Вспомнился папа... И как бы он отнесся к этому блеску и гламуру, окружившими его дочь. Но, несомненно, он был бы рад и горд, что не прервался славный род Воронцовых-Хрустальных, тесно связанный с его родной землей.

Дмитрий уверенно повел под руку Леночку по залам га-

лереи, где был представлен русский авангард начала 20 века. Лену поразили глубокие знания Дмитрия в современном искусстве, многих художников он знал лично, встречался с ними еще в детстве и юности, когда они приходили в их дом к отцу, основателю семейного дела по продаже предметов современного искусства и антиквариата.

Вдруг среди гостей Леночка увидела знакомый профиль, женщина повернулась и Лена сразу узнала Зою Николаевну, мать Марины. Прошло столько лет, но увидев однажды это лицо, его трудно позабыть.

Есть женщины, а есть женщины-богини, тот редкий тип, к которому, несомненно, принадлежала Зоя Николаевна. Величественная осанка, грация движений, многозначительное молчание, немногие, но весомые по значению фразы. Умение ходить, носить одежду, все в ней было изыскано. Трудно было понять, откуда у нее, уроженки Сибири, такая королевская стать. Всю свою сознательную жизнь Зоя скрывала, что являлась правнучкой царского генерала, оказавшегося в годы революции в Сибири и погибшего от рук бандитов. Отец Зои каким-то образом избежал репрессий и дослужился до высокого военного чина, несмотря на то, что его отца, Зоиного деда расстреляли незадолго до войны, все в том же 1937 году. Об отце Зое было известно немного, она только знала, что он работал в закрытой зоне и был военным инженером в погонах. Зою воспитывала в Томске бабушка, мать была врачом и проживала по месту находде-

ния мужа, который в силу секретности или еще каких-то неизвестных причин был ограничен в свободе. Мать периодически приезжала к ним в Томск, чтобы отвезти дочь показать отцу. Зоя помнила высокую фигуру отца, он уже тогда начал кашлять, вероятно поэтому визиты маленькой Зои и ее встречи с отцом прекратились, у него обнаружили открытую форму туберкулеза, свирепствующую в тех краях. Мать Зои ненадолго пережила своего мужа и восьмилетняя Зоя осталась одна со своей бабушкой, которая заменила ей родителей. Больше у Зои родственников не было, за исключением родной сестры бабушки, которая жила за границей. Бабушка была немногословна и Зое мало чего было известно. Она лишь знала, что они принадлежат по своему происхождению к чуждому классовому элементу общества, а проще, как тогда иногда называли, из «бывших». У Зои или Зои Николаевны Бурминой интересная история жизни, но об этом несколько позднее на страницах романа, как знать, может она сама о себе поведаст нашей Леночке, которую тоже узнала, несмотря на то, что они всего несколько раз мельком встречались и довольно давно, в последний раз тогда, в Склифе шестнадцать лет назад. Лена увидела, как распрощавшись со своими собеседниками, Зоя Николаевна идет по направлению к ней с Дмитрием, который завидев Зою, двинулся ей навстречу. Исходя из этого, Лена догадалась, что они знакомы. Дмитрий подвел Зою Николаевну к Лене, чтобы представить их друг-другу:

– Познакомьтесь, – это писатель, драматург, ученый-историк и моя добрая знакомая из родного мне вологжанского края, Крылова Елена Николаевна. Спектакль по ее книге имеет огромный успех. И что особенно приятно лично для меня, книга, написанная Еленой Николаевной посвящена роду, одним из потомков являюсь и я.– Лицо Дмитрия просияло от улыбки. Он продолжил:

– А это Зоя Николаевна Уинстон, – тоже моя добрая знакомая, супруга моего давнего друга, коллекционера и мецената сэра Джона Уинстона.

Зоя подняла на Леночку свои внимательные глаза, внутри которых блуждали огоньки и тихо произнесла:

– Мне знакомо Ваше лицо. Вы Лена, Лена Крылевская?

– Да, – произнесла Леночка. – А Вы мама Марины Раковской? —

– Вы знакомы? – удивленно поднял брови Дмитрий. На что Зоя произнесла:

– Елена Николаевна училась в одном классе с моей дочерью Мариной. —

Тут к ним подошел импозантный седовласый мужчина, которого Дмитрий представил Лене, как сэра Джона Уинстона, мужа Зои Николаевны.

Лена перебросилась несколькими фразами по-английски с сэром Джоном, затем чуть отойдя в сторону от дам, мужчины завели какой-то разговор на тему бизнеса, связанного с предметами искусства.

Лена и Зоя стояли напротив друг друга и Лене удалось хорошо рассмотреть ее. Зое Николаевне было уже близко к шестидесяти и следы увядания тронули ее красивое лицо, но не исказили и не сделали его порочным или хищным. Она не утратила своего аристократизма и шарма, и была по-прежнему спокойна и сдержана. Леночка спросила о Марине, Зоя после небольшой паузы произнесла, отведя глаза в сторону:

– Мы не общаемся уже много лет, с тех пор, как Марина вышла замуж. —

Повисла еще более продолжительная пауза. Подошли мужчины. Муж Зои – Джон, седовласый мужчина, лет шестидесяти с небольшим, с несколько обветренным, загорелым лицом моряка, как потом выяснилось большой поклонник гонок на яхтах еще со студенческих времен. Прощаясь, он пригласил Лену с Дмитрием к себе домой на ужин, поинтересовавшись в какой день им будет удобно, сошлись на четверге, или послезавтра, на том и распрощались. Зоя Николаевна на прощание произнесла:

– Мы будем рады вас видеть у себя, в родовом поместье Уинстонов, в четверг на ужин. – Затем они расстались.

А Лена с Дмитрием еще ходили по залам галереи, посмотрели картины их земляка Раковского: на одной был знакомый вид на вологжанский Кремль, а на второй – усадьба графа Воронцова-Хрусталева в ее не самые худшие времена.

На часах было 16.30, а на сегодняшний вечер у Лены

и Резо с его актерами назначена встреча в студии телевидения в прямом эфире, в прайм тайм, поэтому пора ехать, чтобы успеть отдохнуть хоть немного и собраться, а главное не опоздать.

Встреча в студии прошла успешно во многом благодаря профессионализму ведущей, Леночка не запомнила ее фамилию, говорил в основном Резо и его ведущие актеры. Театр – это прежде всего зрелище и как ни печально признать, об авторе пьесы люди, да и критики вспоминают далеко не в первую очередь, если это не Шекспир, Чехов и другие знаменитые драматурги. Поэтому Леночка говорила немного, да и мысли ее были далеко.

После интервью она с радостью покинула со всеми телестудию и возвратилась в гостиницу, в свой номер. Ей захотелось немного расслабиться и хорошенько выспаться. В баре был ее любимый Мартини, она налила себе совсем чуть-чуть и прежде чем отпить наслаждалась его неповторимым ароматом, держа стакан около лица, затем маленькими глоточками, явно смакуя, выпила содержимое стакана неторопливо и с наслаждением. Она вспомнила, что Мартини открыл ей Алекс, вспомнила как он привез из Америки ту огромную бутылку, которую они допили у него в кабинете. Тогда и их любовь казалась Леночке такой же сладостно-тягучей, как и вкус этого напитка, в котором все многослойно и неожиданно появляются острые, жгучие нотки.

– Опять Алекс и почему... Видимо, во всем виноват Мар-

тини. А ведь Джуд Лоу рекламирует Мартини и даже собирается приехать в Москву с рекламной акцией в начале следующего 2010 года. Это выход! Теперь, чтобы мои ассоциации, связанные с Мартини автоматом не переключались на Алекса, буду думать о Джуде, это гораздо приятнее. – Леночка внутренне похвалила себя за такую догадку, затем поставила пустой стакан на прикроватную тумбочку, погасила ночник и заснула.

Глава 47 Чужие тайны

Утром, после завтрака в номере Лены раздался звонок, это был Дмитрий, он пригласил ее в Британский музей, который у них был первым в списке куда Леночке хотелось бы сходить. Надо сказать, что несмотря на довольно дорогую жизнь в Лондоне, посещение музеев там бесплатное. Единственное, что несколько напрягает страждущих ознакомиться со всемирноизвестными центрами культуры, то это очереди, но у Дмитрия оказался свободный доступ в музеи, что-то вроде абонеента, благодаря чему в очереди они не стояли, что существенно продлило время на осмотр экспозиций и сэкономило силы. Они еще успели побывать в музее восковых скульптур мадам Тюссо, было забавно смотреть на копии ныне живущих, была там и восковая фигура Джуда.

– Нет, не идет ни в какое сравнение с оригиналом. – усмехнулась Леночка. Оказалось, что Дмитрий тоже его поклон-

ник и они иногда встречаются на выставках и в театрах. Впрочем, Дмитрий поддерживает связи со многими успешными представителями богемы и деятелями культуры, он иногда консультирует в какие предметы современного искусства стоит вкладывать деньги и предлагает что-то из приобретенных им раритетов. Через Дмитрия Лена начала постепенно вникать в уклад его лондонской жизни, тесно связанной с разными слоями общества. А завтра она впервые попадет в настоящее родовое поместье английского аристократа, где хозяйкой будет Зоя Николаевна, родившаяся в русской Сибири – мама ее школьной подруги... И все же, как причудлива река Жизни, какие изгибы и повороты делает, какие горизонты открывает и выносит к новым берегам. Непостижимо!

На следующий день после завтрака Дмитрий позвонил ей напомнить, что чета Уинстонов ждет их сегодня на ужин к 18 часам и он подъедет за ней к гостинице в полшестого вечера. Леночка обещала ждать Дмитрия в холле гостиницы на первом этаже. Перед ней стояла задача не из легких – предстояло решить, что надеть... Пригодились советы Лилии Генриховны, она и поведала, что несмотря на кажущуюся простоту в общении, у людей из высших английских кругов есть свои жесткие правила, которые они не нарушают, а одно из них – дресс-код. И все же Лена волновалась... Прическу она решила сделать сама. Волосы у нее

отрасли ниже лопаток, она делает тугой пучок, его просто и быстро делать, а главное, он идет ей. Из украшений на ней будет только золотая цепочка с бриллиантовой подвеской, серьги и колечко к ним – подарки Алексея. Все скромно, но со вкусом. Платье, купленное в Москве, она надевала его на премьеру, – черное, бархатное, длина в пол, с глубоким вырезом углом на спине. Сидит на ее стройной фигуре просто замечательно и прекрасно подчеркивает ее тонкую чуть бледную кожу с еле заметными голубыми жилками, которые ничуть не портят впечатление, скорее напротив, придают ей налет аристократизма, подаренного природой. Лена довольная собой вглядывалась на свое отражение в зеркале: – Да, но уже осень и вечерами бывает довольно прохладно, наверняка они пройдутся по парку. – И она опять с благодарностью вспомнила Лилию Генриховну, посоветовавшую ей взять что-то из мехов. А из мехов у Леночки была только та самая норковая шубка, подаренная Алексом, ничего другого у нее не было. На работу она ездила в пуховике или куртках, а шубка, на которую у Лены не поднялась рука выбросить вместе с эротическим бельем, как напоминание о подарках Алекса, шубка невесомая, стального цвета с сапфировым отливом, висела все эти годы в самом дальнем углу ее шкафа, чтобы лишний раз не напоминать Леночке о былом. Нехотя, но пришлось взять ее с собой и вот пригодилась...

Лена нанесла макияж и прежде чем свернуть волосы в тугой низкий узел приблизилась к зеркалу, ей захотелось

увидеть в нем себя с распущенными, как в юности волосами, чтобы посмотреть осталось в ней что-то от той былой Леночки, Лены Крылевской. Из зеркала смотрела она, да та самая Лена Крылевская! Она узнала ее, как будто та вернулась из далекого путешествия и вновь перед ней. Пушистые, отливающие золотом волосы, нежный рот... глаза... счастливые глаза, вот что поразило Лену. Она помнила себя разной: и соблазнительно-искусительной во времена БРИПа, с ее призывным огнем в глазах и томным взглядом, и деловой, даже подчеркнута строгой на работе в музее и ее хождениях по инстанциям в надежде найти средства на восстановление музея-усадьбы. Но давно, очень давно она не видела себя такой – настоящей, какой ее и создала природа, а счастье лишь наполнило своим светом ее глаза. Лена стояла у зеркала и продолжала разглядывать себя, предаваясь воспоминаниям.

Она все же убрала свои волосы в низкий тугой узел, очень подходивший к фасону ее платья, вырез на спине должен быть открыт, это была главная «изюминка», из-за нее она и купила это бархатное чудо, которое было баснословно дорогим. Спасибо мужу Леше, он оплатил его своей кредитной картой тогда в Москве.

Накинув на плечи шубку и стараясь не вспоминать больше об Алексее, Лена спустилась в холл первого этажа гостиницы, где ее уже ожидал Дмитрий. Еще спускаясь вниз в гостиничном лифте, Лена заметила на себе восторженные

взгляды мужчин и оценивающие взгляды женщин, но ее внизу ждал он, Дмитрий, до других ей не было дела. Она все еще не спросила про наличие у него жены и детей, все как-то не заходил вопрос о личной жизни ни с его, ни с ее стороны. Круговерть событий, встреч, походы по музеям и выставкам не давали возможности узнать что-то о личной жизни друг друга. Когда он увидел ее в черном платье в пол, с накинутой норкой на плечах, немного раздурмянившуюся, он встал с кресла и пошел к ней на встречу. В его глазах был подлинный восторг, на лице светилась улыбка, слова были не нужны, все читалось у них на лицах.

Дмитрий молча предложил ей взять себя под руку, Лена также молча вложила ему свою руку и они выйдя из гостиницы направились к автомобилю, ожидавшему их у входа. Для такого случая Дмитрий воспользовался услугами личного шофера, а не демократичным, но не подходящим для визита в замок такси. Лена впервые в жизни почувствовала свою причастность к графскому роду, хотя никогда не была охоча до титулов и званий. Папа интересовался родом Крылевских из польских дворян, но Лену это вообще как-то не интересовало, она себя считала русской и польское дворянство ей было мало интересно. Особенно после смерти папы.

Поместье Уинстонов относилось аж к 15 веку, когда его предок граф Джонатан Уинстон после женитьбы на леди Кэтрин Диане Уэсли затеял строительство родового замка.

За многие века случались и пожары, и даже наводнение, дом перенес бомбежки Второй мировой войны, но сохранились подлинные ворота с гербом, а также конюшни. Поместье расположилось на пяти тысячах акров, что составляет приблизительно 2000 гектаров земли. Под воздействием времени замок нуждался в постоянном ремонте, весь 18 и 19 век средств не хватало и лишь дед Джона, лорд Эндрю Уинстон, вложивший в ремонт и реконструкцию замка немало средств и времени, начал возрождение поместья. При нем были отремонтированы фасад и крыша, приведен в порядок старинный парк, правда для этого потребовалось продать часть земли и принести в жертву наследство, доставшееся ему от богатой и бездетной тетки Элизы, но это стоило того. Замок буквально восстал из руин и казалось простоит еще тысячу лет.

В годы Второй мировой войны поместье пострадало при авианалетах, поэтому основная тяжесть по восстановлению замка легла на плечи отца Джона, сэра Сэмуэля Уинстона. Он сделал некоторую перепланировку, отремонтировал фасад и крышу. Для этого сэру Сэмуэлю пришлось очень много работать. После войны он занялся операциями с недвижимостью, а также поставками металлов, но именно он основал любимый семейный бизнес – приобретение-продажу антиквариата и предметов искусства. Очень пригодилось образование в Кэмбридже, который он с блеском окончил, получив степень в области архитектуры и искусствове-

дения. От отца дело перешло к Джону, закончившему тот же Кембридж и тот же факультет архитектуры и искусствоведения. Но по решению семьи и воле отца первой профессией Джона было не искусствоведение, а дипломатия.

В 1969 году двадцатилетний молодой дипломат Джон Уинстон, потомственный аристократ рода Уинстонов, прибыл в Москву на дипломатическую службу в посольстве Великобритании. И в первый же свой год работы на дипломатическом поприще случайно познакомился с восемнадцатилетней студенткой 1 курса театрального института Зоей Бурминой.

Было самое начало ранней весны 1970 года, юбилейного года 100-летия Ленина и 25-летия Победы. Еще крепкий и совсем еще не «дорогой» Леонид Ильич Брежнев, ведет СССР и весь соцлагерь со странами Варшавского договора путем, указанным Лениным. Но все уже тогда понимали, что коммунизм становится недостижимой утопией, несмотря на то, что и Программа партии была, и Госплан работал, а вместо того, чтобы приближаться к поставленной цели, она удалялась все дальше и дальше. Дефицит товаров народного потребления и вечные очереди с самого рождения от яслей, детсадов, до многолетнего ожидания жилья, бесплатно по определению, но если хорошенько разобраться, ничего бесплатного не было тогда, в не самую худшую эпоху социализма с «Человеческим лицом». Это определение приписывают чеху Дубчеку, а использовали его чаще именно в СССР.

Сейчас такое воспринимается как анекдот, а тогда... Коро-
че, все кто тогда жил и учился прекрасно помнят.

Зоя Бурмина приехала из Сибири и сразу поступи-
ла в ГИТИС. Помимо ее выдающейся красоты, она обла-
дала всеми данными, чтобы стать успешной актрисой, да-
же придирчивые преподаватели, настороженно относившие-
ся к красивым студентам, вынуждены были признать, что та-
лант у Зои есть. Ей прочили блестящую карьеру драматиче-
ской актрисы, героинь классических образов. Пригодилось
бабушкино воспитание. В отличии от остальных девчонок
из провинции, да и из больших городов, Зоя прекрасно вла-
дела всеми правилами этикета: умела правильно вести се-
бя за столом, красиво есть, ее не нужно было обучать всему
этому, она росла в такой обстановке с самого раннего дет-
ства. Зоя знала три главных европейских языка: немецкий,
английский и французский, еще с детства, благодаря бабуш-
ке, выпускнице Смольного института, изучала их. Она гово-
рили с ней о прочитанных в подлинниках книгах, на язы-
ках оригиналов, Зоя прекрасно разбиралась в классической
литературе, как западной, так и русской. В театральном ин-
ституте царила творческая атмосфера и никто не задавал-
ся вопросом о происхождении сибирячки Зои Бурминой, да
и времена были уже не те.

Той ранней весной 1970 года, когда Зое едва минуло
восемнадцать лет и она успешно заканчивала первый курс,
по рекомендации преподавателя ГИТИСа Григория Степа-

новича Донецкого, она познакомилась с известным художником Виктором Раковским, чтобы позировать ему в качестве модели. К тому времени Зоя была круглой сиротой, жила в общежитии института, стипендия была крошечная, без помощи и поддержки жилось Зое Бурминой очень тяжело. Григорий Степанович, прекрасно зная тяжелое положение юной студентки, рекомендовал ее Раковскому в надежде, что тот как-то незаметно для гордой и независимой Зои поможет ей материально, оплачивая сеансы ее позирования. Раковский – вдовец, одинокий и очень обеспеченный человек, обласканный властью за серии портретов партийных бонз, а также за героико-патриотическую тему на своих полотнах. Его награждали Госпремиями в Кремле, он был и членом Союза художников, и лауреатом всевозможных премий, и депутатом Моссовета. Были у него и персональные выставки за рубежом, художник Виктор Васильевич Раковский принадлежал к творческой элите страны и пользовался всеми положенными ему благами. Он был старше Зои ровно на двадцать лет и в то время ему исполнилось тридцать восемь.

Григорий Степанович не ошибся в Викторе Васильевиче, который тепло принял Зою. Сраженный красотой девушки, он, конечно, понимал, что такой типаж, как у Зои, не годится для изображения крестьянок и героинь труда, поэтому рисовал Зою охотно и много лично для своей коллекции. А когда она приходила к нему в студию на Верхней Масловке, ста-

рался обогреть и накормить ее продуктами из спецпайков. Он все чаще ловил себя на мысли, что влюблен в Зою, но сказать о своих чувствах не смел, боясь ее спугнуть, а это значило, что она опять будет недоедать и мучиться от безденежья, этого Виктор допустить никак не мог. Поэтому и поставил себя в определенные рамки, боясь выдать свои чувства к Зое. А она, сама еще почти ребенок, привязалась к нему как к отцу, ей и в голову не приходило, что тридцать восемь лет для мужчины вовсе не старость, а расцвет.

Отец Джона, граф Сэмюэль Уинстон познакомился с Виктором Раковским на международной выставке в Лондоне, где экспонировались картины советских художников, выставка имела шумный успех и широко освещалась прессой. Сэру Сэмюэлю Уинстону удалось купить несколько картин Виктора Раковского, так через отца Джон познакомился с советским художником и подружился с ним. Поэтому приехав в СССР, в Москву он позвонил Виктору, чтобы передать привет от своего отца. Виктор пригласил в гости молодого англичанина, которому не терпелось увидеть новые работы художника, живопись которого он ценил и следил за его творчеством. Так получилось, что именно Джон первым увидел портрет Зои и сразу высказал желание купить его. На что Виктор уклончиво ответил, что портрет не закончен. С тех пор Джон несколько раз приходил к Виктору в надежде увидеть девушку, забыть которую он был не в силах. Он стал почти завсегдатаем у Виктора. Они любили посидеть, немно-

го пригубить принесенные Джоном виски. И вот однажды, они встретились. Зоя сама открыла Джону дверь студии в образе греческой нимфы в белом полупрозрачном шелковом хитоне. Она – неземное создание, само существование которой на Земле было чудом. Джон понял, что дождался ее и попросил разрешения проводить девушку, она ответила согласием на прекрасном английском языке. Они вместе вышли из подъезда Дома художников на Масловке, где у Виктора была студия-мастерская. Жилая квартира была в центре, в районе Арбата, но после смерти жены Виктор жил и работал, в основном, в студии. Так волею судьбы пересеклись пути англичанина Джона Уинстона и сибирячки Зои Бурминой.

Погода стояла чудесная; трава и первые цветы, согретые солнцем, вышли из оттаявшей земли. В теплом, чуть дрожащем воздухе Москвы носились ароматы весеннего дыхания природы, птицы весело щебетали вокруг. Весна и полное кругом обновление, как нельзя лучше отражали душевное состояние молодых людей, идущих рядом под безоблачным небом. Зое тоже понравился этот благовоспитанный англичанин, он так похож на героев классических романов, которыми она зачитывалась. Его манеры, обходительность, выдавали в нем истинного джентльмена. Так и началась их дружба, основанная на ее неподдельном интересе к Англии, ее истории, литературе и его интересе к ней, как к созданию необыкновенному, пленительному и неземному. Он дарил

цветы, выписанные из Англии книги, альбомы ведущих исполнителей мира. Она искренне радовалась, хоть и была смущена подарками. Отношения были возвышенно-платоническими. Он был истинный джентльмен, она девочка из интеллигентной семьи, выращенная бабушкой-дворянкой.

За весной наступило лето, как дипломат и иностранец, Джон не мог покидать пределы Москвы без особого разрешения, поэтому они осваивали город вдвоем, много гуляли, бывали в парках, музеях, концертных залах. Джону удалось даже пригласить Зою в посольство Великобритании на один из приемов. Конечно, все это стало известно в КГБ. Но пока Зоя встречалась с Джоном исключительно на людях, они до поры не проявляли своего интереса к этой паре.

Лето подходило к концу, а вместе с этим ухудшалась и погода. Встречаться им было негде, поэтому Джон стал чаще приглашать Зою в рестораны, особенно полюбили они бывать в Метрополе перед посещением Большого театра, находящегося напротив гостиницы. Когда оба поняли, что не могут друг без друга, Джон через друзей снимал номер в отеле «Метрополь», куда к нему приходила на свидания Зоя. Она полюбила этого высокого голубоглазого блондина, щедрого, доброго, возвышенного и даже утонченного. Они падали в объятия друг друга и забывали обо всем на свете, растворяясь в своей любви. Он стал первой и единственной ее любовью, именно о таком она мечтала с детства. Граф, лорд! Принц, настоящий Принц! Он мечтал увезти ее в Англию,

пожениться в СССР им бы не дали. Они придумывали варианты бегства один фантастичнее другого, отчетливо понимая, что изо всех известных способов соединить свои судьбы, ни один не имеет под собой реальной силы. Поэтому их отношения и были такие отчаянно-обреченные, но и восторженно-упоительные одновременно. При каждой встрече они, вглядываясь в лица друг друга, мысленно гадали, а будет ли еще у них встреча и не последняя ли была...

И вот в один из серых, мрачных и особенно тоскливых зимних дней, на улице перед входом в общежитие к Зое подошли двое в штатском и представившись сотрудниками органов безопасности, предложили сесть в автомобиль и поехать с ними. Усадив Зою в машину и сев с двух сторон от нее, скомандовали шоферу:

– На Лубянку! —

Так Зоя в первый раз попала на допрос в КГБ СССР. Ее держали почти сутки, показали пленку, где они с Джоном занимаются любовью. Не давали пить и есть, ходить в туалет, заставляли подписать бумаги, что она станет осведомителем и через своего любовника Джона Уинстона добывать информацию полезную для разведки СССР.

Зоя не подписала ни одной бумаги, в тот день она твердо решила умереть, сгинуть в лагере, но Джона она не подставит. И ее отпустили, так ничего и не добившись от нее. А Джона выслали из СССР в течении 24 часов на Родину, в Великобританию. Из института Зою не отчислили и позво-

лили по-прежнему проживать в общежитии, куда она вернулась чуть живая после допроса на Лубянке. Но в разработку взяли, красивые девушки со знанием иностранных языков были редкостью в СССР и часто были завербованы разведкой и КГБ как сексоты.

В институте комсорг курса Василий Листратов крепко взялся за Зою, на нее стала неотступно накатывать сила, подобная машине с катком для укладки асфальта. Ее стали вызывать в комсомольскую организацию института и даже в райком для бесед с подвохом, и все это носило весьма угрожающий характер. В комсомол Зоя долго не вступала и вступила только ради поступления в театральный ВУЗ, это было негласным требованием к абитуриентам. Иногда ей напрямую угрожали отчислением из института, лишением места в общежитии, Зоя не сдавалась, но все чаще ощущала головокружение, отсутствие аппетита и подташнивание по утрам. А однажды на занятиях танцами она упала в обморок. Ее отправили к врачу, так восемнадцатилетняя Зоя узнала, что беременна. Капкан захлопнулся, срок еще не был пропущен, но у нее не шли ноги на аборт. Трагические обстоятельства едва не подтолкнули Зою к суициду, но тут судьба вновь связала ее с Виктором Раковским, она рассказала ему все без утайки. Виктор Васильевич выслушал Зою, ей необходимо было получить от него совет. Совет, данный Виктором, был очень короткий и конкретен:

– Выходи за меня замуж, твой ребенок – мой ребенок.

У меня звания, заслуги и материальная основа для тебя и ребенка. А иначе они от тебя не отстанут, устроят какую-нибудь провокацию, они на все готовы. —

И Зоя дала свое согласие на брак с Виктором Васильевичем. Она смирилась с судьбой, а он полюбил ее крепко и искренне, как любят в последний раз. Зоя стала настоящей Музой для Виктора, его Звездой. В его работах все меньше стало соцреализма, полотна наполнились лирикой и светом. Вдохновленный Зоей, Виктор работал целыми сутками напролет, душа его ликовала от неожиданного счастья, которого он и не ожидал для себя.

Еще до регистрации брака, Виктора Васильевича вызвали на Лубянку, где четко и коротко объяснили, что несмотря на его заслуги, своей женитьбой на Зое Бурминой он поставит крест на своей карьере и неопределенное время будет невыездным, все его выставки заморозятся.

Виктор ответил, что женится на Зое Бурминой исключительно по любви и решение свое не изменит. Больше трех лет Раковский был невыездным, но во время визита на высшем уровне правительства СССР в Великобританию, на брифинге для журналистов, корреспондентом ВВС был задан вопрос министру культуры СССР:

– Почему художнику Виктору Раковскому запрещен выезд на Запад и на каком основании отменены его выставки в странах западной Европы, а также США и Австралии. —

Министр культуры густо покраснел и пообещал разо-

браться с этим вопросом. В том же году выставки Виктора Раковского прошли с триумфом на Западе, было раскуплено много его картин из выставочного каталога. Виктору предлагали гражданство в любой стране, в которой он пожелает жить, но он предпочел вернуться в СССР. Больше Виктора не трогали. А к Зое периодически подходили люди в штатском, пытаясь задать провокационные вопросы, которые косвенно можно было расценить как дачу показаний на какое-то известное лицо, входящее в круг общения семьи Раковских. Они подходили на выставках, общественных мероприятиях, на которых она бывала с мужем. Некоторые, в надежде что-то выведать от Зои, пытались ухаживать за ней, но с годами у нее выработалось чутье на подобных «поклонников». Достаточно было одного взгляда или жеста, чтобы понять, что Зоя Раковская видит всех и все насквозь и вряд ли чего от нее можно добиться. Она научилась многозначительно молчать, даже дома в семье ее редко было слышно.

Подрастающая дочь не понимала этого, считала мать холодной эгоисткой и всей душой привязалась к отцу, души в ней не чаявшему. Он играл, читал, рисовал с Мариночкой. Виктор понимал, что Зоя вышла за него не по любви, а по несчастным обстоятельствам судьбы, понимал огромную разницу в их возрасте, поэтому был снисходителен и чрезвычайно добр к своей молоденькой жене, старался радовать ее как и чем мог. Она была для него женой-дочкой,

его музой, его королевой, красавицей о которой ходили легенды по Москве и не только. Везде, где бы он не появлялся с Зоей, за их спинами слышался восхищенный шепот. Зоя была со всеми приветлива, учтива и... холодна. Даже с дочерью Мариной она не смеялась, не играла и не позволяла себе никаких шуток. Став постарше, Марина стала относиться к матери с подозрением, она была почти уверена, что мать изменяет отцу, тем более, что Виктор Васильевич стал часто болеть и иногда подолгу лежал в госпиталях. Свою мать Марина всегда видела идеально одетой и причесанной, и чтобы ни случилось с мужем, Зоя не позволяла себе быть неухоженной и небрежной.

Особенно подчеркнуто стильно одетой, причесанной и с великолепным маникюром она приходила в госпиталь, где лечился Виктор Васильевич. Ее появление в больнице производило фурор среди персонала, как будто к ним пожаловала кинозвезда ранга Софи Лорен или Мишель Мерсье. Дочь тогда не понимала, что Зоя это делала исключительно для мужа, ведь он художник и эстет. Появление своей красавицы-жены было бальзамом на его больное сердце. А Марина со всей своей подростковой непримиримостью и максимализмом считала, что мать заботится только о себе. Постепенно эти недопонимания и недомолвки между матерью и дочерью отдаляли их друг от друга и пропасть между ними только разрасталась.

Чета Уинстонов встречала Дмитрия и его спутницу из России Елену на пороге своего замка. Джон, несмотря на титул, был очень прост в общении, в этом он не уступал Дмитрию и хоть между ними была большая разница в возрасте, они не чувствовали ее и были настоящими друзьями. У Джона было потрясающее чувство юмора, что сглаживало многие шероховатости в общении с малознакомыми людьми и позволяло быстро устанавливать контакты и располагать к себе людей, при этом он был по-настоящему искренен. В плане общения он дополнял собой Зою, по-прежнему сдержанную на слова и проявление чувств. Но Джон знал Зою давно, знал ее настоящую, которую встретил и полюбил еще тогда, в свою бытность в СССР. А теперь они уже много лет женаты. Как только умер Раковский и окончательно пал «Железный занавес», пятидесятилетний Джон, всю жизнь проживший в холостяках, разыскал Зою, которой к тому времени было сорок с небольшим и увез ее в Англию, где они счастливо живут уже много лет.

Всю эту историю своей жизни поведала Лене сама Зоя Николаевна, когда они прогуливались вдвоем по их приусадебному парку после ужина, оставив мужчин играть в бильярд.

Лена была потрясена ее откровенностью:

– Может Вам, Зоя Николаевна, первой написать и встретиться с Вашей дочерью, рассказать ей правду, которая поможет вам понять и простить друг друга, а Марине и обре-

сти отца по крови. Скажите, Ваш муж знает, что Марина его дочь? Извините, что задаю Вам такой прямой вопрос. — Лена была не на шутку взволнована.

Зоя Николаевна лишь слегка покачала головой:

— Нет не знает... —

Лена, посмотрев в глаза Зои:

— Простите, но мне кажется, что Вы делаете большую ошибку, утаивая от своего мужа, что у вас общая дочь, таким образом, Вы лишаете его счастья обретения наследницы, продолжательницы рода, да и Марину тоже. По-моему, это несправедливо и даже жестоко. Сейчас времена изменились и Вам нечего больше бояться. Хотите я напишу Марине, но если честно, то лучше Вас этого не сделает никто. —

Тут они увидели, как к ним идут навстречу Джон и Дмитрий. Настало время уезжать из гостей. Около машины с ожидавшим шофером они тепло распрощались, Джон поцеловал руку Элен, как он ее называл, а Зоя смотрела на нее глазами, в которых сквозила невысказанная благодарность и они распрощались, слегка коснувшись руками друг у друга.

Это был последний день пребывания Лены в Англии, на следующее утро она с театральной труппой во главе с Резо возвращаются в Россию.

Лена с Дмитрием посидели напоследок в баре гостиницы, в тихом, удаленном от остальных посетителей уголке. Им не хотелось расставаться, но и что сказать друг другу на прощание, они тоже не знали. Дмитрий уже знал, что у Лены се-

мья: – муж и сын. А у него есть дочь, которая учится в пансионе для девочек, ей четырнадцать лет. Жена умерла шесть лет назад. Это был вполне удачный брак, но боль от утраты уже притупилась. Жена была англичанкой из среднего класса, работала адвокатом, как и ее отец. Как и многие англичанки, она была несколько холодна и рациональна, этот вывод Лена сделала из того, о чем ей рассказал сам Дмитрий.

Они договорились переписываться по электронной почте и обменялись друг с другом адресами. Он проводил ее до гостиничного лифта, поцеловав на прощание руку. Дверцы лифта закрылись, оставив за собой графа Воронцова – Хрусталева, потомка славного дворянства России, о существовании которого Лена узнала всего лишь чуть больше недели назад, но почему-то была твердо уверена, что эта встреча изменит ее жизнь, уже изменила...

Глава 48 Ожидание встречи

И все же, какое это чудо – интернет! Он связывает в мгновение ока людей по всему миру. Это настоящая революция 21 века! И у Леночки благодаря интернету установилась тесная связь с Дмитрием. Они ежедневно писали друг другу письма обо всем, даже о погоде. День начинался с обмена письмами с пожеланиями: – Доброго утра -, а заканчивался пожеланиями: – Спокойной ночи -.

Они делились друг с другом всем самым сокровенным,

Леночке казалось, что она знает о Дмитриии все: как учиться его дочь, ее интересы, увлечения. Она, в свою очередь, писала о своей семье, о сыне Коленьке. Из переписки Лена узнала, что жена Дмитриия умерла от скоротечного рака, когда дочери было чуть больше восьми лет. Дмитриий старался всего себя посвятить работе, очень увлекся садоводством и, как он шутит:

– Именно садоводство и любовь покопаться в земле с кустами роз, делает меня похожим на англичанина, во всем остальном, я чисто русский человек.

Леночка много ему рассказывала о своем отце, о его исследовании русского Севера, который и для Дмитриия был родным. Писали поочередно и на русском, и на английском языках, благодаря чему Лена здорово подтянула свой английский, а Дмитриий – русский язык.

А еще они ждут встречи. Дмитриий обещал, что обязательно приедет летом на Родину предков в Вологжанск. У него созрел план благоустройства Дома-музея, он высылал Лене по интернету фото образцов антикварной мебели, которой предлагал обставить музей-усадьбу, согласовывал с ней каждую мелочь, вплоть до дверных ручек. Они и не заметили, как стали по-настоящему близкими по духу и целям людьми и очень хотели увидеть друг друга вновь.

И вот, наступил конец мая, а вначале июня обещал приехать Дмитриий, приедет по меньшей мере на месяц. И еще

новость; с ним придет Олег, который тоже вызвался помочь и выслал чек на крупную сумму, на которую можно начать ремонт, а тут еще и местная администрация решила поддержать восстановление музея-усадьбы в рамках программы «Культурное наследие края.» Но самое приятное от администрации города Леночка решила сохранить пока в секрете от потомков графа Воронцова-Хрусталева. Поступило предложение от местных властей присвоить городской гимназии №2 имени ее основателей Воронцовых-Хрустальных.

Лишь один неприятный инцидент омрачил подготовку и ожидание встречи с Дмитрием и Олегом. В администрации Вологжанска один из чиновников, приближенных к отцам города, как бы между прочим сказал ей:

– Крылова, и что ты так радуешься их приезду и, вообще, не верю я в их бескорыстную помощь. Ты что-нибудь слышала о реституции в странах Прибалтики? Советую поинтересоваться, а то глядишь и дождешься, как на твой музей-усадьбу повесят табличку «Частная собственность». —

Лена была настолько ошеломлена, что просто не сразу нашлась, что ответить. И лишь усилием воли, взяв себя в руки, уверенно сказала:

– Вот здесь Вы ошибаетесь, это совсем не моя усадьба и я очень надеюсь, что этого никогда не произойдет. —

Она вышла из кабинета чинуши вся пунцовая. Молоденькая секретарша внимательно посмотрела на нее и Лена поспешно вышла в коридор. Позже она случайно узна-

ла, что тот чинуша тесно связан с Широковым Дмитрием Степановичем, отцом Вероники и тестем Алекса, у них были общие дела в бизнесе. Дмитрию Степановичу перевалило за семьдесят, но сдавать свои позиции он не собирался и хоть отошел от официальных постов в администрации их города, но оставался «теневым министром», если выразится предельно кратко. Лену по жизни много раз подводило ее упорное нежелание участвовать или быть в курсе «дворцовых интриг», с самой ранней юности она стремилась сохранять свою независимость и даже автономию в любом коллективе, избегая сплетен и разборок. Но хождение по высоким кабинетам с целью помочь делу, которому она себя посвятила, продолжить то, чем занимался ее отец, а именно, сохранением культурного наследия края, случалось наткаться на такие «откровения», а иногда и плохо скрытые угрозы. Ведь земля стала объектом купли-продажи, а усадьба-объектом недвижимости. Лену даже затрясло:

– Им дай волю, они все распродадут. А если и продать, то уж лучше потомкам графа. Хотя Дмитрий ни разу даже не заикался о том, чтобы купить усадьбу. А этим только продавать и перепродавать, чтобы потом действительно все обнести трехметровым забором и на нем вывесить табличку: «Частная собственность, проход посторонним воспрещен!

В случаи нарушения границ будем стрелять!», ну или типа того. —

Настоящей помощницей и сподвижницей Лены в деле

возрождения усадьбы была Люба, ее кропотливую работу было трудно переоценить. Лена намерено снизила свою ставку в пользу Любы, разумеется, в тайне от нее. Люба систематизировала всю работу, все привела в порядок. А теперь еще и мечтает освоить как следует компьютер, чтобы перевести все на цифровые носители. Главное сейчас закончить ремонт, который Лена запустила еще в начале осени. После возвращения из Англии пришел внушительный денежный перевод на ее имя от Олега и Дмитрия, очень хочется, чтобы к их приезду дом-усадьба не внушил им чувство «родного пепелища» или что-то похожее на это. Зимой были внутренние отделки, наладили электропроводку, отопление и дом, прогретый теплом, благодарно ожил, отозвался на заботу. Оказалось, что у него крепкий фундамент, сделанный добротнo на века, еще при крепостном праве. Театр, находящийся в доме, тоже привели в порядок. В принципе все готово, осталось меблировать комнаты и можно открывать музей для посещения. А с парком быстро не получится, может потом, когда музей «встанет на ноги».

Лена вспомнила, как в гостях у четы Уинстонов сэры Джон рассказывал, что у них в Англии и не только в Англии, а в Европе, где замки находятся, в основном, в частной собственности и государство не тратит на них бюджетные средства за редкими исключениями, когда владельцы уступают часть своих прав государству. В основном, сами владельцы несут все тяготы расходов по поддержанию, ремон-

ту, а также уплате налогов, которые весьма высоки. Часто хозяева вынуждены сдавать свои владения или какую-то их часть, в аренду. Весьма доходным является проведение свадеб, частных вечеринок или торжеств, а также прием посетителей за отдельную плату. То есть, все то, что для Лены было неприемлемо по своей сути, в Европе дело обычное. Но для России это вряд ли подойдет, во всяком случае пока музей-усадьба находится в руках государства. Надо искать какие-то другие пути, находить спонсоров и меценатов, но здесь, в основном, и возникают конфликты интересов, так как под маской благотворительности частенько проглядывает хищническая морда какого-нибудь хапуги, мечтающего все прибрать к своим рукам. Лена чувствовала себя идущей по минному полю. И вот только благодаря прямой помощи потомков, она ощутила реальную поддержку. Но сразу нашлись «доброхоты», которые угадали в этом некий подвох. Не зря есть такое выражение – Каждый судит по себе. – Лена много раз убеждалась в этом мудром изречении.

Дома у Лены все хорошо и спокойно. Леша, а теперь Алексей Михайлович (Лена иногда, как историк, проводила сравнение с «Тишайшим») заведует кафедрой, которую раньше возглавлял Матвей Львович. Алексей давно и успешно защитил докторскую, автор многочисленных трудов и учебников. Его ценят и уважают в коллективе. В ноябре ему минуло сорок лет, по этому поводу ходили слухи о присуждении ему государственной награды к юбилею.

Но Алексей эти слухи упорно и решительно пресекал, каждый раз говоря, что ему не надо никаких наград, главное, чтобы не мешали работать.

– Каким был, таким и остался, – с нежной грустью думала о муже Леночка. – милый, честный человек и труженик науки, а все же мне приятно, что я – жена профессора. —

Об успехах жены, ее книгах, Леша говорит гораздо охотнее, чем о своих трудах. Они с сыном Колей искренне гордятся Леной и были самыми первыми читателями ее книг.

Мама Надежда Борисовна, разменявшая шестой десяток, все еще крепка на радость дочери и зятю с внуком. Она увлеклась цветоводством и научилась выращивать потрясающие цветы, которые раздаривает всем. В квартире Лены, во всех комнатах с самой ранней весны, с ее первоцветами, до глубокой осени, с ее астрами и хризантемами, всегда стоят вазы полные цветов. Особенно хороши гладиолусы, которые вырастают больше метра в высоту. Мама создала целую коллекцию махровых: от белых до темно-лиловых, почти черных, поражающих своим великолепием.

– Если честно, то я их раньше не особенно любила, но с годами прикипела к ним душой за их нескгибаемость и способность распускать бутоны все до одного, до самого последнего на стебле. – каждый раз говорит Надежда Борисовна, когда в конце лета вручает Лене с Лешей огромную охапку метровых гладиолусов. В охапке: белые, сиреневые, оранжевые, алые, ярко-желтые и темно-лиловые гладиолусы элит-

ных сортов. Часть цветов Надежда Борисовна передавала внуку Коле, чтобы он отнес их учителям в школу, где она работала завучем перед выходом на пенсию и где теперь учится ее внук.

Лена тоже сажает цветы рядом с усадьбой. Несколько лет назад она посадила под окнами дома-музея кусты своей любимой сирени, которые разрослись и к приезду дорогих гостей обещают порадовать пышными и ароматными соцветиями. Ветви покрыты готовыми вот-вот распуститься белыми, светло и темно-лиловыми гроздьями цветов. У Лены возникла идея сделать тематический праздник «Цветение сирени», приуроченный ко дню рождения Пушкина 6 июня. Эта дата совпадает с массовым цветением сирени, которое в их краях происходит позднее чем в центральной России, там она уже отцветает к этому дню.

От Дмитрия пришло письмо, что 1 июня они, а именно; он и Олег с женой Мариной прилетают в Москву, где пробудут несколько дней, а затем утром 5 июня прибудут поездом в Вологжанск. В администрации хоть и со скрипом, но прореагировали на приезд потомков графа. Даже наметили встречу на перроне с отцами города и местными СМИ, а из особого уважения к заслугам приезжающих, решено прикрепить к ним автомобиль с шофером. От встречи с оркестром на вокзале Лена категорически отказалась, как от пережитка советского прошлого, это совсем не в духе гостей и даже будет неуместным. Спорить не стали, меньше

затрат и хлопот.

А вот с Любой Лена решила посоветоваться. Может и вправду впервые устроить 6 июня тематический день «Цветение сирени» с чаепитием из русского самовара в беседке посреди кустов. Напечь пирогов, блинов, позвать музыкантов из местного театра, актеров для чтения стихов русских поэтов. Без помпы, главное, искренняя задушевность и теплая хорошая погода. Люба по-настоящему прониклась и зажглась этой идеей, и обещала помочь разработать план мероприятия.

А тут нагрязнула проверка отчетности по средствам, выделенным на ремонтно-восстановительные работы усадьбы. Все договора-подряды у Лены были в порядке. Она еще в БРИПе кое-чему научилась у их бухгалтера и дела вела аккуратно, ревизорам не к чему было придрататься. Они пытались влезть с проверкой средств, выделенных частными лицами, а основные средства были получены от потомков графа Воронцова-Хрусталева, Дмитрия и Олега, но Лена спокойно и уверенно ответила, что отчитываться она будет только перед самими спонсорами, на что проверяющим возразить было нечего.

И все же БРИП закалил Лену морально, она уже не та девочка-учительница, которую можно было сломить всякими слухами, этот этап жизни уже позади, Лена научилась отвечать и давать сдачи если это необходимо.

И вот пришло письмо от Дмитрия о том, что завтра он

встречается с Олегом и Мариной в Москве, где остановится в их московской квартире. Они планируют посетить Большой театр, музеи Кремля, а он так хочет, чтобы и она была с ними... Лена ответила, что тоже хотела бы быть с ними в Москве, но будет дожидаться их в Вологжанске. И что осталось совсем немного до их встречи.

Глава 49 Приезд

Встречать меценатов и благотворителей пришел сам мэр города Вологжанска Петров Василий Семенович, по слухам друг и соратник Широкова Дмитрия Степановича, тестя Алекса, а также заместитель мэра Валентина Ивановна Самсонова и главный редактор местной краевой газеты, а теперь и совладелец холдинга «Северный экспресс новостей» Синегоров Владимир Яковлевич.

И Лена сразу вспомнила о Павле, его сыне. С отцом она встречается время от времени на различных мероприятиях, но близкого контакта между ними нет, скорее, наоборот, ощущается какая-то преграда и даже неприятие. Но Лена отогнала от себя все мешающие ей мысли:

– Сейчас они приедут... радовался Разум. – Сейчас Он приедет! – вторила Душа.

И вот, фирменный поезд, идущий из Москвы, прибыл в их город. Она увидела его издалека, она сразу узнала его, а он ее. Все происходящее вокруг отошло на второй

план. Леночке захотелось, как в юности, побежать к нему навстречу сквозь потоки людей, рассекая толпу, но она с трудом сдержала себя.

– Почему он остановился? – и только тогда Леночка вспомнила, что Дмитрий не один, с ним Олег и Марина. – Вот и они идут. —

Дмитрий первым подошел к Лене, взял обе ее руки своими руками и заглянув ей в глаза, заметно волнуясь произнес:

– Я так рад, так рад! Я так долго ждал! – успел вымолвить он. Лена смотрела на него и как будто видела впервые... Его голубые глаза улыбались, а черные брови с ресницами контрастировали со светлыми чуть волнистыми волосами. Редковстречающееся сочетание. Губы Дмитрия улыбались, обнажая ровные, белые зубы. Лена поймала себя на мысли, что ей хочется поцеловать его в губы. Давно не было у нее такого яркого и настойчивого желания. Отношения с мужем были спокойными и годами устоявшимися. Лена не могла даже вспомнить, когда они с Алексеем целовались в последний раз. Нет, ее он целовал постоянно: в щечку, в шею, в руку, везде, но страстного обоюдного поцелуя у них не было, наверное, со времен сватовства и первых месяцев свадьбы. Причем, целовал ее всегда Алексей, а Лена только «подставляла щеку», лишь позволяла любить себя.

Олег заметно постарел, но стройная фигура, густые, пусть и поседевшие волосы, великолепно сохранившиеся зубы, делали его по-прежнему удивительно привлекательным

мужчиной.

Марина поразила своим сходством с матерью, просто ее молодая копия, та же грация, глаза, волосы. С Олегом они смотрелись вполне гармонично, несмотря на очевидную разницу в возрасте, четырнадцать лет срок немалый... Одеты они все были просто, дорого и со вкусом, чувствовался в них добротный заграничный лоск, несмотря на кажущуюся простоту одежды.

Далее последовали рукопожатия и приветствия с прибытием на родную землю от администрации города, фотосъемки для СМИ. Прошло все как-то быстро и формально, словно поставив галочку в проведении мероприятия, можно распрощавшись сесть по машинам и уехать, что собственно и произошло. Короткая официальная часть встречи была закончена, в распоряжение гостей был прикреплен автомобиль с водителем и все разъехались по своим делам.

Лена села в машину рядом с водителем, а на заднем сидении расположились Марина с Олегом и Дмитрием. Олег попросил водителя отвести их по адресу в его квартиру.

В квартире Олега, в которой она была когда-то много лет назад, Лене было приятно увидеть чистоту и порядок, – дело рук бессменной Лидии Сергеевны. В гостиной был накрыт стол, подавала блюда сама домохозяйка Лидия Сергеевна, приятная женщина лет за шестьдесят. Обед был в лучших русских традициях: щи со сметаной и зеленью, сельдь по-русски, свиные ребрышки со сложным гарниром, масса

закусок и салатов и, конечно, блины с икрой, сметаной, медом, а также большой пирог с яблоками и курагой. Напитки самые разные: от водки и шампанского до виски и кваса. Все было по-семейному просто и без церемоний. В усадьбу было решено поехать на следующий день, там встречать гостей будет Люба, об этом попросила ее Леночка. Завтра, в день рождения Пушкина – 6 июня, будет положено начало ежегодного традиционного праздника поэзии и начала лета – «Цветение сирени». Лена, конечно, была в курсе утвержденного с ней плана празднования, но была уверена, что Люба приготовит им какой-то сюрприз, неожиданный для нее, но на то он и сюрприз, чтобы быть неожиданным.

После обеда мужчины выразили желание проехаться по городу на автомобиле. Олег тоже давно не был в родном городе и ему самому не терпелось посмотреть, как он изменился и что нового появилось в нем. А Марина с Леночкой остались дома. Они уселись в гостиной на том самом диване, обитом темно-синим бархатом, на котором сидела Леночка с Олегом в тот несчастливый Новый год. Все было без изменений: и гардины, и подушки с золотым теснением. Взгляд Леночки упал на портрет, висящий на стене, где была изображена восемнадцатилетняя Зоя с белой лилией в руке. Разговор плавно перетек на эту тему.

– Ты так похожа на свою маму, я ее встретила в Лондоне прошлой осенью. – сказала Леночка, глядя на портрет.

Марина, отведя глаза в сторону, тихо произнесла:

– Она никогда не простит меня за Олега. Ведь это я уведла его у нее. Признаю, я поступила подло, но у меня тогда все внутри клокотало из-за папы. Я была еще слишком молода, многое не понимала, но мне ужасно хотелось досадить ей, мною руководила месть, я считала, что она не достойна Олега. И дело даже не в том, что она на пять лет старше его, а в том, что уж очень быстро она нашла отцу замену, хотя признаю, что я сломала им обоим жизнь. —

– И как же тебе удалось увести Олега? – поинтересовалась Леночка, удивленная своим же прямолинейным и несколько бестактным вопросом, заданным в стиле самой Марины, которую это совсем не шокировало и она, ничуть не смутившись, ответила:

– Да очень просто...-

На красивом Маринином лице появилась недобрая ухмылка:

– Я подмешала Олегу в бокал с вином снотворное, он уснул, я разделась и легла рядом. Когда домой пришла мать, она увидела нас спящих. Ну, а дальше все так быстро завертелось, – мать уехала, ничего не сказав... Короче, мы сошлись с Олегом, а когда я узнала, что беременна, мы поженились. Но, как говорят, нельзя построить счастье на чужом несчастье, может поэтому мы и потеряли нашего ребенка. Олег до сих пор мечтает о наследнике, но мне аукнулись ошибки моей юности. Я не жалею, что связала с ним свою жизнь. Он умница, светило медицины, у нас прекрасные от-

ношения. Сейчас открываем филиалы его клиники по всему миру. Я его правая рука, приходится вникать во все дела. Я действительно много работаю. —

Лена молча слушала, когда Марина закончила говорить, произнесла:

– Мне кажется ты должна первая пойти навстречу своей маме. Прошли годы, твоя мама вышла в Англии замуж, она вполне счастлива и довольна жизнью. Уверенна, вам надо объясниться, поговорить и простить друг друга. Вот ее адрес и телефон, – Леночка достала из сумочки и протянула Марине визитку Зои и Джона. Марина взяла визитку и тихо сказала:

– Спасибо. —

Лена засобиралась домой, она была без машины, поэтому вызвала такси, на котором и уехала.

На следующее утро была прекрасная солнечная и полетному теплая погода. Как и договаривались, они приехали в усадьбу к 12 часам дня. Люба встречала гостей по-русски, с хлебом – солью. Лена смотрела на реакцию Дмитрия, на выражение его лица, как он гладил рукой родные стены, как ходил по комнатам... Оказывается, скоро должен прийти железнодорожный контейнер с мебелью и предметами быта. Дмитрий лично собирал коллекцию и организовывал доставку, он обещал, что не уедет пока сам не убедится, что груз благополучно доставлен и дом приобретет интерьер конца 18, начала 19 веков, как было при последнем владельце –

Александр Михайловиче, прадеде Дмитрия, которому пришлось покинуть Родину после революции и эмигрировать в 1917 году в Париж с женой и семилетним сыном, Петром Александровичем, дедушкой Дмитрия. На улицах, приютивших их городов Европы; в магазинах, театрах и кино господствовали иноземные языки, но семье удалось сохранить русский язык, в их доме говорили, читали, пели на русском. В раннем детстве Дмитрий понимал и говорил по-французски, после переезда семьи в Лондон французский сменился английским, но приходя домой, все говорили только по-русски и Дмитрий глубоко благодарен своим родителям, что они сделали все, для того, чтобы он свободно владел русским языком, хоть и учился он в чисто английских учебных заведениях и закончил Кембридж.

Накрыли небольшой стол в беседке на открытом воздухе, среди цветущих кустов сирени. По середине круглого стола стоял большой, кипящий самовар, на нем фарфоровый чайник с ароматной заваркой по рецепту Любы, на столе все просто – пироги, Любино варенье; земляничное, черносмородиновое, вишневое, мед, блины. Никаких артистов и тем более балалаек не было. Хоть и нет ничего в этом плохого и все бы с удовольствием послушали любимые песни, но решили, что для первого раза обойдется, артистам надо платить за их работу, а деньги пошли на ремонт и их надо экономить. А вот детей из своего класса Люба пригласила, все-

го несколько человек. Люба так и сказала, что дети должны первыми принять в этом участие, тем более лето, солнце, и сирень цветет...

Ребята читали Пушкина, ведь в этот день, 6 июня у великого поэта России день рождения, 211 лет – хоть и не громкий юбилей, но что-то в этих цифрах есть, как заметил сам Дмитрий.

– Я ничего не смыслю в нумерологии, но скажу по секрету, я – фаталист и верю в судьбу, ничего просто так не происходит в нашей жизни. – добавил он тихо. Лена посмотрела ему в глаза и тоже тихо спросила, чтобы кроме него никто не слышал:

– Дмитрий, а Вы верите в Бога? —

Дмитрий задумался и взяв ее руку, так же глядя ей в глаза сказал:

– Да. – после небольшой паузы продолжил, – Особенно сейчас, когда Вы рядом. —

Они услышали голос Любы, она звала всех к столу. Беседка была большая и всем хватило места за круглым столом, который подарил водитель Саша. Он самолично привез его и поставил в беседку. Стол 50-х годов принадлежал семье Саши, он был добротно сделан по еще советским ГОСТам. Люба была очень обрадована такому столь необходимому для случая подарку. Александр привез и несколько стульев, крепких, хоть и с немного потертой обивкой, а Люба сшила на них чехлы из белой бязи, которые подошли и к бе-

лой вышитой гладью скатерти, принесенной Любой из своего дома. Леночка погладила рукой вышивку, конечно, это Ирочкина работа, жаль, что ее нет, она не смогла приехать из Москвы, у них с мужем родился первенец Максимка. Ему всего около двух месяцев и Любе не терпится увидеть малыша. Они обещали в скором времени приехать, чтобы показать его бабушке и тете с племянником.

После совместного чаепития, Саша повез ребят по домам, они все из одной с Любой деревни, из ее класса, которым она руководит. Школу бросать Люба не захотела, она считает, что воспитание детей – ее главная задача, а в музее работает по совместительству в свободном режиме, а когда им провели интернет, стало еще проще работать. После того, как ребята уехали, Люба и Лена с гостями решили пройтись по парку усадьбы. Начало лета, свежая зелень и пение птиц, все располагало к прогулкам на природе. Постепенно и как-то незаметно Люба с Мариной и Олегом ушли вперед, а Лена с Дмитрием отстали, их внимание привлек старейший дуб парка, на вид никак не меньше трехсот лет, может и больше. Вспомнили Толстого и его описание дуба в «Войне и мир». А этот, усадебный, который видел всех предков Дмитрия, уже успел покрыться листьями, последнее время ночи были теплыми и этот «старый ворчун» и долгожитель среди молодых деревьев тоже поддался весеннему росту и обновлению. Лена и Дмитрий стояли под его высокой раскидистой кроной с могучими ветками над их головами, стояли подняв вверх

свои лица, разглядывая сквозь листву голубое небо и золотистые лучи солнца. Чудесный день! Прекрасная пора начала лета... Стоя под этим могучим деревом, они вдруг осознали, что обязательно вернуться сюда под этот живой шатер из дубовых веток, что здесь останется что-то такое, что их будет связывать всегда, память об этом дне не покинет их никогда.

Олег с Мариной уехали на следующий день, они люди деловые, бизнесмены. На прощание Марина подарила музею картину отца, с его любимым сюжетом – «Вид на вологжанский Кремль с речного берега.» А Дмитрий остался, хоть и не бизнес, но все же дела, нужно помочь получить контейнер, который должен прийти маршрутом: Лондон – Москва – Вологжанск. Когда он был в Москве, то ему пришлось хлопотать, чтобы груз вовремя прибыл в Вологжанск. Они с Леной ездили в управление железной дороги и вот, наконец, контейнер прибыл по месту назначения. Доставка фурой, а также грузчики, все было оплачено заранее самим Дмитрием.

Согласно плану усадьбы, Дмитрий и Лена сделали расстановку мебели с учетом всех параметров, при помощи компьютера это сделать несложно. Все получилось просто как по нотам... У Леночки было прекрасное настроение, она вся светилась, глядя на возрождающуюся усадьбу, хоть и еще много предстоит дел впереди, но когда повесили гардины и люстры в зале, усадьба действительно ожила. Возникло чувство, что наконец вернулись хозяева и дом принял их.

В этот день привезли рояль, который пылился где-то на складе и не был украден только потому, что слишком громоздкий. Из театра вызвали настройщика, он провозился целый день, и когда работа по настройке была окончена, Дмитрий сам решил проверить звучание инструмента, он сел за рояль и сыграл по памяти Шопена. У Дмитрия оказался прекрасный голос, он знает много русских романсов, разученных им, очевидно, еще в юности. Лена смотрела не в силах спрятать улыбку, на ее лице можно было прочесть радость и даже восхищение. Она подошла к нему и волнуясь, сказала:

– Я так благодарна Вам, Дмитрий Николаевич! Если бы не Вы и Олег Геннадьевич, ничего бы этого не было. У нас, вологжан появился новый очаг культуры. Здесь в усадебном театре можно будет проводить тематические вечера, концерты, лекции. Это так нужно людям, детям, всем. – Она покраснела и смущенно опустила глаза. А он взял ее руку и нежно прикасаясь долго держал ее, затем произнес:

– Нет, это Вас нужно благодарить, Елена Николаевна. Вы организовали все это. Вашими трудами, трудами Любови Антоновны и, конечно, Вашего отца Николая Константиновича, усадьба сохранилась, а не превратилась в руины или дом для какого-нибудь нувориша. – Дмитрий поднес руку Леночки к своим губам и поцеловал ее. Лена вся запылала и взгляд ее скользнул на свое отражение в зеркале, висящем напротив, в нем была молодая женщина, в летнем платице, со светлыми распущенными по плечам волосами, на вид лет

двадцати семи, не больше. Лена даже улыбнулась своему отражению:

– И все же я еще ничего, – мелькнула озорная мысль.

А он смотрел на нее своими голубыми, но как тогда казалось Леночке, темно-синими глазами, которые светились внутренним счастливым покоем. Он сидел за роялем и играл для нее, только для нее, они были одни в этом еще необжитом и гулком доме, долгую, почти вековую тишину которого нарушила только эта игра на старинном рояле.

Глава 50 Под старым дубом

Они стали встречаться каждый день, Лена ходила на работу, как и положено директору музея, а Дмитрий приезжал, стараясь не отвлекать Леночку от ее повседневных дел и обязанностей, ходил по парку, осматривая деревья, определял какие необходимо срубить из-за болезней или их разрушения, а какие «подлечить». Лена удивлялась широте его познаний... как много он знает. И она не в силах сдержать свое восхищение так и сказала ему:

– Вы, наверное, знаете обо всем на свете! -

Он, смутившись сказал: – Всего знать невозможно. Просто я любопытный. Мне интересен окружающий мир, одно время увлекался путешествиями, дайвингом. Побывал на коралловых рифах в Австралии. Жаль, что когда Вы были у меня в гостях, у нас было мало времени и не удалось пока-

зять Вам снятые мною фильмы о моих путешествиях. Но, возможно, Вы их увидите. -

Лена почему-то покраснела и опустила глаза. Он почувствовал ее замешательство и они сменили тему.

Любу Леночка отпустила в отпуск, если можно назвать отпуском работы на приусадебном участке, но как говорит сама Люба:

– Смена рода занятий – лучший для меня отдых. – Лена очень ценит свою «правую руку» и помощницу Любу, но понимая, что Люба живет в деревне, где летом нужно постоянно ухаживать за грядками, дает Любе длительные летние отпуска. Но осенью и зимой Люба незаменима. Скоро уже месяц как приехал Дмитрий и Леночка привыкла к их беседам и совместным прогулкам по парку, она постоянно узнает от него что-то новое: и как ухаживать за растениями, и какие травы от каких болезней, а о литературе и искусстве они могут говорить часами, не замечая хода времени. Коля с бабушкой на даче, а Леша...

Леша, он как всегда все понимает сам и ему ничего не нужно объяснять, у его Леночки много работы в усадьбе и еще она начала новую книгу (что было правдой), поэтому Леша, всю жизнь неприхотливый и нетребовательный, старался по максимуму не загружать жену хозяйственно-бытовыми заботами. Когда она приезжала уставшая с работы, он старался сам разогреть и подать ей ужин. Лена благодарна мужу за его заботу и понимание.

– Мне повезло с мужем, крупно повезло. – Все чаще такие мысли приходят к ней. – Я Бога должна благодарить за Лешу. Нам хорошо и спокойно вдвоем. Сын растет, учится и практически не доставляет никаких хлопот, наоборот, вырос не эгоистом, старается всю тяжелую работу по даче делать сам, запретив бабушке поднимать тяжелое; ведра с водой и прочие тяжести.-

Лена счастлива своей семейной жизнью, стабильной и спокойной. С Лешей ей хорошо, он вовсе не зацикленный на работе технарь, каким она его раньше считала, с ней он по-прежнему нежен и страстен. Только руки подставляй и бери свое счастье. Верный, добрый, заботливый муж, что еще нужно женщине. Но все чаще Леночка начинает грустить, когда думает о Дмитриии. Во-первых, он реально помог в деле восстановления усадьбы и даже не только материально, но и физически; ездил, договаривался о грузе, все сам сделал по доставке, во-вторых, он стал нужным в усадебной жизни, настоящим хозяином, в самом лучшем смысле слова. И, конечно, у них много общего, то самое, о ком говорят – «родственные души». Они научились глазами понимать друг друга и слова им не нужны.

– И почему так бывает? – размышляла Леночка. – Да, скоро год как мы знакомы, плотно переписывались каждый день. Но у меня такое чувство, что я всегда знала его и... ждала его здесь. Я всегда знала, что он есть на свете, что его семью не уничтожили в лагере и настанет время, когда мы

встретимся. И мы встретились... —

Лена сидела в кабинете, когда тихо постучав, туда вошел Дмитрий и поинтересовавшись как дела у директора, много ли работы на сегодня, пригласил ее пройти с ним в парк, чтобы вместе пообедать на природе, погода чудесная, да и обеденный перерыв скоро. Лена с удовольствием приняла его приглашение. Он сказал, что будет ждать ее под тем дубом и тихо ушел, закрыв за собой дверь.

Лена закончила работать, посмотрела на часы. Да, время обеденного перерыва и хоть она все время одна и по сути сама себе хозяйка, но в ней навсегда засел внутренний цензор, взращенный мамой, с ее любовью к четкому распорядку дня. Лена только потом оценила преимущества жизни по «трамвайному расписанию», это дает четко планировать, а главное, выполнять намеченное.

Она легко встала из-за своего директорского стола, подошла к настенному зеркалу, расчесала распущенные по плечам волосы, осмотрела себя. На ней было простое светлое хлопковое платьице с юбкой-колоколом до середины колен, открывающей ее стройные ножки в легких летних туфельках. Она почувствовала себя девушкой, впервые идущей на свидание... Странно, когда она была девушкой, то совсем не ходила на свидания, а только ждала... Принца. И вот ей уже 39 лет и она, кажется, впервые идет на свидание... Нет, конечно, свидания были и как минимум два: с Олегом тогда у грота в Крыму и с Лешей, который после первой же

их встречи сделал ей предложение. А чтобы так волноваться как сейчас..., нет такого не было. Она с легкостью сбежала вниз по ступенькам к парадному входу и вышла, буквально выпорхнула в сад, окружавший дом. Сирень уже отцвела, но распустились пионы, которые она обожала. Быстро наклонившись к ним, она вдохнула в себя их теплый летний аромат. Мамины, махровые... Чудо как хороши... Лене казалось, что она, как девочка бежит, едва касаясь земли, ноги сами несут ее туда, к дубу. Может именно у этого дуба и назначали свои свидания молодой граф Петр Петрович и Дарюшка...

А он стоит и ждет ее, кстати, самый настоящий граф – Дмитрий Николаевич и ждет ее, – Елену Николаевну под тем самым дубом.

Дмитрий сделал шаги к ней навстречу и уж как так произошло, но, влекомые друг к другу, они обнялись и поцеловались в первый раз именно здесь, под этой раскидистой кроной. Они стояли так, не в силах разжать объятия, как будто разжав их, они больше никогда не обнимутся вновь. Он поднял ее на руки и положил на заботливо расстеленный на траве шерстяной плед и сам лег рядом, опершись на локоть и глядя ее волосы и лицо. А она лежала счастливая от его ласковых прикосновений. Небо, залитое солнцем, пение птиц в кронах деревьев, тишина, покой и никого вокруг, ни души, только он и она.

– Так бывает только в раю, – последнее о чем она успела

подумать, отдав себя его поцелуям. Все произошло подобно весенней грозе, с внезапно налетевшим среди ясного дня порывистым шквалистым ветром. Они вместе унеслись в этом порыве ураганной страсти в какую-то неведомую им обоим страну, побывав в которой, оба не могли долго прийти в себя, а лишь лежали рядом, зарывшись лицами друг в друга.

Первым заговорил он. Слова давались ему нелегко, он как будто на время забыл русский язык и с трудом подбирал слова:

– Мне кажется, будто я заново родился, приехав сюда у меня началась новая жизнь. Та старая, привычная осталась в Англии, а здесь я дома. Здесь я обрел тебя. Я не знаю, что делать, но без тебя я не могу. Без тебя для меня нигде нет дома, я один неприкаянный везде буду без тебя. – он вздохнул и не выпуская ее руки, смотрел в голубое небо сквозь крону старого дуба. А она лежала тихо, почти не дыша, лишь слезы, долго стоявшие в ее больших серо-голубых глазах, покатались по щекам. Он увидел, прильнул губами, стараясь успокоить ее, остановить эти слезы, но нет, они еще больше заструились по ее лицу. Она положила голову на его плечо, так и не проронив ни слова. Слова были не нужны, порой молчание красноречивее потоков слов.

Она ничего не ответила, у нее не было на это ответа, она сама была поражена, раздавлена лавиной чувств, обрушившейся на них. Она только тихо вымолвила:

– Я не знаю, я тоже не могу без тебя, я ждала тебя каждый

день, я не чувствовала времени все эти месяцы, я жила ожиданием встречи с тобой. —

Он обнял ее, нежно поцеловав в висок:

– Любимая, долгожданная моя, я что-нибудь придумаю. Ясно только одно, мы любим друг друга. Завтра мы все с тобой решим вместе, а сейчас давай только любить и наслаждаться друг другом. – И он закрыл ей рот долгим поцелуем.

Домой Леночка вернулась поздно вечером. Алексей, к счастью, задремал в спальне. Ночник горел, он ждал, но сон сморил его. Леночка разделась и легла рядом, она не пошла даже в душ, ей хотелось сохранить на своем теле следы от ласк Дмитрия, запах его тела. Алексей сквозь сон обнял ее и тут она почувствовала его настойчивое желание войти в нее. Она застонала так, что он принял это за призыв и... Она стерпела, впрочем, как всегда, но той же ночью поняла, что это было с ней в ее жизни в последний раз, она должна выбрать одного, иначе это настолько грязно, аморально, преступно по отношению ко всем и прежде всего к ней самой. Сон прошел, прошел окончательно. Рядом спокойно спал Алексей. Лена в смятении не могла всю ночь сомкнуть глаз, мысли не давали покоя:

– Я не могу так больше жить, Леша не заслужил такого, то что было с Алексом далеко в прошлом. Я была молода, мне хотелось любви и я приняла за любовь то, что любовью и не было. Я тогда превратилась в двуличную особь, но мне

надо было сохранить семью, да и Алекс никогда бы не оставил свою Веронику. Вряд ли у нас с Алексом получилась семья, он никогда бы не заменил сыну отца, он эгоист, привык все только брать. Сейчас моему сыну пятнадцать, самый трудный возраст и я опять не знаю, как мне быть. – Лена ощутила острую физическую боль сковавшую все ее тело.

На следующее утро после бессонной ночи она приехала на работу, открыла дверь в дом и первое, что ей бросилось с порога в глаза, было обилие цветов. Повсюду цветы, все вазы ими были заполнены и сам хозяин дома, пусть и не официальный владелец, но прямой потомок и граф по происхождению, вышел к ней с букетом свежих алых роз. Он обнял и поцеловал ее прямо у порога, а она стыдливо опустила свои глаза. На что он произнес:

– Елена Николаевна, я Вас люблю и прошу стать моей женой, а твой сын – будет и моим сыном. Я остаюсь здесь, пока ты не дашь своего согласия, я просто не уеду. Мы должны все обговорить и решить. Я на лето свернул все свои дела, уверен, мы примем правильное решение. Я понимаю, как тебе непросто, у тебя муж, Колин отец, я поговорю с ним, если ты позволишь. Мы начнем новую жизнь, уедем в Лондон, отдадим Колю в одну из лучших школ. —

Лена подняла на Дмитрия страдальческие глаза полные невыплаканных слез. Она так и не смогла рассказать ему, что было с ней сегодняшней ночью. Внутри нее все горело, как будто она полна тлеющих углей из остатков ее органов. Было

нестерпимо больно. Она лишилась чувств и упала ему на руки, он подхватил ее, уложил на кушетку и открыл окно, затем принес стакан воды. Она отпила несколько глотков, прежде чем сказать:

– Я тебя люблю, люблю впервые по-настоящему. Но лучше будет, если ты уедешь. Я не готова вот так все бросить и уехать с тобой. Это выше моих сил, но помни только одно, ты – единственная моя любовь, ты все для меня. Каждую минуту я буду думать о тебе. Больше не спрашивай ни о чем, если любишь. И прошу уезжай. —

Лена с болью и трудом высвободилась из объятий Дмитрия и чуть пошатываясь пошла прочь от него. А он только и успел ей в след:

– Я все равно буду ждать тебя... —

Он уехал в тот же день. Как она и просила.

Глава 51 Решение

Лена безуспешно боролась с приступами меланхолии, затягивающей в свою воронку на дно безысходности. Чтобы взять себя в руки пришлось начать курс медикаментозного лечения, так как сна не было совсем и нервы окончательно расшатались. Врачи рекомендовали отдых, лучше у моря. Было начало ранней, хмурой и по-настоящему тоскливой осени. Лену ничего не радовало, работу в усадьбе она переложила на Любу. В школе у нее было всего два дня в неделю,

остальные дни Люба посвящала музею. У Коли начались занятия, он перешел в 10 класс, одиннадцатилетки. Леша тоже занят на работе, учебный год начался в институте. Поэтому Леночка поехала одна по путевке в Евпаторию. Она любила этот уютный крымский город, куда ездила в детстве с родителями. В Евпатории, как и в большинстве южных городов, большая по протяженности набережная, а также уютные трамвайчики, в которых можно проехать почти весь город. Утром после завтрака она уходила гулять одна, так ни с кем не подружившись и ни к чьей компании не пристав, хотя так было с ней всегда, с ранней юности, но ей никогда не было скучно наедине с собой. Впрочем, она была этому только рада, ей сейчас именно это и было необходимо – созерцание моря и размышления в одиночестве и тиши, которую нарушали лишь чайки своим криком над морем. Иногда прилетали лебеди, но они ей не мешали ничуть, так как это и есть природа, та самая, которой нам всем не хватает. Лене было абсолютно все равно, – ветер, дождь... и когда другие отдыхающие сокрушались, что погода испортилась и нельзя купаться, Лена молча уходила бродить одна по пустынному берегу, прислушиваясь к шуму морских волн, крикам чаек и все это как нельзя лучше соответствовало ее внутреннему состоянию.

Несколько раз вдалеке Леночка замечала еще одну одинокую женскую фигуру на пляже, но дистанция между ними всегда была и день ото дня не сокращалась, видимо, этой

женщине тоже, как и самой Леночке, был нужен этот одинокий и пустынный пляж и, кажется, хмурая, ветреная погода была ей отнюдь не в тягость.

Лена немного устала и ей захотелось присесть на скамейку, единственную на этом берегу. Скамеек много в парке поблизости, но хотелось быть как можно ближе к морю, пить его солоноватый воздух и смотреть вдаль. Она пошла к той самой скамейке, села, блаженно вытянув ноги в джинсах, чуть прикрыла глаза и...

– Извините, могу я присесть рядом с Вами, – услышала она тихий женский голос. Лена открыла глаза и увидела рядом ту самую женщину, которая как и она, все эти дни одиноко бродила по кромке моря, негласно соблюдая дистанцию между ними, чтобы не нарушить уединение и покой друг друга.

– Да, пожалуйста, – ответила Леночка, чуть подвинувшись. Женщина представилась:

– Меня зовут Маргарита Евгеньевна, я вижу Вас каждый день здесь одну. Я тоже приехала сюда в одиночестве поразмышлять над жизнью. —

– Как она догадалась... – удивленно подумала Леночка. Она вопросительно посмотрела на Маргариту Евгеньевну, присевшую рядом на скамейку.

– У меня пора такая; – переосмысления и подведения жизненных итогов. У моря есть редкое свойство; оно дарит мудрость, оно огромное, на всех хватит.

– Да, особенно когда рядом никого нет... – Лена спохватилась, – я имею ввиду загорающих на пляже. – Женщина понимающе улыбнулась и от этой спокойной, доброй улыбки Леночке ужасно захотелось рассказать ей о себе, о своей жизни и почему она все время на этом берегу пытается найти для себя ответы на вопросы, которые не дают ей покоя. И она начала говорить, она рассказала все про себя, Лешу, Алекса, про ее долгую двойную жизнь, про то, как встретила Дмитрия и вот сейчас совершенно не знает, что ей делать.

– Понимаете, я все время думаю о нем. Мне не хватает его писем, которые я привыкла получать по утрам в интернете, не хватает его пожеланий спокойной ночи. То, что между нами произошло, лишило меня этого простого общения, мы перешли грань и уже не сможем быть только друзьями, как все те месяцы. Он хотел остаться в России, чтобы быть рядом, но я абсолютно к этому не готова, а жить двойной жизнью, как тогда в моей молодости – преступно и, главное, я на это уже не способна. Уверена, что он тоже. Он сразу сделал предложение стать его женой и даже предлагал поговорить с моим мужем. Он очень честный человек. – Лена опустила глаза и тихо добавила:

– Теперь я знаю, я уже могу различать... я много лет обманывала, притворялась, приспособливалась. В глубине души я считаю себя порочной женщиной, меня сделали такой... —

После небольшой паузы продолжила:

– Нет, неправда, не надо искать виноватых, я сама хотела,

сама осознанно все делала, прикрываясь и теша себя мыслью, что люблю. А любовь, как известно, всегда права. Так вот, я Вам скажу... далеко не всегда она права. У меня прекрасная семья, муж, сын. Я переборю себя, я заставлю себя ... —

Слезы потоками полились из Леночкиных глаз. Злые, до боли отчаянные слезы. Она так не хотела плакать, она давно поборолла в себе слезливость, считая это признаком незрелости и малодушия. И вот, почти рыдает перед неизвестным ей человеком.

Маргарита Евгеньевна слушала молча, ни разу не перебив ее. Когда Лена немного выплакалась и взяла себя в руки, Маргарита Евгеньевна произнесла:

– Вы даже не представляете насколько мне все это понятно и знакомо. Я Ваш полнейший антипод. Всю жизнь я запрещала себе любить, довольствуясь тем, что один раз было, этого достаточно, потому что слишком больно. И знаете, мне казалось, что я права. Я прожила свою жизнь без страстей и потрясений, в таком «замороженном» состоянии. Не было ни одной разрушенной семьи, ни одной слезинки ребенка. А именно такие «сценарии» мне подбрасывала жизнь, причем весьма настойчиво, только надо было стать для этого другим человеком, – разрушительницей, безжалостной хищницей, способной на все ради своего эгоизма и желания, хоть тысячи раз назови это любовью. Ни одной измены с моей стороны, все было честно и чисто. Часто уходила в никуда

и почти всю свою жизнь прожила одна, борясь с жизненными перипетиями, а их было тоже немало. Но это был мой осознанный выбор. И знаете, скажу Вам, как прекрасно жить на склоне лет с чистой совестью. Я сейчас невольно подвожу свои жизненные итоги. Нет, умирать я еще не собираюсь. У меня две взрослые дочери, четверо внуков и еще жива моя старая мама, которой перевалило за девяносто, я еще нужна здесь. И еще про чувство долга... это прекрасно, когда человек наделен этим чувством, но и здесь все должно быть в меру, иначе это уже плен, причем пожизненный. С самого раннего детства нам внушали, что мы должны и что не должны, но никто не говорил нам о праве выбора, которое делает человека свободным и счастливым. Родились дети, а с ними и долг, долг перед детьми. Надо всех вырастить-выкормить, выучить, выдать замуж за хороших людей. Потом уже выросшие дети настойчиво дают тебе понять, что ты должна еще помогать и им: гулять с внуками, водить на кружки, короче, что скажут, то и делай! И все взывают к тебе, к твоему чувству долга, ты – бабушка, значит обязана. А тут и мама стареет день ото дня, вот уж кому действительно нужна помощь. Если ребенок растет и с каждым днем развивается, то с ней процесс в обратном направлении, но это уже неизбежные явления старости, а твое дело помогать, кормить, мыть, ходить по врачам и развлекать. Да, обязательно надо общаться со старым человеком, а не превращаться в сиделку при нем. Интернет мне в этом помог. Я сама не так дав-

но увлеклась им. Смотрела фильмы, читала, слушала музыку, аудиокниги. И вот года два назад я решила, что как смогу, но приоткрою маме мир интернета. Она посмотрела все фильмы своей молодости, а также последние новинки мирового кино, музыки, песен. Знаете, она реально ожила и я твердо могу сказать, что интернет отодвинул от моей мамы года на два такие неприятные вещи, как потерю памяти и разума. Мы тогда обошлись без терапии и таблеток. Вот здесь очень пригодилось мое чувство долга перед матерью. Хотя, если честно, то матерью она была мягко говоря не очень хорошей, но ее беспомощность и преклонные годы заставляют меня быть терпеливее и великодушной к ней.

Вот у Вас промелькнуло о том, что Вы порочная, лживая, что должны все в себе убить и задавить во имя семьи. Знаете, еще какое-то время назад, я бы с Вами согласилась во всем, даже в Вашей безжалостной самооценке. А теперь скажу Вам так: – это даже не столько вина Ваша, сколько беда. Вы просто устали ждать, пусть не Принца, а настоящего искреннего чувства. По большому счету, это преступление выходить замуж без любви, только потому, что все уже повыходили, а ты нет. Почему это произошло, вопрос сложный, во многом виновата Ваша семья, атмосфера в которой Вы росли, взаимоотношения родителей. Поэтому не надо во всем винить только себя. Вы умная, все это есть в книгах, которых сейчас полно и в том же интернете. А вот мы, мое поколение, жившее при «дорогом» Леониде Ильиче, вот мы жили

наощупь, мучаясь и спотыкаясь на каждом шагу. Ни книг по психологии отношений, не говоря уж о сексе, мы даже тело свое не знали. Как сказала одна тетенька по телевизору:

– В СССР секса нет. – Причем все в студии на том злополучном телемосте Познера были в этом абсолютно уверены и серьезны, зато в американской студии стоял гомерический хохот. Этот телемост уже вошел в историю. Так вот, в такой атмосфере мы и жили, спеленутые разными табу и догмами с ног до головы. Вы, ваше поколение, – другое, а ваши дети, поколение интернета, еще более отличается от нас с вами. Что это будет я, наверное, так и не узнаю, а вот Вам предстоит узнать, всем кто будет жить в 21 веке.

И еще самое, по-моему, главное: не надо считать своего мужа несчастным человеком. Это не так. Он встретил свою любовь, дождался ее, догадался, что Вы и есть его истинная любовь. Он сумел добиться Вас, уговорить выйти за себя, у вас сын, семья. По-моему, его не надо жалеть. Вам надо разобраться с собой и Дмитрием. Да, время лечит все, это правда, есть еще много мудрых изречений на эту тему. Все пройдет.., но вместе с жизнью. И потом, почему Вы себя в старухи записали? Вам всего тридцать девять лет и если бы Вы были на десять лет старше, я все равно сказала бы Вам :– Не поздно! Не поздно, чтобы изменить свою жизнь и сделать выбор в пользу любви. Просто надо разобраться в себе и суметь поговорить с мужем честно, я уверена, он поймет и Вы сумеете правильно выстроить с ним отношения

в этой непростой жизненной ситуации. Ваш муж взрослый, умный человек, так доверьтесь ему. И как быть с сыном в его непростом возрасте вы сможете только вдвоем разобраться. Это ваш общий ребенок, хотя еще совсем немного и у него начнется своя самостоятельная жизнь, все дальше и дальше от вашей. Это общие законы, так и должно быть. – Маргарита Евгеньевна замолчала. А у Лены почему-то возник вопрос, который все крутился в ее голове, и она спросила:

– Маргарита Евгеньевна, скажите мне, что такое был в моей жизни Алекс? Мне все хочется приписать его к моему грехопадению, как к абсолютному Злу... —

Маргарита Евгеньевна улыбнулась какой-то особенной улыбкой, затем произнесла:

– Леночка, позвольте мне Вас так называть... Я не священник, чтобы отпускать грехи, да и сама не святая. Мне кажется, что Алекс случился от Ваших долгих неоправданных надежд, от усталости ожидания, от семейного скучного быта и неудовлетворенности... Да! Он дал Вам яркость бытия, раскрыл в Вас чувственную женщину. Это, конечно, не любовь! Просто Вам ее очень хотелось. Вы рождены для любви высокой, самопожертвенной. Надо сказать, Алекс был вовсе не дурак и, конечно, не абсолютное Зло. Он обычный эгоист, он распознал в Вас это, – Вашу готовность любить его беззаветно и все отдавать ему. И он брал много лет, ничего не давая взамен. Сейчас не будем о Вашем муже, как ни прискорбно, полюбить специально кого-то невозможно, это

проверено жизнью. Семейная жизнь непроста, бывает, что любовь, страсть, все это в миг исчезнуть может и что останется? Если пустота, то это конец отношениям. У вашей семьи прочный фундамент, Вы своего мужа уважаете и цените. Вы прекрасно прожили бы с ним свою жизнь до конца, если б не встретили своего главного в жизни человека, – Дмитрия. Вот в чем дело. А решать только Вам и никто за Вас этого не сделает. – Маргарита Евгеньевна поднялась со скамейки, готовясь попрощаться. Лена подняла на нее благодарные, ожившие глаза и тихо сказала:

– Спасибо Вам, мне кажется, нет я уверена, я знаю, что мне делать. Я уезжаю домой, всего Вам хорошего, Маргарита Евгеньевна! – Лена поднялась со скамейки, они обнялись и направились каждая в свою сторону, здесь их пути разошлись.

Глава 52 Как ты похожа на своего отца

Придя к себе в номер, Лена стала собрать свои вещи. Она решила уехать незамедлительно и не важно, что прогноз погоды обещал тепло и солнце, и даже морские купания. Все это не возымело на Леночку воздействия, она торопилась, как будто боялась, что если останется здесь до конца срока путевки, то ее решение остынет и она опять погрузится в свои бесконечные размышления и терзания:

– Нет, не для этого я здесь, чтобы загорать и купаться, это

я всегда могу себе позволить. Я была здесь, чтобы встретить Маргариту Евгеньевну, которая помогла мне во всем разобраться. Теперь я должна ехать домой, поговорить с мужем и решить все с ним вопросы. — Она взяла свою сумку с вещами и спустившись вниз в фойе, сдала ключи портье, сказав, что уезжает раньше срока домой.

С билетами на самолет все сложилось удачно, Лена благополучно приземлилась в Москве, в аэропорту Домодедово, затем предстояло пересесть на поезд до Вологжанска. Уже из Москвы с билетами на поезд в кармане Лена дозвонилась до мужа и сообщила, что завтра днем она прибудет поездом. Она попросила Лешу не встречать ее, сказав, что прекрасно доберется на такси, а он пусть спокойно работает. Но когда ее поезд прибыл на перрон родного города, то выйдя из вагона, она сразу узнала знакомую высокую фигуру мужа. Улыбаясь, он шел к ней навстречу с цветами. У Леночки сжалось сердце, настолько нестерпимо ей стало больно за Лешу. Она взяла цветы, поблагодарила, а он поцеловал ее, забрал из ее рук сумку и они пошли к машине. В машине Лена сидела рядом с Лешей отрешенная и настолько погруженная в себя, что он, наблюдая за ней в зеркале, с горечью подумал:

— Она даже не спросила о сыне. —

А у них дома ее ждали мама Надежда Борисовна и Коля, только что вернувшийся из школы. Он радостно обнял мать:

— Мама, ты пораньше приехала! Здорово, я скучал без тебя. —

Надежда Борисовна сдержанно обняла дочь, почував сердцем матери, что что-то не так. Дочь вернулась на целую неделю раньше.

– Почему? Чем вызвано ее досрочное возвращение из теплых краев в их серую, промозглую осень? – Вот такие мысли волновали мать, но она предпочла не задавать подобные вопросы дочери, только что переступившей порог дома, а благоразумно позвала всех к столу обедать. Обед, приготовленный Надеждой Борисовной, напомнил Леночке те счастливые времена, когда был жив папа.

– И я должна разрушить все это? – спросила она сама у себя, глядя на счастливые лица мужа и сына. – Ведь разбитую чашку уже не склеить, а жизнь – это не чашка... —

После обеда Леша повез Надежду Борисовну домой, а Коля сел заниматься уроками. Когда муж вернулся, Лена сидела на стуле, а сумка с вещами стояла на полу так и не разобранная. Леша подошел к жене, обнял за плечи и заглянув в лицо, спросил:

– Что с тобой? Что-то произошло? Я же вижу, ты совсем не своя... —

Лена молчала с застывшим выражением лица. Все ее мускулы словно свинцом налились, она не могла даже с места сдвинуться. Леша слегка потряс ее за плечи:

– Лена, Леночка, ты где? —

– Я далеко Леша, очень далеко. – еле промолвила она. – Я всю жизнь далеко от тебя, неужели ты не замечал? – Лена

смотрела мужу прямо в глаза.

– Я прошу у тебя прощения, если только ты сможешь простить меня. Ты всю жизнь любил меня, берег, баловал. Я не достойна тебя, Леша, я дурная женщина. —

Леша молчал, не отрывая глаз от ее лица.

– Я гадкая, я испорченная, я как отравленное яблоко, только с виду красивая, а внутри меня столько дряни. Самое лучшее, если бы ты бросил меня. Сам и давно. —

Леша присел на корточки перед Леной, сидящей на стуле, положил свою голову к ней на колени:

– Ты самое лучшее, что есть у меня. Самая любимая, самая желанная, самая сладкая для меня. Я не верю ни одному твоему слову и не хочу ничего знать плохого о тебе, слушать такие страшные и несправедливые слова. Я счастлив с тобой. Люблю тебя с годами только больше. Я восхищаюсь тобой, твоим умом, выдержкой, цельностью, верностью всему, чем бы ты ни занималась. Все чего я достиг, все благодаря тебе, любовь моя. Если бы не ты, я может, до сих пор так и работал в ЖЭКе. Ты научила меня жить, хотеть, добиваться поставленных целей. Научила меня мечтать. —

Он крепко обнял и сжал в объятьях свою жену. Лена решительно высвободилась из его объятий:

– Та, о которой ты сейчас с таким жаром и любовью говорил, та Лена давно умерла, ее больше нет. Я другая и я не твоя... Я люблю, люблю всем сердцем другого человека. Я боролась с собой, мучилась. И вот, суди меня сам. Как ты ре-

шишь, так я и поступлю. Но я прошу отпустить меня, потому, что без него я не живая, я полутруп и такая я тебе не нужна. —

Леша встал и вышел из комнаты, оставив Леночку одну. Она слышала, как он захлопнул за собой входную дверь квартиры, затем встала и упала ничком на кресло.

Коля сделав уроки, заглянул в комнату и уже хотел тихо закрыть дверь, чтобы не беспокоить мать, но Лена подняла голову и сказала:

– Прости, сынок, очень голова болит, ты уж сам разогрей себе ужин. —

– А папа где? – спросил Коля.

– Папа пошел к Вите, твоему крестному, помочь ему с машиной. —

– А ... – протянул Коля, – ладно, мам, ты не волнуйся, я сам все сделаю. А хочешь, я тебе тоже подогрею ужин? —

– Нет, сынок, я не хочу, ты сам ешь. – ответила Лена. И ложись после ужина, как всегда в девять часов, папа может поздно придет, не дожидайся его. —

Лена свернулась калачиком и так и осталась лежать в кресле и не заметила, как заснула.

Она проснулась за полночь от того, что ее слегка коснулся рукой Алексей. Он тихо сказал:

– Иди в спальню, ложись на кровать, а я буду в кабинете, мне надо еще поработать. —

Лена так и не поднялась, и продолжала лежать в кресле с поджатыми под себя ногами.

– Ну, что ты хочешь, чтобы я тебя отнес? – сказал Алексей. Он сел в кресло рядом с Леной.

– Не судья я тебе и не мне тебе приговор выносить. Свободна ты, удерживать не стану, ты права. – Лена в темноте повернула к нему свое лицо. Леша продолжал:

– Я уйду, квартира твоя. На работе найду где ночевать, ну а там видно будет. —

– Не надо квартиры, я уеду. —

– Уедешь, куда? – спросил Леша.

– В Лондон. Меня не квартира, меня сын волнует... Коля. Как мы с тобой его делить будем? —

Леша сидел и молчал.

– Как хорошо, что в комнате темно, – подумала Леночка – при свете я бы не отважилась спросить. —

– Давай завтра поговорим, – ответил Леша, – а сейчас иди и ложись спать. – И он вышел из гостиной и пошел в свой кабинет. Лена встала с кресла и на затекших, негнущихся ногах пошла послушно в спальню, разделась и легла на их огромную супружескую кровать, заботливо разобранный Алексе-ем. Лишь его половина была не разобрана и застелена покрывалом. Лена сразу поняла:

– Все кончено, он не придет больше на это ложе. – Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Утром, едва открыв глаза, Лена посмотрела на часы, было девять утра, значит она одна дома. Леша на работе, сын в школе. Она встала, побрела на кухню, поставила чайник, потому что лень было варить кофе, а растворимый она не пьет. Затем приняла душ, она действовала как заводной, годами неменявшийся механизм, как робот. На часах было без пяти десять утра. Сама не зная как, она набрала номер телефона Дмитрия. Он взял трубку и она узнала его голос, который не слышала больше трех месяцев. С трудом поборов судорожный ком в горле, она произнесла:

– Это я, я приеду к тебе... – Минутная пауза, сменилась выдохом:

– Когда? —

Лена продолжила:

– У меня осталось несколько дней отпуска, я должна кое-что сделать и тогда я позвоню тебе... —

– Я буду ждать. – успел сказать Дмитрий. Лена положила трубку или просто нажала кнопку мобильного. Затем она села и начала думать, что ей нужно делать. Во-первых, она должна найти себе замену на должность директора музея-усадьбы. Лучшей кандидатуры чем Люба не найти, конечно, ей придется оставить работу учителя в деревенской школе и переехать жить в Вологжанск. Можно договориться и выделить ей в усадьбе небольшое помещение для проживания, есть уютный флигель с необходимыми удобствами, учитывая то, что в деревне, в смысле удобств, дела обстоят

еще хуже и Люба не неженка, вопрос с жильем вполне решаем. Правда, есть и другие вопросы, но быть сопричастной к делу всей жизни любимого человека, для Любы превыше всего и Лена знала об этом.

Она позвонила по телефону Любе домой и постаралась ей все объяснить, не посвящая ее в детали и подробности своего отъезда. Лена сказала главное, что ей срочно нужно уехать в Англию надолго, поэтому она просит Любу принять пост директора музея-усадьбы. А она, естественно, будет с ней постоянно на связи. Люба тактично не задавала Лене вопросов личного характера, но раз так надо, она приняла предложение Лены и дала согласие сменить ее на посту директора. У Лены от сердца отлегло, она, конечно, не сомневалась, что Люба не откажется, тем более, что она все годы помогала в работе музея.

– Хоть здесь все хорошо складывается. – успокоилась Леночка. – Дело папы в надежных руках. –

Следующим шагом был разговор с мамой. Лена решила не откладывать этот важный, хоть и очень неприятный разговор и поехать к маме прямо сейчас. Она набрала номер телефона мамы и когда услышала в трубке ее голос, постаралась как можно спокойнее сказать:

– Мама, я хочу подъехать сейчас, ты не занята? —

Надежда Борисовна ответила, что не занята и пусть Лена приезжает.

Разговор с мамой был тяжелым. Такое лицо у нее Ле-

на видела лишь однажды, когда мать сообщила ей об измене отца и наличии у него второй семьи. Надежда Борисовна слушала Леночку с каменным, непроницаемым выражением лица, эмоции полностью отсутствовали на нем. Лена понимала, что маме нужно время, ей трудно вот так сходу, как внезапный снег посреди лета, принять и понять свою дочь, но главное Лена до нее донесла, признавшись, что у нее есть любимый человек и она уходит от Алексея к нему, вернее уезжает в Лондон. Надежде Борисовне действительно требовалось время, чтобы осознать все произошедшее, о чем поведала ей дочь и может со временем понять и принять ее поступок.

Уходя, уже в дверях Лена повернулась и посмотрела на мать глазами полными слез. Надежда Борисовна тихо сказала:

– Как ты похожа на своего отца. – Затем отвернулась и ушла в комнату, а Лена вышла из квартиры, закрыв за собой входную дверь. Так они и расстались с матерью. Но на сердце у Лены не было тяжести, просто маме нужно время. Она вышла из подъезда дома в котором прожила много лет до своего замужества. Практически сколько себя помнила с самого детства. Вдруг ниоткуда запала дурацкая мысль:

– Интересно, та надпись на стене про Веру и Мишу сохранилась? – Почему-то эта глупая мысль настойчиво буравила ее мозг и заставила вернуться в подъезд, чтобы найти

и убедиться в ее наличии на стене, как будто от этого зависело что-то очень важное в жизни самой Леночки. Она стала подниматься на 3 этаж. В их старом подъезде года два назад был ремонт, но тогда ей в голову не приходило подобное. Стены покрашены все той же синей краской, как и со дня заселения жильцами, эту краску никто не отменял и так будет всегда, Лена уверена в этом. В России меняют Конституцию, неудобные законы, а вот синюю краску в их подъезде никогда. Вот она стабильность. С трудом, но Лена все же отыскала надпись, глубоко прочерченную чем-то острым, но видимо, побелка была жидковата и хорошо разбавлена водой, сквозь нее можно было увидеть следы той самой жизненно-утверждающей надписи, что «Вера + Миша = Любовь». И пусть Верка уже давно развелась с Мишкой и у нее другой муж, зарубка от той любви осталась, как подтверждение того, что все это было когда-то.

Лена вновь спустилась и вышла из своего старого, родного, но уже успевшего позабыться и стать немного чужим дома. Здесь ее раннее детство и юность остались навсегда, она скоро уедет, а это все останется, но уже без нее. Как в «Тане» Арбузова. Мама всегда плакала, когда слушала эту выворачивающую душу пьесу. А из нее трудно выбить хотя бы слезинку.

Когда Лена вернулась домой и вошла в квартиру, Коля уже разогрел обед и пообедал. Увидев мать, обрадованно сказал:

– Мам, еще не остыло! – А у Лены отозвалось:

– Не остыло сынок, не остыло... – Она не хотела есть, но позволила сыну поухаживать за собой. Все стало приобретать другие смыслы... она уедет и потом будет вспоминать, как сын кормил ее, делал простые вещи, на которые она не обратила бы раньше внимания, но приобретенные для нее важное значение именно сейчас, накануне ее отъезда. Лена взяла ложку и начала быстро есть суп, подавляя в себе желание разрыдаться:

– С Любой, с мамой, даже с Лешей было объясниться легче в сто раз, но что мне сказать сыну? Что его мать влюбилась и бросает их, чтобы уехать в какой-то Лондон, к чужому незнакомому человеку? Мне тридцать девять лет, он меня, наверное, старой уже считает и вдруг мама влюбилась... Ничего я ему не могу сказать, ему всего лишь пятнадцать и что он может понять обо мне, о моем чувстве... Может потом, когда подрастет он и поймет, и простит меня... Я не могу разделить его с Лешей пополам, как люди делят нажитое имущество. А ведь я не могу без него, моего единственного сына, мне будет плохо и без Дмитрия, и без Коли. Что делать мне? Ответа нет! Эта мысль страшит и повергает меня в ужас, но обратной дороги нет, все мосты сожжены. —

Вечером, позднее обычного, пришел с работы Алексей. Вид у него был какой-то чужой, почерневший.

– Он не спал всю ночь, после такой новости не уснешь... Да, заварила ты кашу, Лена Крылевская... – Они с Лешей

старались при Коле делать вид, что ничего не произошло, но ребенка, как и мать, обмануть трудно. Дети сразу улавливают фальшь, поэтому Лена взяла книжку и пошла с ней в спальню, оставив наедине отца с сыном.

После того, как Коля уснул, Алексей постучал и приоткрыл дверь спальни. Лена лежала с книгой на своей половине их, когда-то общей супружеской постели. Лешина половина была по-прежнему застелена покрывалом.

– Зайди ко мне в кабинет, обсудим сложившееся положение. – с этими словами он закрыл дверь.

Лена встала, надела на себя шелковый халат, поправила волосы и направилась в кабинет Алексея.

Алексей сидел за письменным столом, на котором лежало много бумаг и чертежей. Не поднимая головы от бумаг и что-то записывая у себя в блокноте, жестом указал Леночке, чтобы она села в кресло напротив. Лена не могла не заметить перемены, произошедшие в Алексее:

– Как он изменился, буквально на глазах за несколько дней. Стал сдержан и деловит, я больше не чувствую над ним своей власти. Что ж, Леше в ноябре сорок два года, он заведует кафедрой, доктор наук, профессор, изобретатель и главный кормилец нашей семьи. —

Лена села в кресло, молча наблюдая за Алексеем. Он закончил писать в свой блокнот, встал из-за стола, подошел к окну и глядя в него произнес:

– В сложившейся ситуации есть, на мой взгляд, самое

главное, – это что нам делать с Колей... – Повисла пауза, Лена попыталась что-то сказать, но Алексей жестом остановил ее. Я много думал все это время и пришел к выводу, что для Коли будет лучше закончить школу в Вологжанске. Получить аттестат зрелости здесь, в России. А дальше видно будет. Я поговорю с ним сам, после твоего отъезда. Парень он умный, да и не маленький, шестнадцатый год, давай дадим ему возможность самому определиться и сделать выбор, где он хочет учиться и с кем соответственно ему жить. И еще, чтобы ты знала, я никогда не буду препятствовать вашему общению с Колей. У меня, собственно, все. И он отвернулся к окну, так ни разу не посмотрев на Лену. А она покорно встала и пошла к выходу из кабинета. Аудиенция была окончена.

На следующее утро, оставшись дома одна, Лена набрала номер телефона Дмитрия. Он сразу взял трубку.

– Это я. – услышал он голос Лены. – Я поговорила с мужем, уволилась с работы. Я приеду к тебе. —

У Дмитрия даже дыхание перехватило... Все организационные вопросы он взял на себя. Буквально через несколько дней на руках у Лены был полный пакет документов и билет в Лондон. На сборы у нее оставался всего лишь один день. Когда вечером пришел с работы Алексей, Лена сообщила ему, что завтра она уезжает. Он выслушал ее молча, затем ушел к себе в кабинет и вскоре вернулся с конвертом в руках, который протянул Лене, так и не сказав ни слова.

– Что это? – спросила Лена.

– Деньги, валюта. – ответил Алексей. Лена растеряно, но благодарно взяла конверт и тихо почти прошептала:

– Спасибо, Леша. —

Они, прожившие вместе шестнадцать лет, стояли молча напротив друг друга, не в силах что-либо произнести. Первым прервал молчание Алексей:

– Я отвезу тебя на вокзал, во сколько поезд? —

Лена вышла из оцепенения и замотала головой:

– Нет, нет, прошу тебя не надо меня провожать. И вот еще... я очень тебя прошу, потом, когда я уеду отдай эти письма Коле и маме, когда все немного поутихнет. Она протянула Алексею два конверта с письмами. Лена подняла на Лешу глаза и их взгляды встретились впервые с тех пор, как они объяснились. В глазах Алексея она увидела спокойную решимость и даже твердость, которую никогда не замечала раньше. Ей вдруг так захотелось обнять его на прощание, но она испугалась, что разрыдается и выдаст себя перед Колей, а еще она не знала какова будет ответная реакция Алексея, поэтому подавила свой внезапный порыв.

Провожать Лену на поезд до Москвы приехала Нина. Она не захотела продлевать свой контракт на работу в Германии и вернулась в институт, в котором работала еще до БРИПа. Зав. кафедрой, доктор наук, профессор, Нина была настоящим ученым, это признавали все. С Алексеем они иногда пересекались в институте, но работали на разных кафедрах.

Лена предложила Нине посидеть в привокзальном ресторанчике перед своим долгим путем. Нина, ее верная подруга, она, конечно, все уже знала. Лена рассказала ей все: и про свой отъезд, и про Дмитрия, и про их разговор с Алексеем.

Было утро и ресторанчик был пуст, тихо играла музыка. Лена заказала для себя с подругой кофе и пирожные. Нина сидела над чашкой кофе, погруженная в размышления. Лена взяла ее за руку и волнуясь, стараясь подавить в себе близкие слезы, произнесла:

– Нина, я очень благодарна тебе за все. Я не буду много говорить о том, что ты сделала для меня, для нашей семьи. Прошу тебя, ты крестная мать моему сыну, он любит, уважает и прислушивается к тебе. Ты для него авторитет. Не бросай их... – глаза Лены наполнились готовыми вот-вот брызнуть слезами:

– Я знаю, что ты любишь Лешу, давно знаю. Я очень хочу вам счастья. —

Нина взглянула на Лену и произнесла с легкой усмешкой:

Леша любит Лену,

Лена любит Диму,

Нина любит Лешу.

– Нет, Лена, нет мне места в этой геометрической фигуре, лишняя я. Алексей всю жизнь любит тебя и только тебя. Однолюб он, знаю, сама такая. – После паузы Нина произнесла:

– Не волнуйся, все со временем наладится. Коля уже почти взрослый, я уверена Леша справится. Они настоящие

друзья. Так, что можешь быть спокойна за них. —

Объявили посадку на поезд до Москвы. Нина проводила Лену до ее вагона. Они обнялись, расцеловались, затем Лена вошла в вагон, махнув Нине рукой на прощание. И только когда поезд тронулся, только тогда Лена реально ощутила, что здесь в ее родном Вологжанске, она оставляет свою прежнюю жизнь и едет в новую, неведанную...

Глава 53 У счастья нет конца

И вот Лондон, Хитроу. Еще издали она видит улыбающегося Дмитрия, он спешит к ней навстречу с букетом цветов. Они обнялись, поцеловались. Все происходящее вокруг Леночки кажется нереальным, как будто и не с ней, как будто она смотрит на себя со стороны... Лондон, его улицы, обрывки фраз на английском. Новые лица, красивые, но чужеродные пейзажи за окном автомобиля. Все новое, незнакомое, но рядом он.., он держит ее за руку, крепко держит и от этого у нее спокойно на душе. Его глаза смотрят в самую ее душу и ничего нельзя с этим поделать...

И вот колеса автомобиля прошелестели по гравиевой дорожке, машина остановилась. Дом Дмитрия, теперь она будет здесь жить. Она никогда не жила в таком большом особняке. Шофер открыл перед ними дверцы автомобиля, они вышли и направились к дому, держась за руки.

В большом зале был накрыт стол на двоих, кругом цве-

ты из их сада. После разлуки они впервые так рядом вдвоем, что волна смущения накрывает обоих. О, эта английская сдержанность, надо привыкать и к ней...

– Как я счастлив, что ты здесь со мной. Впервые за много лет счастлив. – Дмитрий обнял ее, смущенную и покрасневшую, словно девушка. Зажгли свечи на столе, тихо играла музыка. Они отослали официанта после легкого ужина, не хотелось присутствия третьих лиц. Дмитрий повел Леночку показывать их дом, в котором они будут жить вместе. Он был построен в викторианском стиле, в три этажа; два наземных, а нижний этаж был подземным, так было задумано архитекторами в практичную эпоху королевы Виктории. Здание было построено на грани 19 и 20 веков, со всеми современными коммуникациями. В доме на верхнем этаже предполагалось проживание хозяев. Кабинет Дмитрия, две спальни, три ваннные комнаты, туалеты-санузлы, несколько комнат назначение которых для Леночки было неизвестно, но она догадалась, что одна из них для дочери Дмитрия – Анны, которая приезжает домой на каникулы. Хороший, добротный дом. Они спустились на нижний этаж, на котором была большая столовая, где и был накрыт стол. Там же располагалась библиотека, галерея личной коллекции, где было много картин и предметов антиквариата. Вокруг дома был сад с английским газоном, подстриженным «паркетом» или «елочкой», много зелени и цветов вокруг.

– Завтра я познакомлю тебя с экономкой миссис Миллер,

под ее руководством в доме работают повар и его помощник, он же официант и еще постоянная горничная, следящая за чистотой и порядком, а также приходящая ей в помощь из деревни неподалеку от Лондона, итого их семеро с шофером и садовником. У Лены непроизвольно мелькнуло в мозгу:

– И всем надо платить зарплаты, – она, привыкшая все делать сама... хотя если честно, мама и Алексей создавали для Леночки тепличный режим, улыбнувшись она вспомнила про маникюр.

– Да, теперь при такой жизни он просто необходим, ведь она готовится стать графиней... только сейчас Лена начала понимать насколько серьезно будет отличаться ее новая жизнь от прошлой.

Его поцелуи, мягкое касание кончиками пальцев всего ее тела, по ощущениям было подобно тонким струйкам золотистого песка, сыплющимися сквозь его пальцы, на легкое порхание крыльев бабочек, слегка задевавших ее нежную кожу. Его руки скользили по ней, как по шелку, обхватывали талию, грудь, поднимаясь выше по шее от висков к волосам, к самым их корням, слегка массируя их. Все в ней замерло в ожидании чуда, которое ей мог дать только он. Это чудо в его руках, глазах, губах. Все ее тело трепетало и ликовало под воздействием его ласк.

Она, привыкшая в любви больше отдавать, чем прини-

мать, хотела было перехватить у него инициативу и из ведомой стать ведущей, но он только успел ей прошептать:

– Потом, сейчас ты – моя... – и она сдалась ему, его ласковым рукам, его нежности и нарастающей страсти, которая уже поднимала в ней свои волны. Она, достаточно опытная, знала, что скоро наступит настоящее цунами и их обоих накроет с головой, возврата назад уже не будет, да и не нужно... Надо только повиноваться ему и отвечать, нет ни словами, ни звуками, а всем состоянием души, переполненной любовью к нему.

Все... она уже просит, почти умоляет пощадить ее и войти в ее мир, который она готова отдать ему целиком, без остатка. Ему и только ему! В ней все напряжено и жаждет его.

И он вошел нежно и ласково в ее горячее лоно, истекающее соком томительного ожидания... Он входил медленно, словно ощупывая каждый сантиметр, каждую складочку ее плоти, как исследователь ее личной планеты, которую ему предстоит открыть. Он ласково скользил и вдруг замер в конце пути, упершись в нее. Время остановилось. Так они и пробыли вдвоем, тесно образуя единую сущность.

Временами ей казалось, что она на секунды теряла сознание, но он возвращал ее и среди шквала эмоций, подобно урагану, обрушившегося на нее, она увидела над собой его глаза, которые вернули ее в реальность и она взмолилась:

– Еще, еще!!! —

Они, оба уставшие и расслабленные, лежали обняв друг друга, Лена захотела пить, он каким-то чутьем догадался, налил им в фужеры золотистого шампанского и подал ей фужер, с бегущими вверх пузырьками. Они выпили. Шампанское вернуло силы, но им не хотелось опускаться на землю, пребывание на облаках продолжалось...

Лена смотрела на Дмитрия и думала:

– Вот она – моя воплощенная детская мечта, мой Принц из сказки, граф и графиня... —

Лена даже тихонько засмеялась.

Дмитрий с улыбкой удивленно спросил:

– Что, дорогая? Я сделал тебе смешно? —

От чего она рассмеялась еще сильнее:

– Ты так смешно сказал... —

– О, без тебя я начал путаться в русских словах! Ты сможешь мне? – Он обнял и поцеловал Леночку.

– Конечно, – отозвалась она, – а ты мне в английском, а то я половину фраз не понимаю. Сегодня я это сполна ощутила... —

– Половину – это не страшно, скоро все будешь понимать. Тебе для начала нужно смотреть телевизор, фильмы. – И Дмитрий, подал ей пульт от телевизора. Каналов великое множество, и вот переключая с канала на канал, Лена остановилась, увидев на экране знакомое лицо. Она пристально вглядывалась, на мгновение забыв обо всем... Это был Павел, Павел Синегоров, ее бывший ученик. Он давал интер-

вью журналистам, что-то типа брифинга. Говорил бегло по-английски, Лена вся напряглась, вслушиваясь в каждое слово. Она даже встала, чтобы подойти близко к телевизору, висящему на стене.

Говорили о политике, о гражданском обществе новой России, о партии во главе которой встал сам Павел Синегоров – представитель нового поколения российских политиков; современных, умных, образованных. Павел говорил уверенно, как и тогда еще в школе. Только это уже не подросток, а взрослый, прошедший жизненную проверку человек. Дмитрий заметил с каким вниманием Лена смотрит на экран и наблюдал за ней.

И вот один из журналистов спросил у Павла:

– Кто сыграл в Вашей жизни решающую роль? —

Павел, глядя в объектив камеры и прямо в глаза Леночки, сказал:

– Елена Николаевна Крылевская – мой учитель. —

Дмитрий стоял рядом, обняв Леночку за плечи и вопросительно взглянув на нее, спросил:

– Это ты? —

– Да, – ответила Леночка, – Это мой ученик, Павел Синегоров. —

Они оба немного помолчали, затем Дмитрий произнес:

– Ну, тогда я спокоен за Россию, если твои ученики придут к власти и управлению страной. – Он поцеловал и обнял Лену. Ее лицо светилось счастьем.

КОЕЦ